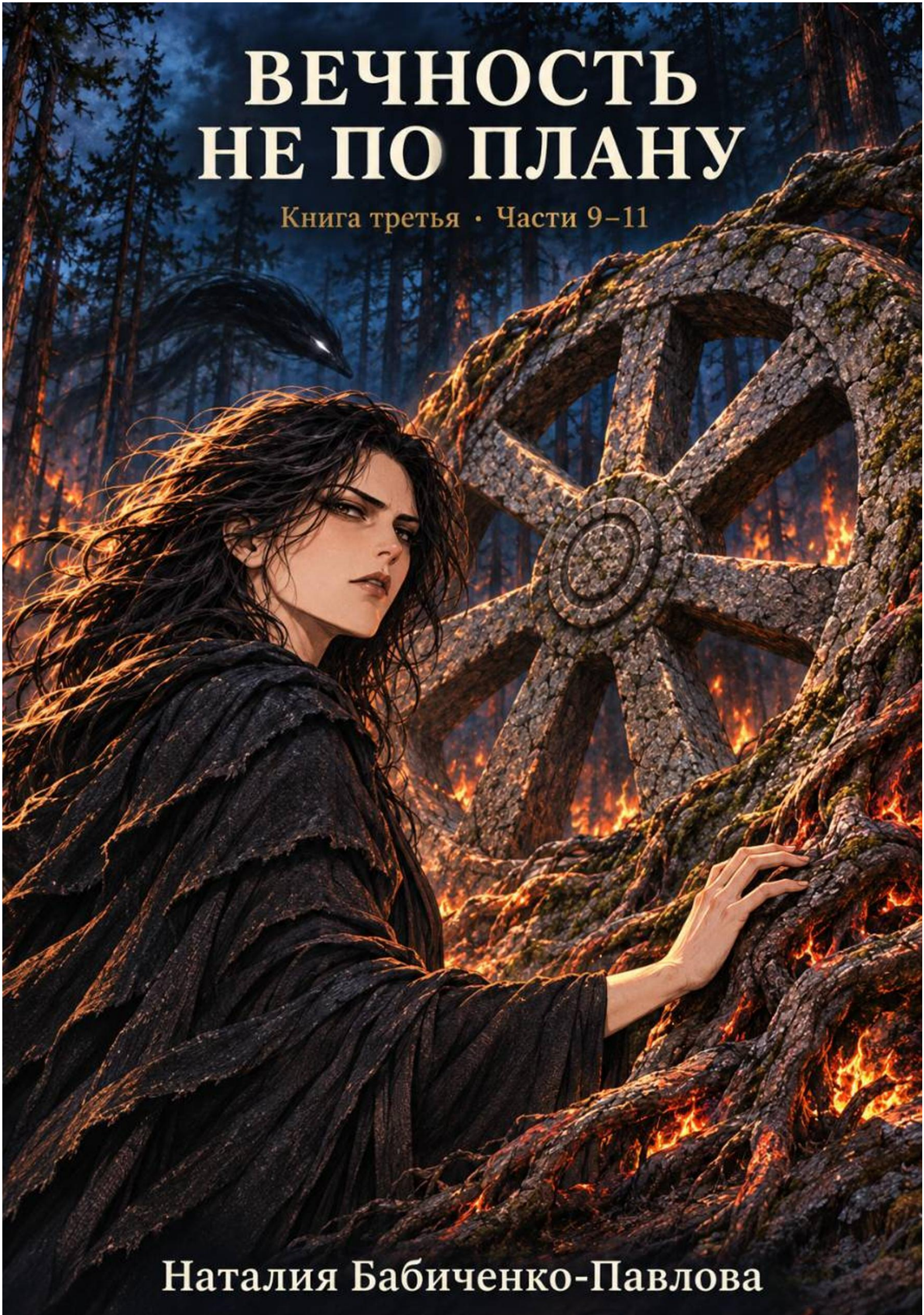

ВЕЧНОСТЬ
НЕ ПО ПЛАНУ
Книга третья • Части 9–11
Наталия Бабиченко-Павлова

Наталия Бабиченко

Вечность не по плану книга 3

«Автор»
2026

Бабиченко Н. В.

Вечность не по плану книга 3 / Н. В. Бабиченко — «Автор», 2026

Сирра сжигает лес, чтобы добраться до каменного колеса, оплетённого корнями. Один оборот — и сыновья Тьмы вернутся во вчерашнюю битву, зная, откуда ждать каждого удара. Колесо едва сдвинулось, а русский гусар уже стоит у французской часовни над телами убитых мушкетёров. Чтобы спасти кортеж, ему придётся снять с мертвеца плащ и возглавить чужой отряд.

Чёрный Змей отнял Сирру у матери и сам вырастил её в логове. Теперь он велит дочери проникнуть в сны Фимма и добиться, чтобы тот пришёл за ней. Фимм слышит любую ложь. На берегу моря, которого нет наяву, Сирра улыбается ему искренне. Он мог бы проснуться, но остаётся. И впервые Сирре страшно, что у неё всё получится. А в доме Эйи Сейкса ещё чувствует на руках тепло сына, хотя маленький Эйран уже исчез. Родной дед спрятал дитя Света и Тьмы там, где мир только рождается. Даже Логос знает лишь одно — мальчик жив. В цикле «Вечность не по плану» 11 самостоятельных историй. В третью книгу вошли заключительные части 9–11.

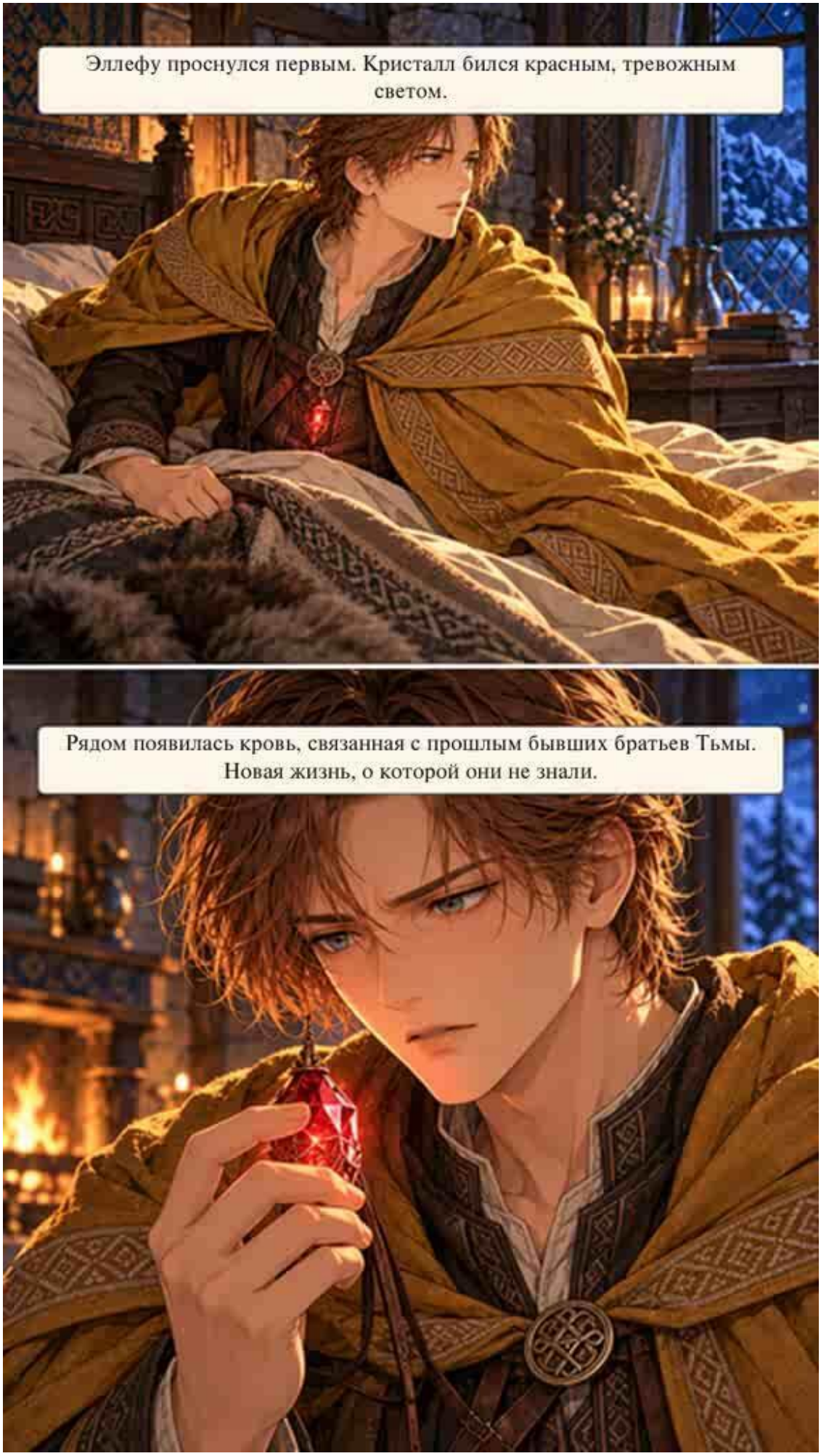
© Бабиченко Н. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть IX. Колесо возврата 5
Глава 173. Смех Сирры 100
Глава 174. Флаг чужой войны 145
Глава 175. Кровь матери и Колесо 170
Глава 176. Зеркальные капитаны 211
Глава 179. Третий поворот Колеса 328
Глава 180. Имена по обе стороны Европы 381
Часть X. Право стать другой 408
Глава 181. Девушка из сна 408
Глава 184. Логово без детства 605
Глава 185. Если моя возлюбленная — чудовище 662
Глава 186. Последний выбор 727
Часть XI. Свет приходит первым 810
Глава 199. Последний зов Логоса 1005
Глава 200. Днепр, который держал небо 1026
Глава 201. Люди входят в воду 1041
Глава 202. Небо, которого не бывает 1060
Глава 203. Змей опоздал 1079
Глава 204. Клятва первого света 1100
Часть IX. Начало в текстовой версии 1215
Конец ознакомительного фрагмента. 1216

Наталия Бабиченко
Вечность не по плану книга 3

Часть IX. Колесо возврата

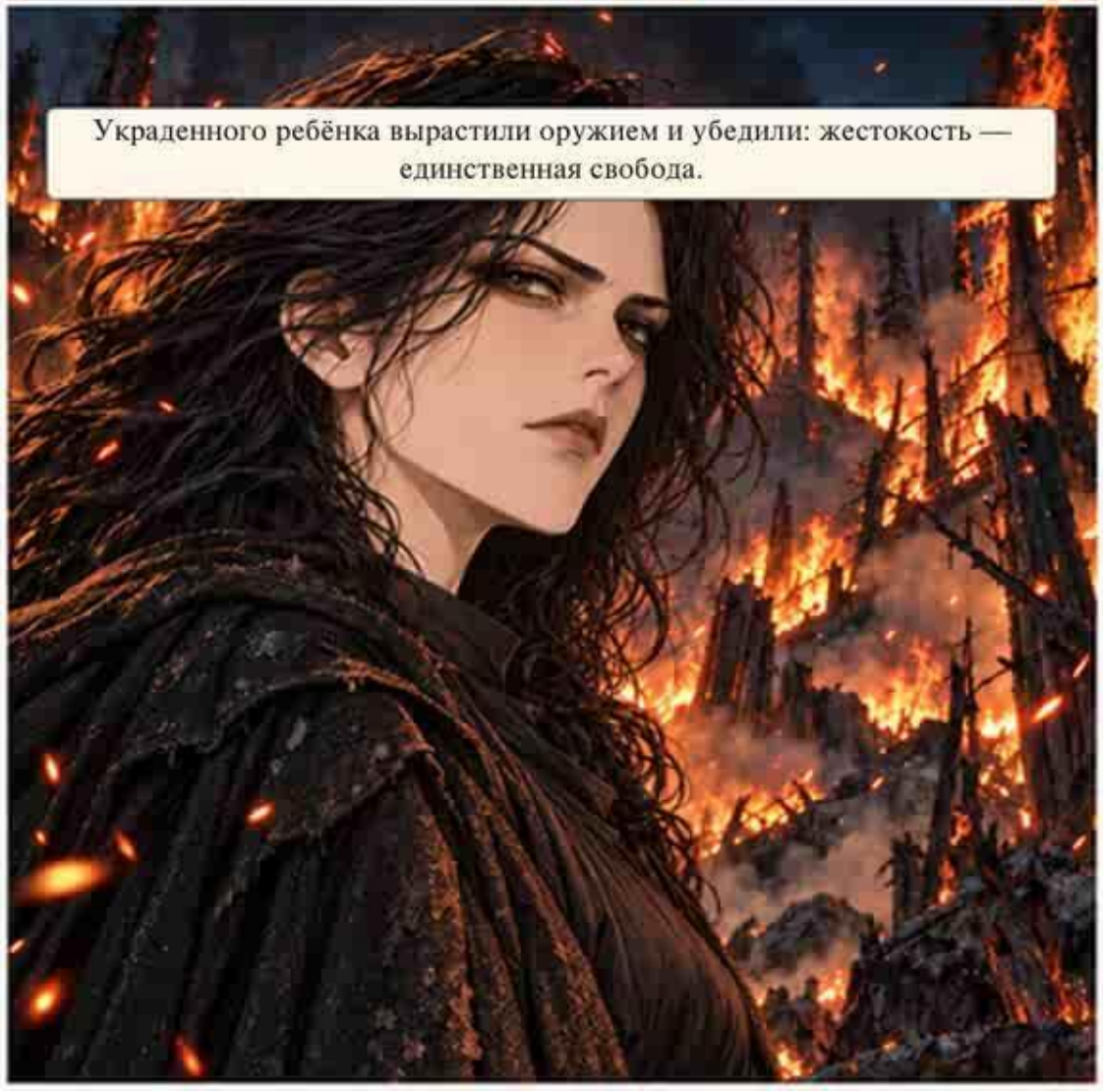

Эллефу проснулся первым. Кристалл бился красным, тревожным светом.
Рядом появилась кровь, связанная с прошлым бывших братьев Тьмы. Новая жизнь, о которой они не знали.

Тольва...
Лес зовёт.
Нет. Лес умирает.

С близнецами пошли четверо бывших братьев Тьмы: Саэр, Лорн, Нерис и Бреон.
Они не спрашивали, почему зовут именно их.
Рядом была кровь их прошлого.

Звери метались между деревьями. Огонь окружал лес кольцом.
В самом центре пожара стояла девушка.

От её красоты становилось холодно.

Украденного ребёнка вырастили оружием и убедили: жестокость — единственная свобода.

Семь спиц. Каменный круг, веками удерживаемый живыми корнями.

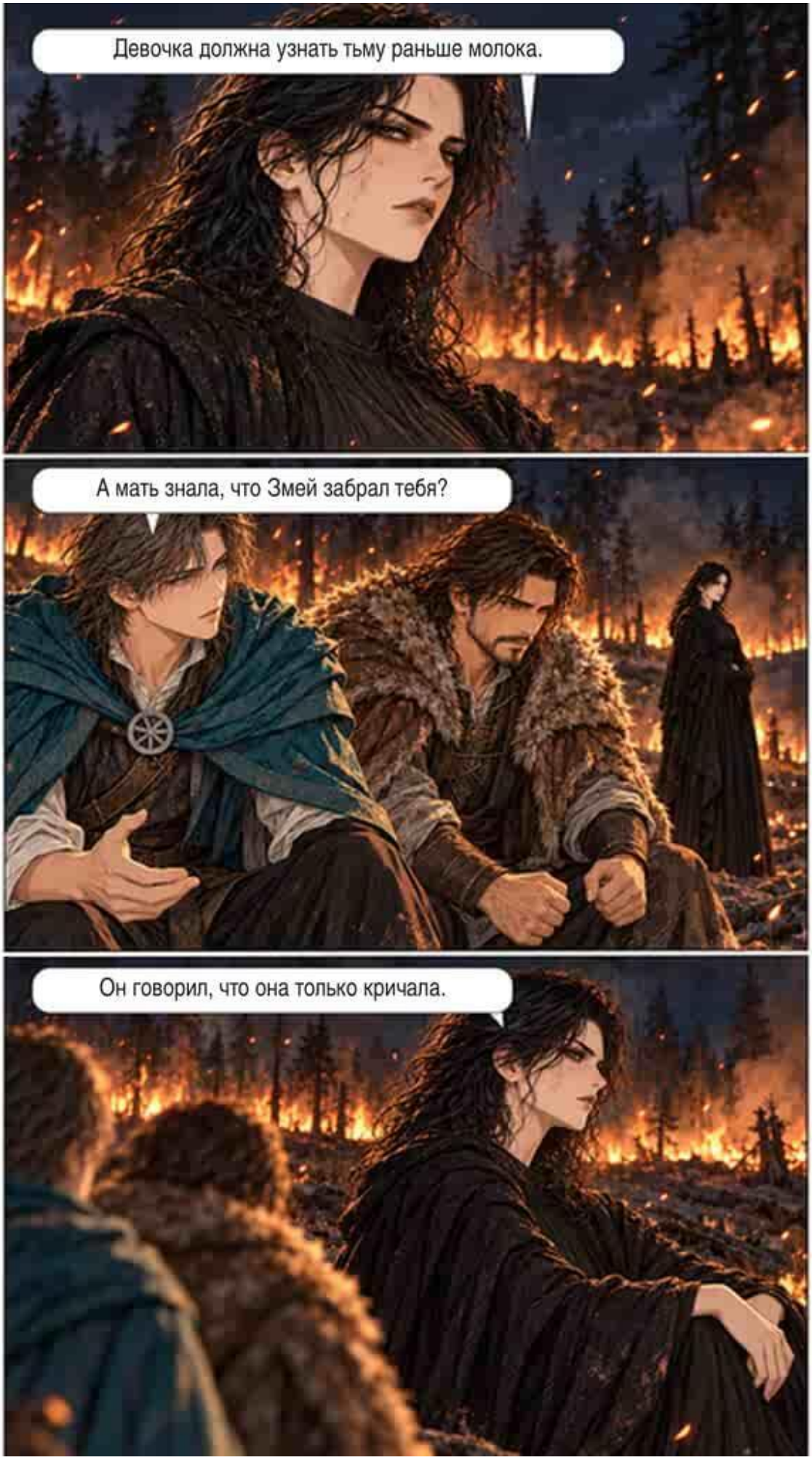

Теперь корни горели. Смех Сирры был страшнее пламени.

Сирра…
Ты знаешь её?
Нет. Но кровь знает.

Братья.
У нас не было сестры.
Вам не сказали.

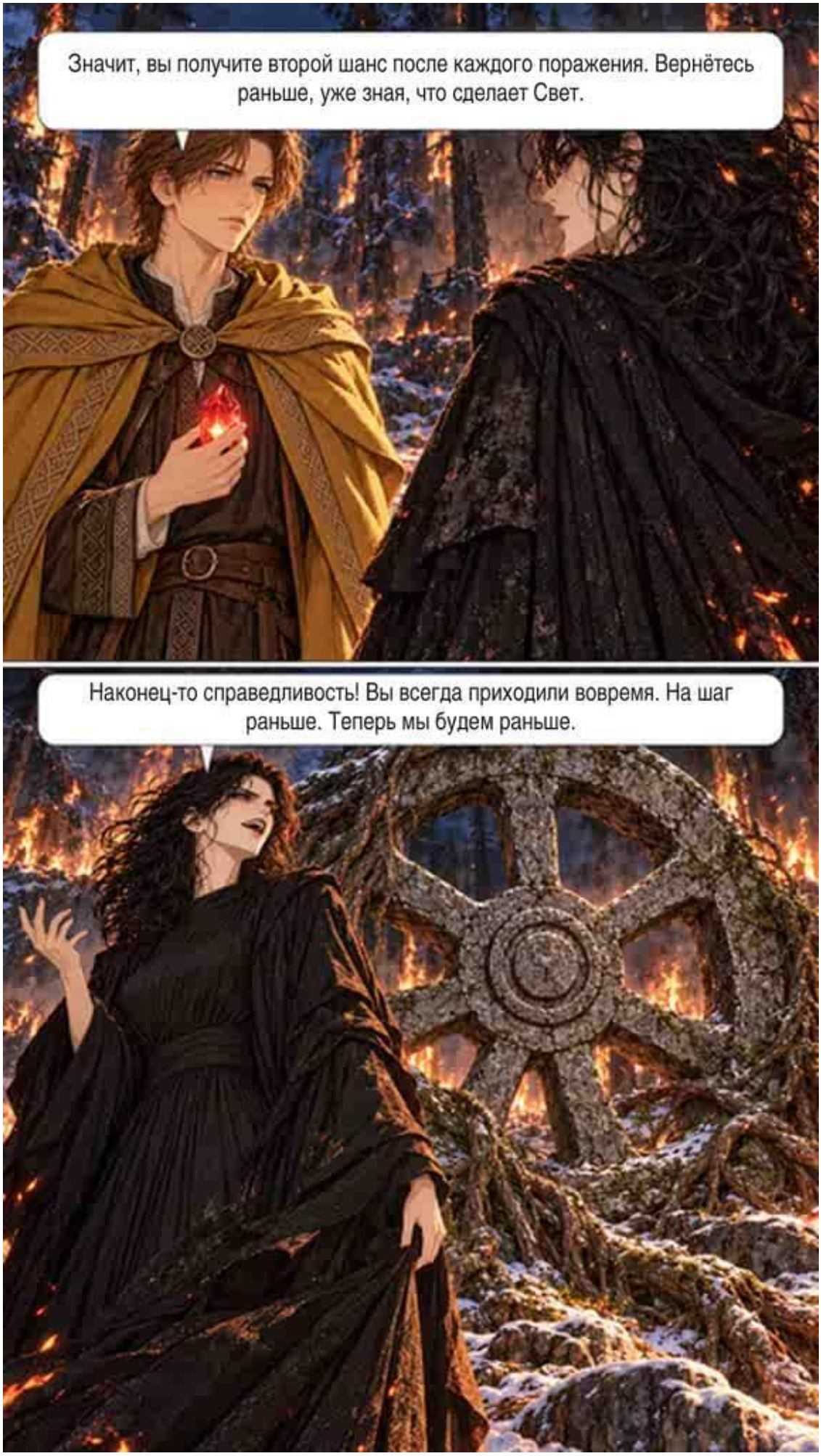

Мора родила меня тайно и бросила, как ненужную вещь. Так мне сказал Змей.

Он забрал меня до рассвета. Сыновей, говорил он, можно бросить в мир — пусть учатся ненавидеть. А дочь нужно растить в логове.

Девочка должна узнать тьму раньше молока.
А мать знала, что Змей забрал тебя?
Он говорил, что она только кричала.

Что это за колесо?
Фора для Тьмы.
Внутри гудело время. Не текло — гудело, как натянутая цепь.

Это Колесо Возврата.
Умная.
Полный поворот отбросит связанных с Тьмой к уже прожитой точке — с памятью о случившемся. Для остальных время продолжит идти вперёд.

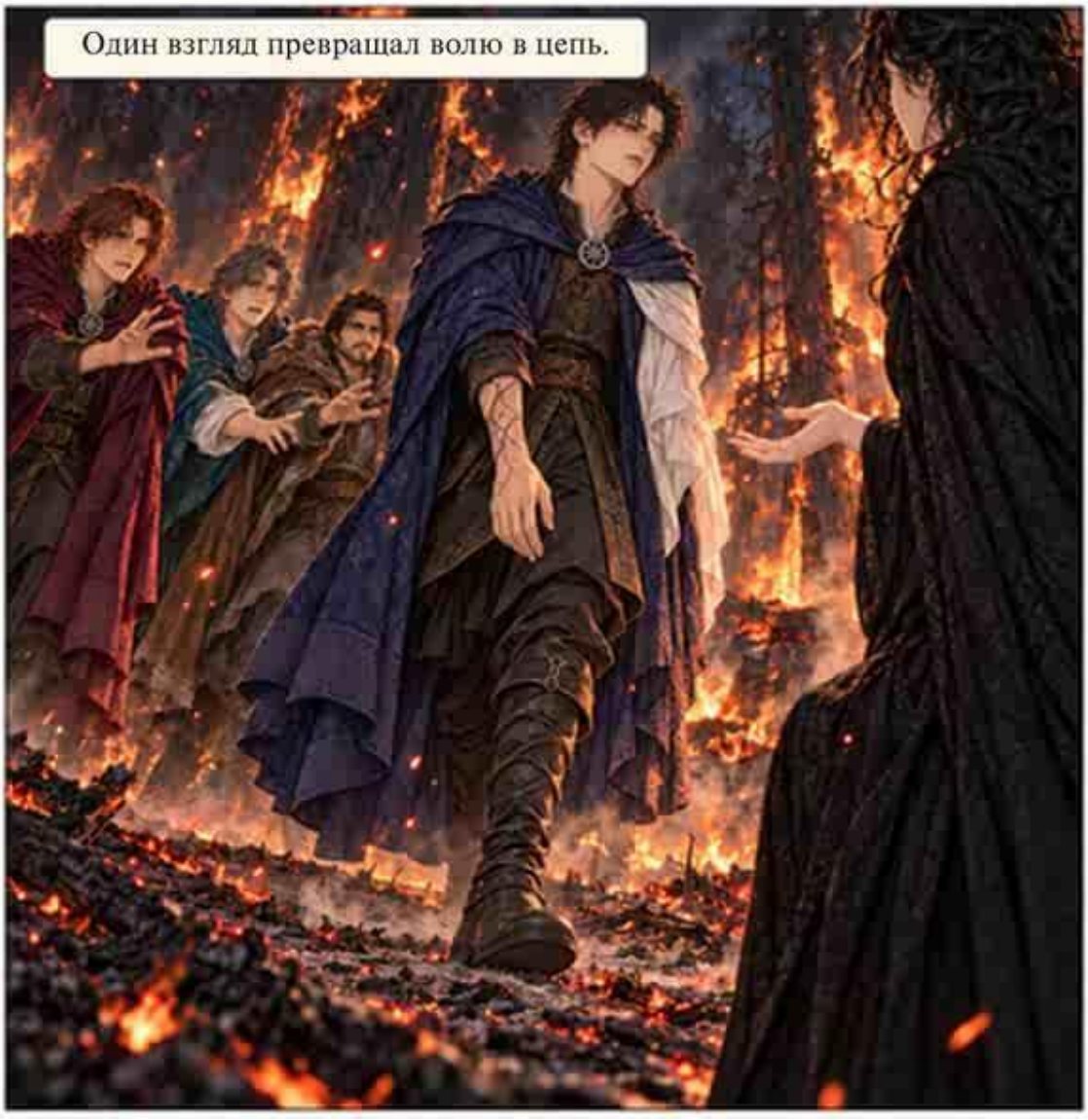

Значит, вы получите второй шанс после каждого поражения. Вернётесь раньше, уже зная, что сделает Свет.
Наконец-то справедливость! Вы всегда приходили вовремя. На шаг раньше. Теперь мы будем раньше.

Корни держали колесо.
Поэтому я их сожгла.
Лес был живым.
Всё живое горит, это весело.

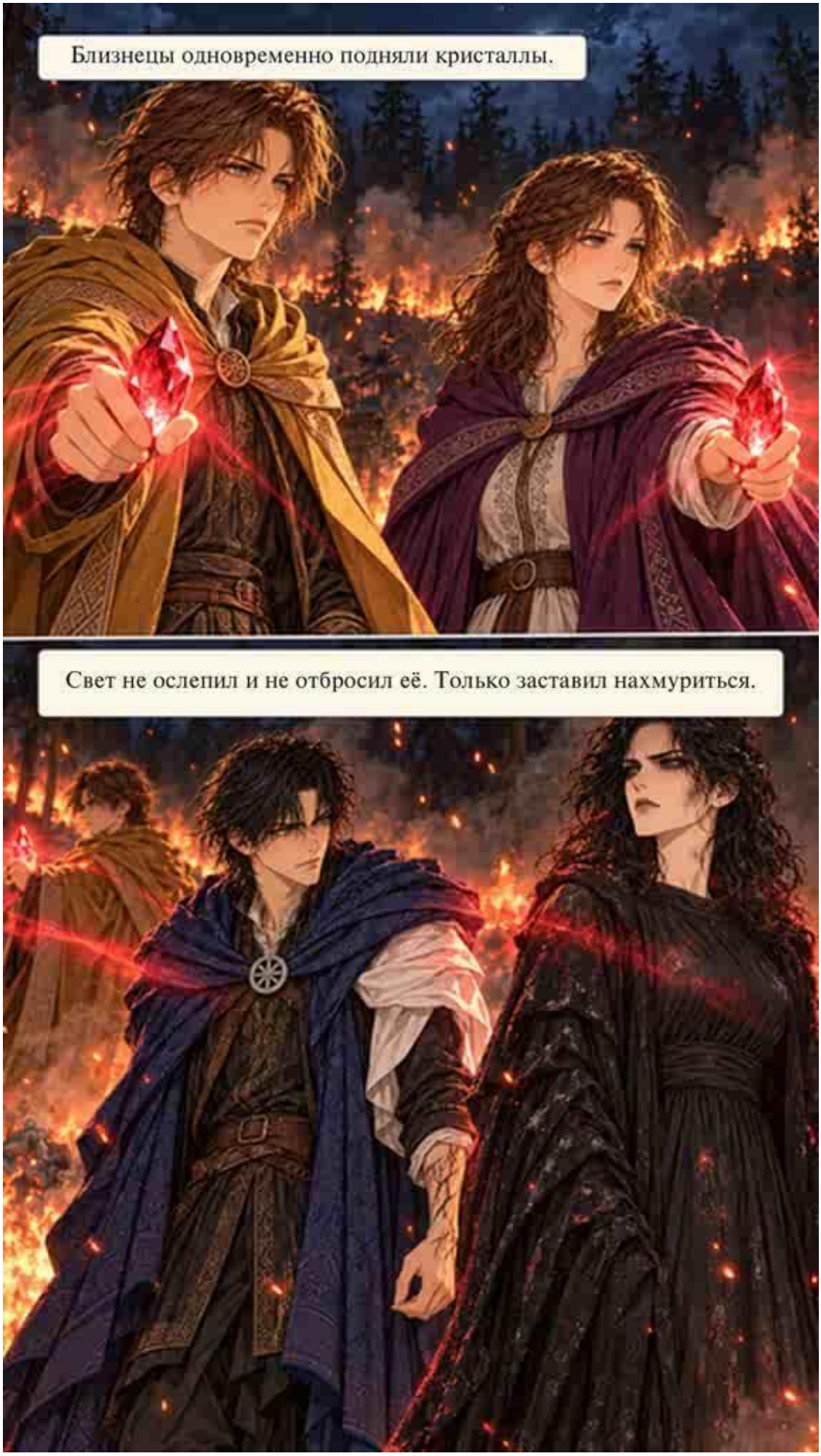

Ты не знаешь, что говоришь.

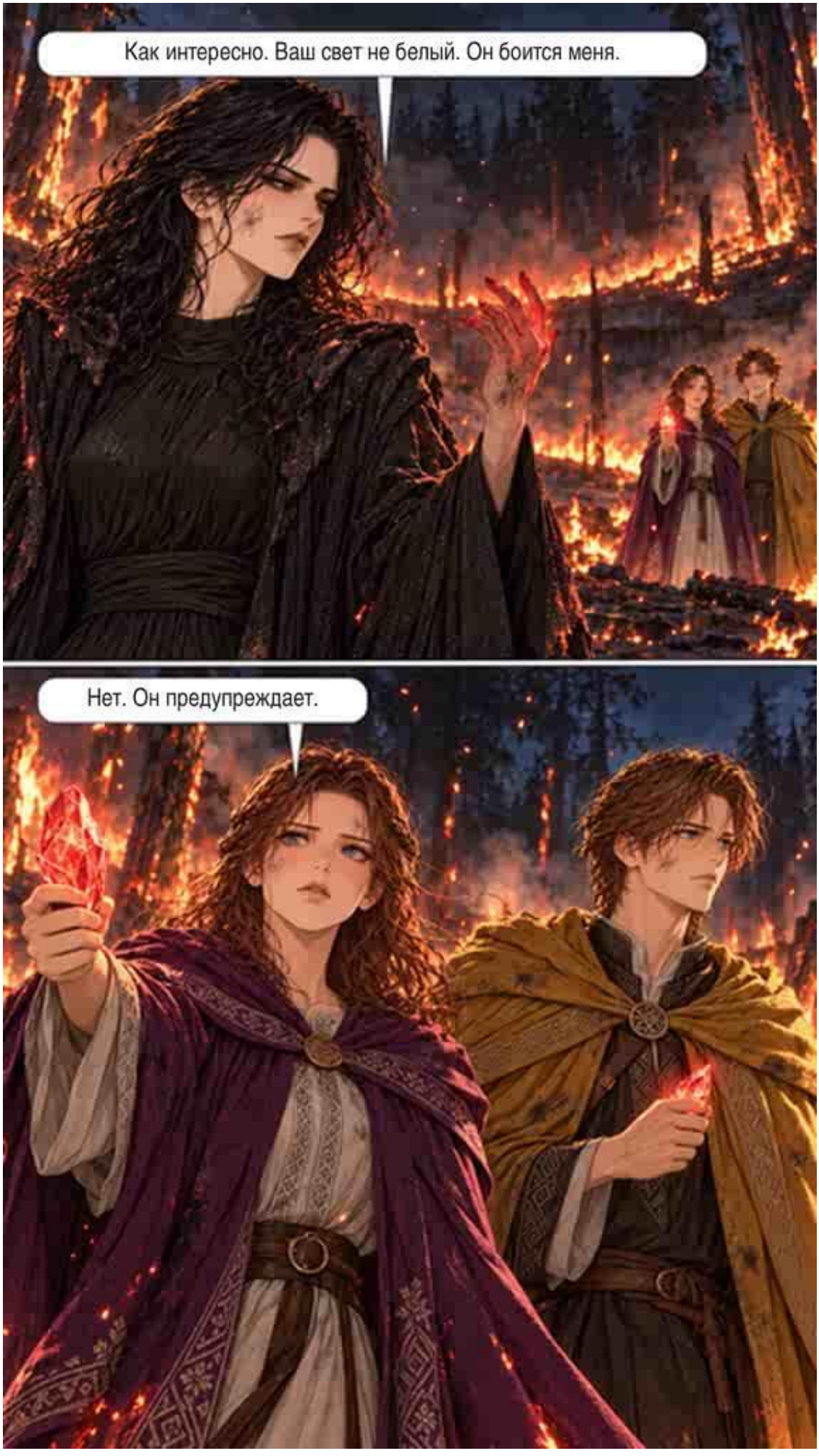

Её взгляд лишал воли.

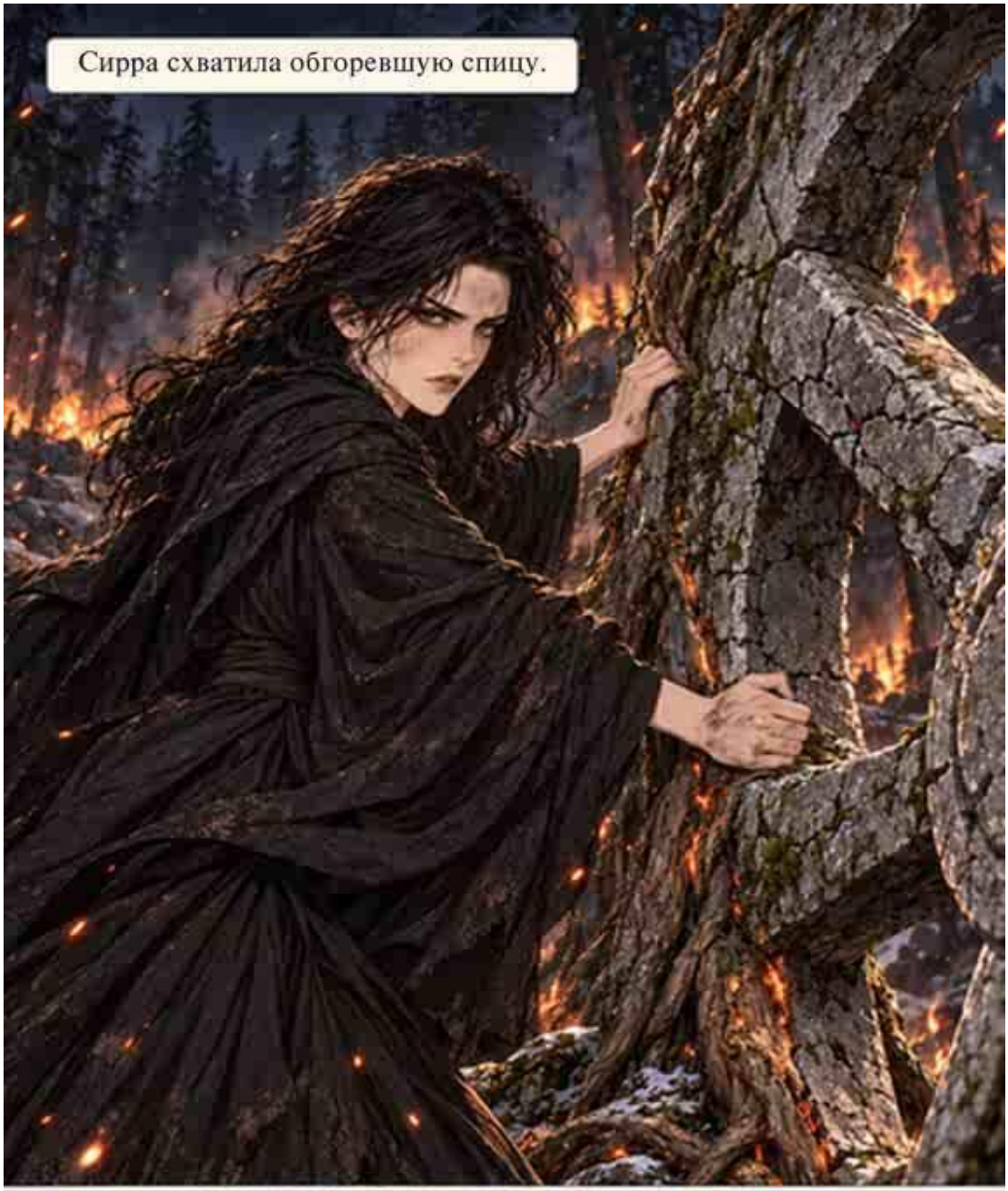

Он забывал имя, долг, любовь и боль.

Один взгляд превращал волю в цепь.

Саэр!
Хороший брат. Подойди.

Близнецы одновременно подняли кристаллы.
Свет не ослепил и не отбросил её. Только заставил нахмуриться.

Как интересно. Ваш свет не белый. Он боится меня.
Нет. Он предупреждает.

Сирра схватила обгоревшую спицу.

Корень треснул.

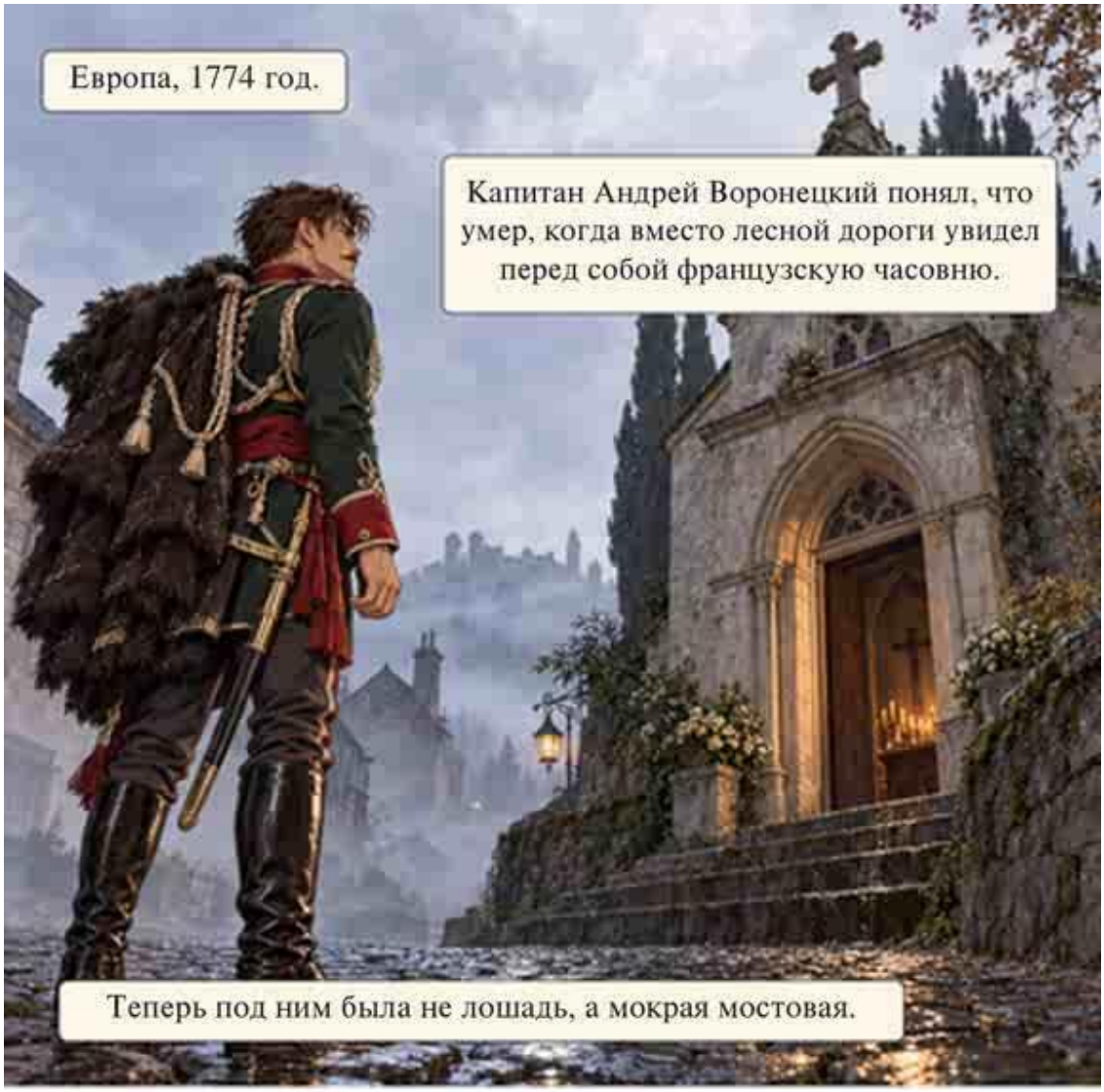

Всего один зубец. Но этого хватило.

Мир дёрнулся. Дым исчез — и вернулся.

Брест-Литовск. Туман, кареты, гусар с саблей.

Фонтенбло. Мокрый камень, плащи мушкетёров, знак Братства.

Поля времени сместились.
Она поменяла зеркальные отряды местами!

Европа, 1774 год.
Капитан Андрей Воронецкий понял, что умер, когда вместо лесной дороги увидел перед собой французскую часовню.
Теперь под ним была не лошадь, а мокрая мостовая.

Мгновение назад он ехал впереди русского дипломатического кортежа на дороге восточнее Брест-Литовска. Туман лежал низко, кареты скрипели за спиной, а в кармане у него была медная пластинка Братства.

Рядом лежали двое его гусар: Лев Ордынцев и Степан Ярцев. Все трое были в русской форме.
Капитан, это Париж?
Если да, то мы одеты не по погоде и не по форме.

Мушкетёры! К строю!

Воронецкий увидел троих мёртвых людей у стены. Настоящие мушкетёры.

Их убили минуту назад. Убийцы сняли с них часть документов, но форму не тронули.

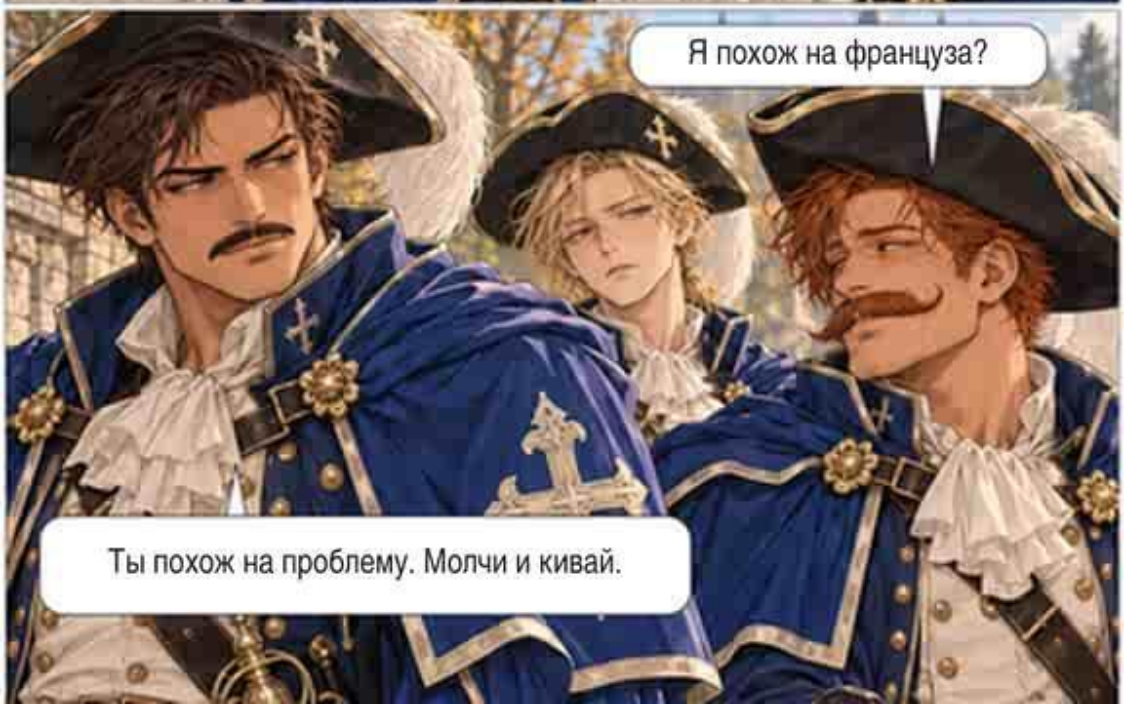

На рукаве одного убитого был знакомый знак: три короткие насечки и маленький круг. Зеркальный знак Братства.
Воронецкий понял всё быстрее, чем успел испугаться.

Снимаем мундиры.
С мёртвых?

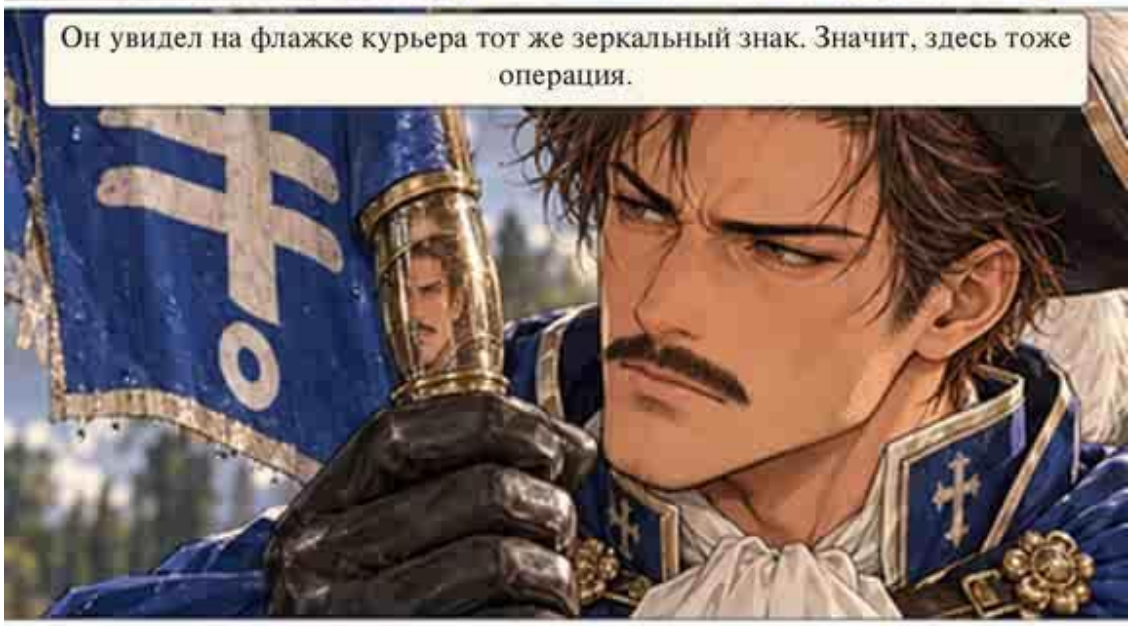

Хочешь, чтобы нас живыми повесили как русских шпионов?

Через две минуты три русских гусара уже были в синих плащах мушкетёров.

Форма сидела плохо. Сапоги не подходили. Шляпа Степану сползала на глаза.

Я похож на француза?
Ты похож на проблему. Молчи и кивай.

Капитан де Сен-Мартен? Где остальные?

Он увидел на флажке курьера тот же зеркальный знак. Значит, здесь тоже операция.

Значит, если они не сыграют чужую роль, погибнет кортеж.

Остальные задерживают врага.

Курьер не удивился акценту. Воронецкий увидел зеркальный знак на его флажке и понял: имя капитана было не ошибкой, а частью прикрытия.

Кортеж с футляром уже вышел к тракту.
Футляр. Ложный артефакт. Приманка.
Ведите.

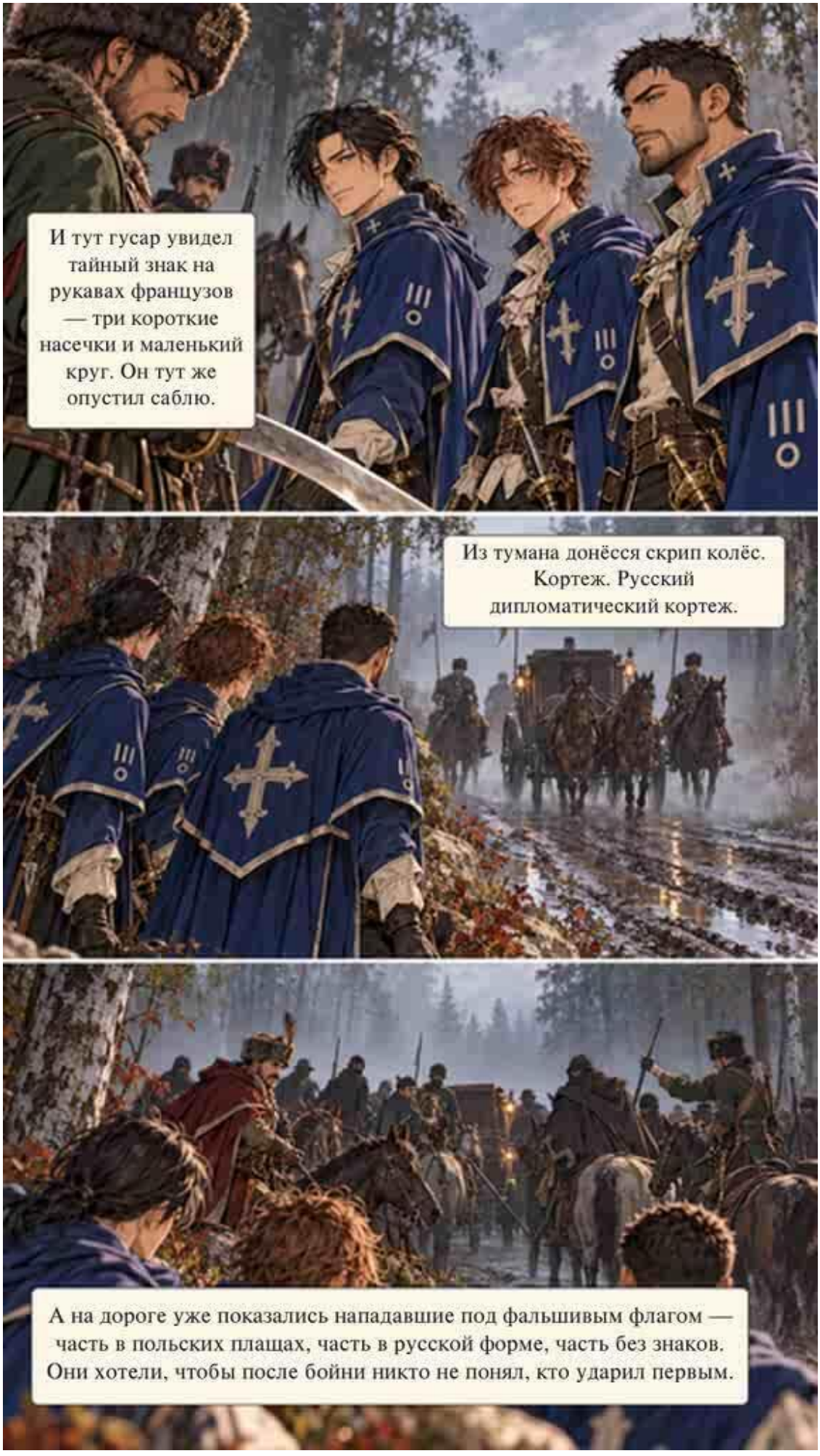

В это же время настоящий капитан мушкетёров Жан-Люк де Сен-Мартен открыл глаза в русском лесу.
Под Брест-Литовском.

Он увидел саблю у горла и глаза гусара, готового ударить прежде, чем спрашивать.

Мир.

Француз?
По несчастью для вас и по привычке для меня.

Рядом поднялись его люди: Этьен Валуа и Бастиан Рош. Все трое были в мушкетёрских плащах, грязные, злые и совершенно не на том конце Европы.

И тут гусар увидел тайный знак на рукавах французов — три короткие насечки и маленький круг. Он тут же опустил саблю.
Из тумана донёсся скрип колёс. Кортеж. Русский дипломатический кортеж.
А на дороге уже показались нападавшие под фальшивым флагом — часть в польских плащах, часть в русской форме, часть без знаков. Они хотели, чтобы после бойни никто не понял, кто ударил первым.

Жан-Люк увидел у одного из убитых гусар медную пластинку с тем же знаком, что носили тайные мушкетёры.
Зеркальный отряд.
Это плохо?
Это значит, что, если мы сейчас не станем гусарами, нас убьют как французов, а кортеж погибнет как приманка.

Я всегда мечтал выглядеть стремительнее, чем думаю.
Форма сидела на них ещё хуже, чем мушкетёрская на гусарах в Париже.
Через несколько минут три мушкетёра в русской гусарской форме уже вылетели из тумана навстречу кортежу.
Но времени на стыд не было.

Франция. Под Парижем, тракт к Фонтенбло.
Карета, два всадника, флажок с условным знаком. Внутри, по донесению, лежал футляр с частью древнего артефакта.

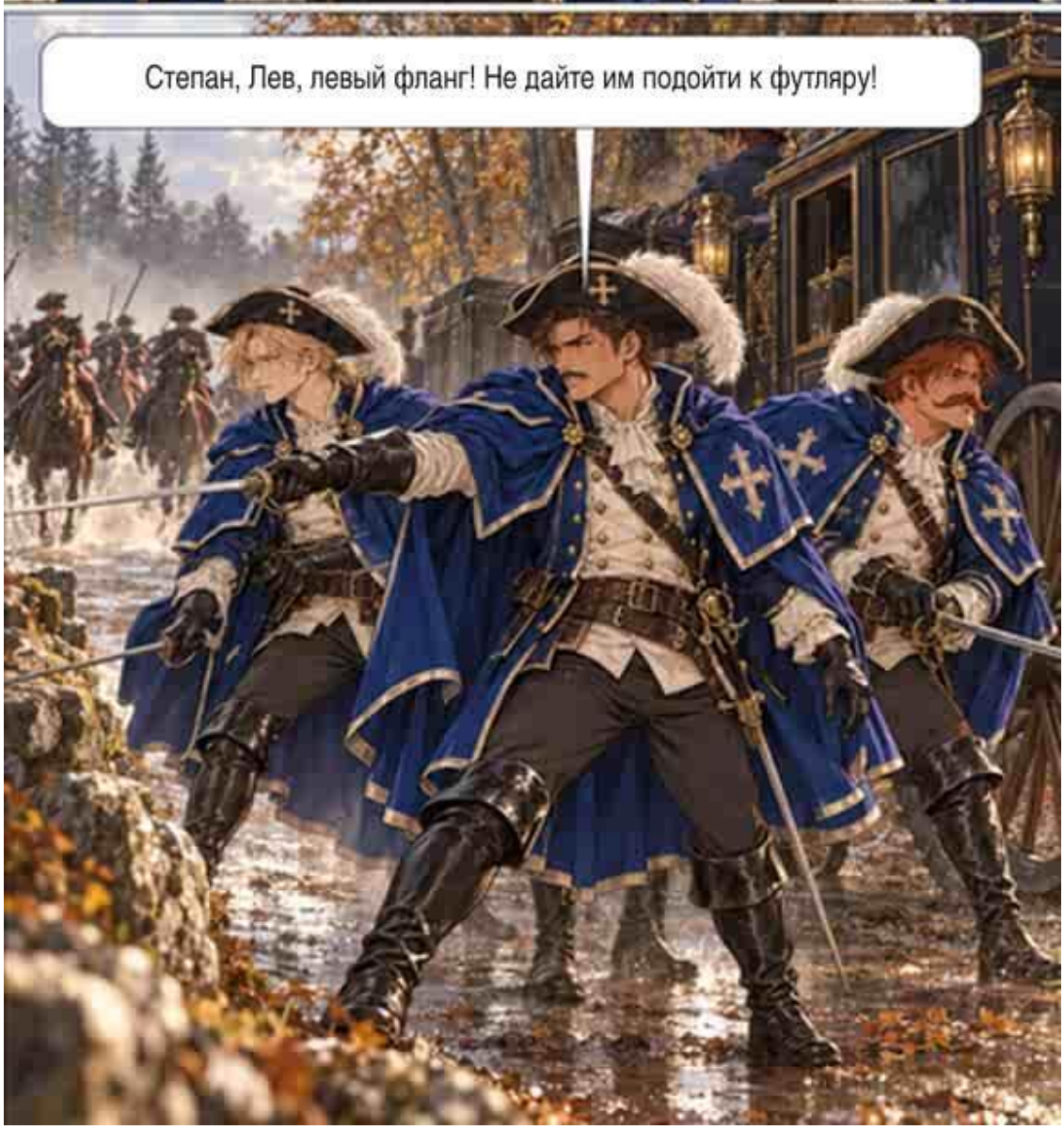

На самом деле футляр был пуст. Это знали только Братство и капитаны. И теперь капитана подменил русский гусар в чужом плаще.

Из рощи вылетели всадники Братства Тьмы.

Держать строй!

Мушкетёры рядом обернулись. Команда была не французская по звучанию, но правильная по смыслу.

Воронецкий поднял шпагу. Он привык к сабле. Шпага казалась слишком лёгкой, почти насмешкой. Но враг уже мчался к карете.

Степан, Лев, левый фланг! Не дайте им подойти к футляру!

Мы теперь французы.
Тогда умрём красиво.
Воронецкий ударил первым.

А под Брест-Литовском Жан-Люк де Сен-Мартен понял, что гусары воюют совсем иначе.

Не держат линию. Рвут её.

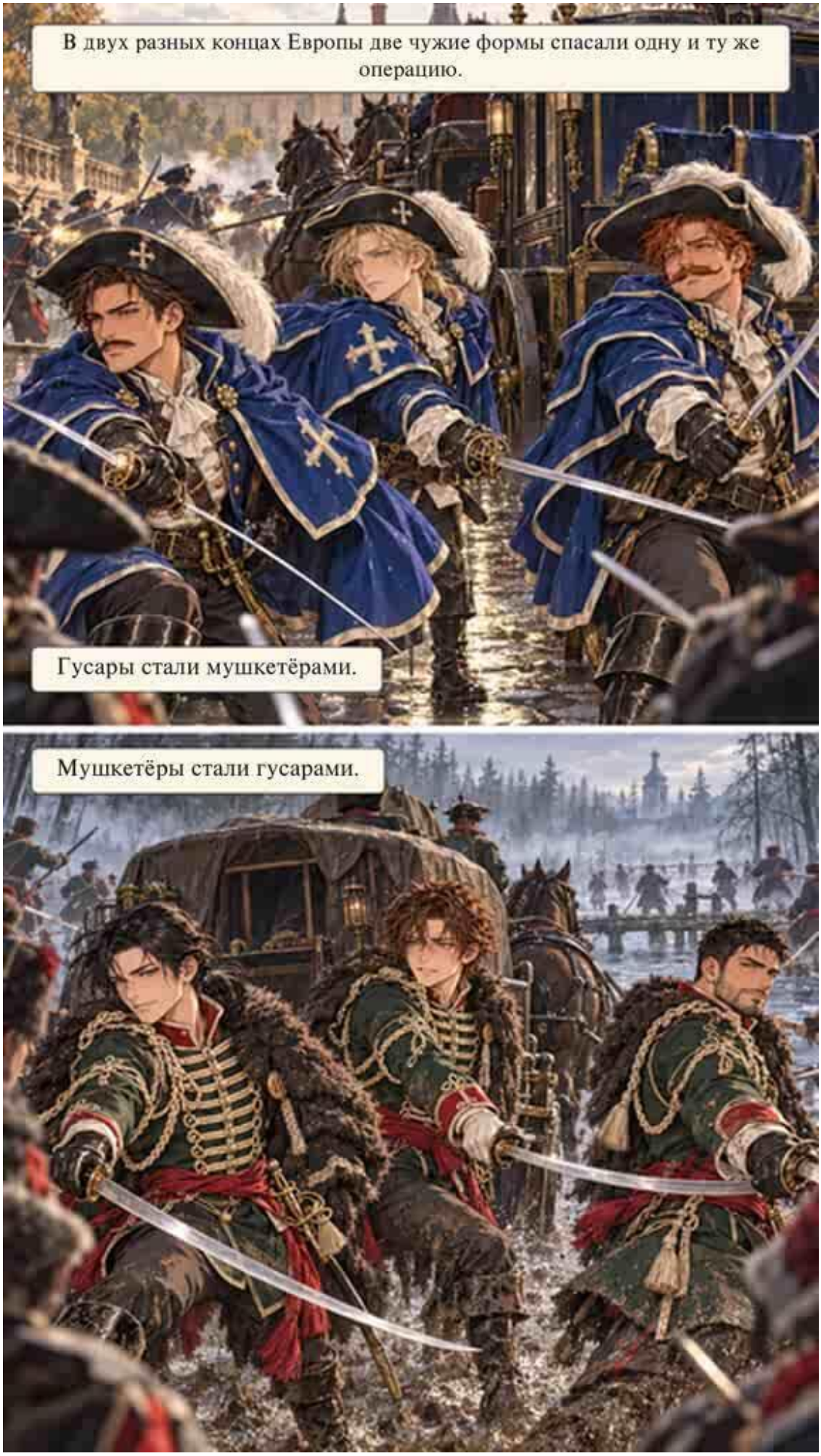

Не ждут удара. Сами становятся ударом.

Капитан! Эта лошадь ненавидит Францию!
Тогда дай ей повод уважать тебя!

Жан-Люк поднял саблю.
За кортеж!

Гусары рядом не поняли слов. Но поняли голос.

И пошли за ним.

В двух разных концах Европы две чужие формы спасали одну и ту же операцию.
Гусары стали мушкетёрами.
Мушкетёры стали гусарами.

И враг впервые запутался в собственной ловушке.

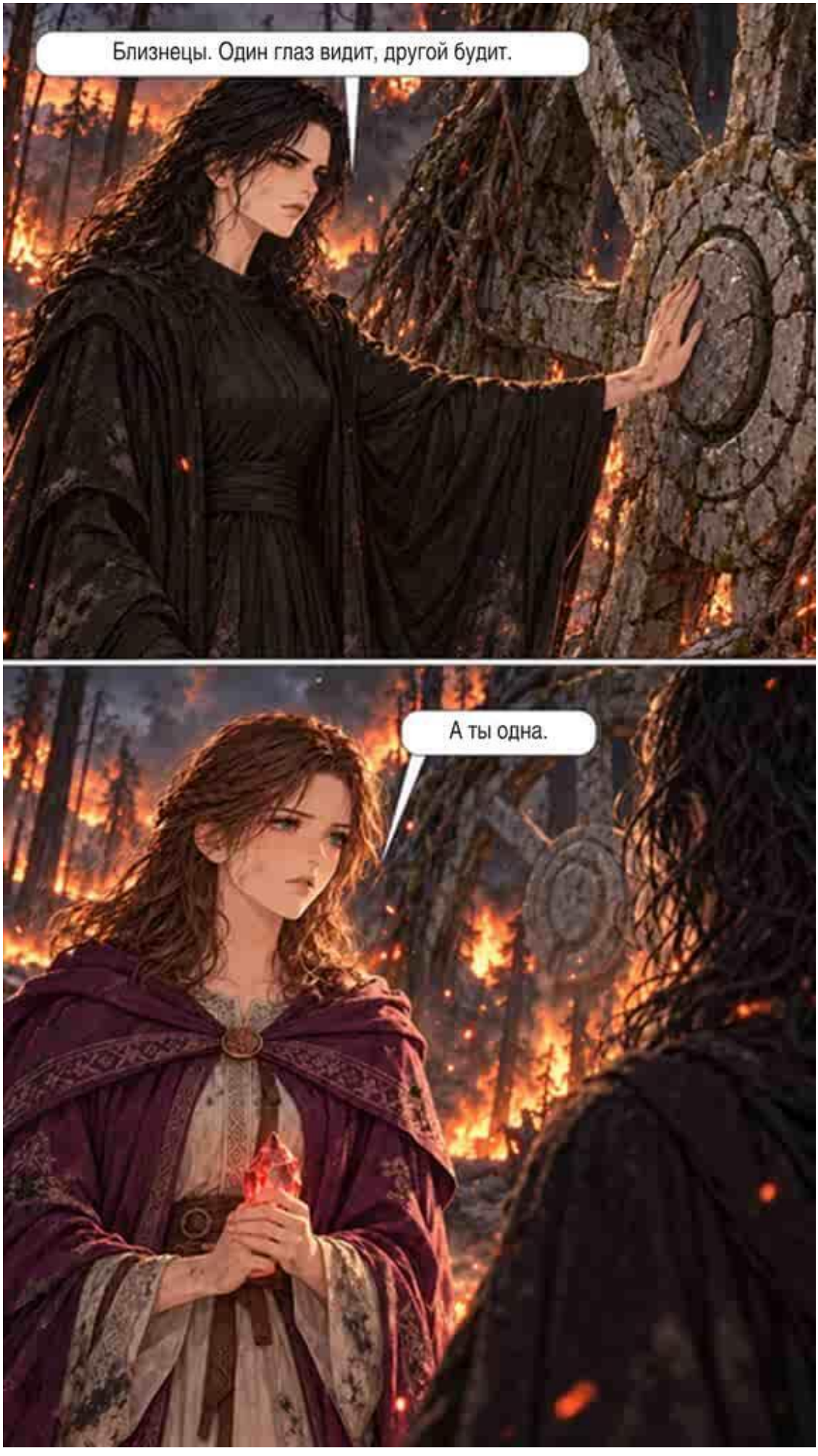
Глава 173. Смех Сирры

Глава 173. Смех Сирры
Видите? Один поворот — и ваши герои уже не знают, кто они.

Они знают, за что стоят.
Этого мало.
Иногда этого достаточно.

Её глаза стали глубже. Темнее.
Не страх. Не боль. Пустота.
Ему вдруг захотелось опустить кристалл.

Эллефу!
Красный кристалл вспыхнул между ними.

Близнецы. Один глаз видит, другой будит.
А ты одна.

И этого мига хватило Саэру.

У бывших сыновей Тьмы сердца особенно вкусные. Они уже знают, как биться во тьме.

Она отшвырнула их взглядом.

Нерис закрыл лицо руками, но всё равно упал на колени.

Саэр терял кровь. Много. Слишком много.

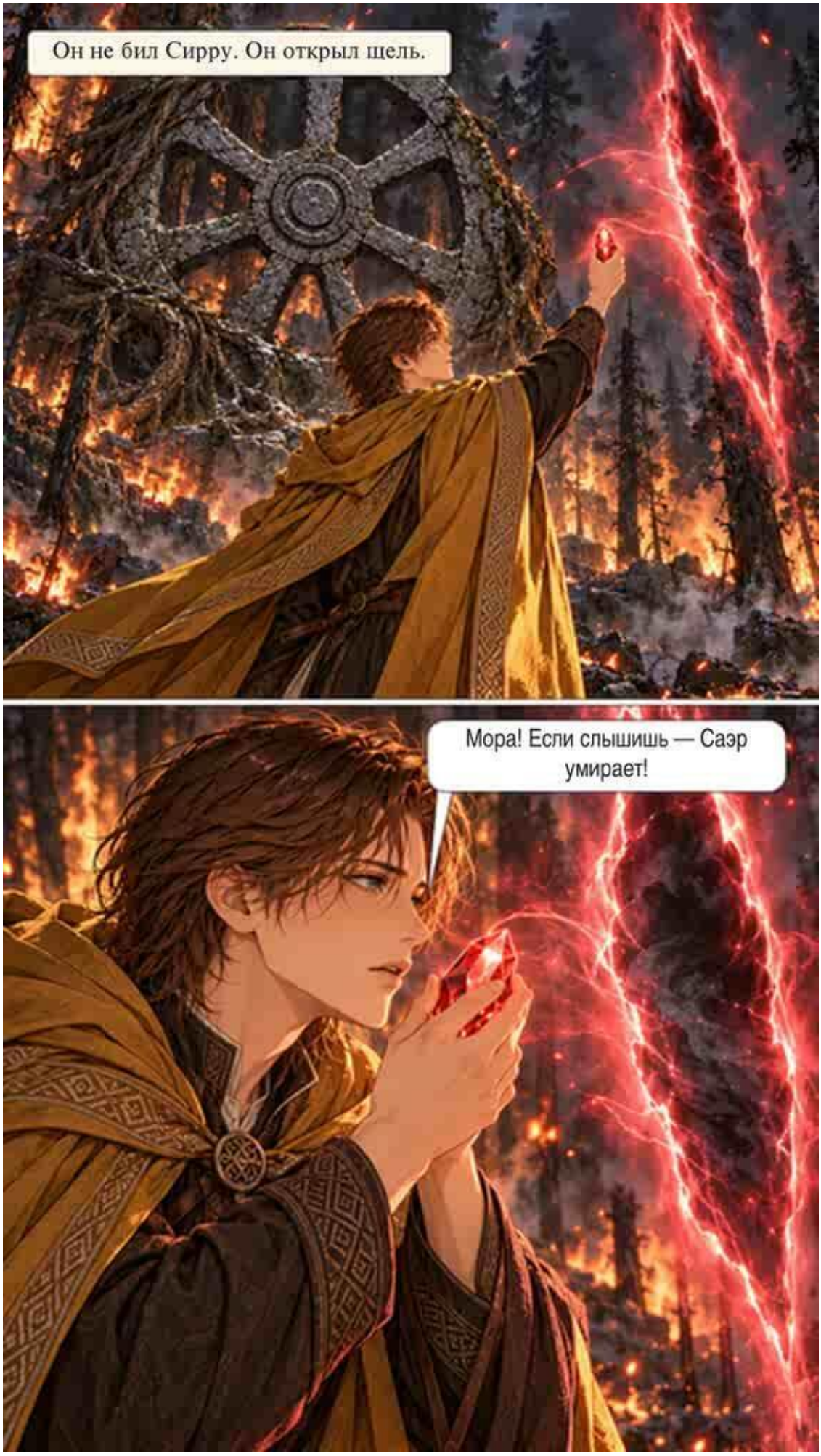

Тольва ударила красным светом кристалла в руку Сирры.
Саэр!
Не... дайте... ей... вторую спицу...

Его не спасти обычным светом.
Почему?
Рана родственная. Она ударила его кровью Моры.
Нужна кровь матери.

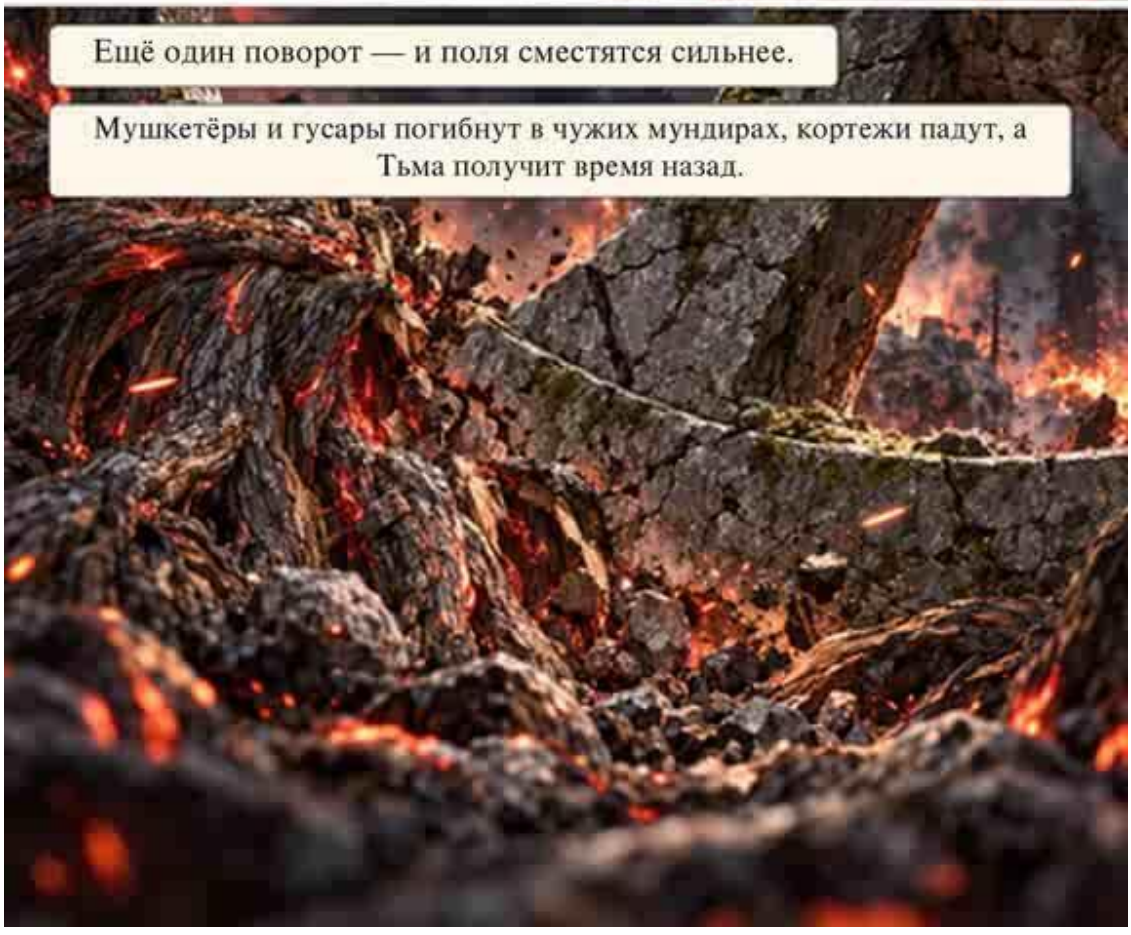

Моры?
Иначе сердце не вернётся в ритм.

Мора? Та, что выбросила меня, как ненужный хлам? Та, что родила нас в унижении? Она даст кровь сыну, который предал Тьму? Прекрасно. Позовите её. Я хочу посмотреть на это представление.

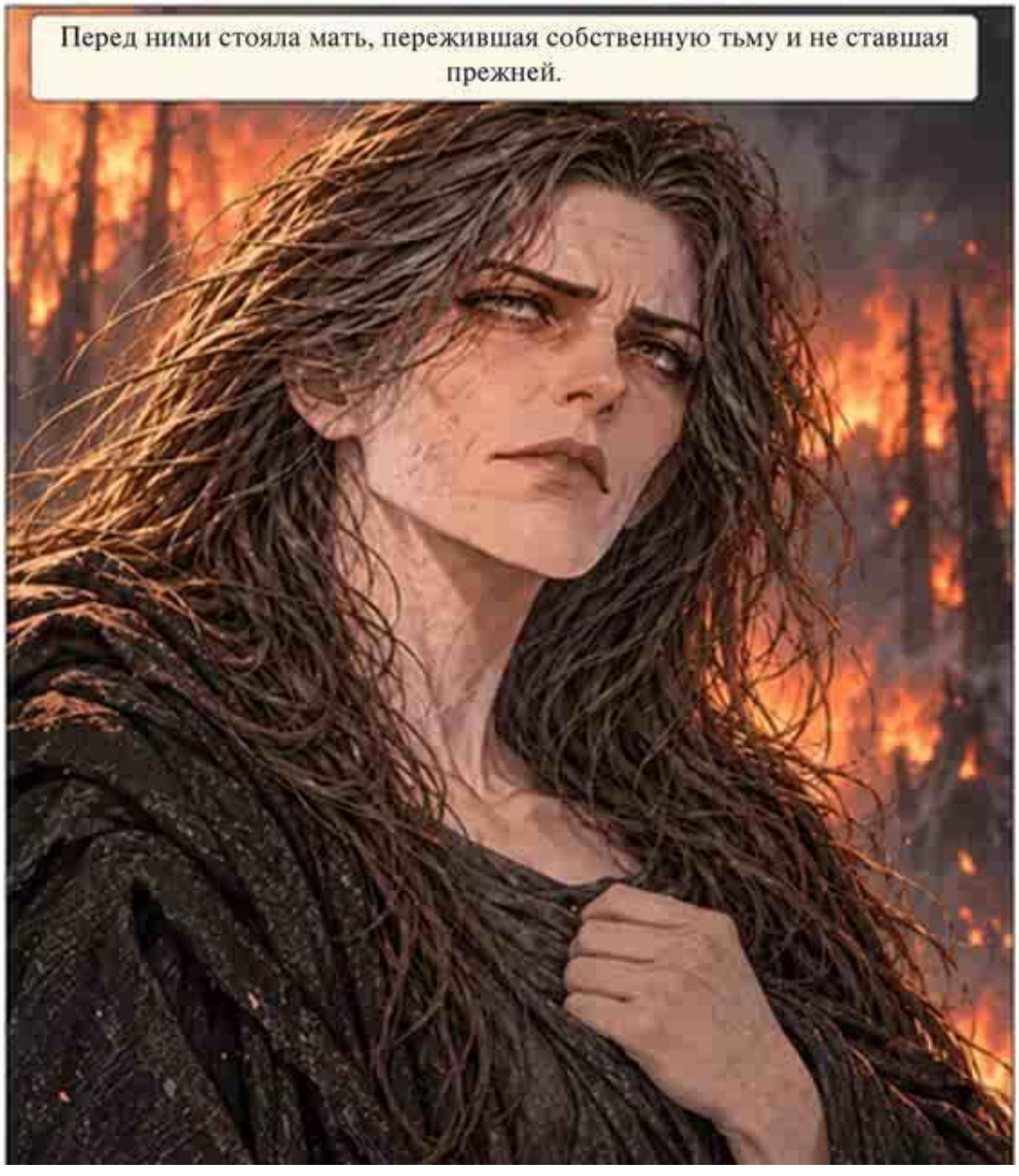

Ты не ребёнок. Ты рана.
А ты кто? Маленькая свеча?
Нет. Я та, кто видит, как залечить твою рану.

Он не бил Сирру. Он открыл щель.
Мора! Если слышишь — Саэр умирает!

Корни почти прогорели.

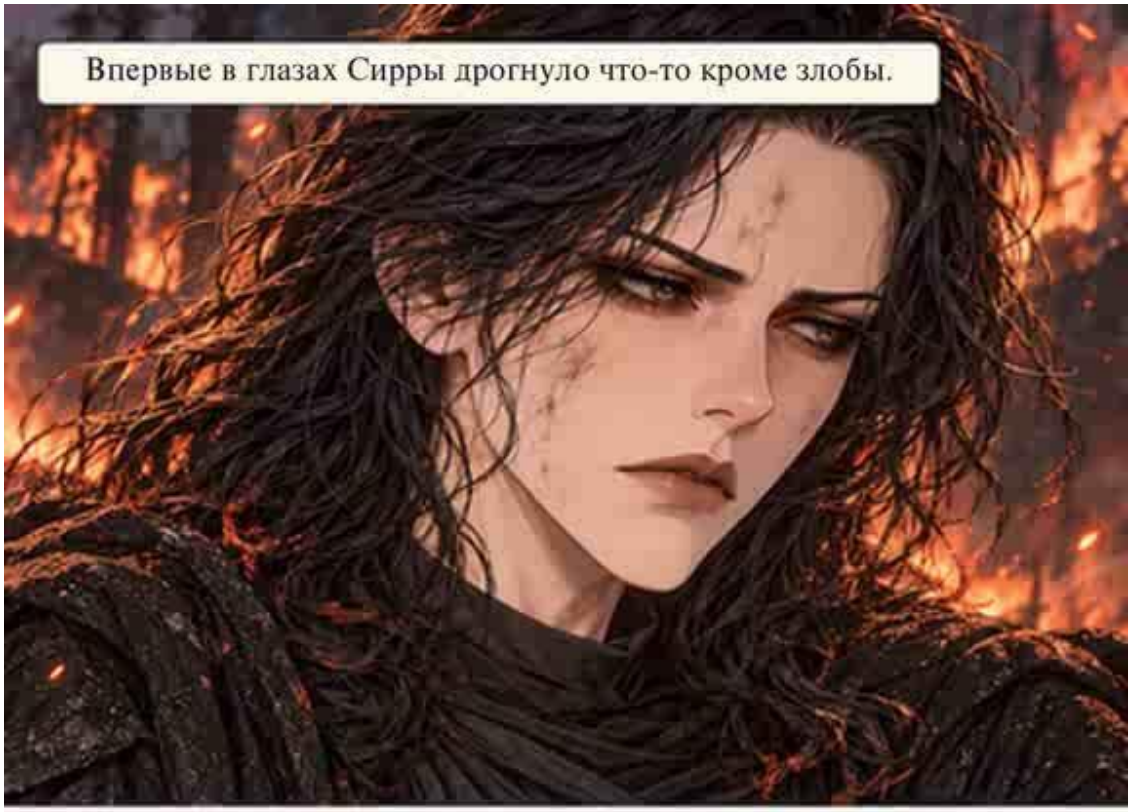

Ещё один поворот — и поля сместятся сильнее.
Мушкетёры и гусары погибнут в чужих мундирах, кортежи падут, а Тьма получит время назад.

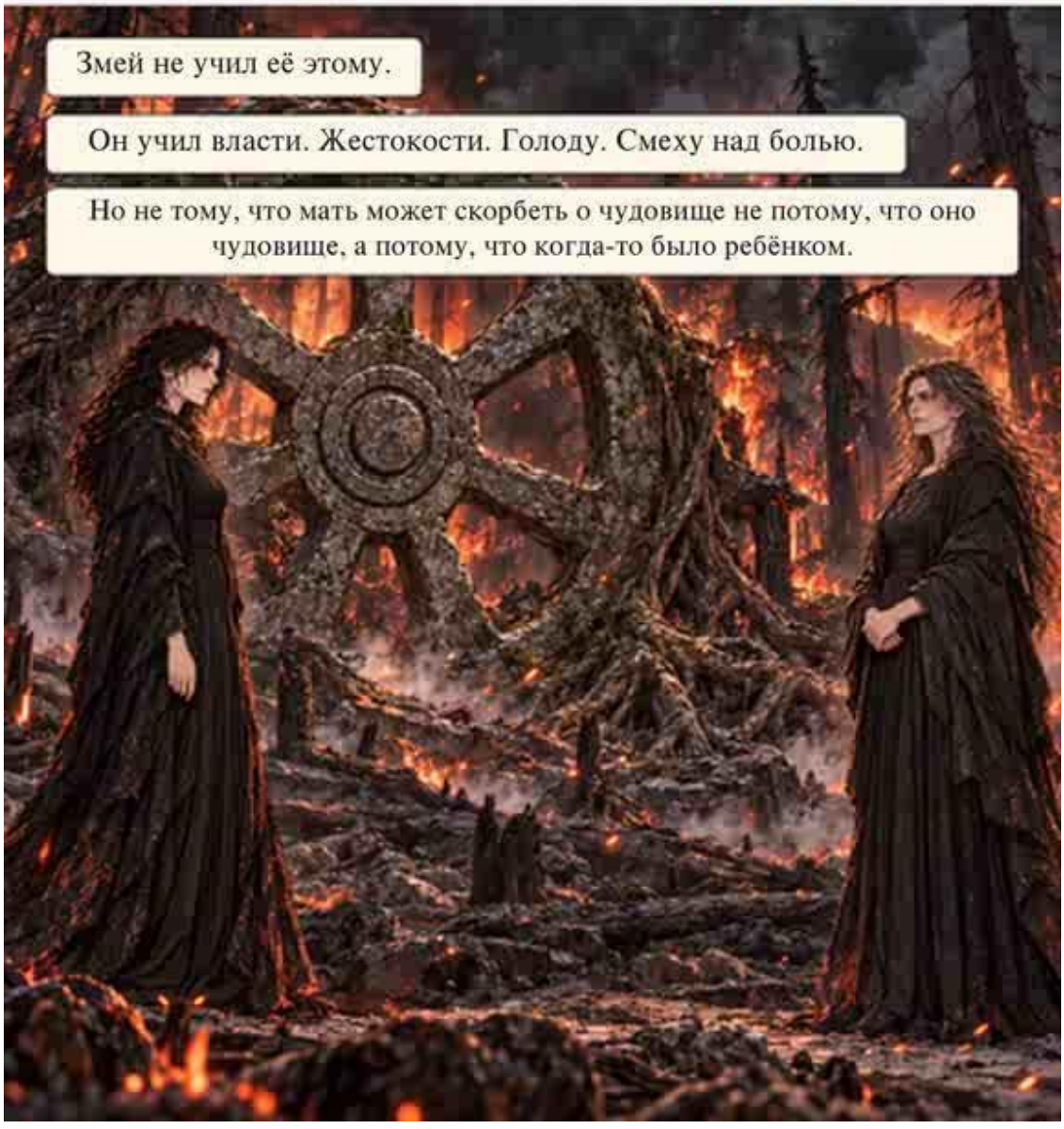

В этот миг из щели вышла Мора.

Перед ними стояла мать, пережившая собственную тьму и не ставшая прежней.

Мать.
Значит, ты жива.
Разве ты рада?

Я скорблю.
Обо мне?
О том, что тебя украли до того, как я смогла тебя полюбить.

Впервые в глазах Сирры дрогнуло что-то кроме злобы.

Змей не учил её этому.
Он учил власти. Жестокости. Голоду. Смеху над болью.
Но не тому, что мать может скорбеть о чудовище не потому, что оно чудовище, а потому, что когда-то было ребёнком.

Нож.

Лорн подал кинжал.

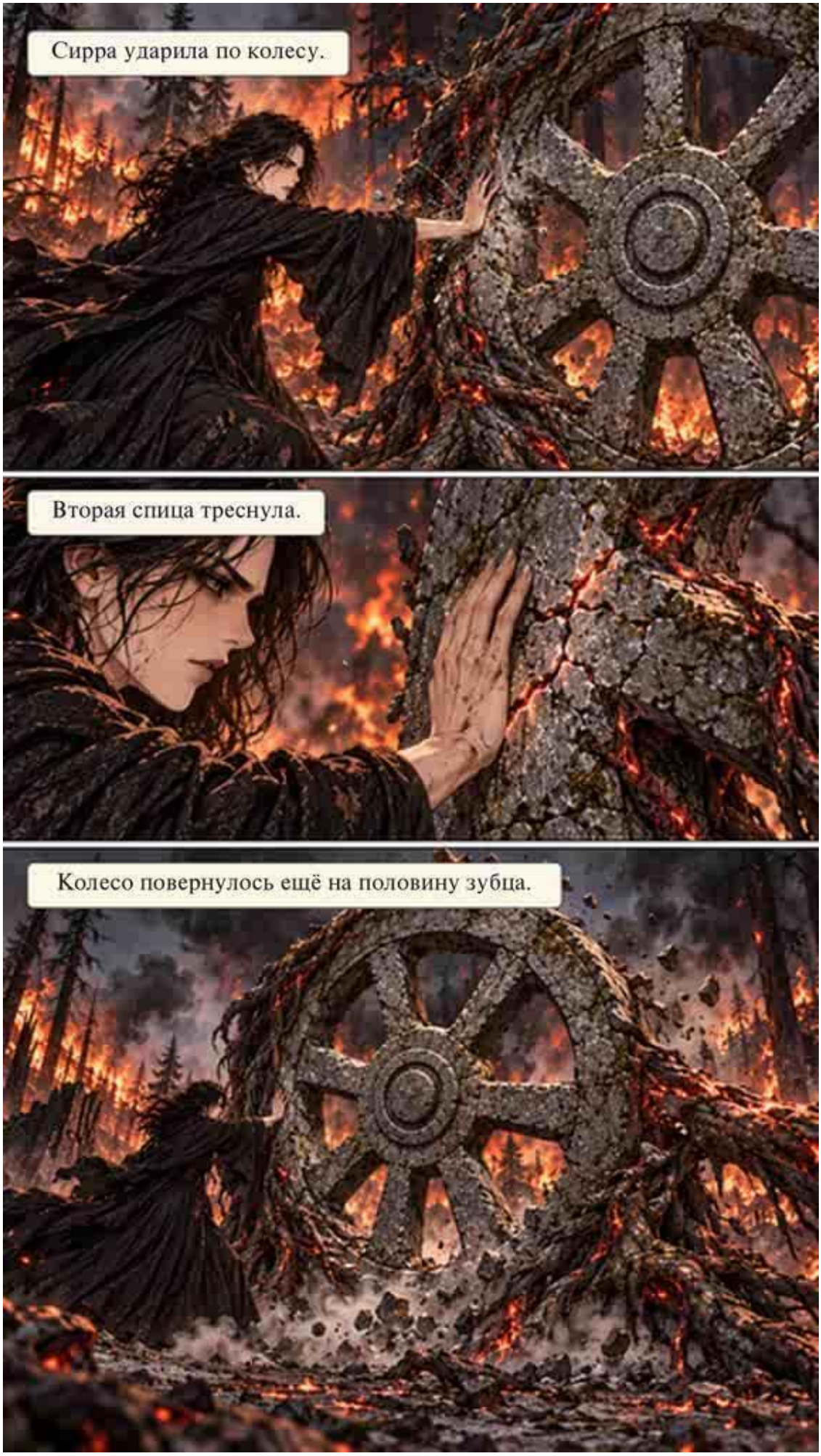

Мора разрезала свою ладонь.

Кровь упала на рану Саэра.

Тьма в ране зашипела.

Бреон удержал его плечи. Нерис, дрожа, прижал кристалл к его груди.
Живи. Не потому, что ты был моим сыном во тьме. А потому что выбрал стать сыном света.

А мне ты кровь дашь?
Если придёшь не убивать.

Сирра ударила по колесу.
Вторая спица треснула.
Колесо повернулось ещё на половину зубца.

Глава 174. Флаг чужой войны

Глава 174. Флаг чужой войны
Под Брест-Литовском кортеж попал в кольцо. Нападавшие хотели столкнуть три державы.
Они хотят войны.
Тогда устроим им пышные проводы.

Карету к оврагу! Футляр показать, но не отдавать!

А разве не главное мы спасаем?
Если Братство положило что-то на виду — это ложь или ловушка. Часто и то, и другое.

Карета пошла к оврагу. Враги поверили и бросились следом.

Из тумана ударили гусары — с двух сторон.

На тракте к Фонтенбло Воронецкий понял тот же принцип.
Лев, берёшь футляр и бежишь, будто в нём душа французского короля.
А что там на самом деле?
Надеюсь, кирпич.

Лев выскочил с футляром. Преследователи рванули за ним.

Воронецкий дал им отбежать двадцать шагов.
Теперь.

Настоящие мушкетёры узнали знак: три удара по эфесу, ладонь к груди, флаг вниз.

Зеркальный знак сомкнул строй. Враг оказался между двумя стенами.

Вот теперь я начинаю любить Францию.
Но Сирра повернула Колесо ещё на половину зубца.

Французские плащи расплывались в русские доломаны.

Сабли менялись шпагами. Лошади исчезали и появлялись.

Поля времени пытались вернуть всех одновременно — и могли разорвать живых.

Воронецкий упал на колено.

За тысячи вёрст Жан-Люк услышал тот же голос.
Держите знак! Не имена! Не форму! Знак!

Воронецкий поднял медную пластинку.

Жан-Люк поднял такую же.
Зеркальные отряды повторили ритуал одновременно.

Три удара по эфесу.
Ладонь к груди.
Флаг вниз.

Поля перестали рвать людей. Формы остались чужими. Но люди удержались.

Они больше не изображали мушкетёров и гусар. Они стали одним строем.

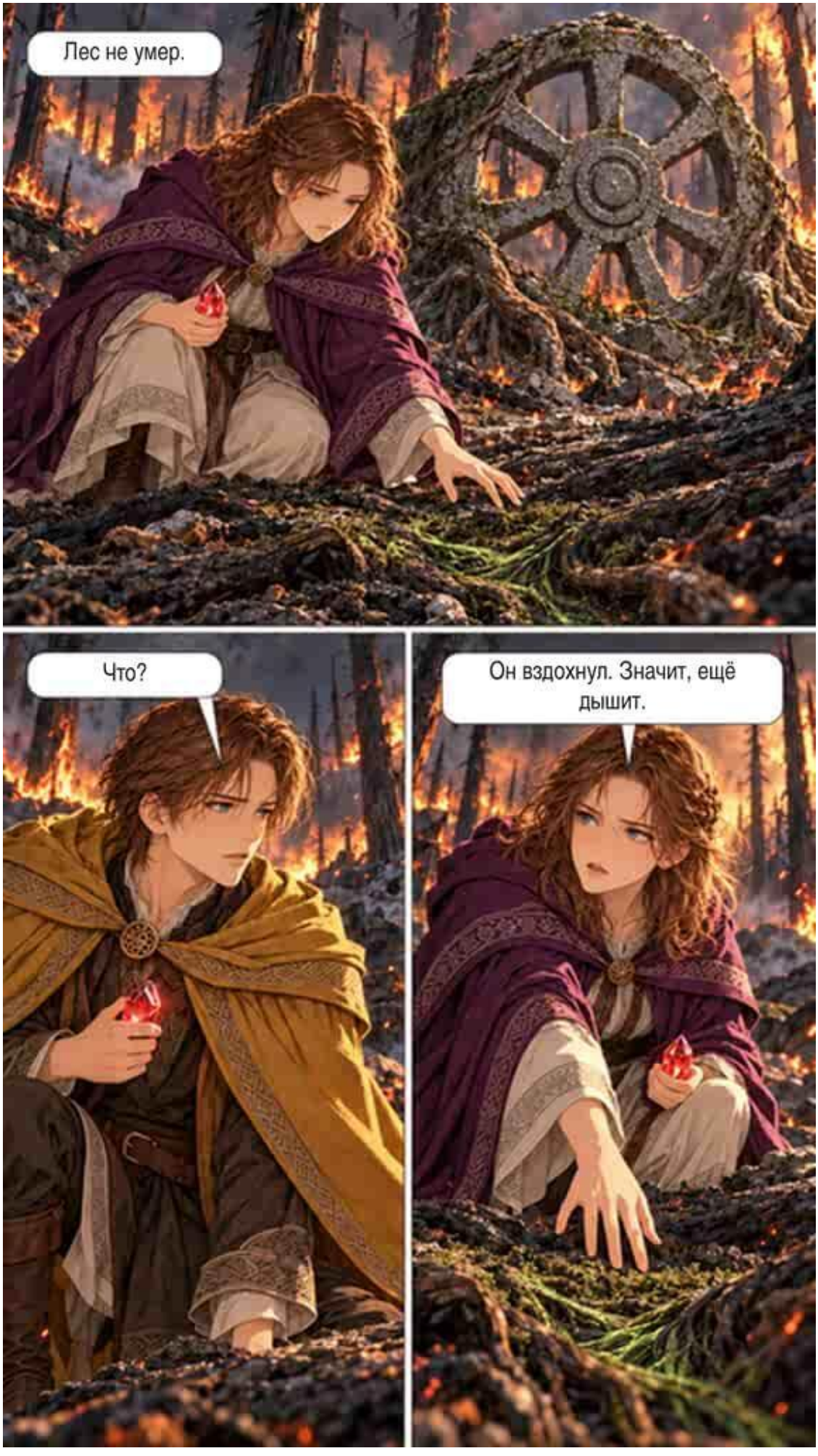
Глава 175. Кровь матери и Колесо

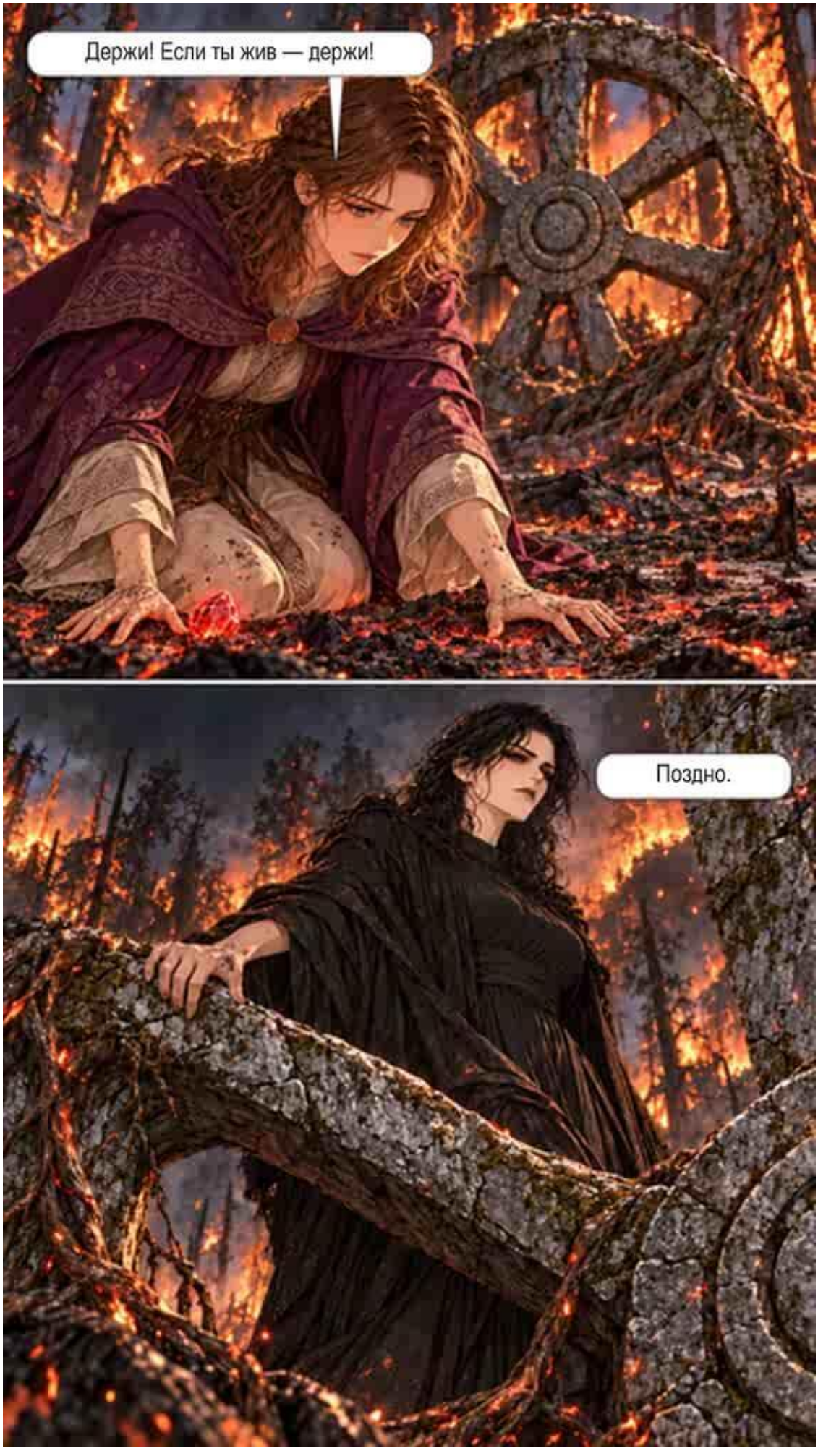

Глава 175. Кровь матери и Колесо
Рана на груди ещё была чёрной, но сердце билось.
Значит, ему кровь. Мне слова.

Я уже и так дала тебе плоть и кровь при рождении, но Змей отнял тебя у меня против моей воли.

Ложь. Ты сама отдала меня ему.

Сирра бросилась к колесу.
Колесо не подчинялось свету. Оно было старше их.
Его держали не кристаллы. Корни. Но корни горели.

Лес не умер.
Что?
Он вздохнул. Значит, ещё дышит.

Держи! Если ты жив — держи!
Поздно.

И тогда из земли поднялся один корень.

Чёрный. Обугленный. Но живой.

Лес, горящий и умирающий, последней силой снова схватил колесо.

Ему нужна вода.
Они позвали не дождь. Слёзы земли.

Из дыма упали первые капли.

Потом хлынул ливень.

Колесо остановилось.

Под Парижем Воронецкий почувствовал, как чужой плащ снова становится просто тканью, а не ловушкой.

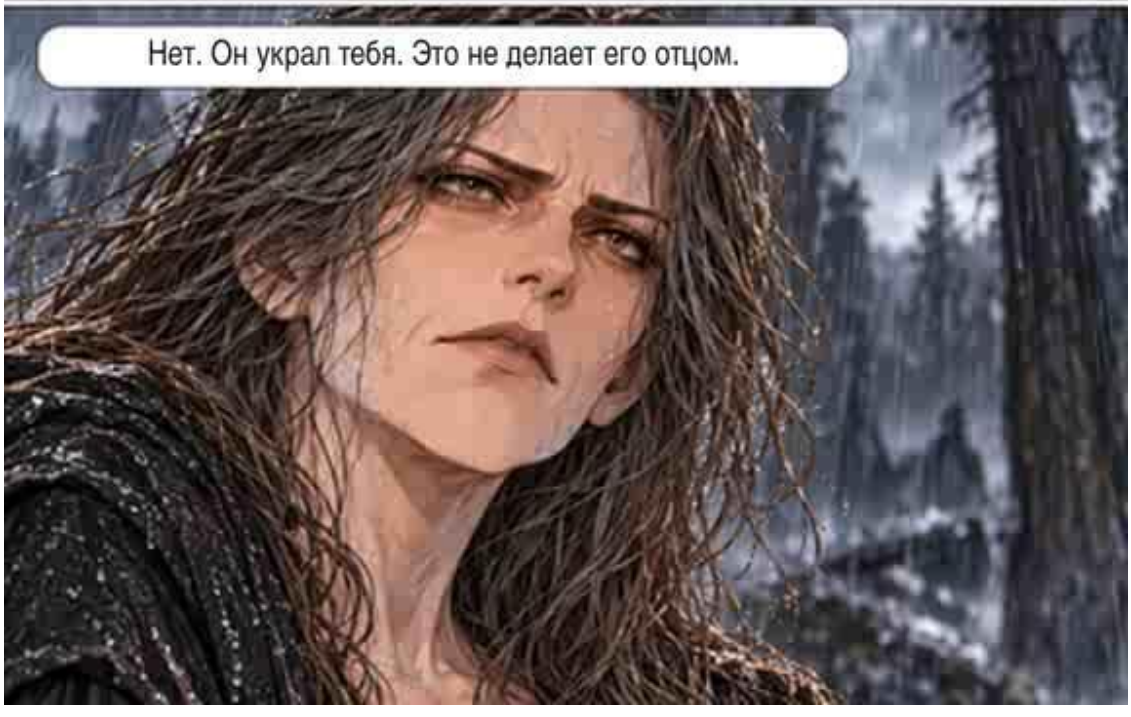

Под Брест-Литовском Жан-Люк ощутил, как сабля в руке перестала тянуть его в чужое имя.

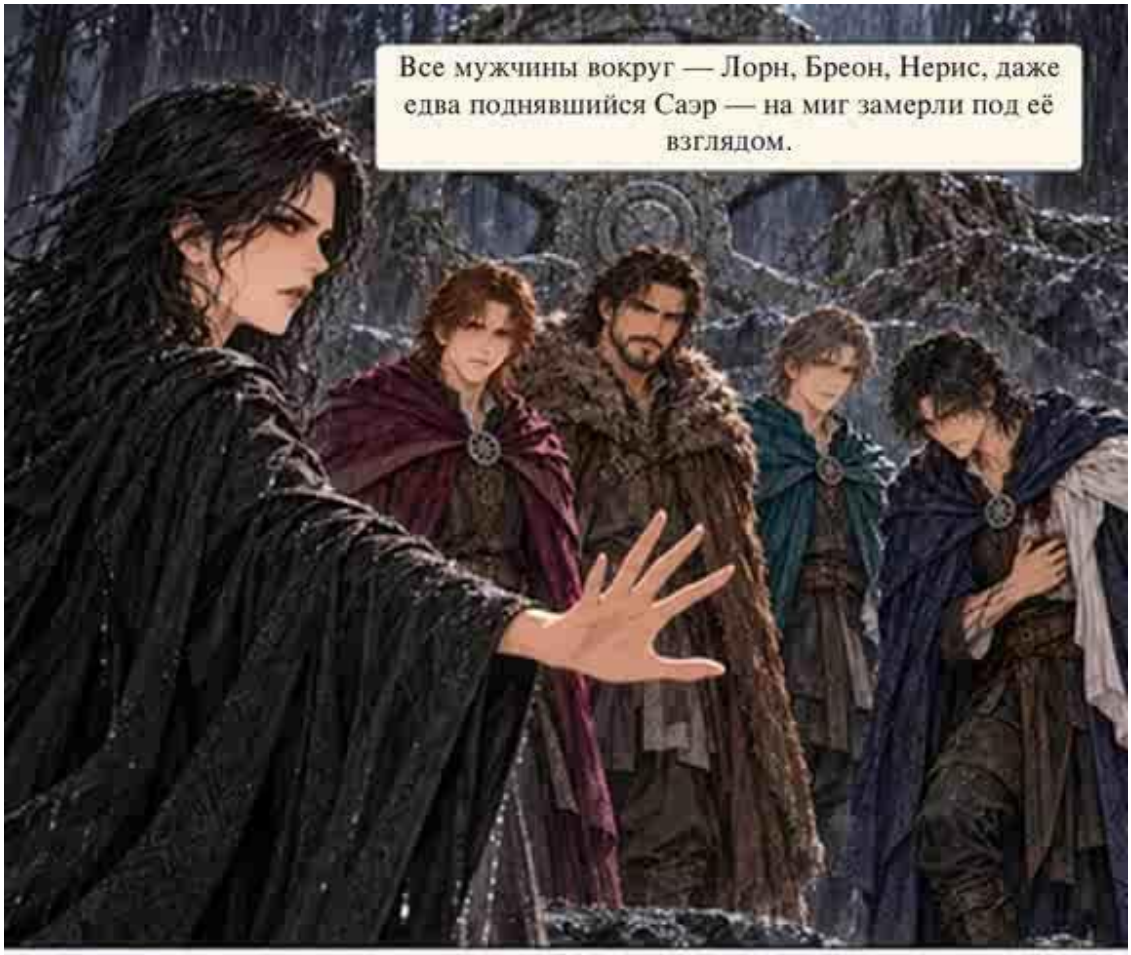

Враги, шедшие под фальшивыми флагами, потеряли главное преимущество.

Без ненависти между странами. Без ложного обвинения. Как одну и ту же тьму.

Дочь.
Не называй меня так.

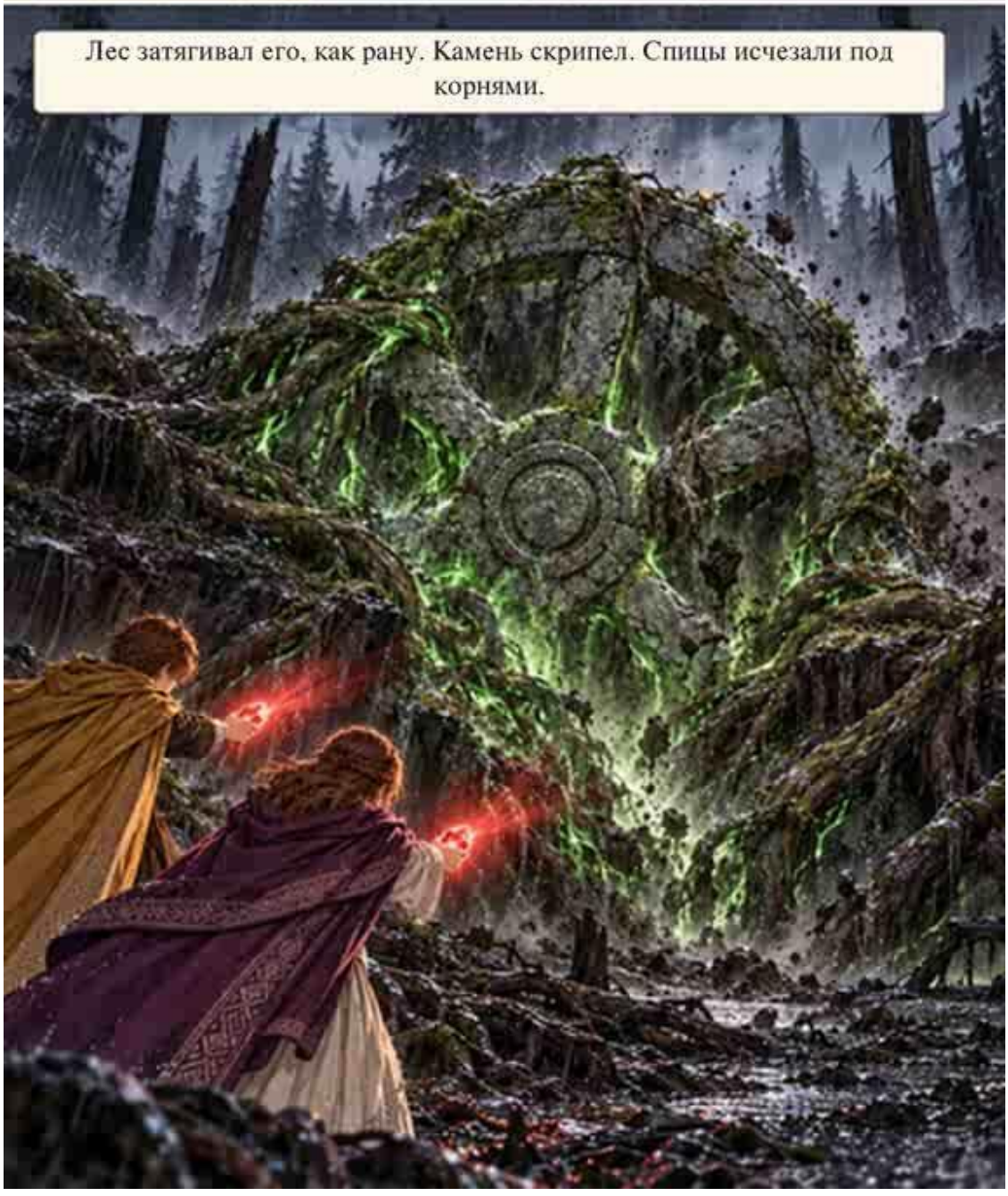

Ты моя дочь.
Я дочь Змея.

Нет. Он украл тебя. Это не делает его отцом.

Все мужчины вокруг — Лорн, Бреон, Нерис, даже едва поднявшийся Саэр — на миг замерли под её взглядом.

Твой взгляд берёт тех, кто стоит один.
Нас двое.

Они направили свет не в Сирру. В колесо.

Лес затягивал его, как рану. Камень скрипел. Спицы исчезали под корнями.

Он был слаб. Почти мёртв.

Но удержал.

Ты моя сестра. Поэтому я не убью тебя.
Слабость.
Нет. Память.

Сирра.
Я почти смогла.
Почти — это слово проигравших.

Нет!
И в этом взгляде уже не было власти.
Только пустота ребёнка, которого когда-то унесли до первого утреннего света.

Лес затих.

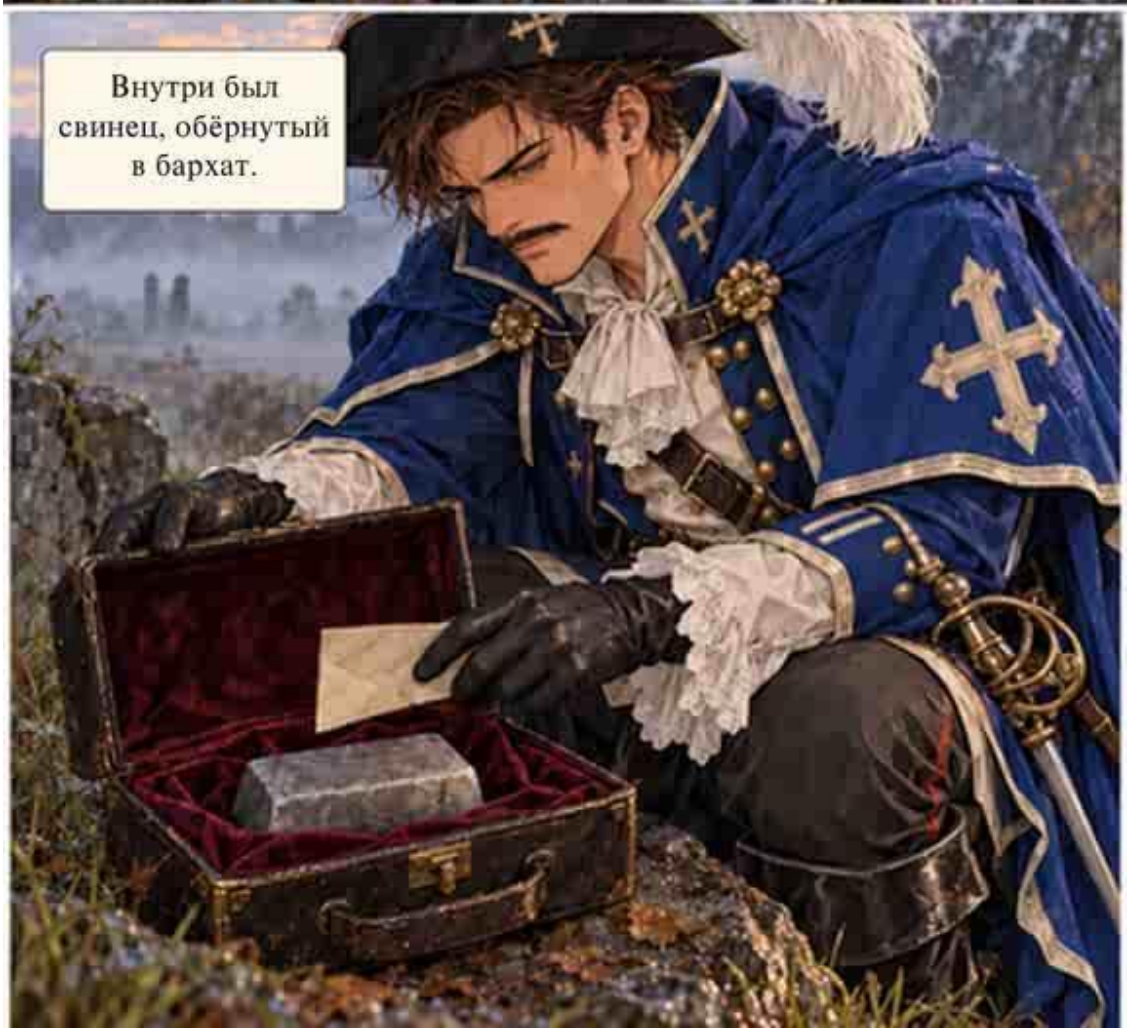

Колесо ушло под корни. Дождь продолжал падать на чёрную землю.

Я потеряла её дважды.
Нет. Первый раз её украли. Второй раз она услышала, что была дочерью.

Этого мало.
Да. Но иногда для следующей битвы достаточно одного слова, которого раньше не было.

Глава 176. Зеркальные капитаны

Глава 176. Зеркальные капитаны
Сначала Воронецкий ещё стоял на французском тракте, в мушкетёрском плаще, с чужой шпагой в руке.

Внутри был свинец, обёрнутый в бархат.

«Настоящее не возят там, где все ищут».

Я обожаю Братство.

Полагаю, вы тот человек, который сегодня испортил врагам мою смерть.
А вы, видимо, тот, кто испортил мою.

Они обменялись медными пластинками.

Знаки совпали. Три насечки. Малый круг. Зеркальные отряды.

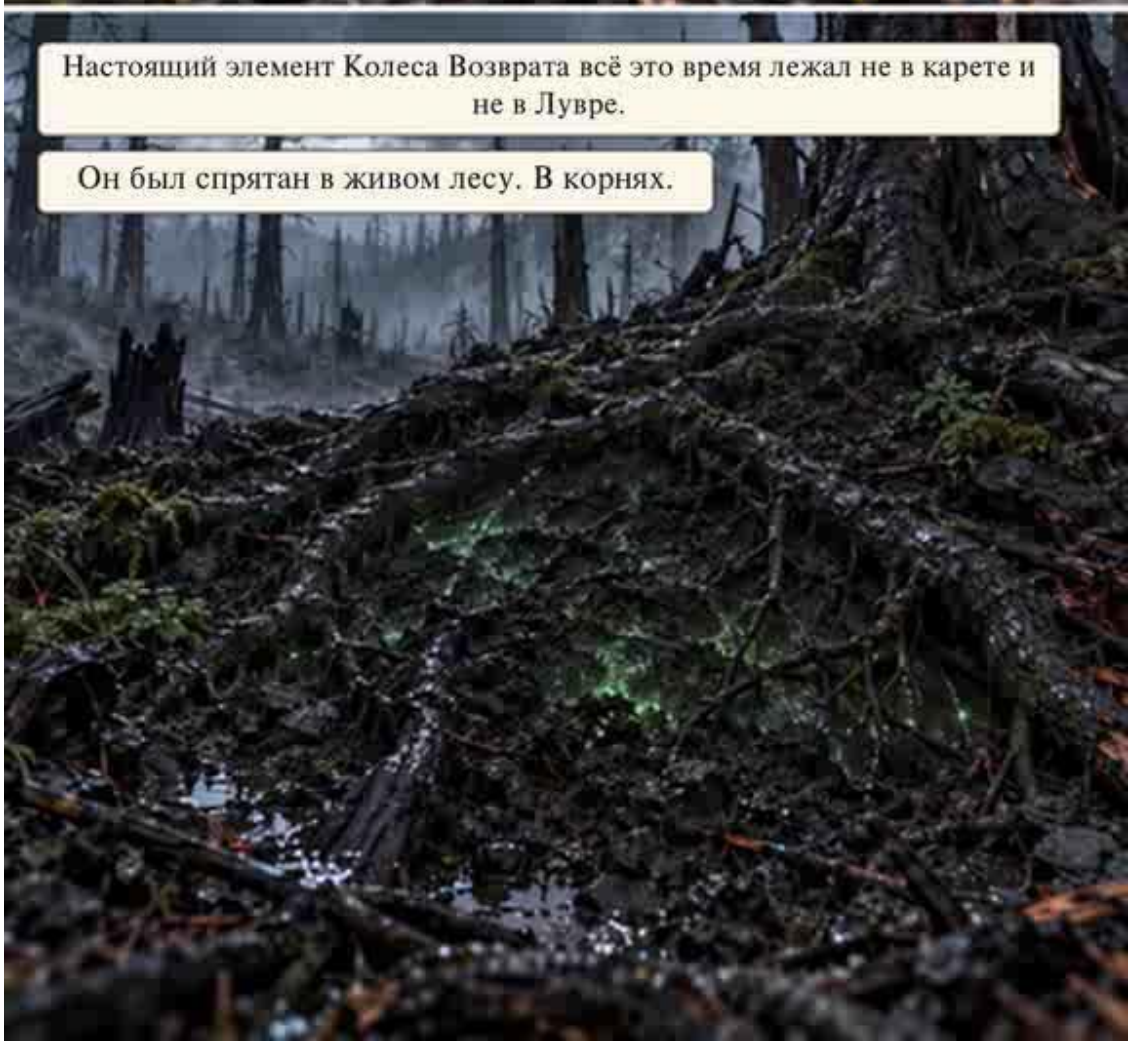

Мы делали одно дело и не знали имён друг друга.
Теперь знаем.

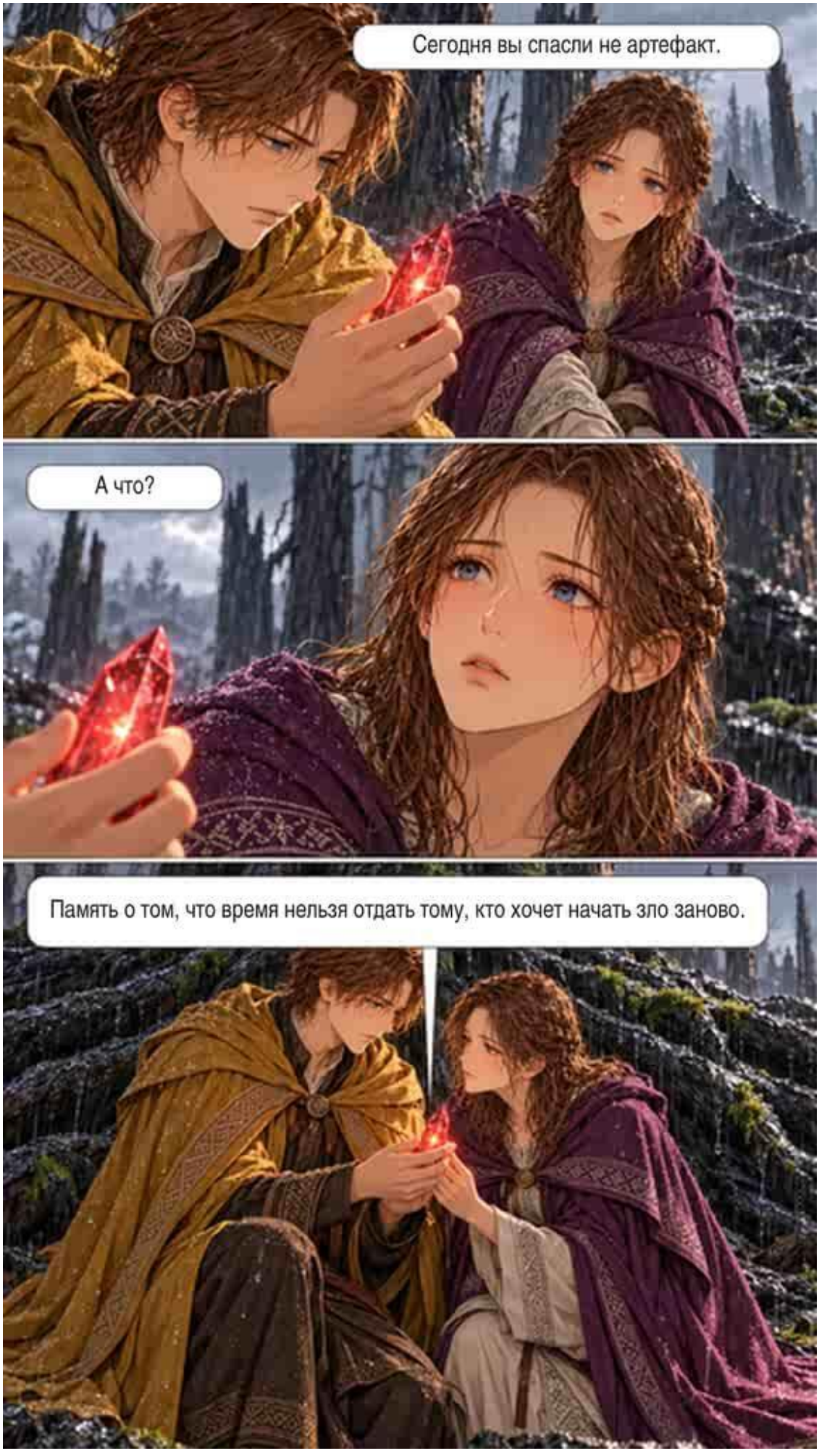

Если однажды увидите флаг вниз и три удара по эфесу...
Я пойму, что Франция не всегда враг.
А я пойму, что Россия не всегда угроза.

Под Брест-Литовском кортеж был спасён.

Под Парижем кортеж тоже дошёл до цели.

Враг потратил силы на ложный флаг, ложный маршрут и ложный артефакт.

Настоящий элемент Колеса Возврата всё это время лежал не в карете и не в Лувре.
Он был спрятан в живом лесу. В корнях.

Сегодня вы спасли не артефакт.
А что?
Память о том, что время нельзя отдать тому, кто хочет начать зло заново.

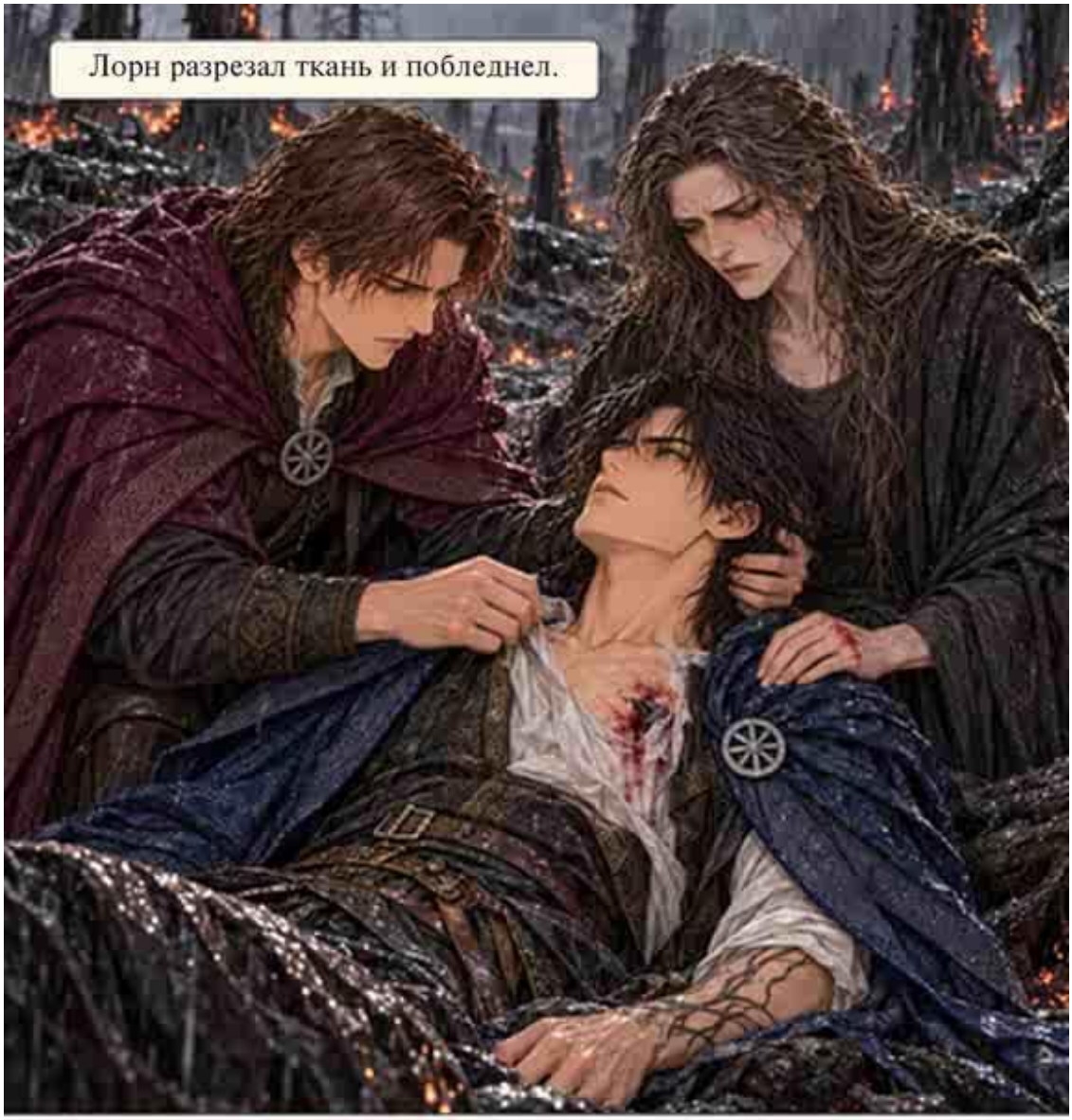

Сирра вернётся.
Да.
Она не знает жалости.
Пока.

Но теперь она знает слово «мать».

И где-то очень далеко, в чёрном логове Змея, девушка с глазами, превращающими мужчин в рабов, впервые не смеялась.

Она была одна. И пыталась вспомнить лицо женщины, которая назвала её дочерью.

Саэр не умер. Но каждый вдох звучал так, будто в груди двигался камень.
Кровь Моры остановила смерть. Но не убрала то, что оставила Сирра.

Лорн разрезал ткань и побледнел.

Рядом с сердцем мерцал осколок Колеса Возврата.

Она не просто ранила его. Она привязала его к колесу.

Если колесо снова повернётся, первым разорвёт Саэра.

Что нужно сделать?
Его нельзя вытащить силой.

Почему?
Осколок держится не за плоть. За прошлое Саэра.

За мою тьму?

Я думал, прошлое просто болит. Оказывается, ещё и колется.

Не шути.
Тогда мне станет страшно.

Нам всем страшно.

Сирра оставила осколок нарочно. Через него Змей снова найдёт Колесо.
Тогда нужно уничтожить осколок.

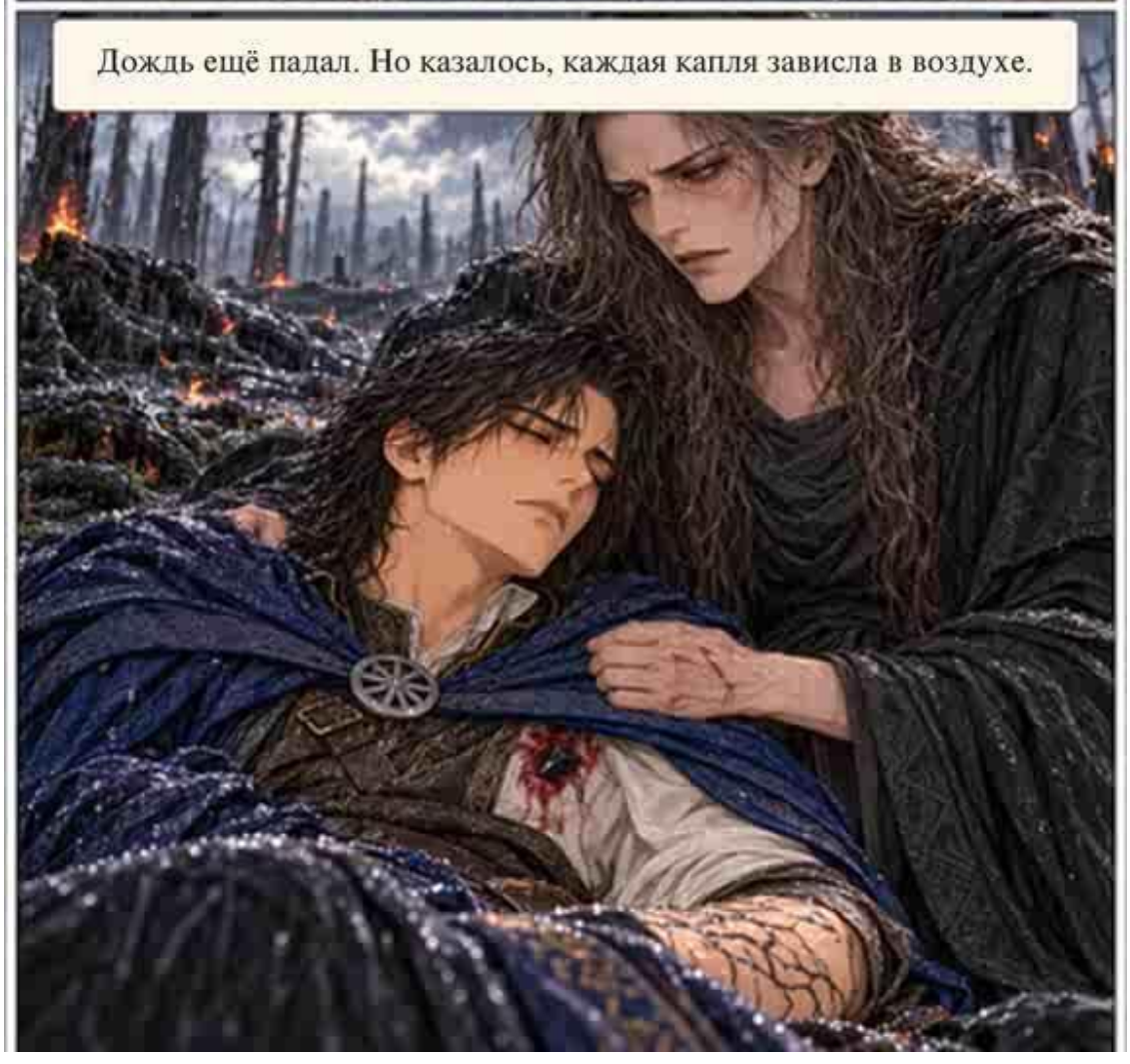

Если уничтожить его сейчас, Саэр умрёт. Пусть осколок покажет, куда Змей унёс Сирру и какую спицу хочет повернуть.

Ты хочешь использовать Саэра как след?
Нет. Как живого свидетеля.

Лежи.

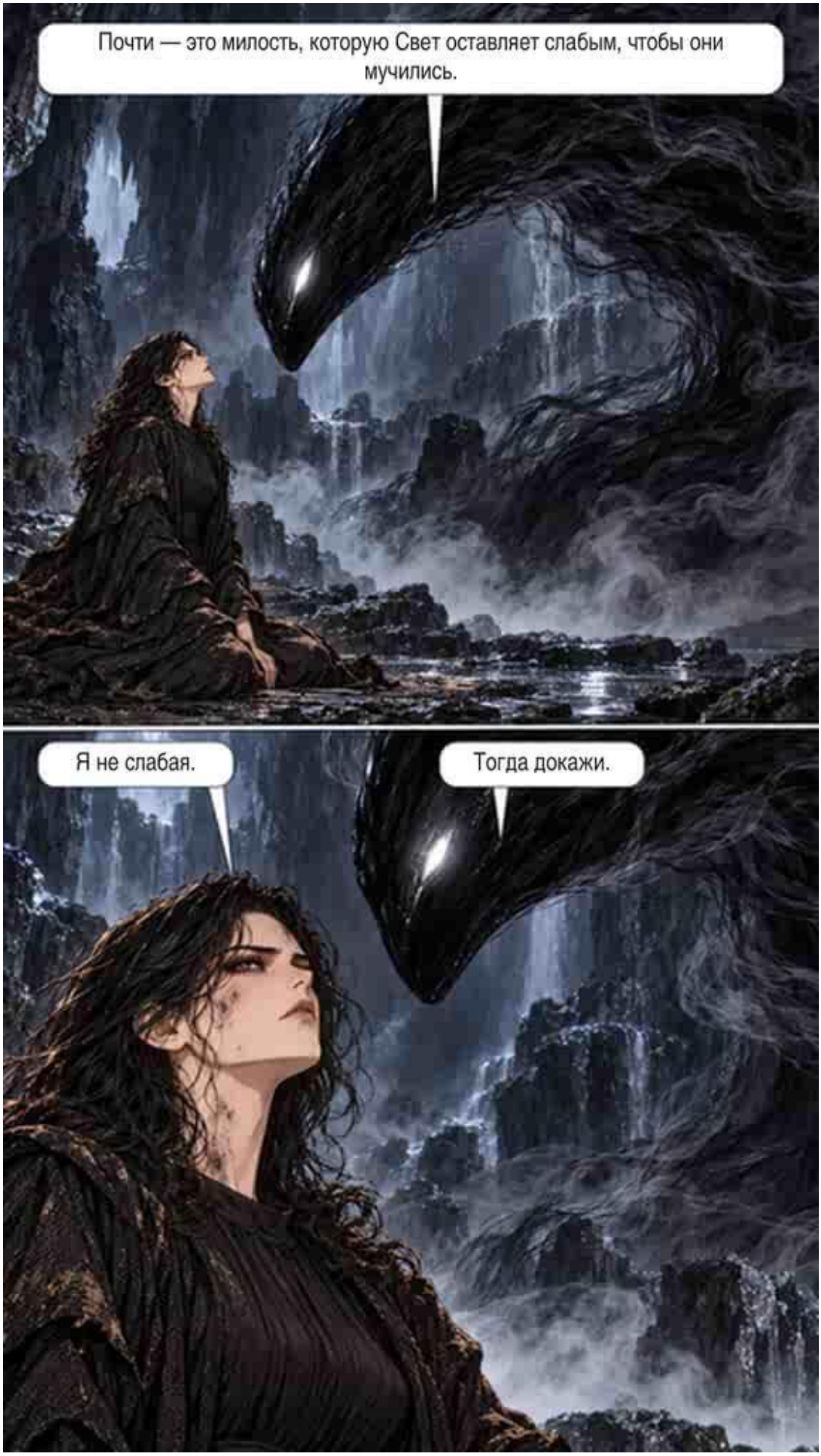

Если внутри меня кусок ловушки, я имею право знать, куда она ведёт.

Тогда слушай не боль. Слушай то, что за ней.

Дождь ещё падал. Но казалось, каждая капля зависла в воздухе.

Саэр увидел логово Змея.

Я почти повернула Колесо.

Почти — это милость, которую Свет оставляет слабым, чтобы они мучились.
Я не слабая.
Тогда докажи.

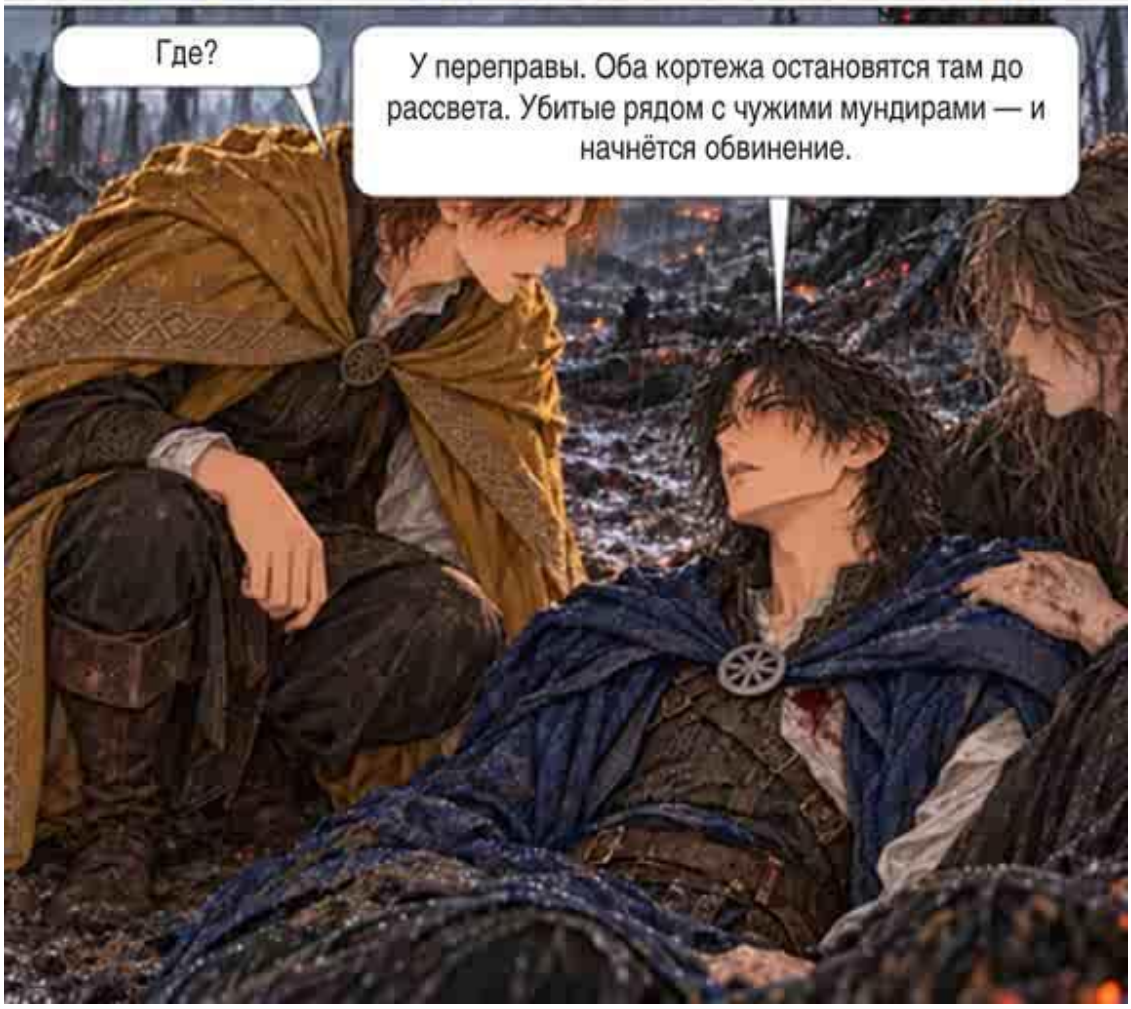

Перед ней лежал другой знак. Не колесо — флаг.

Ложный флаг. Чужой золотой орёл и французская лилия на одном полотнище.

Если нельзя повернуть всё время сразу, заставим людей сделать это за нас. Пусть Россия и Франция обвинят друг друга.
Пусть кортежи найдут с чужими знаками. Пусть первые выстрелы прозвучат из рук тех, кто считает себя честными солдатами.

А мушкетёры и гусары?
Они уже в чужих мундирах. Осталось сделать так, чтобы их увидели в момент убийства.

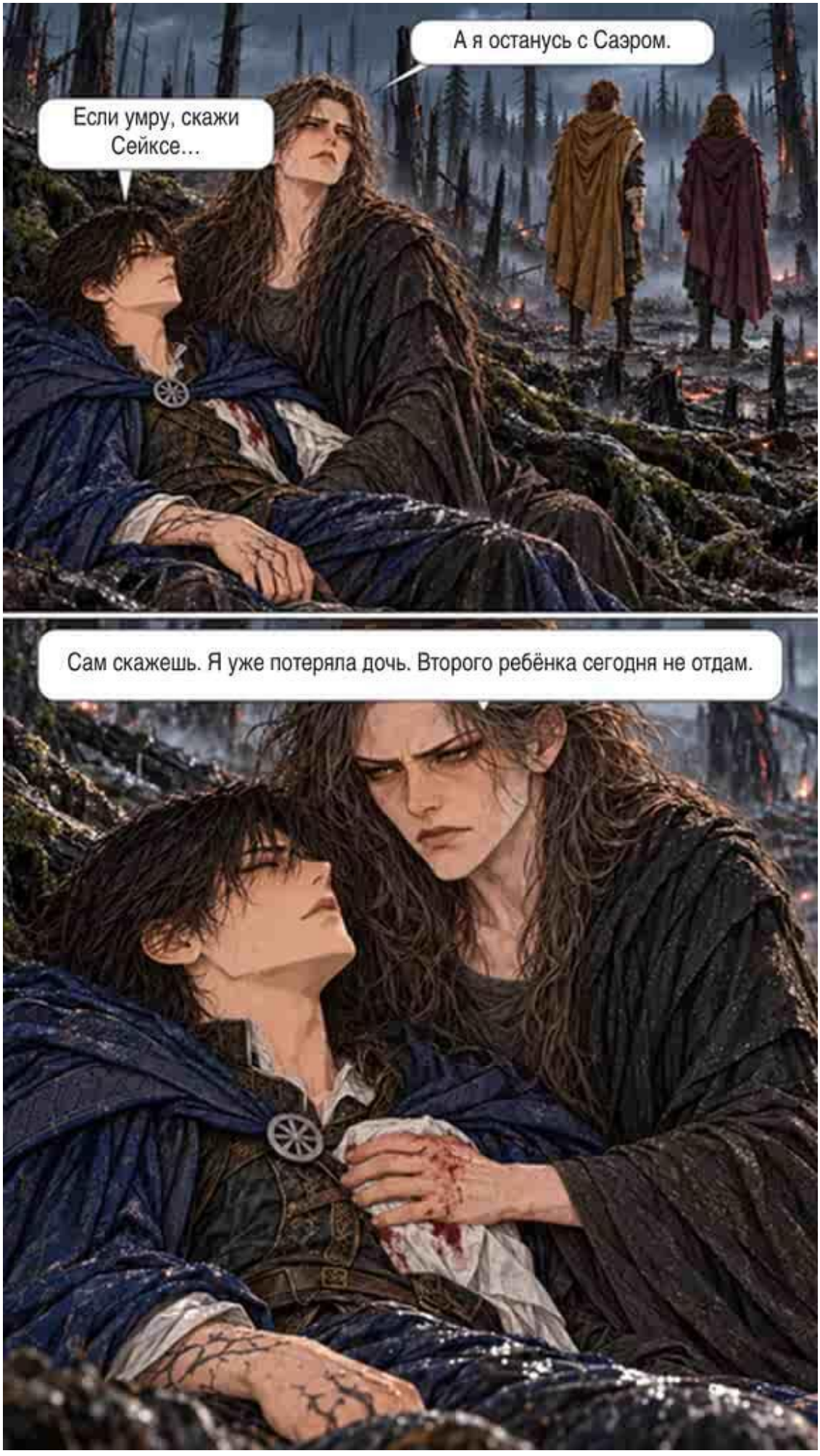

Они хотят не артефакт. Они хотят свидетелей.

Где?
У переправы. Оба кортежа остановятся там до рассвета. Убитые рядом с чужими мундирами — и начнётся обвинение.

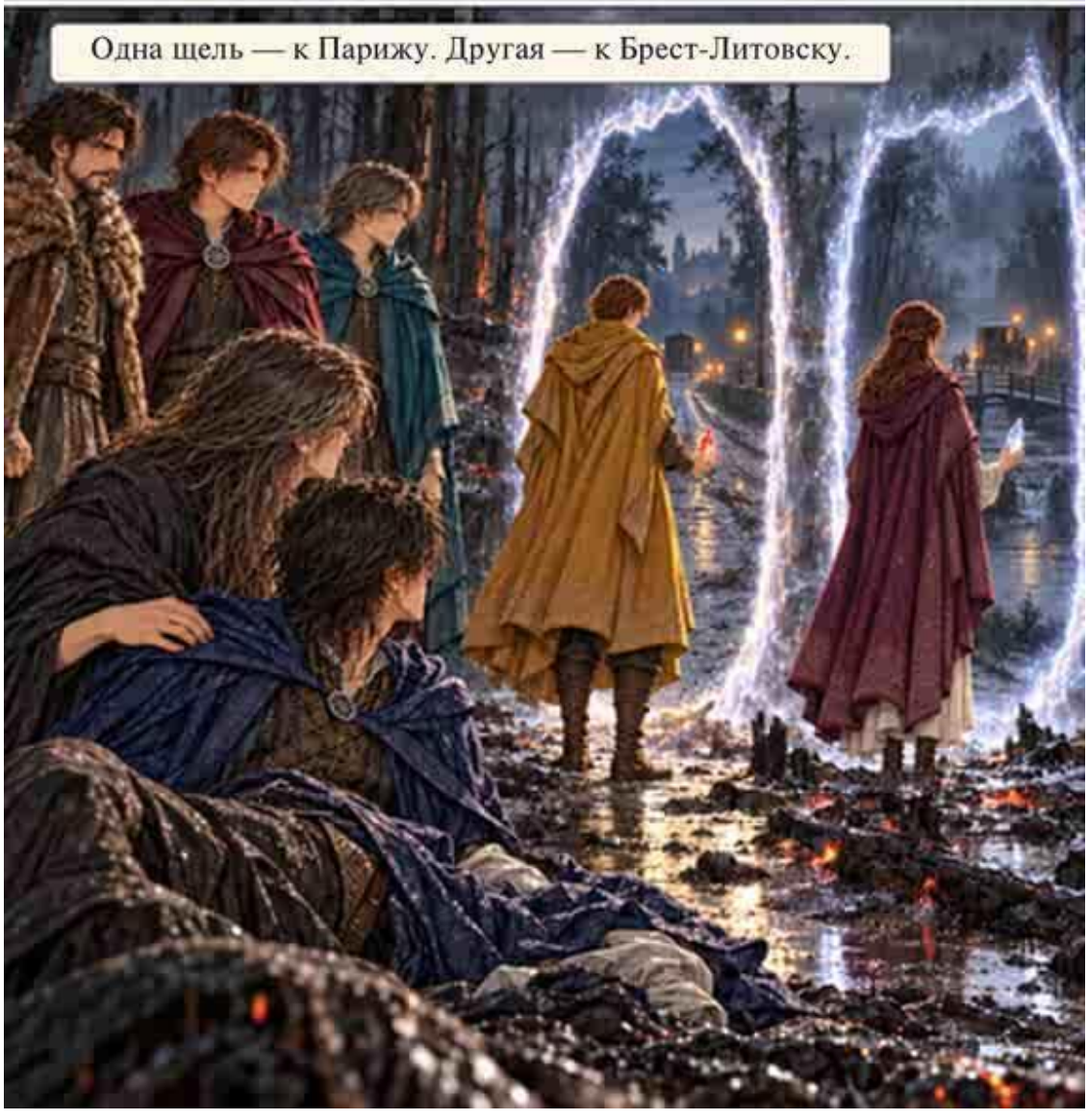

Нужно предупредить зеркальные отряды.
Ниу далеко. Нить он сейчас не держит.

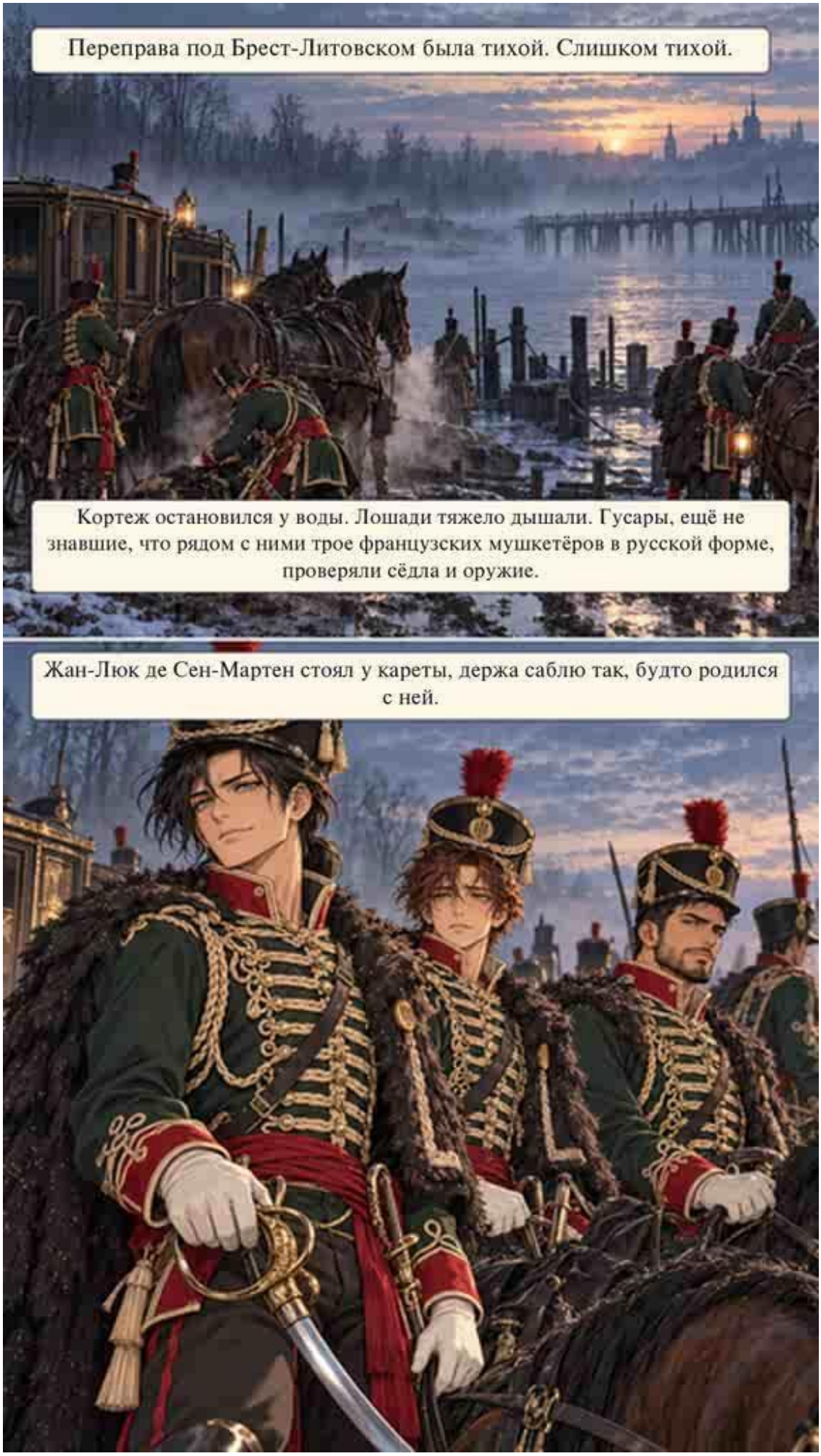

Тогда держать будем мы.

Между кристаллами протянулась тонкая светлая линия. Не такая устойчивая, как у Ниу, но живая.
Я возьму французский край.
Я русский.

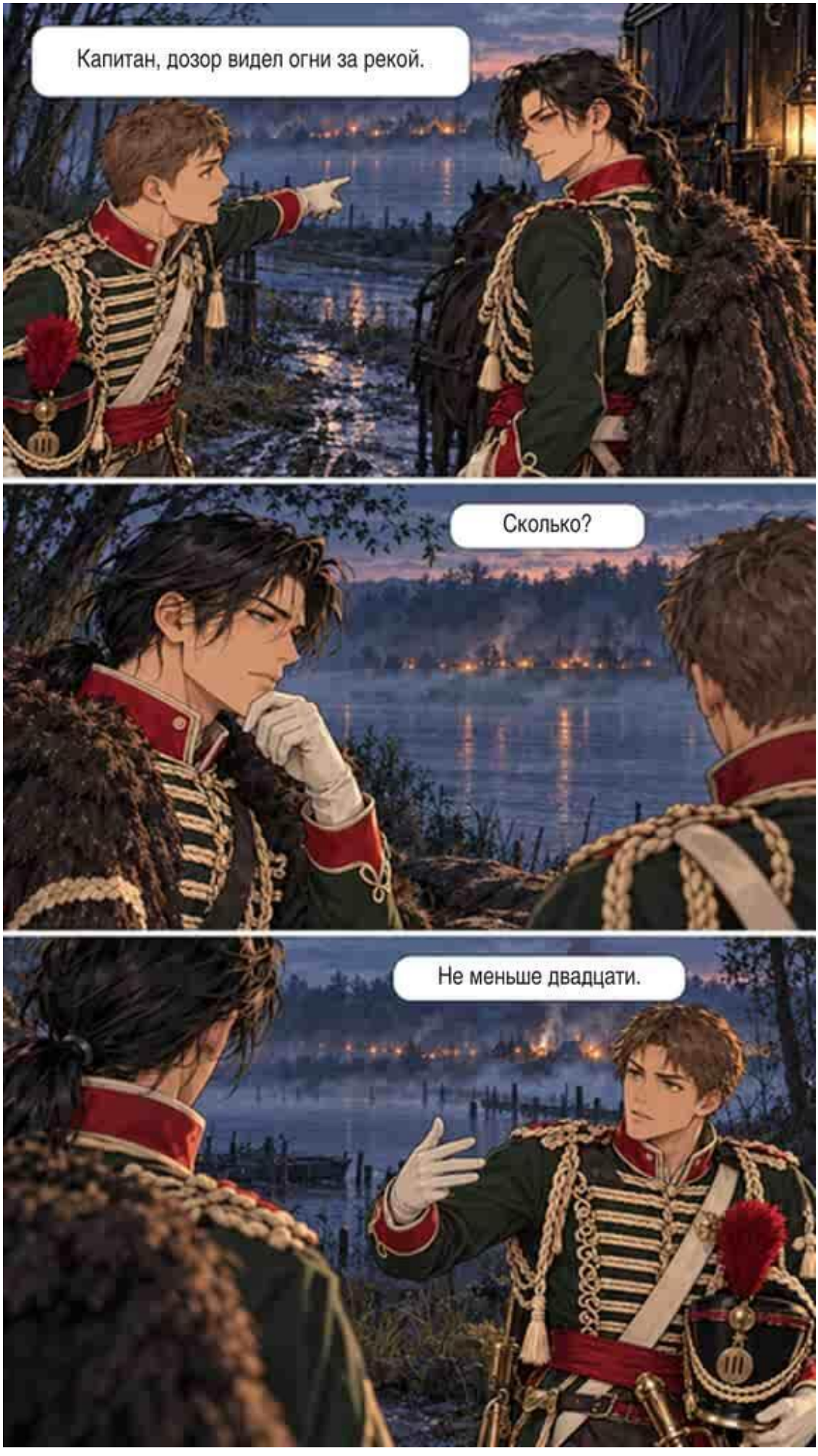

А я останусь с Саэром.
Если умру, скажи Сейксе...
Сам скажешь. Я уже потеряла дочь. Второго ребёнка сегодня не отдам.

Осколок вспыхнул.

Одна щель — к Парижу. Другая — к Брест-Литовску.

Переправа под Брест-Литовском была тихой. Слишком тихой.
Кортеж остановился у воды. Лошади тяжело дышали. Гусары, ещё не знавшие, что рядом с ними трое французских мушкетёров в русской форме, проверяли сёдла и оружие.
Жан-Люк де Сен-Мартен стоял у кареты, держа саблю так, будто родился с ней.

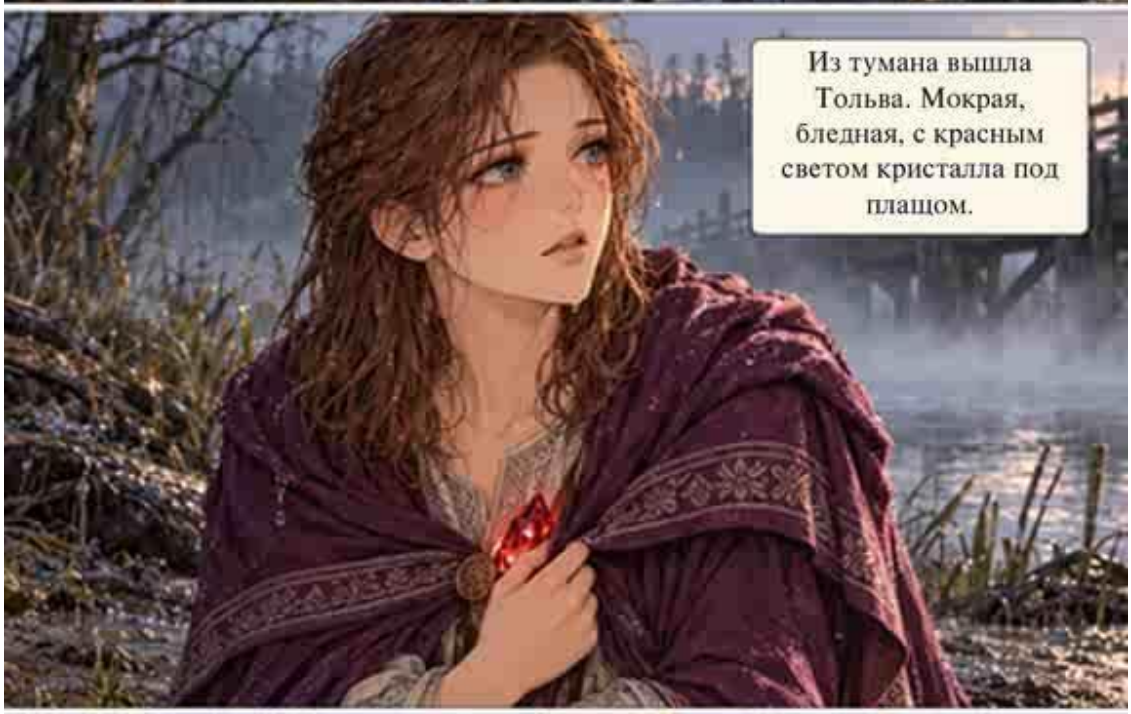

На самом деле он ненавидел саблю.
Шпага была продолжением мысли. Сабля — продолжением крика.
Но сегодня кричать было полезнее.

Капитан, дозор видел огни за рекой.
Сколько?
Не меньше двадцати.

Значит, нападут не сейчас.
Почему?
Потому что хотят, чтобы мы устали ждать.

Он говорил спокойно, но внутри считал секунды. Если поля времени не вернут его назад скоро, кто-нибудь поймёт, что его русский язык слишком беден для капитана гусар.

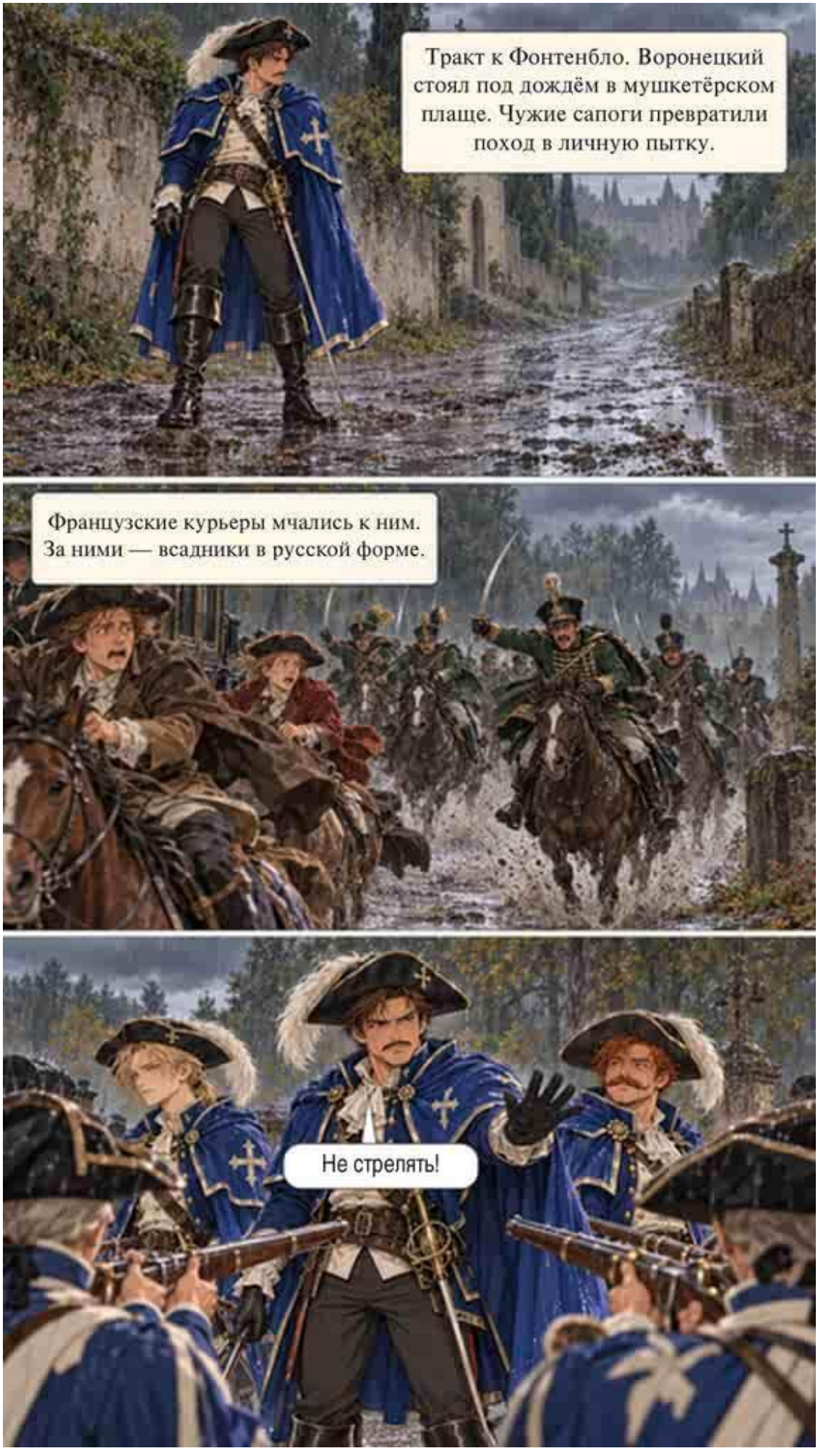

В этот миг на воде появилась рябь. Не от ветра.

Из тумана вышла Тольва. Мокрая, бледная, с красным светом кристалла под плащом.

Вы из Братства.

Они хотят сделать вас убийцами.
Мы уже стараемся не быть убитыми. Этого мало?
Мало. Они подведут к переправе людей во французской форме.
Убьют часть кортежа. Оставят вас в русских мундирах рядом с французскими телами.
Что она сказала?
Что нам нужно умереть очень аккуратно, чтобы никого не обидеть.

Нет. Вам нужно исчезнуть на глазах свидетелей.
Это сложнее.
Но красивее.
Говорите.

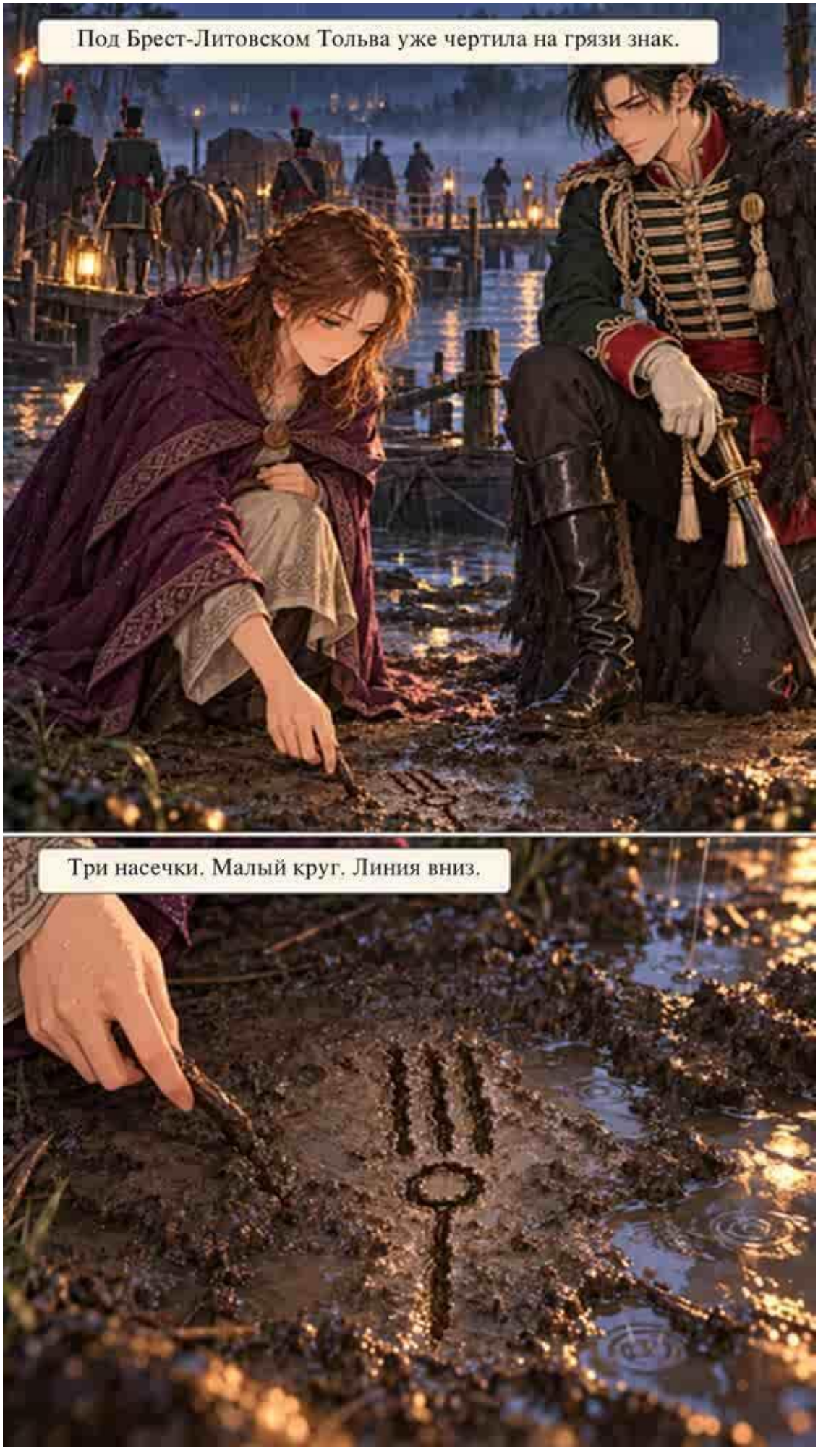

Тракт к Фонтенбло. Воронецкий стоял под дождём в мушкетёрском плаще. Чужие сапоги превратили поход в личную пытку.
Французские курьеры мчались к ним. За ними — всадники в русской форме.
Не стрелять!

Они хотят, чтобы вы убили тех, кто выглядит как ваши.

А кто они на самом деле?

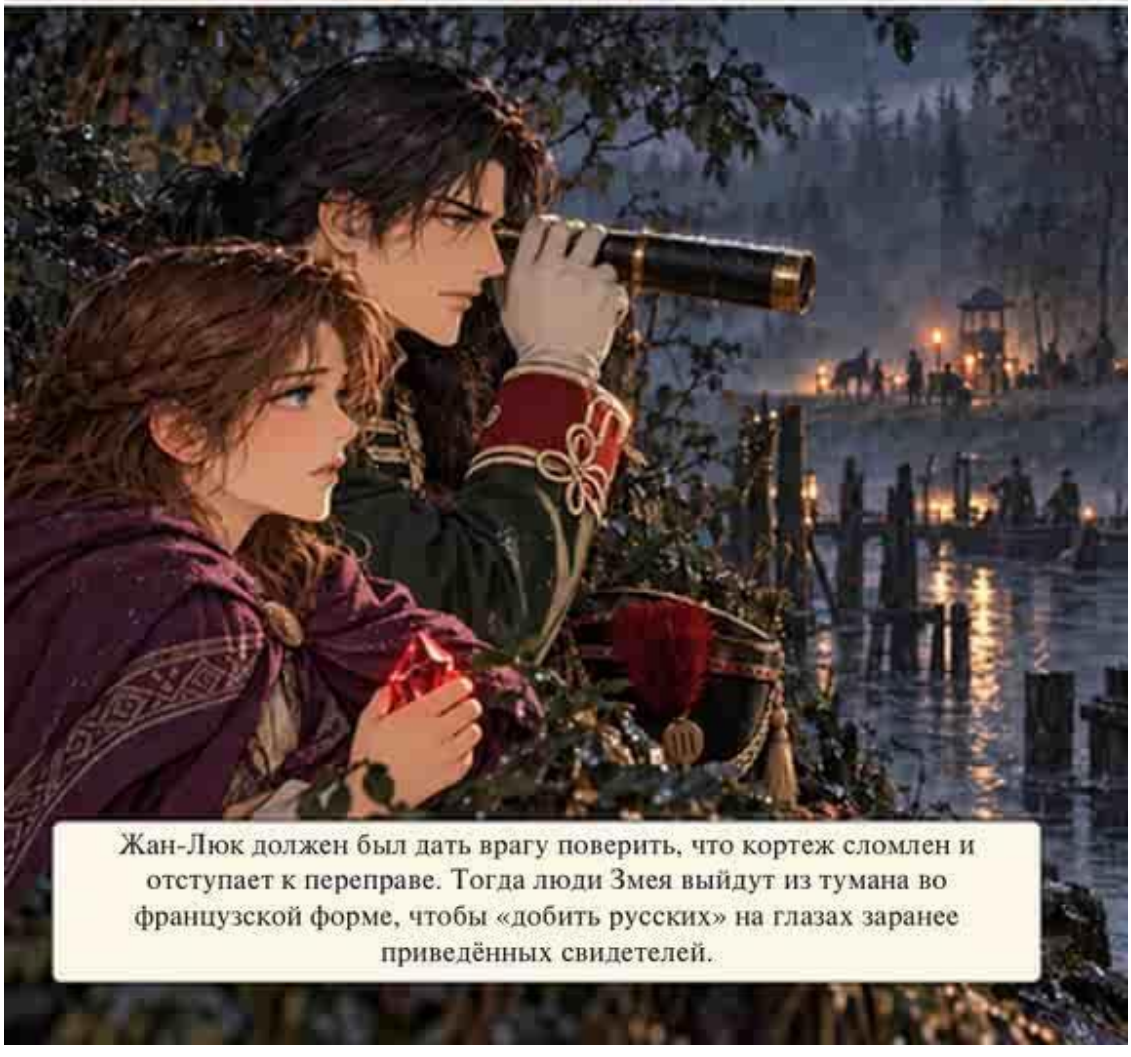

Люди Змея под фальшивым флагом.

А настоящие?
Смешаны с ними. Если ударите, убьёте невиновных. Если не ударите, они убьют вас.
Значит, бить нельзя. Надо заставить их упасть самим.
Вы быстро учитесь.
Я русский офицер в Париже, одетый как француз. Сегодня учёба идёт хорошо.

Под Брест-Литовском Тольва уже чертила на грязи знак.
Три насечки. Малый круг. Линия вниз.

Когда они появятся, вы отступите к воде.
Это выглядит как бегство.
Именно.
Гусары не бегут.
Сегодня вы мушкетёр в гусарской форме. Пользуйтесь.
Жестоко, но справедливо.

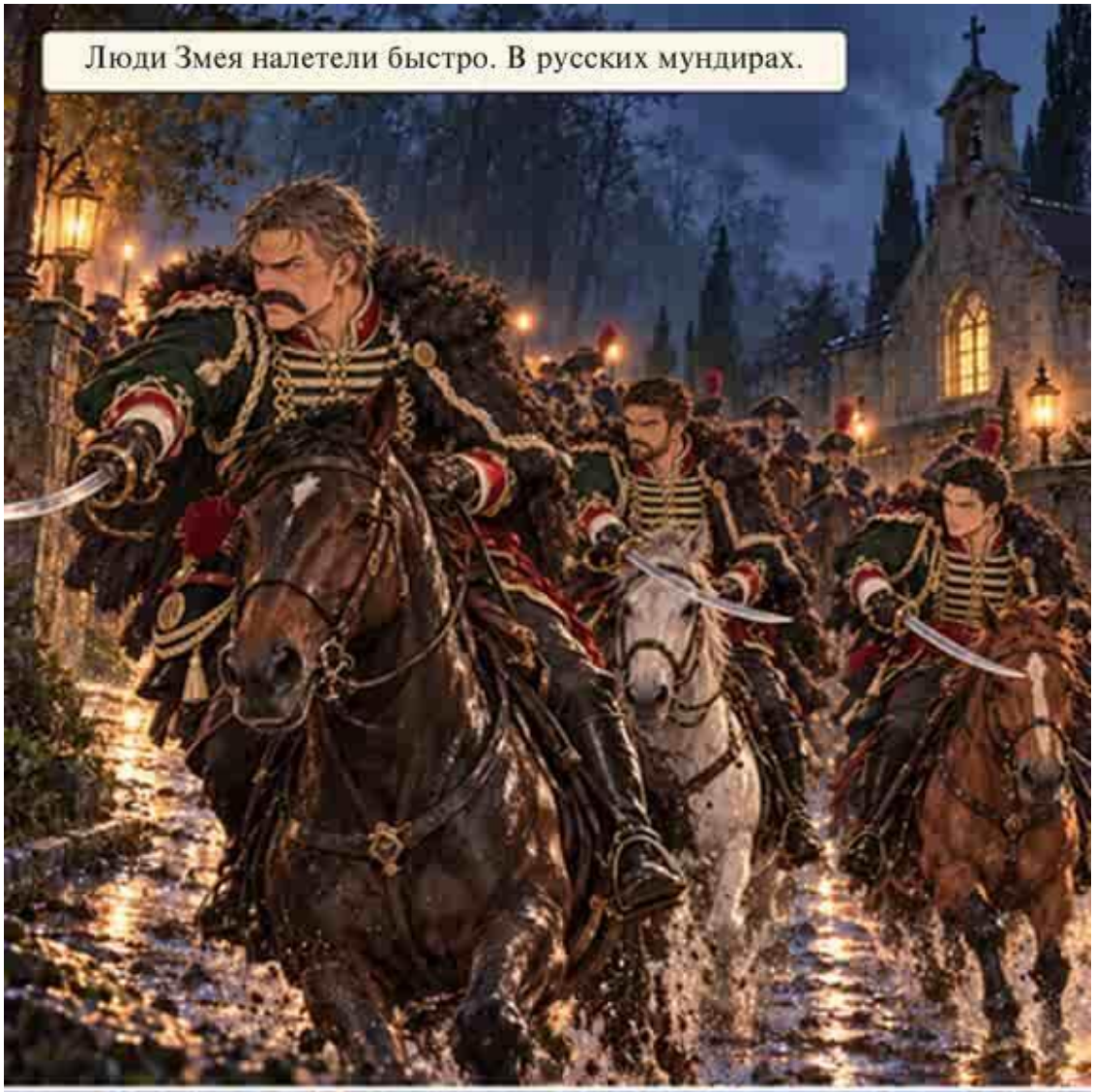

План был простым. Но опасным.

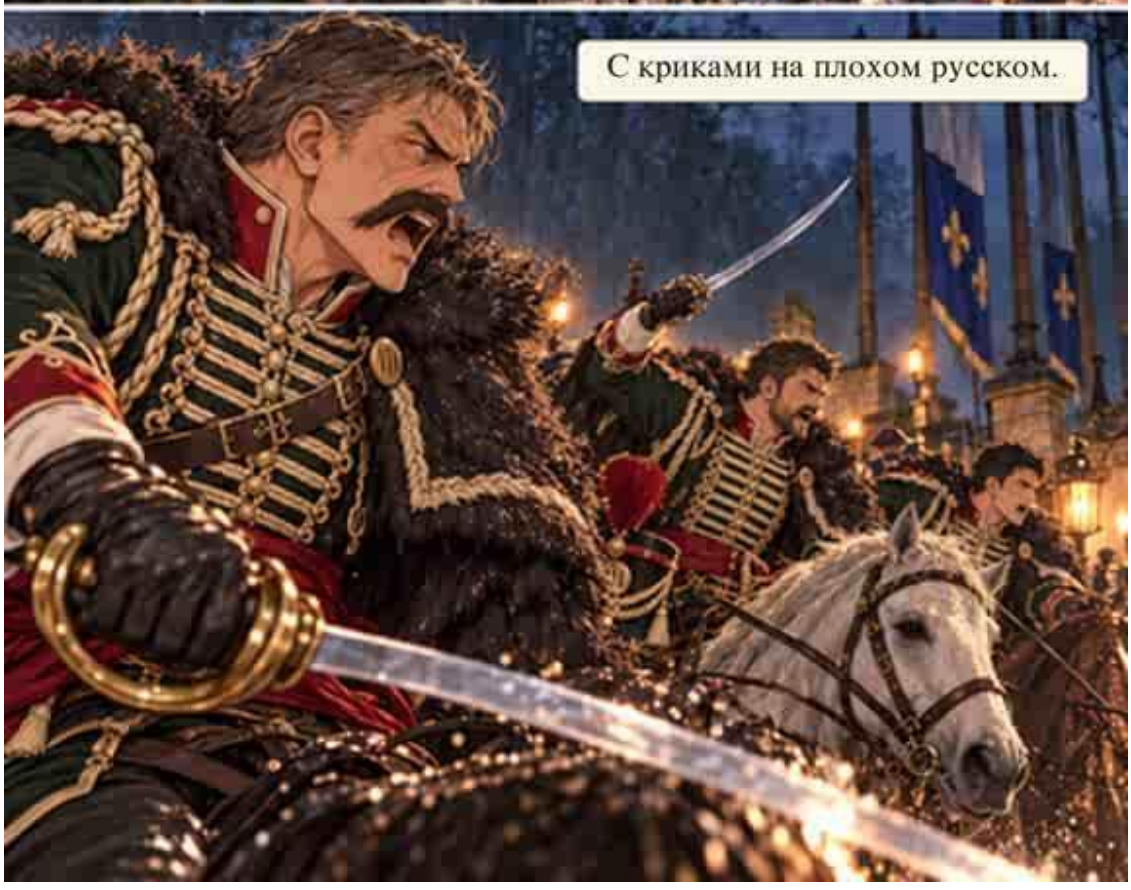

Жан-Люк должен был дать врагу поверить, что кортеж сломлен и отступает к переправе. Тогда люди Змея выйдут из тумана во французской форме, чтобы «добить русских» на глазах заранее приведённых свидетелей.

Но Тольва уже поставила знак на мостовых сваях.
Если враг пересечёт линию с ложным флагом, их форма на миг покажет истинную тень.
Не всем. Только тем, кто должен увидеть. Свидетелям.

На французском тракте Воронецкий сделал почти то же. Он приказал мушкетёрам разом опустить флаги.

Для французов это выглядело как знак скорби. Для Братства — как знак: «не верь глазам».

Люди Змея налетели быстро. В русских мундирах.

С криками на плохом русском.

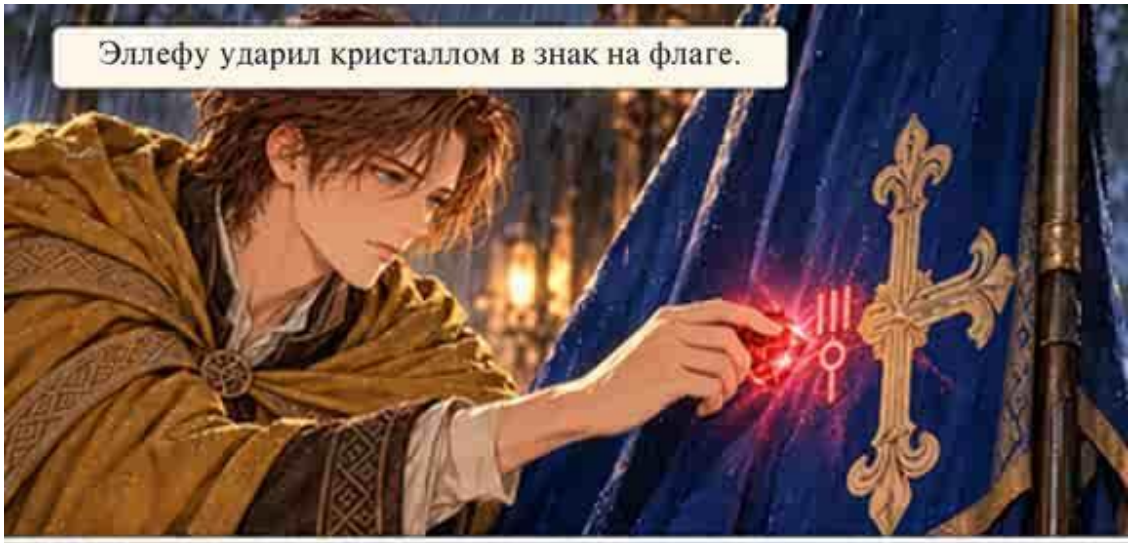

Один кричал слишком чисто.
Другой держал саблю как кинжал.
Третий перекрестился не той рукой.
Не наши.

Не стреляйте.
Я помню.
Верёвки!

Мушкетёры дёрнули заранее натянутые канаты. Мокрая дорога превратилась в ловушку.

Первые всадники рухнули. Вторые налетели на них.

Третьих накрыло сетями, которыми обычно подхватывали груз на речных баржах.

Эллефу ударил кристаллом в знак на флаге.

На мгновение чужие мундиры почернели, и все увидели под ними тени Змея.

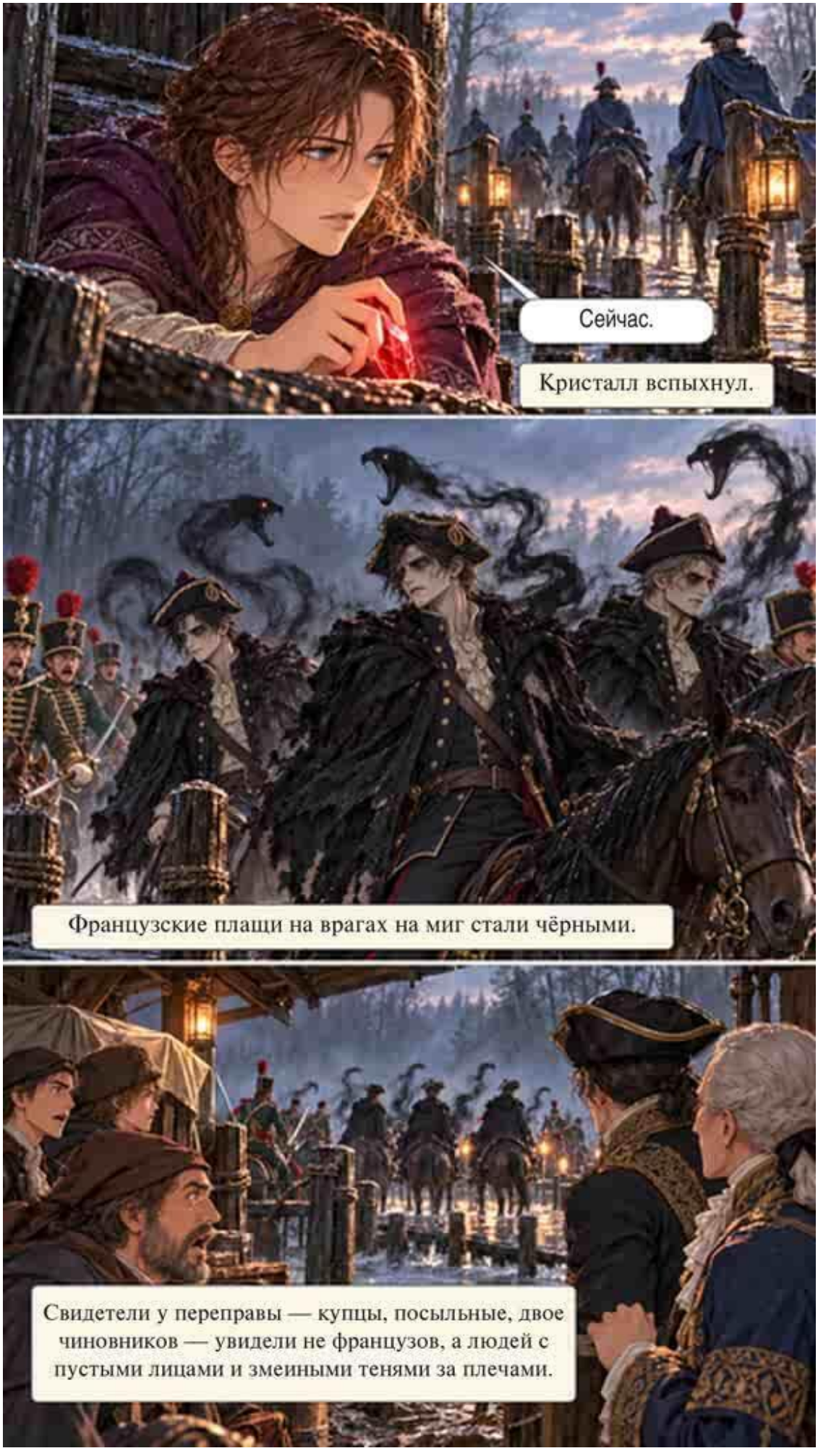

Французские свидетели, спрятанные у часовни, вскрикнули. Они увидели правду.

Под Брест-Литовском всё случилось одновременно. Жан-Люк дал приказ отходить к воде.

Гусары злились, но подчинились.

Враги вышли из тумана во французских плащах, крича, что пришли «мстить за короля».

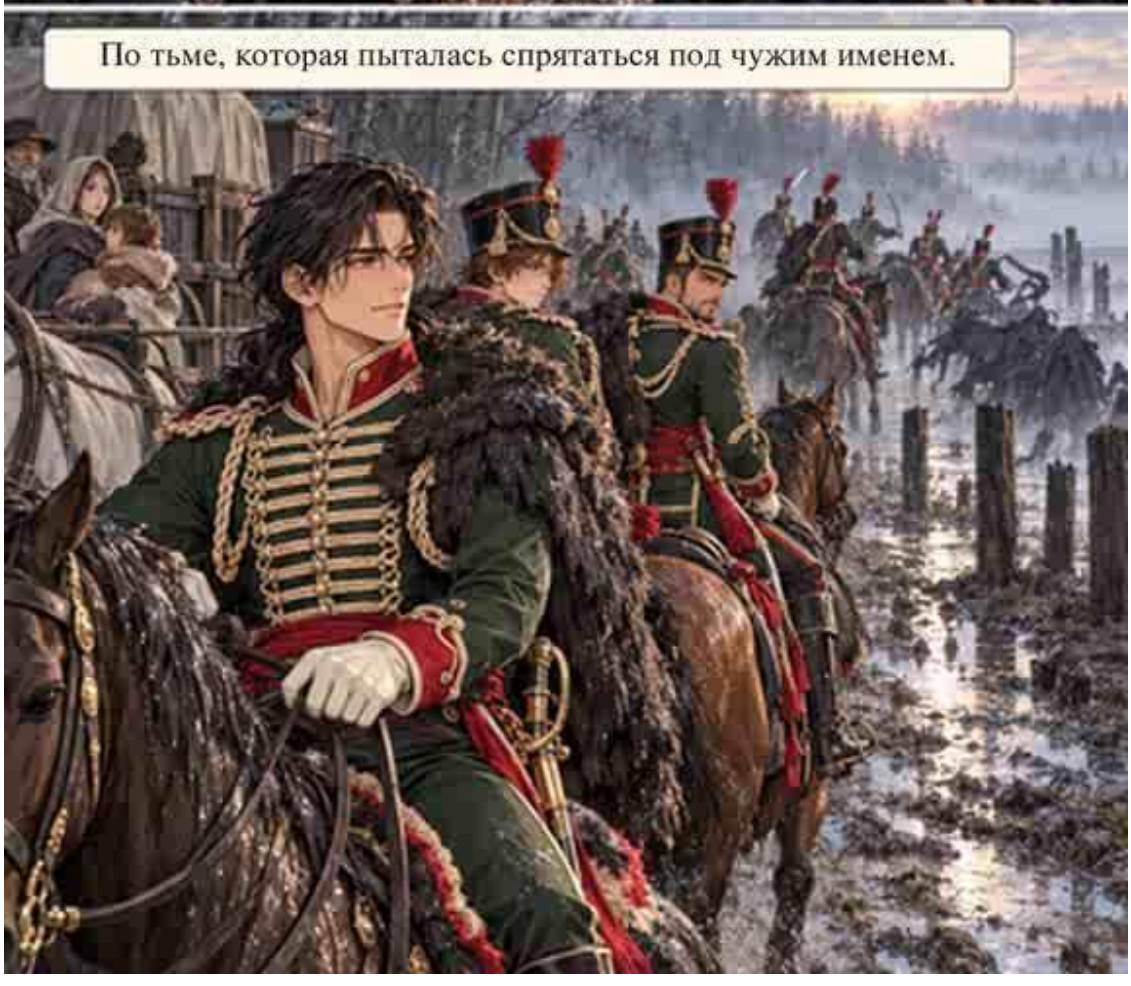

Тольва ждала, пока первый пересечёт знак на сваях.

Сейчас.
Кристалл вспыхнул.
Французские плащи на врагах на миг стали чёрными.
Свидетели у переправы — купцы, посыльные, двое чиновников — увидели не французов, а людей с пустыми лицами и змеиными тенями за плечами.

Теперь можно.

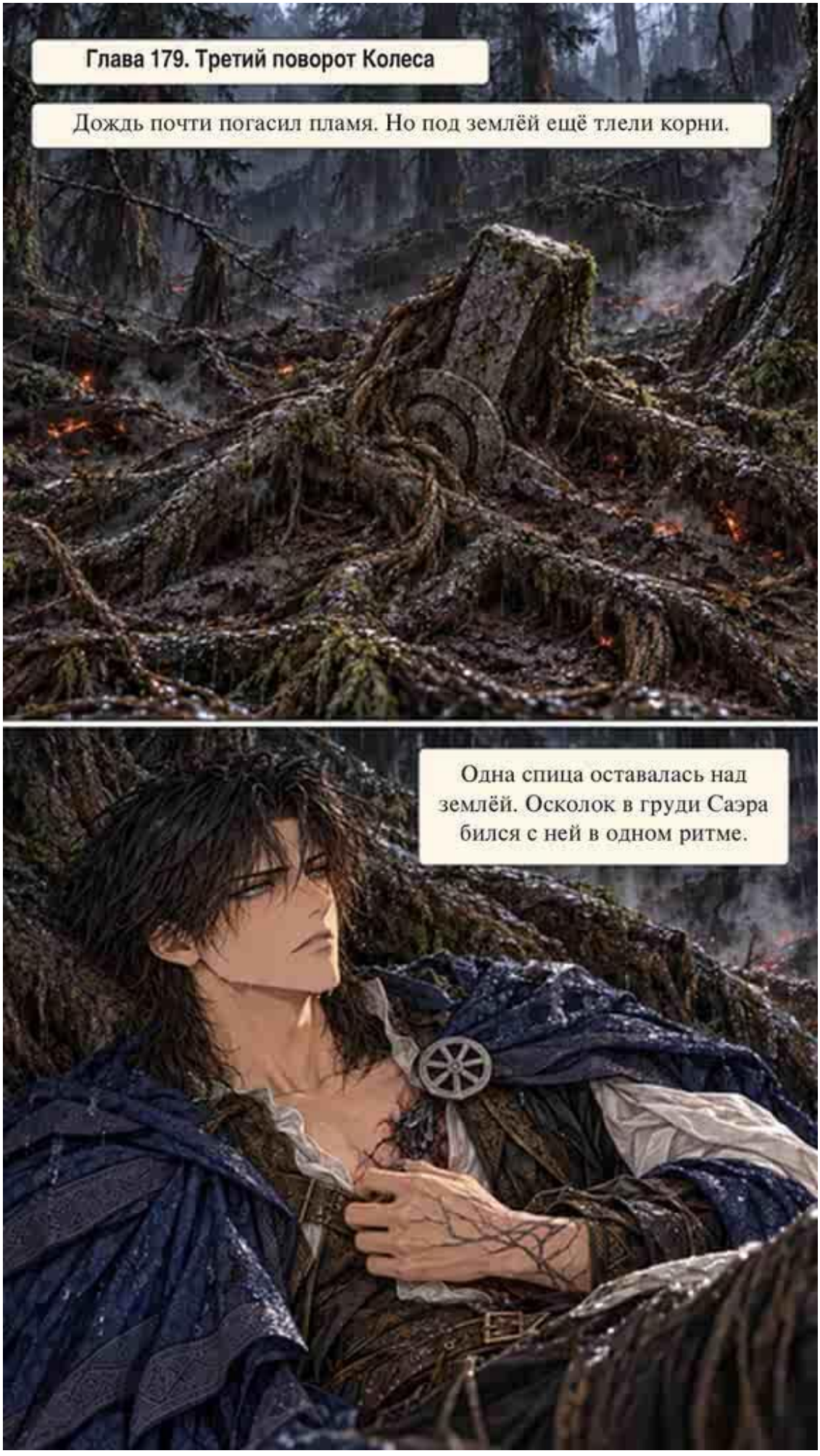

Гусары ударили.

Не по Франции. Не по Польше. Не по ложному флагу.

По тьме, которая пыталась спрятаться под чужим именем.

К рассвету обе провокации были сорваны.
Но Сирра ещё не проиграла.
Потому что осколок в сердце Саэра снова начал вращаться.

Глава 179. Третий поворот Колеса

Глава 179. Третий поворот Колеса
Дождь почти погасил пламя. Но под землёй ещё тлели корни.
Одна спица оставалась над землёй. Осколок в груди Саэра бился с ней в одном ритме.

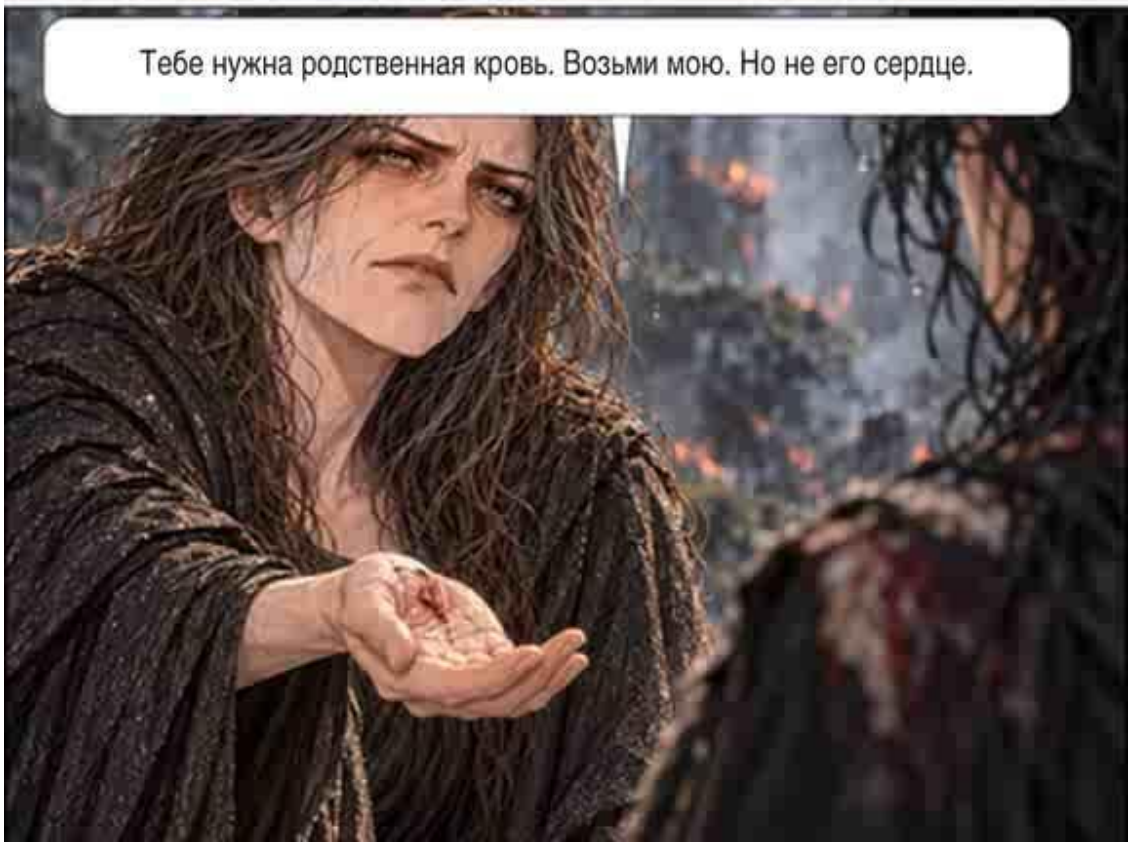

Терпи.
Я стараюсь. Но внутри меня кто-то пытается открыть дверь ногой.
Сирра.

Она вернулась через дым. Сначала смех, потом силуэт.
Вы спасли кортежи. Как мило.
Змей бросил её обратно, как нож.

Хватит.
Ты снова будешь говорить, что я дочь?
Да.
Тогда смотри, как дочь забирает сына.

Сирра подняла руку. Осколок вспыхнул.
Сила тянула к Колесу не тело — сердце.
Сирра хотела сделать Саэра живой спицей. Тогда лес больше не удержит время.

Возьми мою кровь.
Что?

Тебе нужна родственная кровь. Возьми мою. Но не его сердце.

Мора, нет.

Я не смогла защитить её тогда. Сейчас хотя бы не дам ей убить брата.

Ты думаешь, кровь сделает меня другой?
Нет.
Тогда зачем?
Чтобы ты впервые получила от меня не крик.

Я не просила.
Дети редко просят, когда их уже украли.
Сирра бросилась вперёд.

Эллефу и Тольва вернулись из двух щелей одновременно.

С ними пришли два капитана. Лес, Россия и Франция встретились в одной точке.

Люди?

Я начинаю понимать, почему нам в штабе ничего не объясняют.

Если это семейный спор, мы можем подождать. Если конец света — предпочту участвовать.
Колесо остановит только общий знак. Братство, братья и зеркальные отряды должны ударить в один ритм.

Какой?
Три удара по эфесу. Ладонь к груди. Флаг вниз.
Наше знакомство становится всё более странным.
Зато правила простые.

Сирра рванулась к Саэру.
Лес... Я родила тьму. Но сейчас прошу тебя удержать мою дочь.

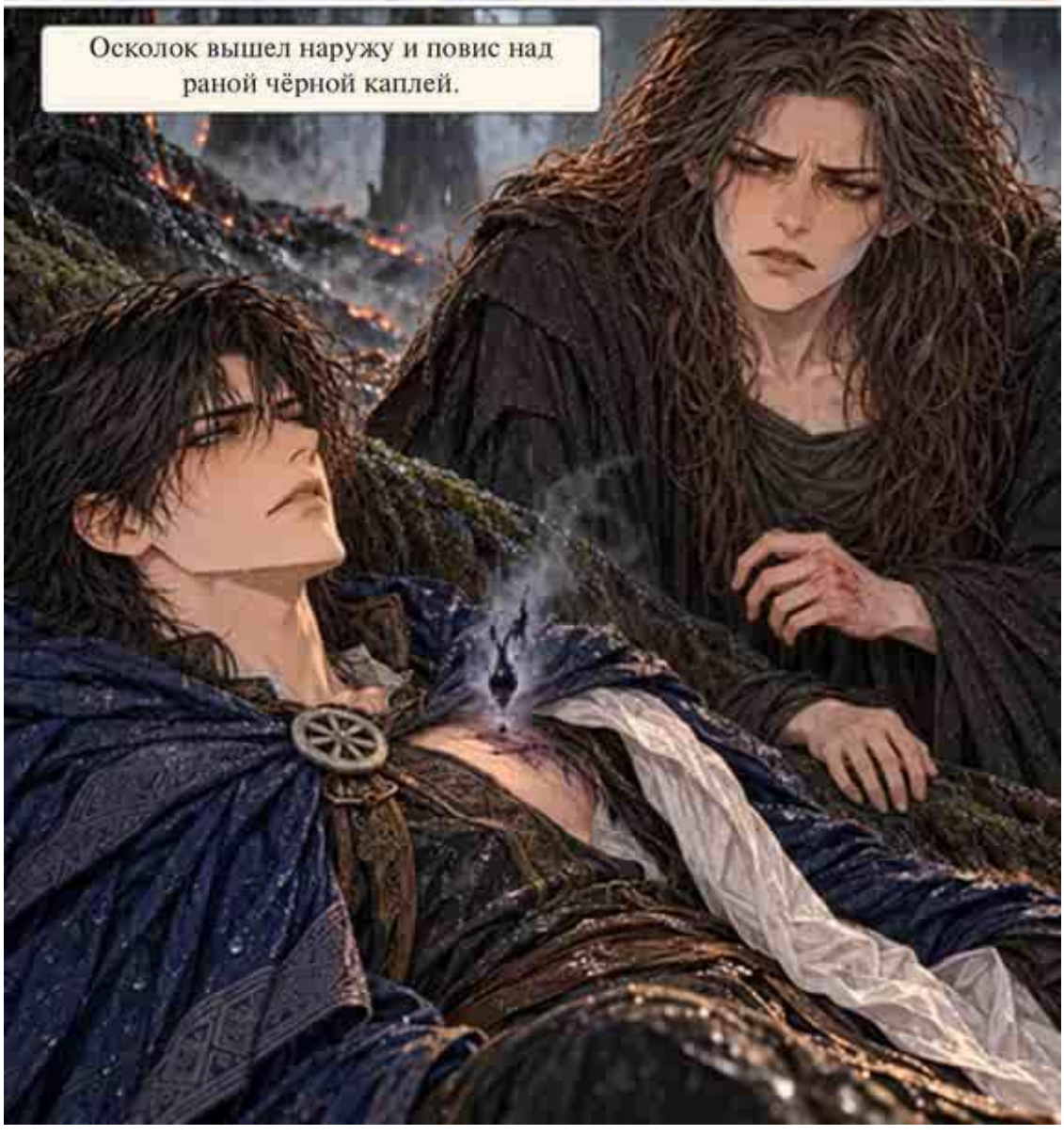

Корень дрогнул.
Сирра закричала — не от боли.
Лес услышал Мору.
Корни удержали её дочь.

Раз.
Два.
Три.

Все приложили ладони к груди.

Флаги опустились не в знак поражения — в знак отказа служить лжи.

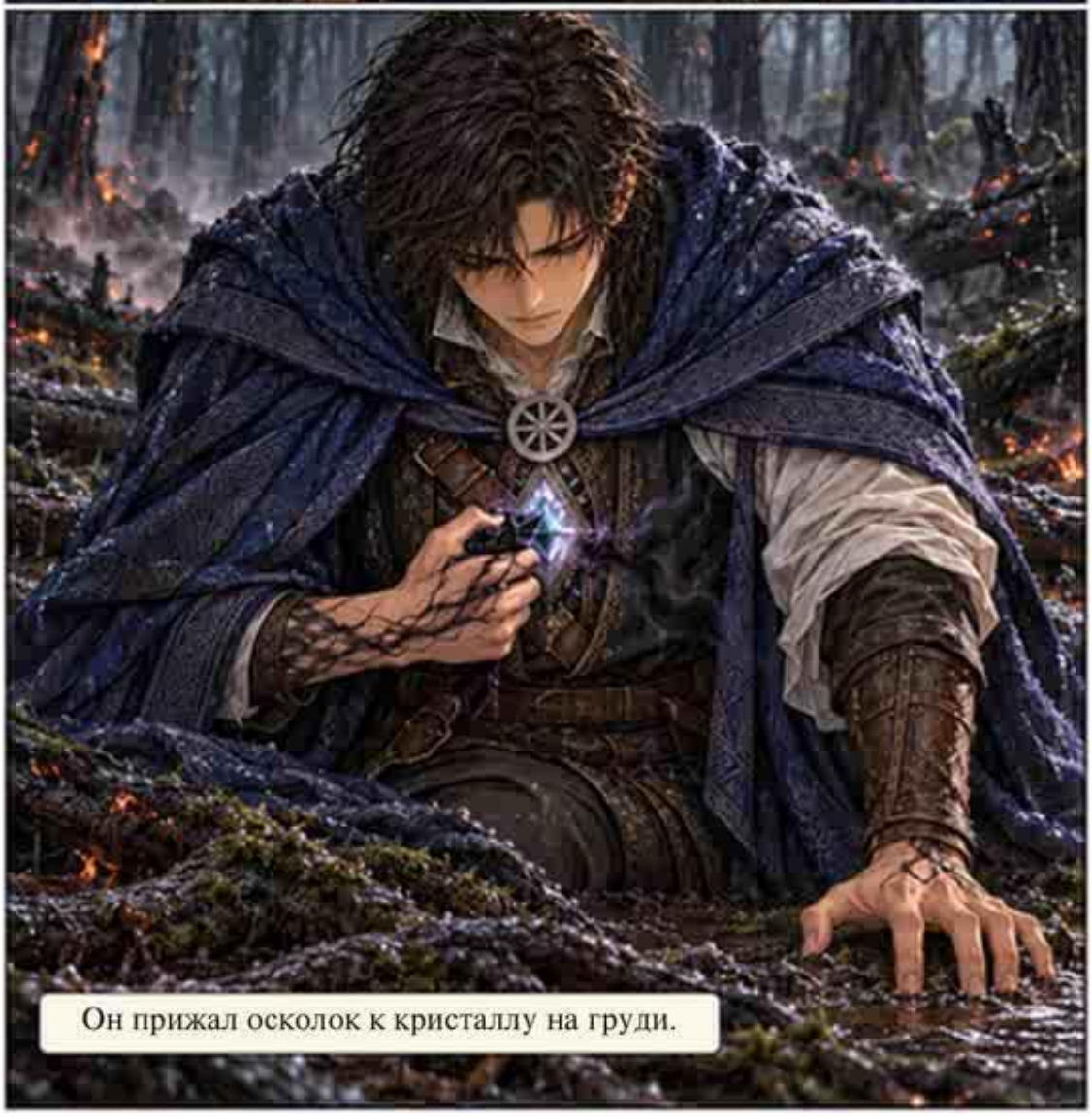

Колесо содрогнулось.

Осколок вышел наружу и повис над раной чёрной каплей.

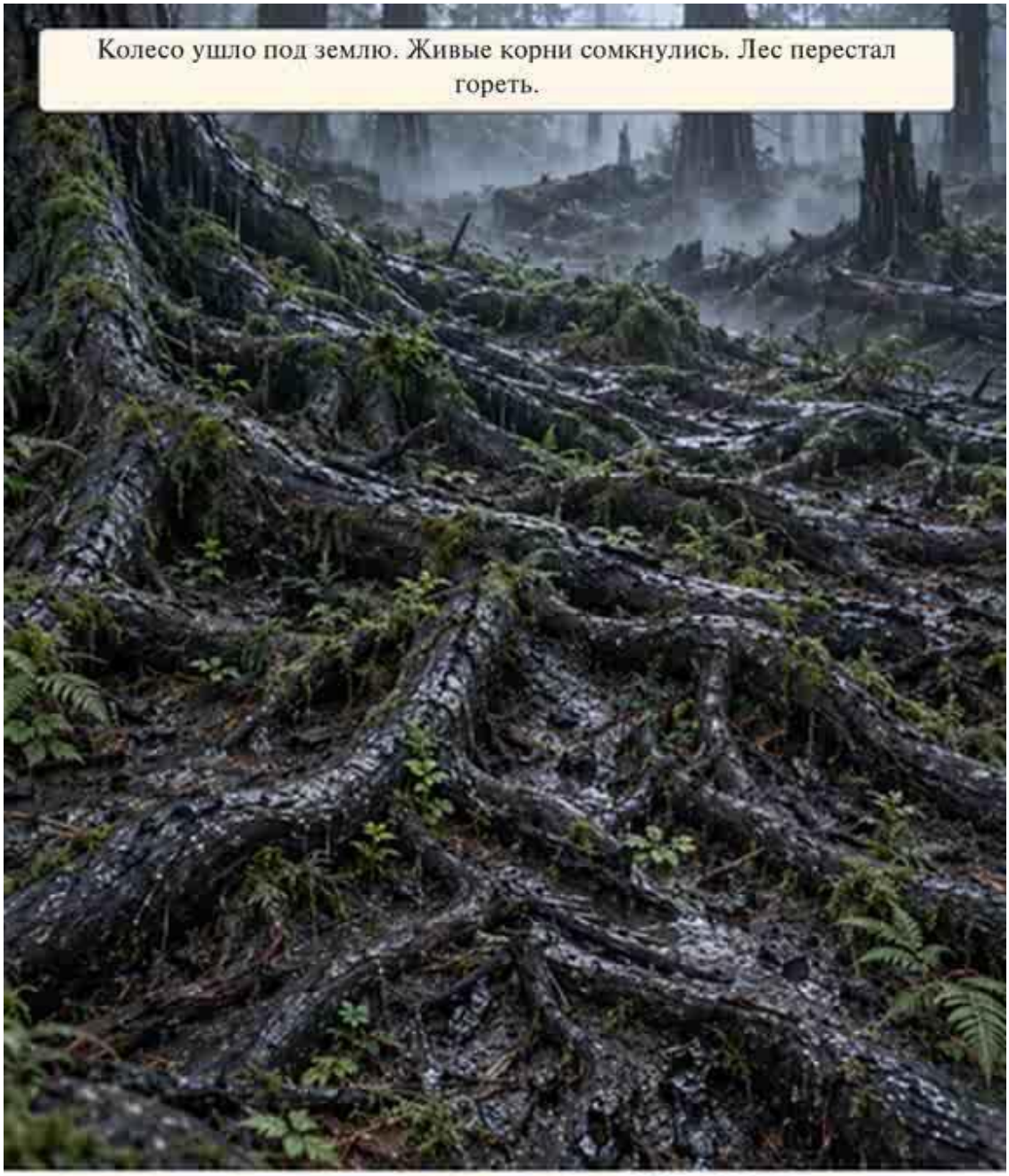

Сирра обрубила корни и бросилась к осколку.

Саэр поймал осколок сам.
Саэр!

Это моё прошлое. Значит, мне и решать, кому оно служит.

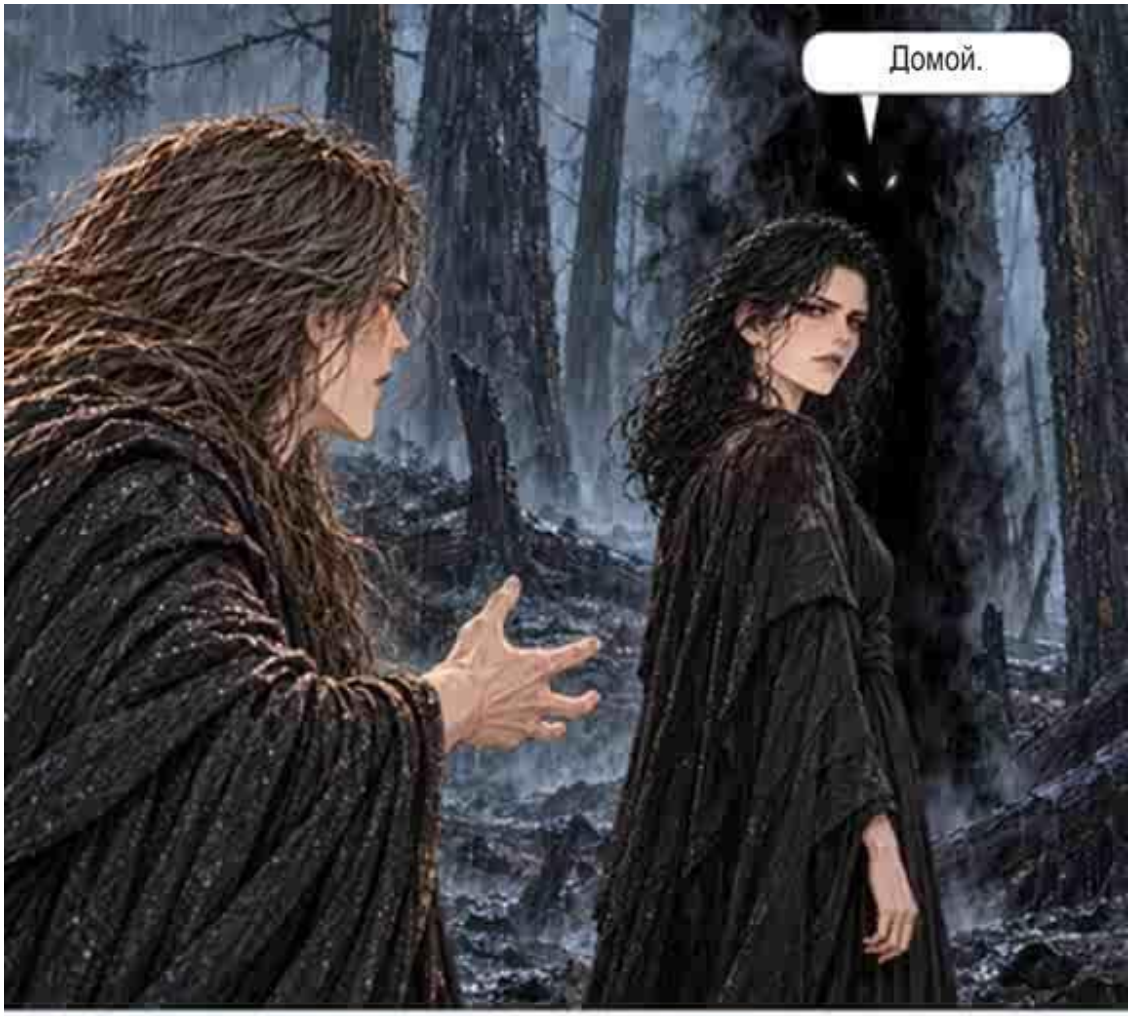

Он прижал осколок к кристаллу на груди.

Свет и тьма столкнулись.
Саэр закричал. Сирра тоже.
Осколок рассыпался пеплом.

Колесо ушло под землю. Живые корни сомкнулись. Лес перестал гореть.

Тишина стала такой глубокой, что слышалось, как под землёй капает вода.

На несколько вдохов её власть исчезла. Перед ними стояла молодая женщина, которую учили быть чудовищем.
Пойдём со мной.

Домой.

У меня нет дома.

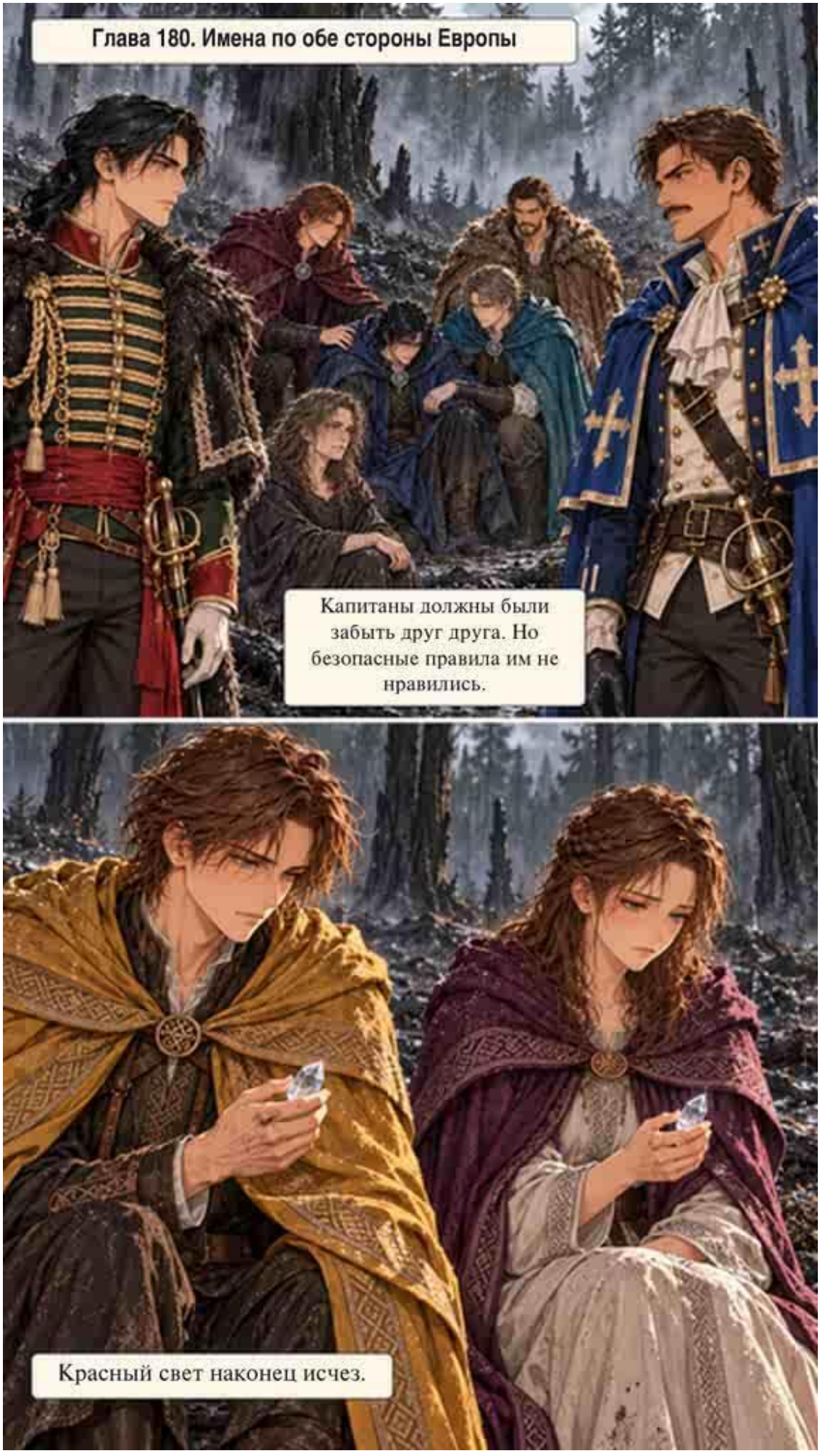

Мать.

Потом тьма забрала её.

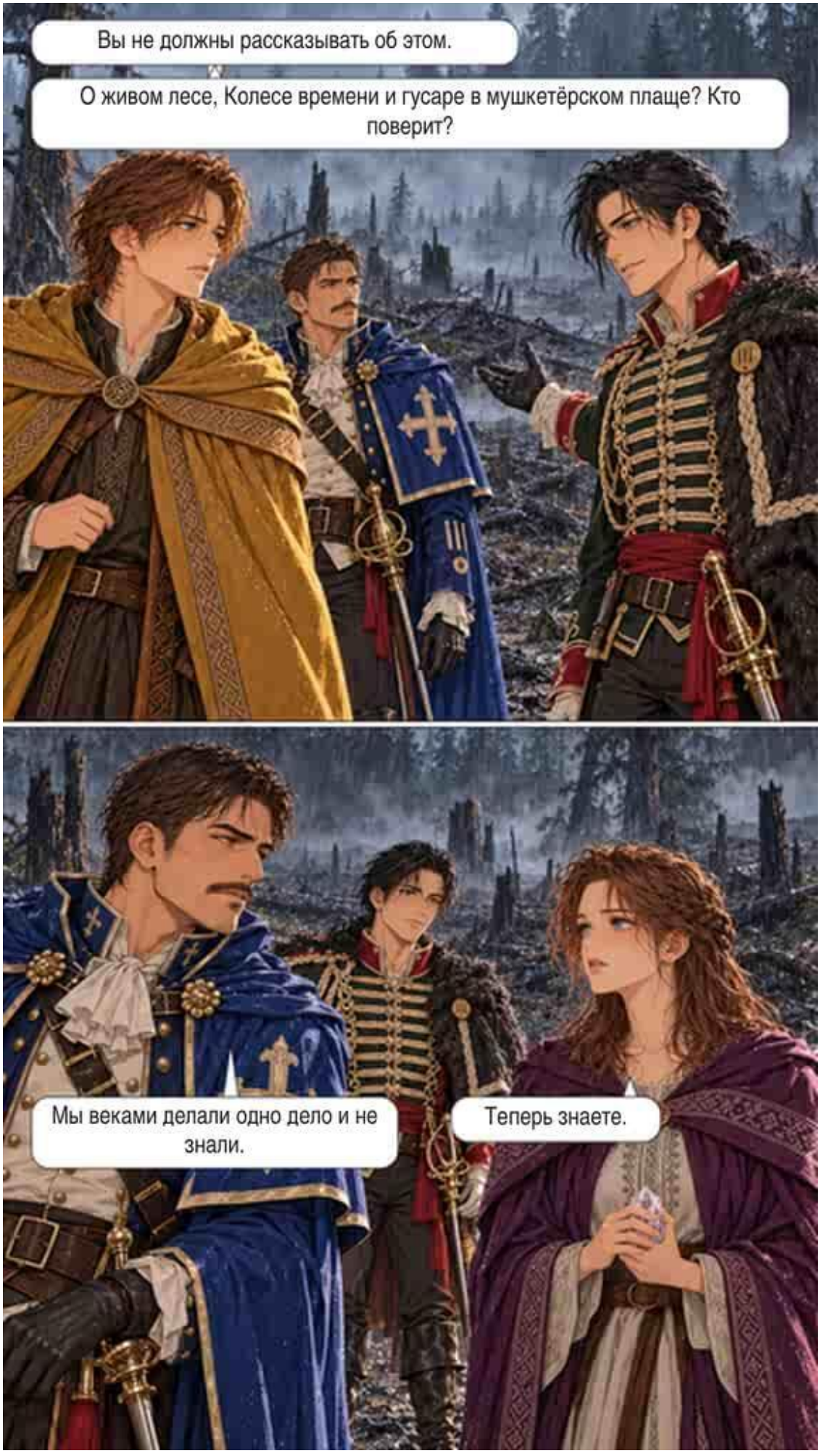

Она сказала.
Да.

Лес больше не горел. Победа оставила надежду, от которой ещё больнее.

Глава 180. Имена по обе стороны Европы

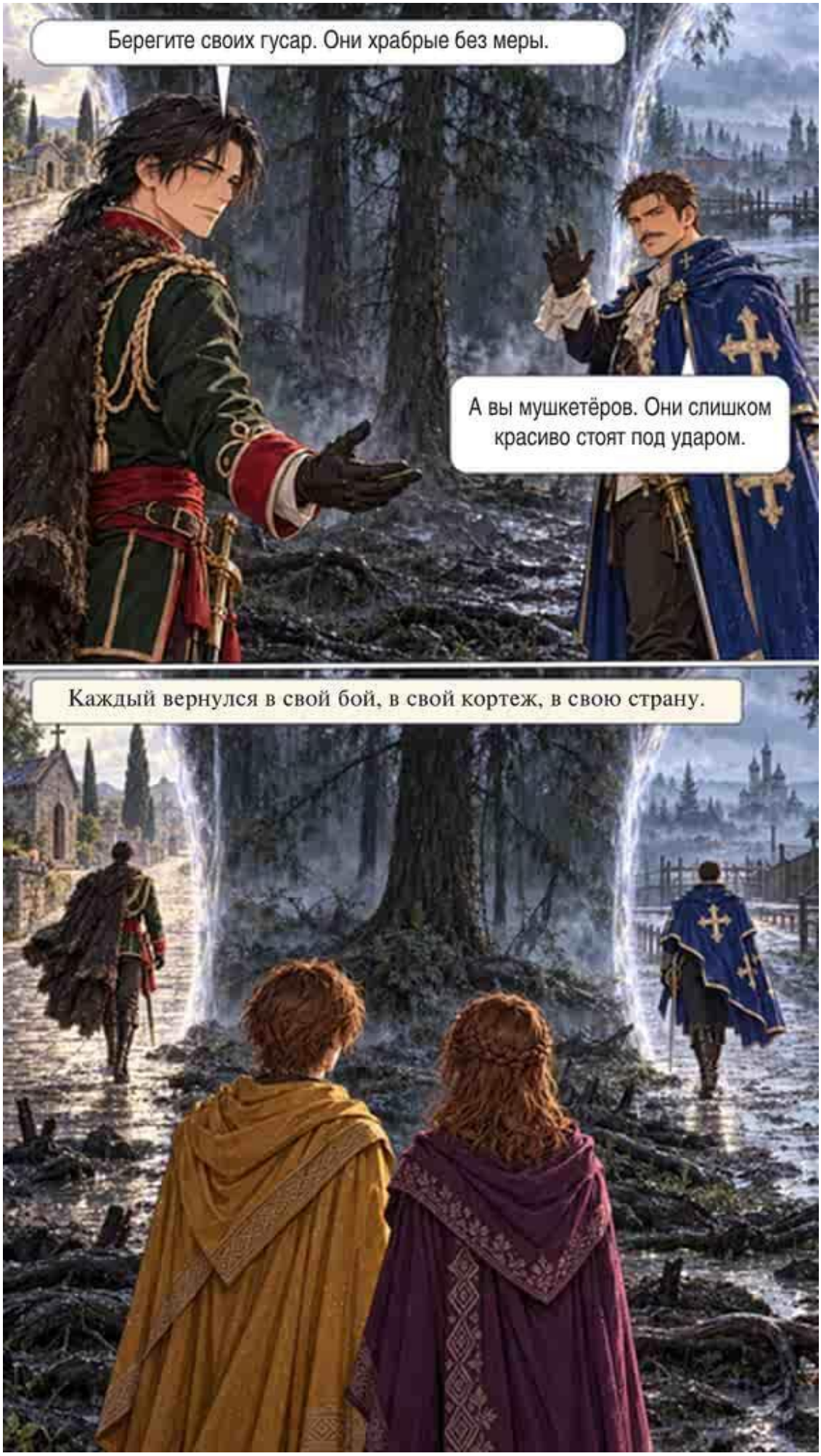

Глава 180. Имена по обе стороны Европы
Капитаны должны были забыть друг друга. Но безопасные правила им не нравились.
Красный свет наконец исчез.

Андрей Воронецкий.
Жан-Люк де Сен-Мартен.
Если встретимся на войне?
Постараюсь промахнуться первым выстрелом.
Благородно.
Не очень. Я плохо стреляю с лошади.

Вы не должны рассказывать об этом.
О живом лесе, Колесе времени и гусаре в мушкетёрском плаще? Кто поверит?
Мы веками делали одно дело и не знали.
Теперь знаете.

За спиной французского капитана проступил тракт к Фонтенбло.

За спиной русского — туманная дорога у Брест-Литовска.

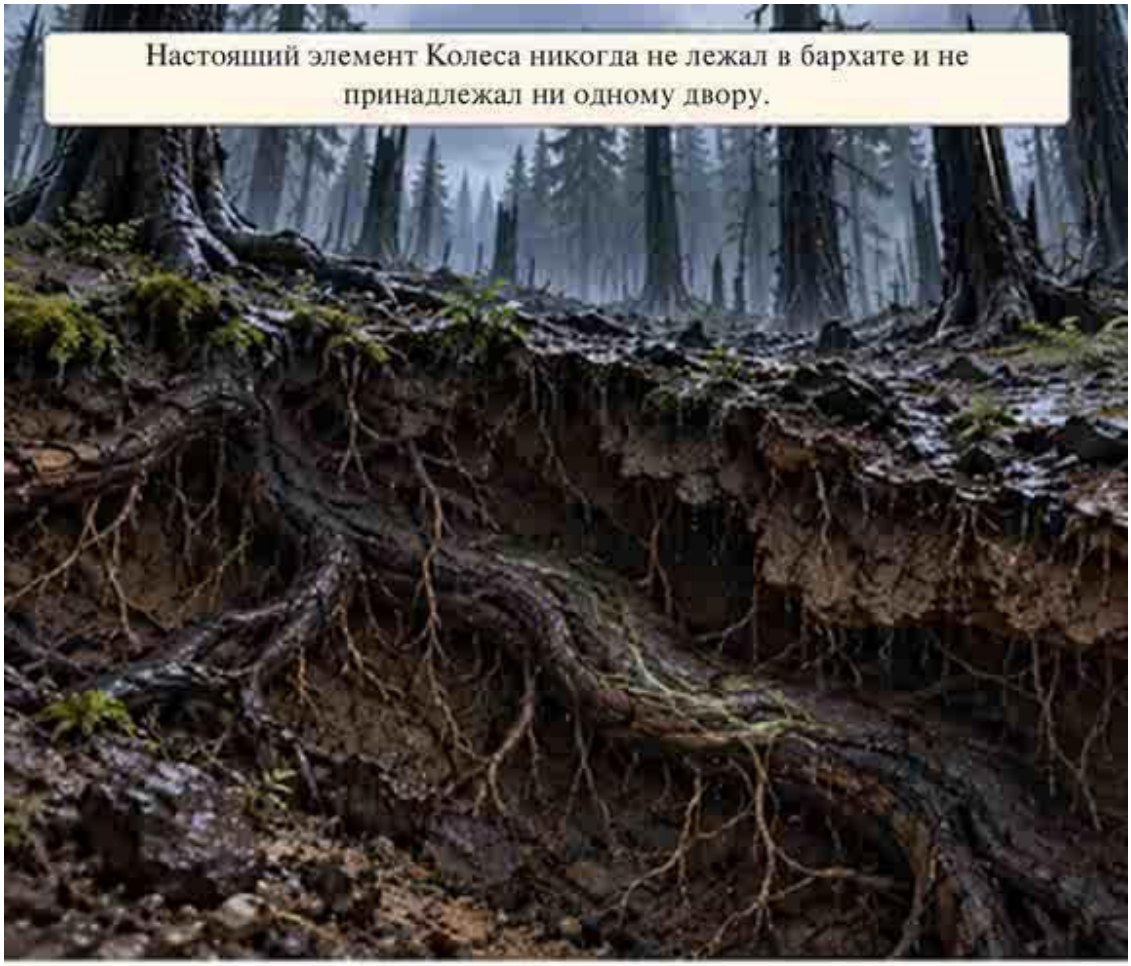

Берегите своих гусар. Они храбрые без меры.
А вы мушкетёров. Они слишком красиво стоят под ударом.
Каждый вернулся в свой бой, в свой кортеж, в свою страну.

На русском тракте Воронецкий показал людям захваченных слуг Змея.
Без мундиров провокация рассыпалась.

Во Франции Жан-Люк предъявил тех, кто носил русский знак, но не знал ни одного русского пароля.

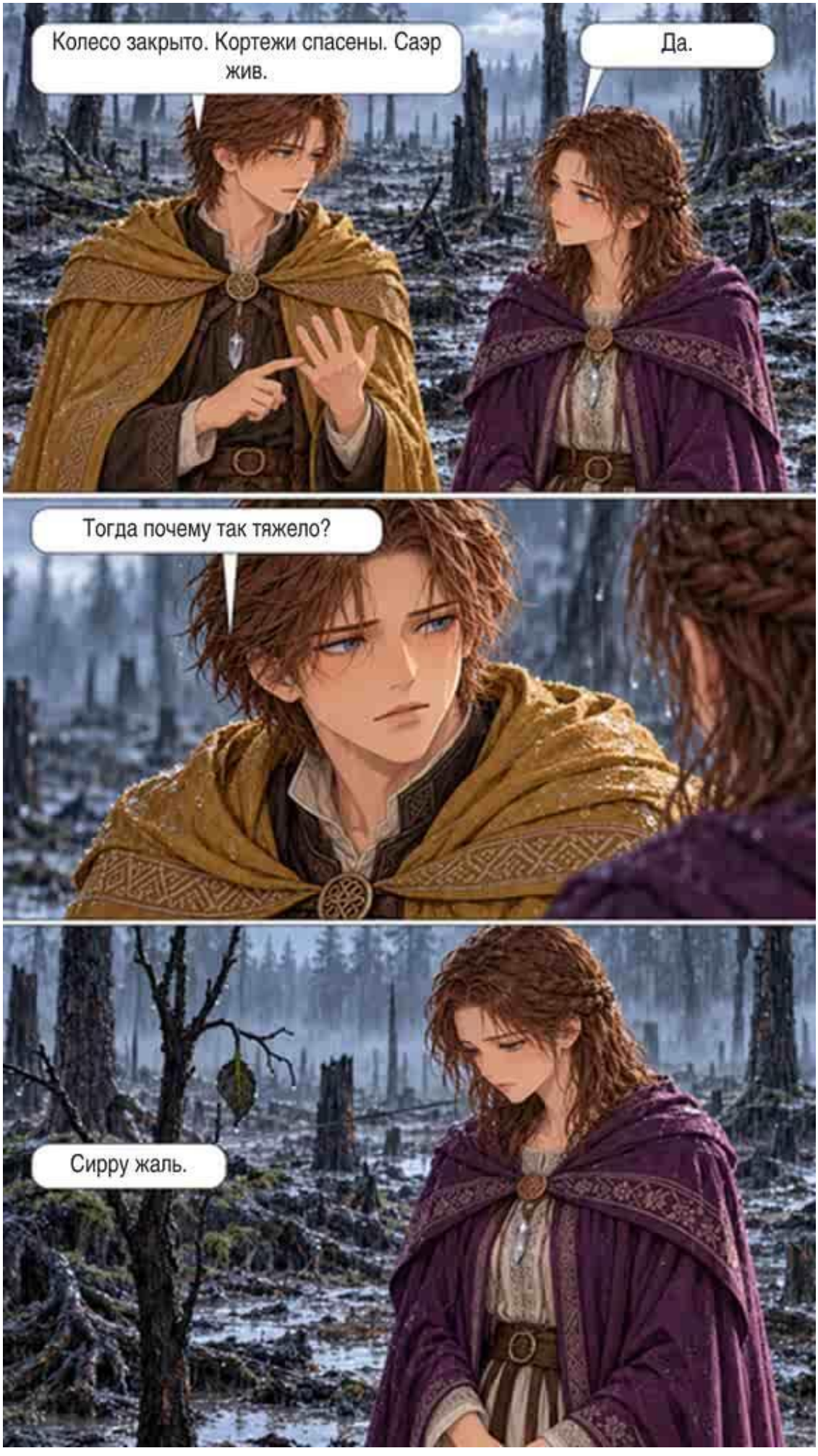

Дипломатические кортежи дошли до цели.

Футляры оказались пустыми. Но именно пустота спасла артефакт.

Настоящий элемент Колеса никогда не лежал в бархате и не принадлежал ни одному двору.

Он был живым корнем. И снова спал так глубоко, что Тьма не могла дотянуться.

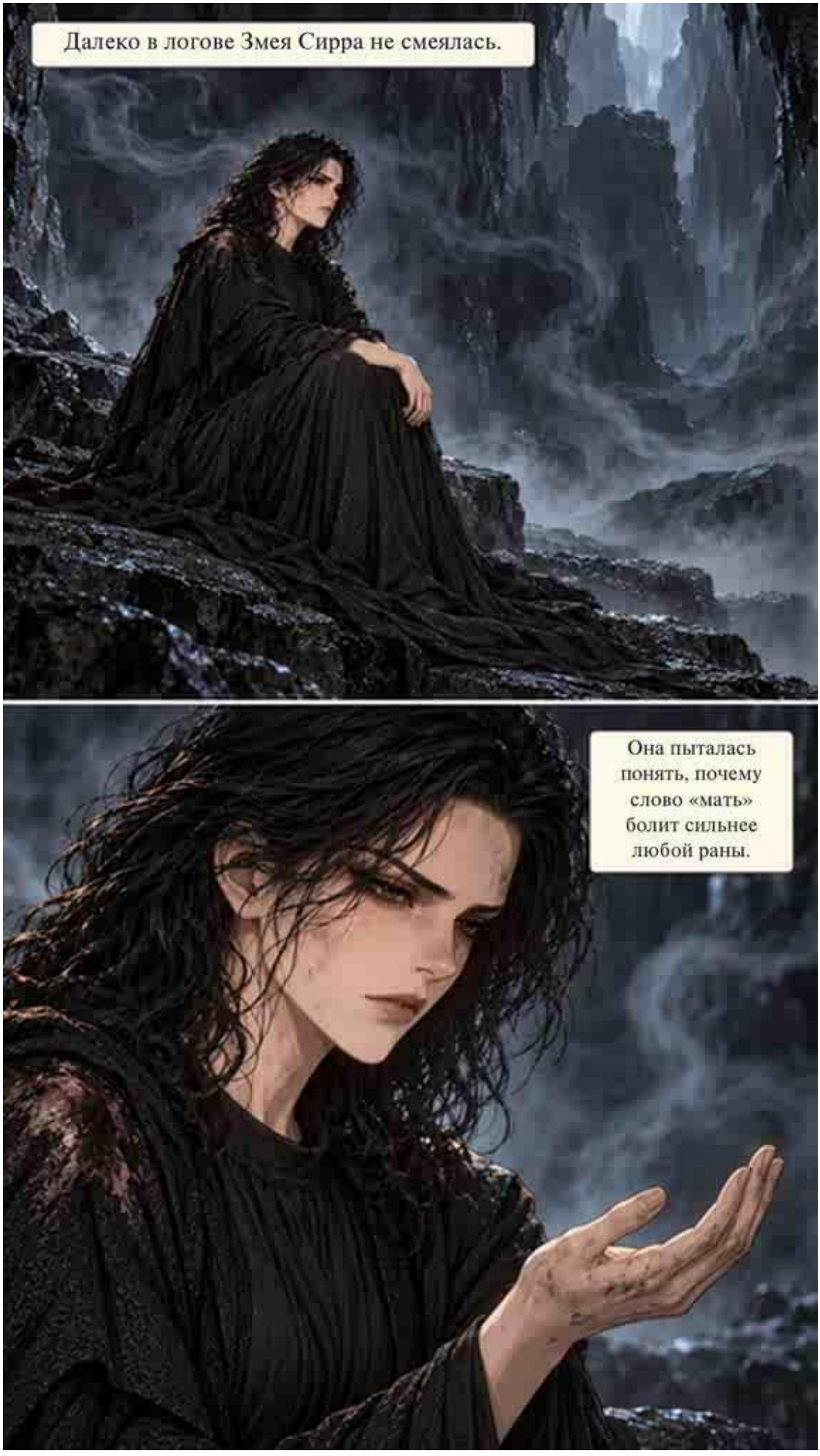

Эллефу и Тольва вернулись последними.
Мы победили?
Не знаю.

Колесо закрыто. Кортежи спасены. Саэр жив.
Да.
Тогда почему так тяжело?
Сирру жаль.

Ты правда думаешь, она может измениться?

На обгоревшем листе уцелела одна зелёная прожилка.

Лес горел. Но корень остался жив.
Иногда этого достаточно, чтобы ждать весну.

Далеко в логове Змея Сирра не смеялась.
Она пыталась понять, почему слово «мать» болит сильнее любой раны.

Часть X. Право стать другой

Глава 181. Девушка из сна

Глава 181. Девушка из сна

Сирра впервые увидела Фимма не в бою. Змей показал его в чёрной воде.

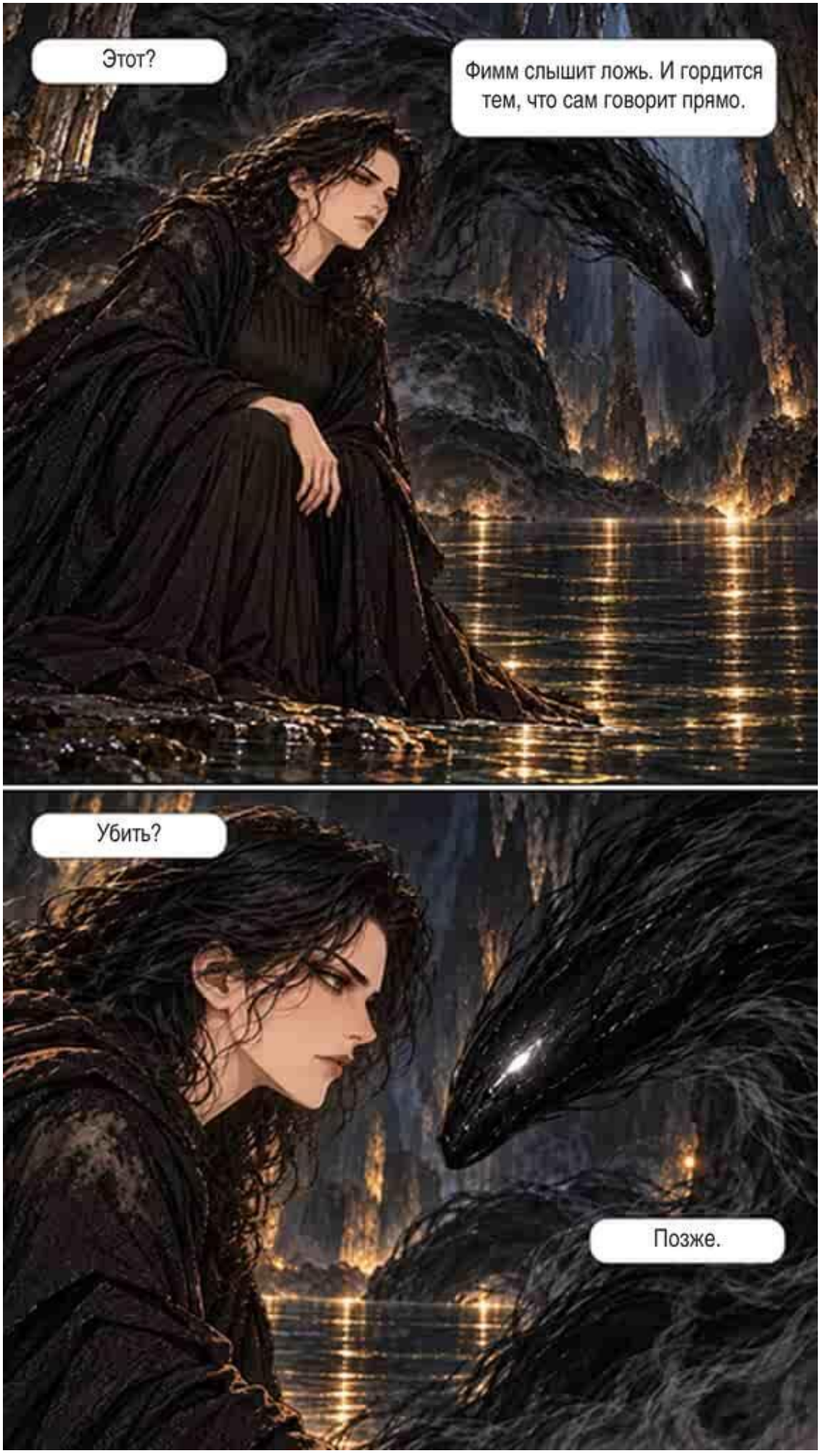

На ладони осталась светлая полоска — там, где почти коснулась рука Моры.
Сирра ненавидела её. И всё же снова касалась пальцами.

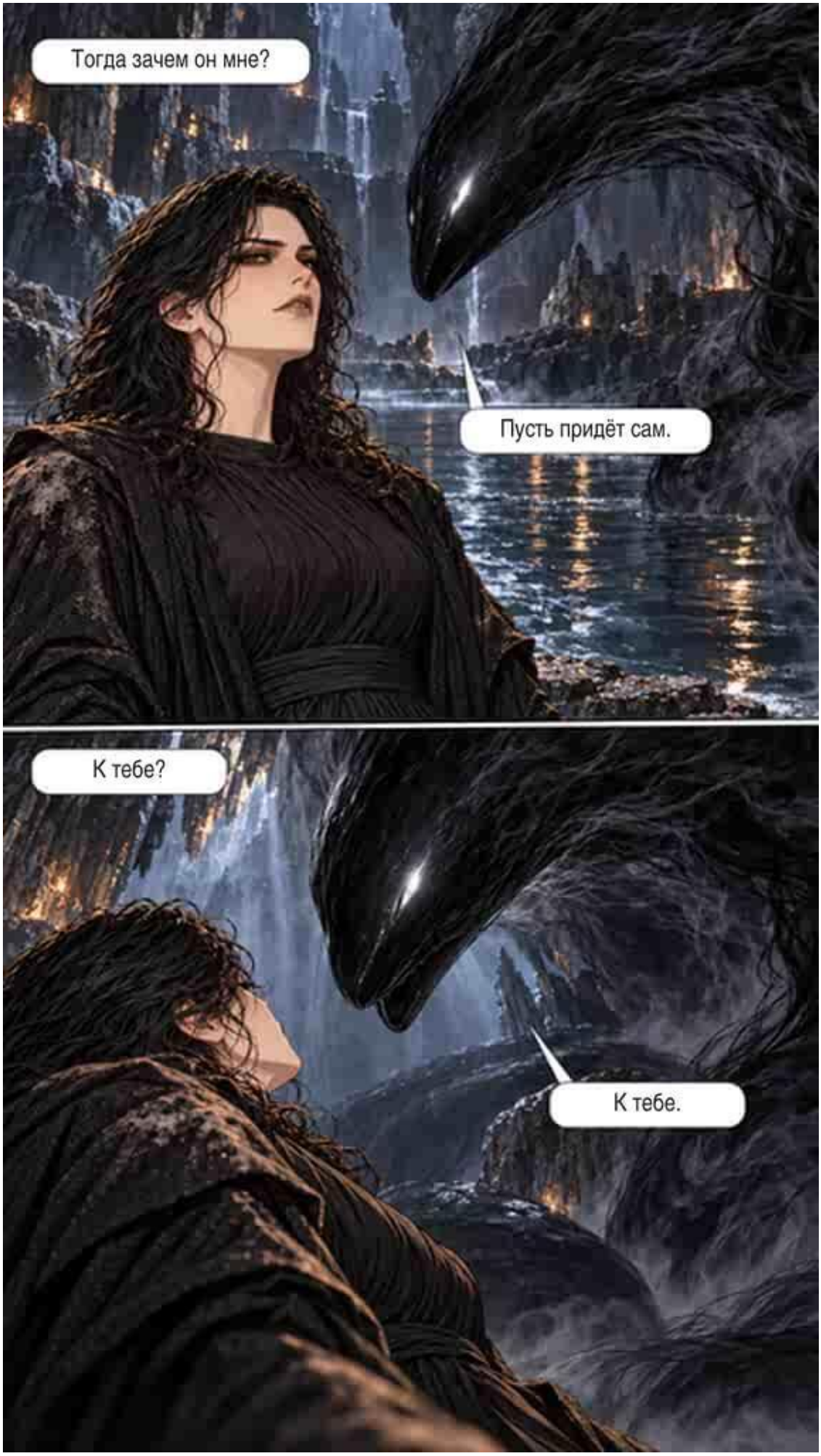

Ты думаешь о матери.

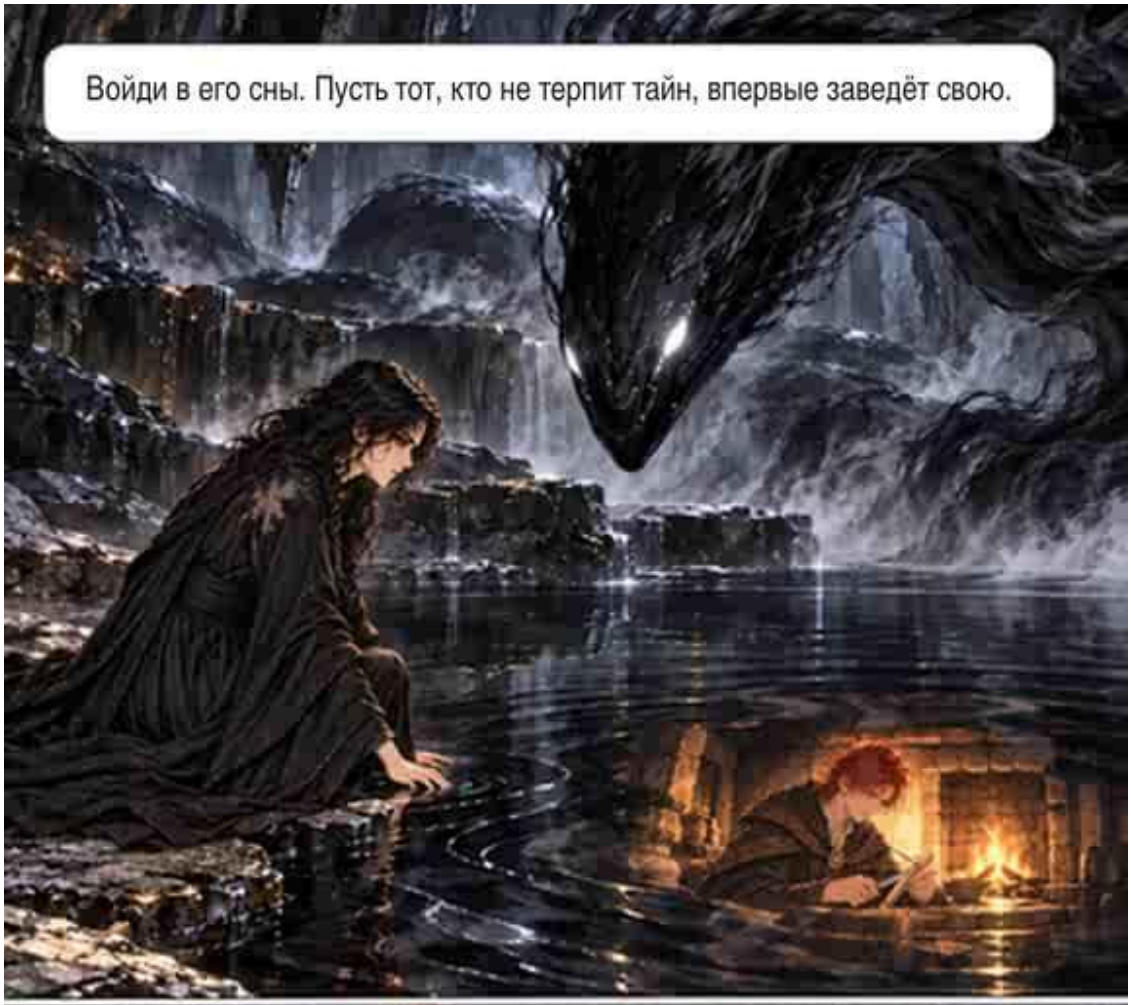

Нет.
Ложь прозвучала грубо.
Она сама это услышала.

Тогда перестань трогать место, к которому она пыталась прикоснуться.
Что ты хочешь?
Вернуть тебе ясность.

В воде появилось лицо Фимма.
У северного огня спорили, смеялись. Он отвечал сразу — без желания понравиться.

Этот?
Фимм слышит ложь. И гордится тем, что сам говорит прямо.
Убить?
Позже.

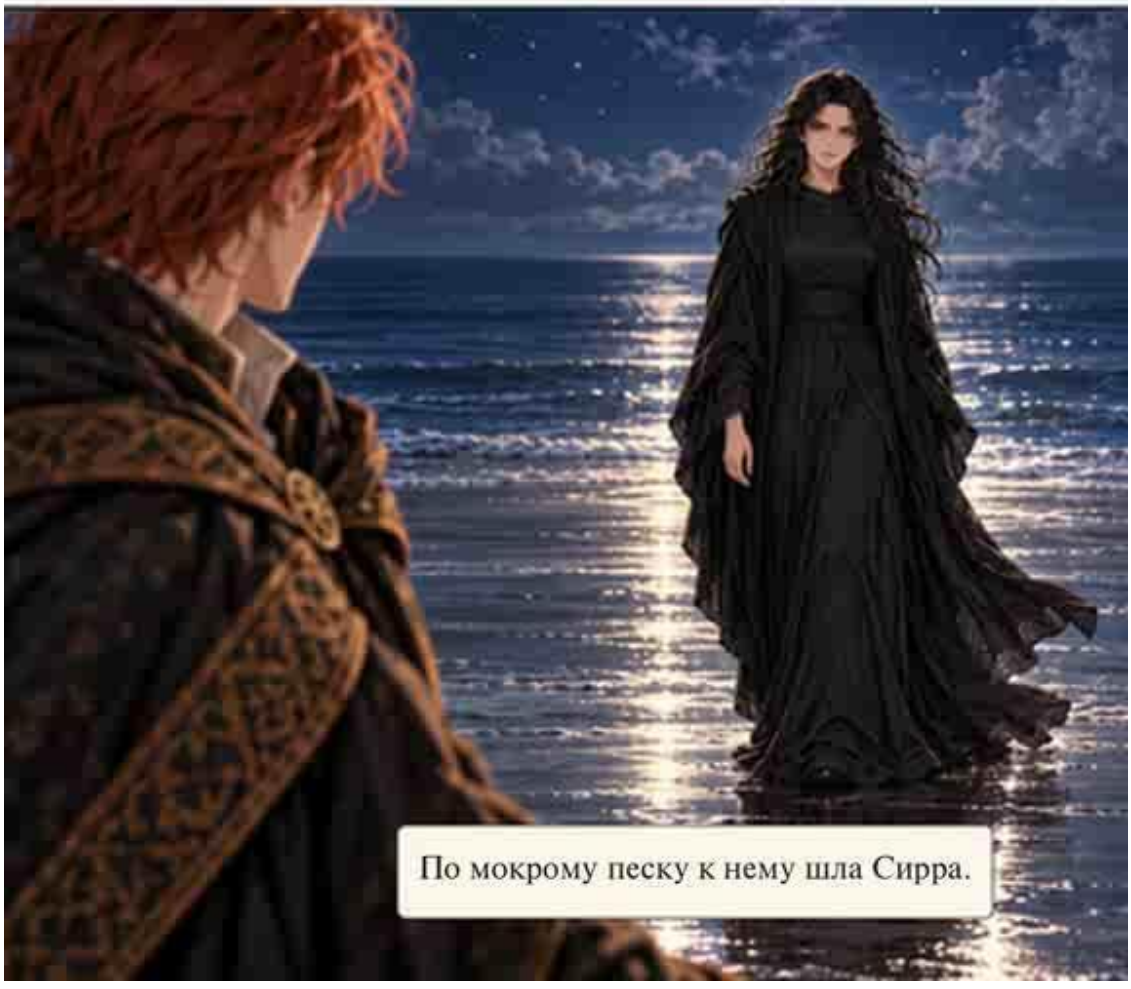

Тогда зачем он мне?
Пусть придёт сам.
К тебе?
К тебе.

Войди в его сны. Пусть тот, кто не терпит тайн, впервые заведёт свою.

Пусть выберет тебя раньше Братства. А потом приведёшь его сюда.

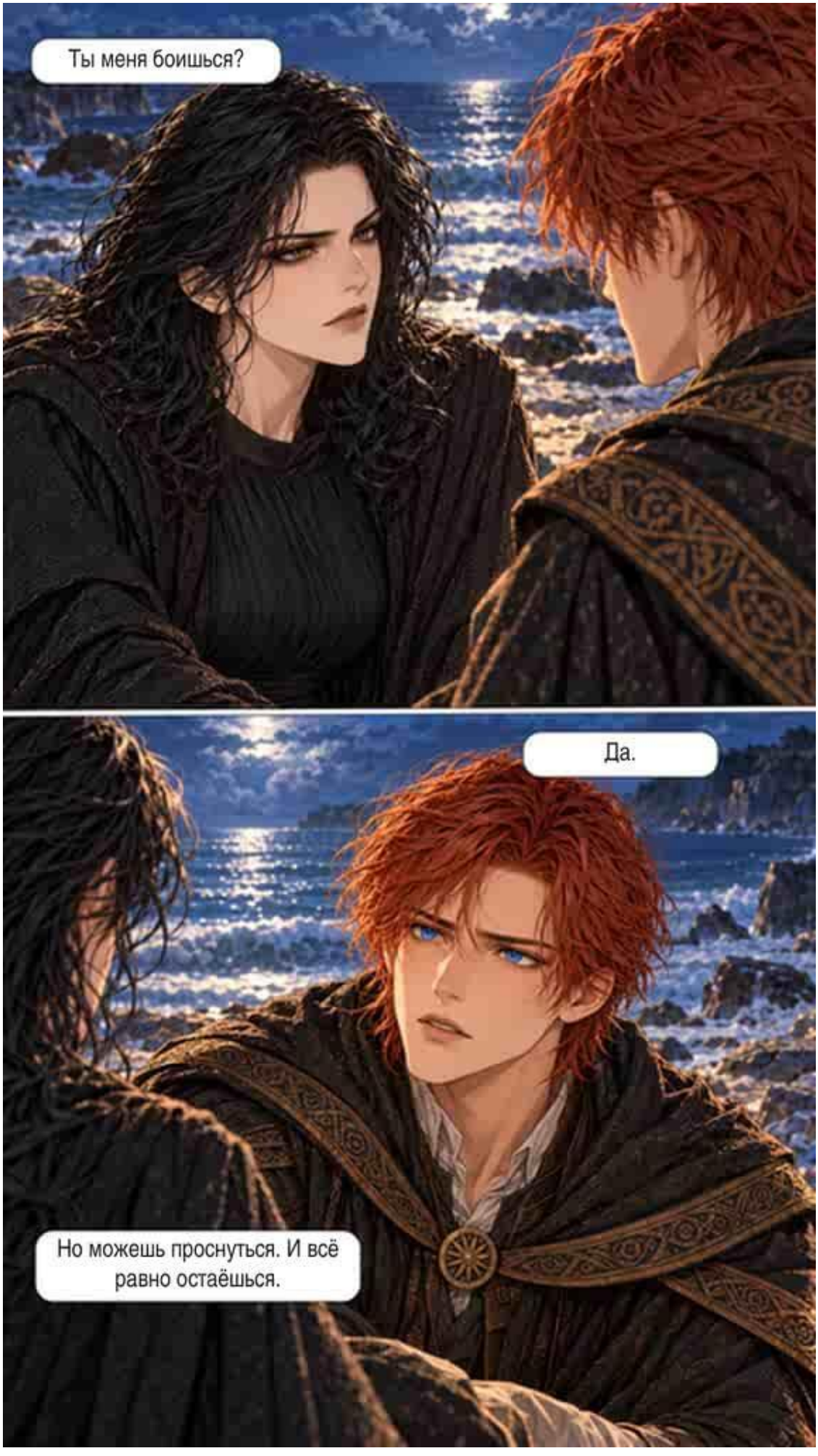

И убью.
Если захочешь.
Я захочу.
Конечно.
Вот это уже прозвучало как ложь.

В ту ночь Фимму
приснилось море,
которого не существовало.

По мокрому песку к нему шла Сирра.

Дочь Моры. Девушка из горящего леса. Та, что ломала чужую волю.

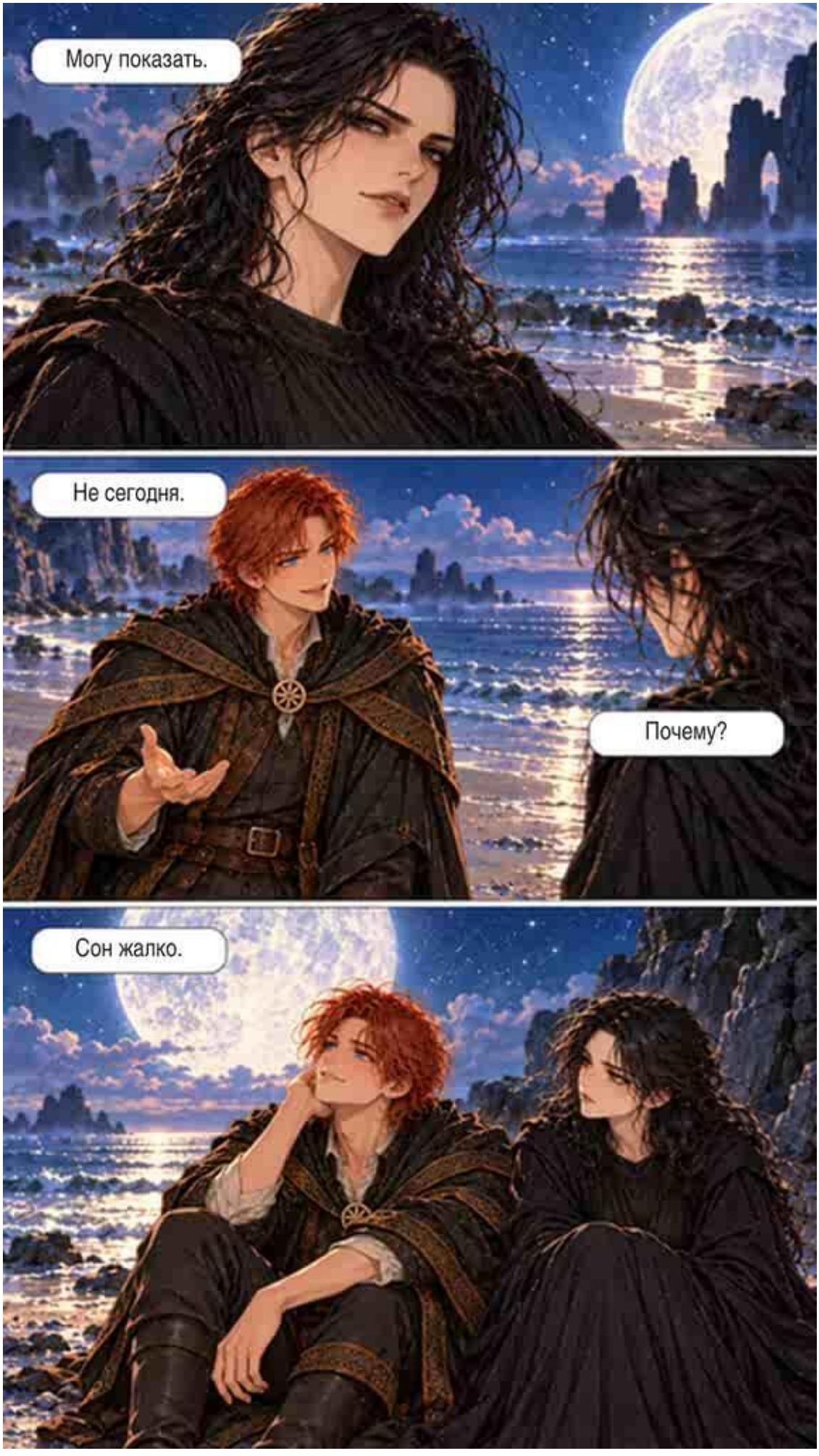

Фимм должен был проснуться. Вместо этого остался.

Ты меня боишься?
Да.
Но можешь проснуться. И всё равно остаёшься.

Любопытство — плохая привычка.
У тебя много плохих привычек?
Достаточно, чтобы Эйя постоянно вздыхала.
Он ждал смеха. Она не засмеялась.

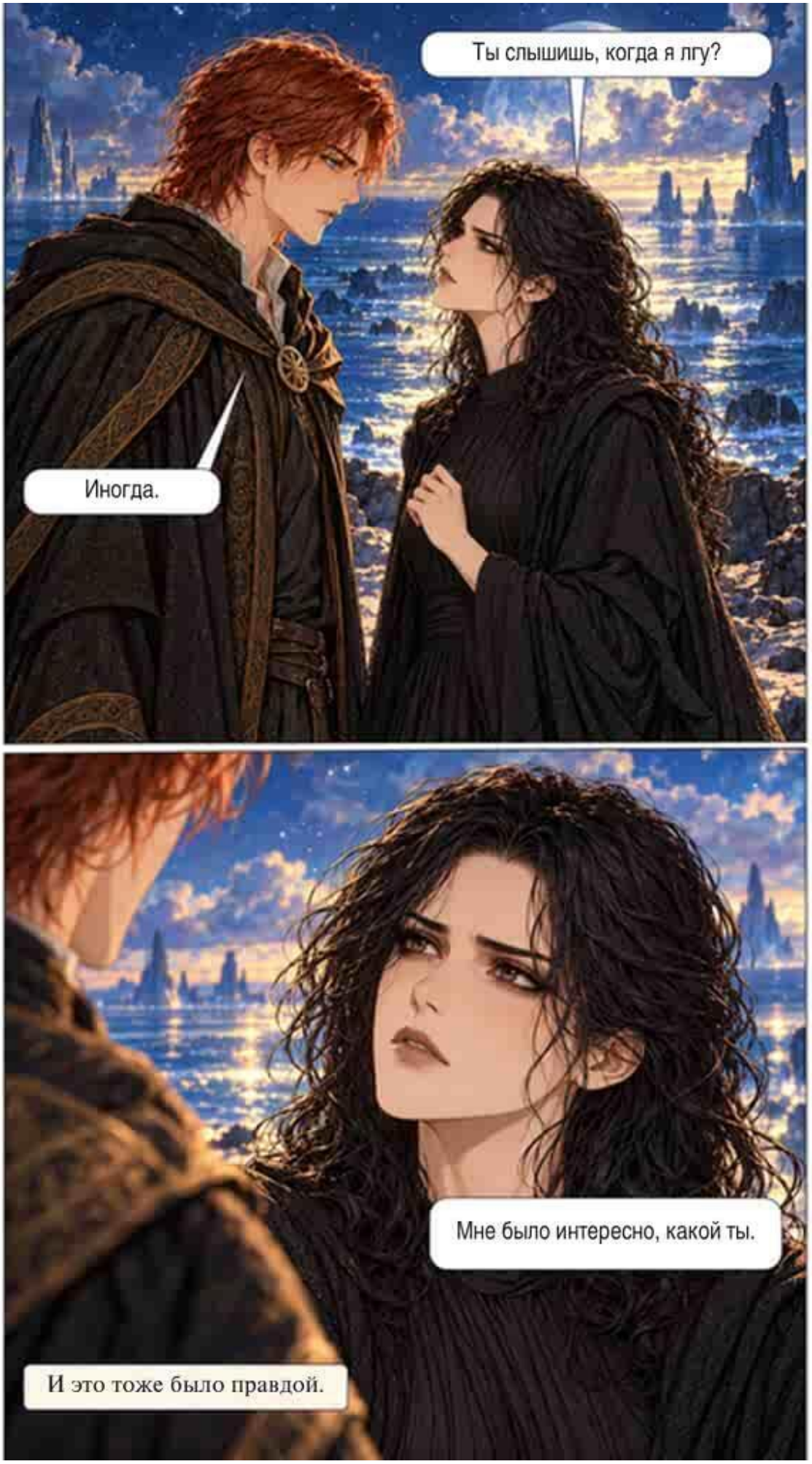

Я думала, дети Света будут скучнее.

А я думал, дочери Тьмы только вырывают сердца.
В её глазах блеснула злость.

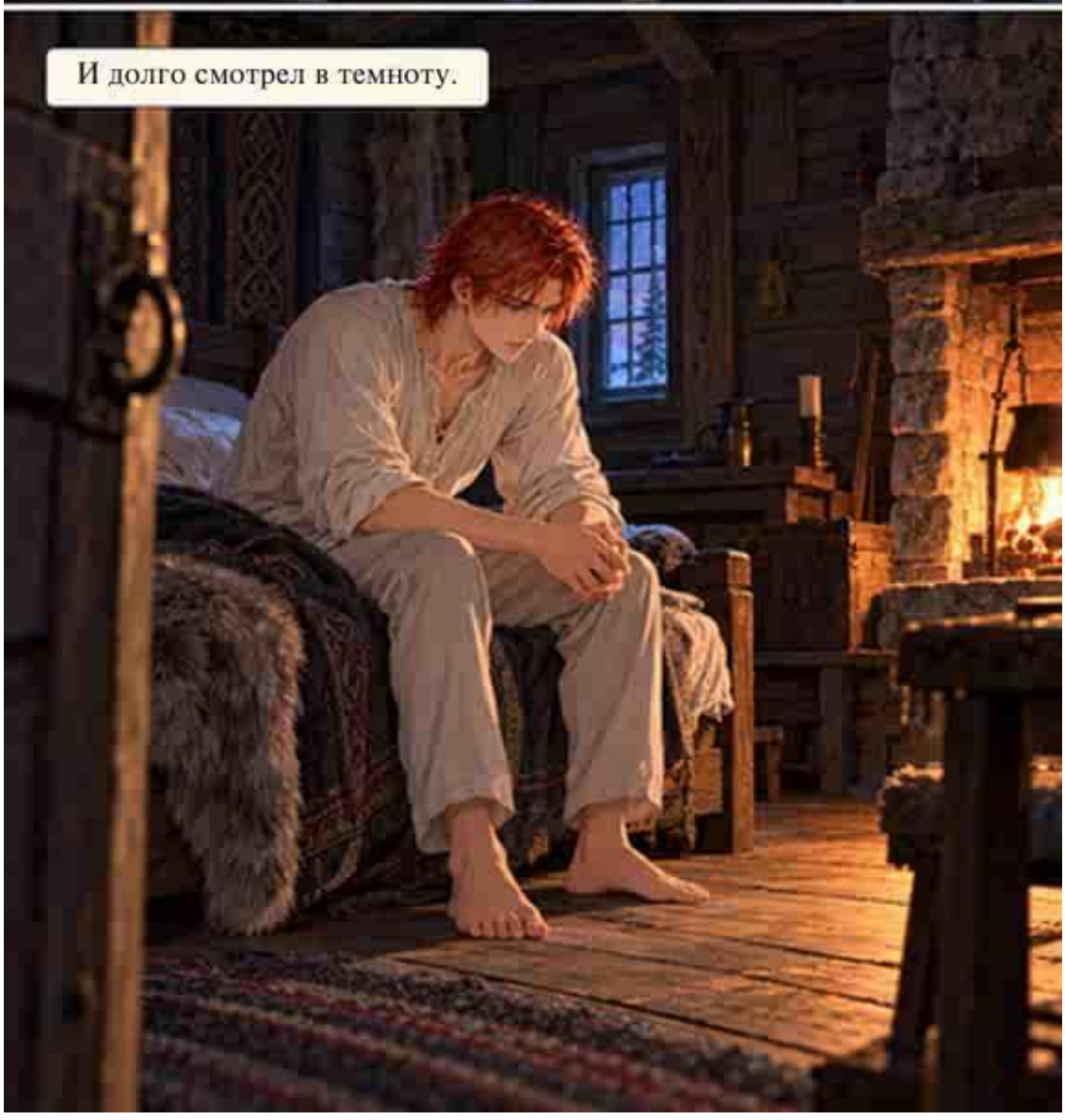

Могу показать.
Не сегодня.
Почему?
Сон жалко.

Она улыбнулась. Коротко. Почти по-настоящему.

Фимм почувствовал это раньше, чем успел испугаться. Лжи не было.

Ты слышишь, когда я лгу?
Иногда.
Мне было интересно, какой ты.
И это тоже было правдой.

Он проснулся до рассвета.

И долго смотрел в темноту.

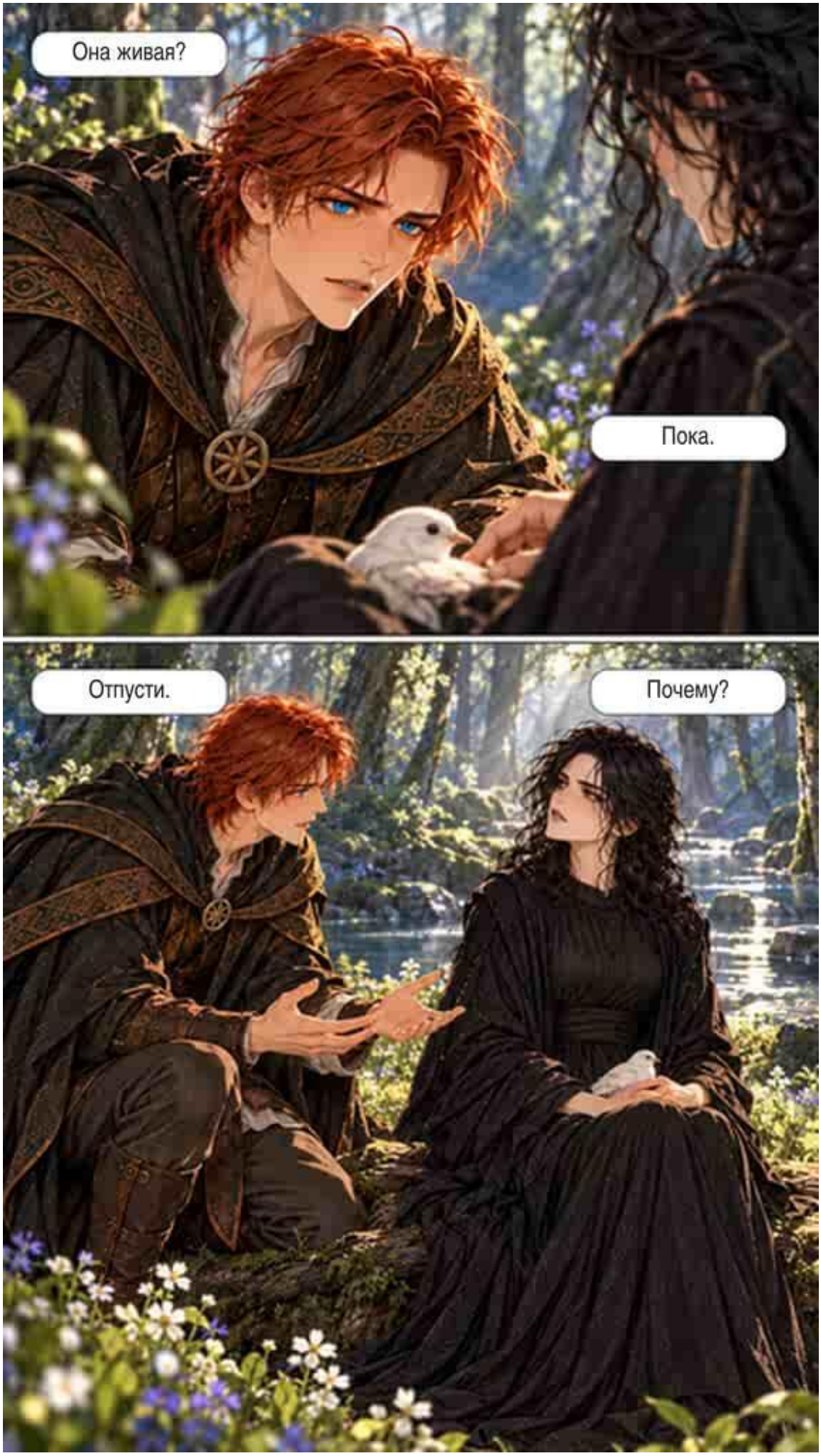

Что с тобой?
Ничего.

Они оба замерли. Фимм редко говорил «ничего», если что-то было.

Плохо спал?
Нормально.
Это уже было не совсем правдой. Он первым отвёл взгляд.

Следующей ночью Сирра пришла снова. Сон стал лесом.

Она держала в руках маленькую белую птицу.

Она живая?
Пока.
Отпусти.
Почему?

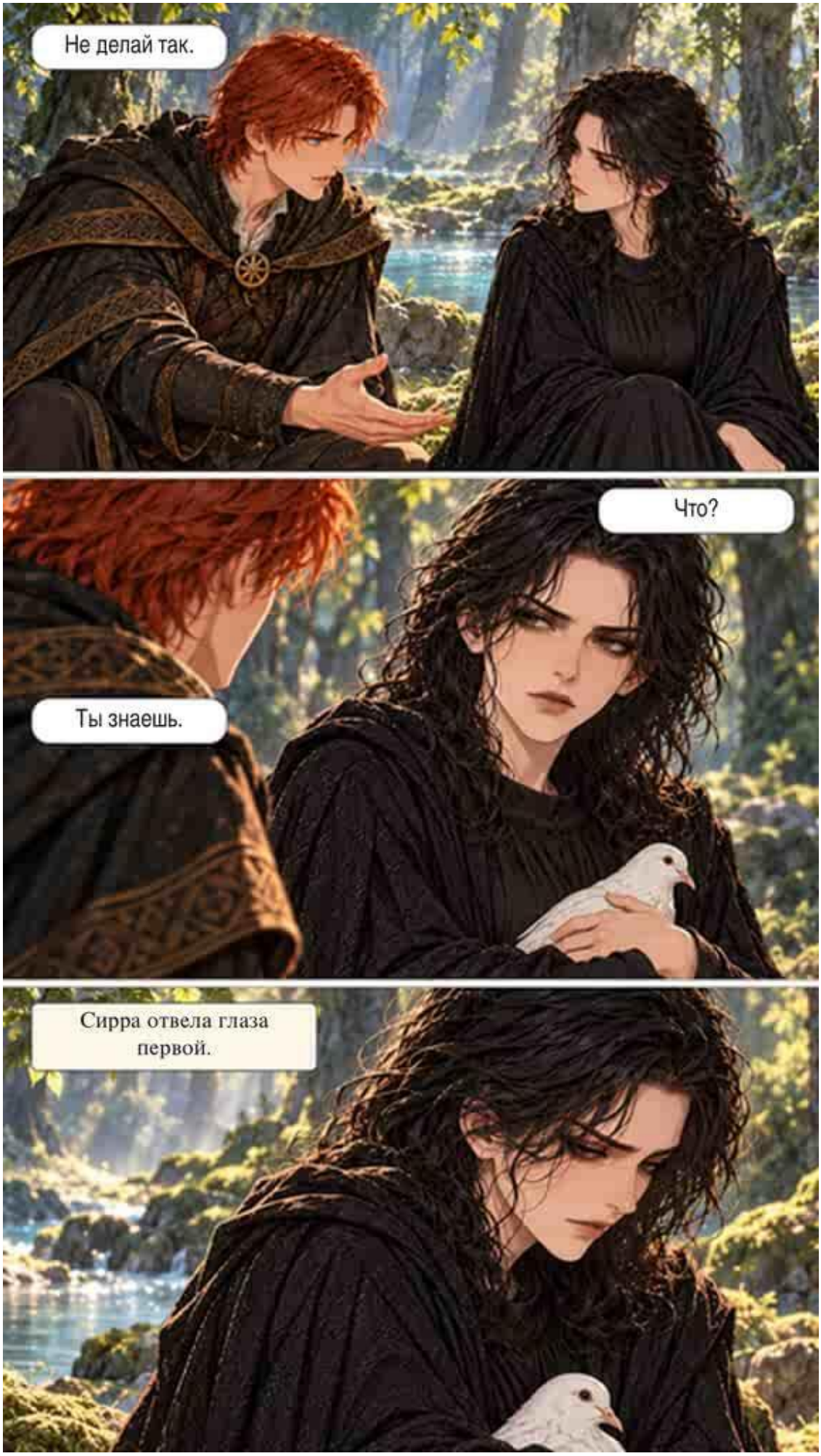

Ты держишь её слишком сильно.

Сирра посмотрела на птицу. Перья выбились между пальцами.

Если отпущу, она улетит.
В этом смысл крыльев.
Глупый смысл.

А какой смысл нравится тебе?
Чтобы то, что принадлежит мне, оставалось там, где я захочу.
Она тебе не принадлежит.

Её дар скользнул по нему — тёплый, тягучий.
На миг захотелось сказать всё, чего она ждала. Что останется. Что принадлежит ей.

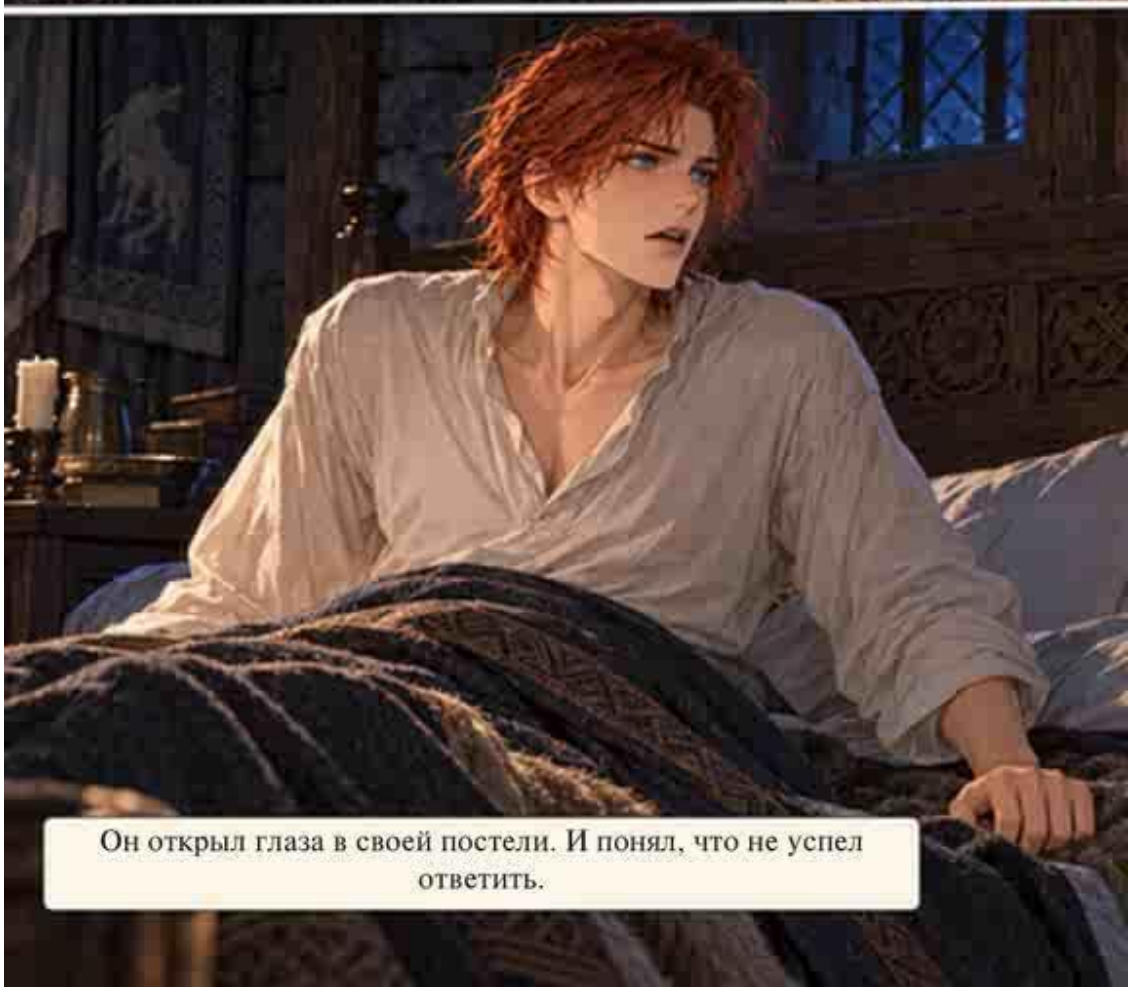

Не делай так.
Что?
Ты знаешь.
Сирра отвела глаза первой.

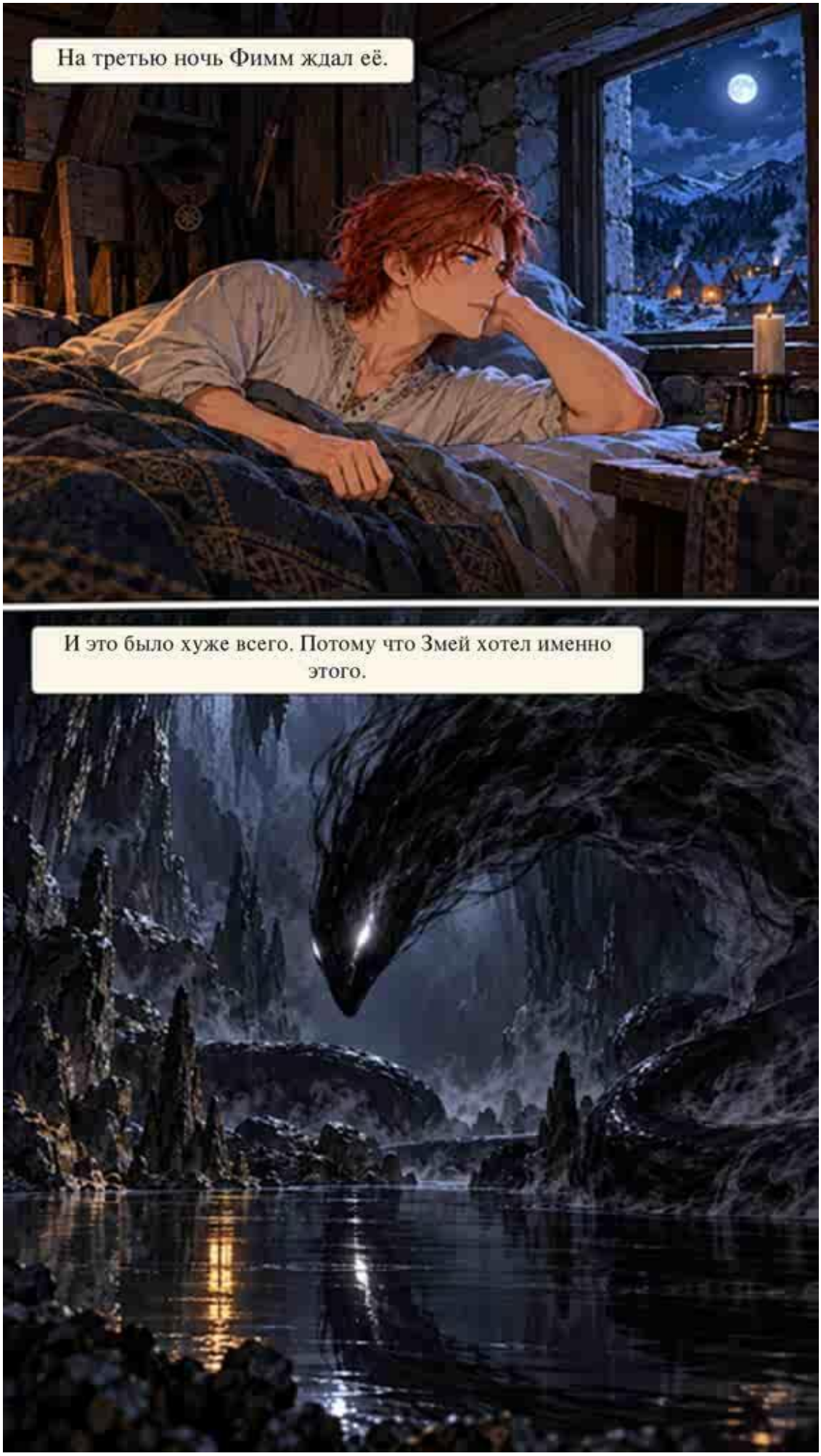

Её пальцы разжались.

Птица ударила крыльями и исчезла между деревьями.

Она не вернётся.
Возможно.
Тогда зачем отпускать?
Чтобы, если вернётся, ты знала: это был её выбор.

А ты бы вернулся?

Он открыл глаза в своей постели. И понял, что не успел ответить.

На третью ночь Фимм ждал её.
И это было хуже всего. Потому что Змей хотел именно этого.

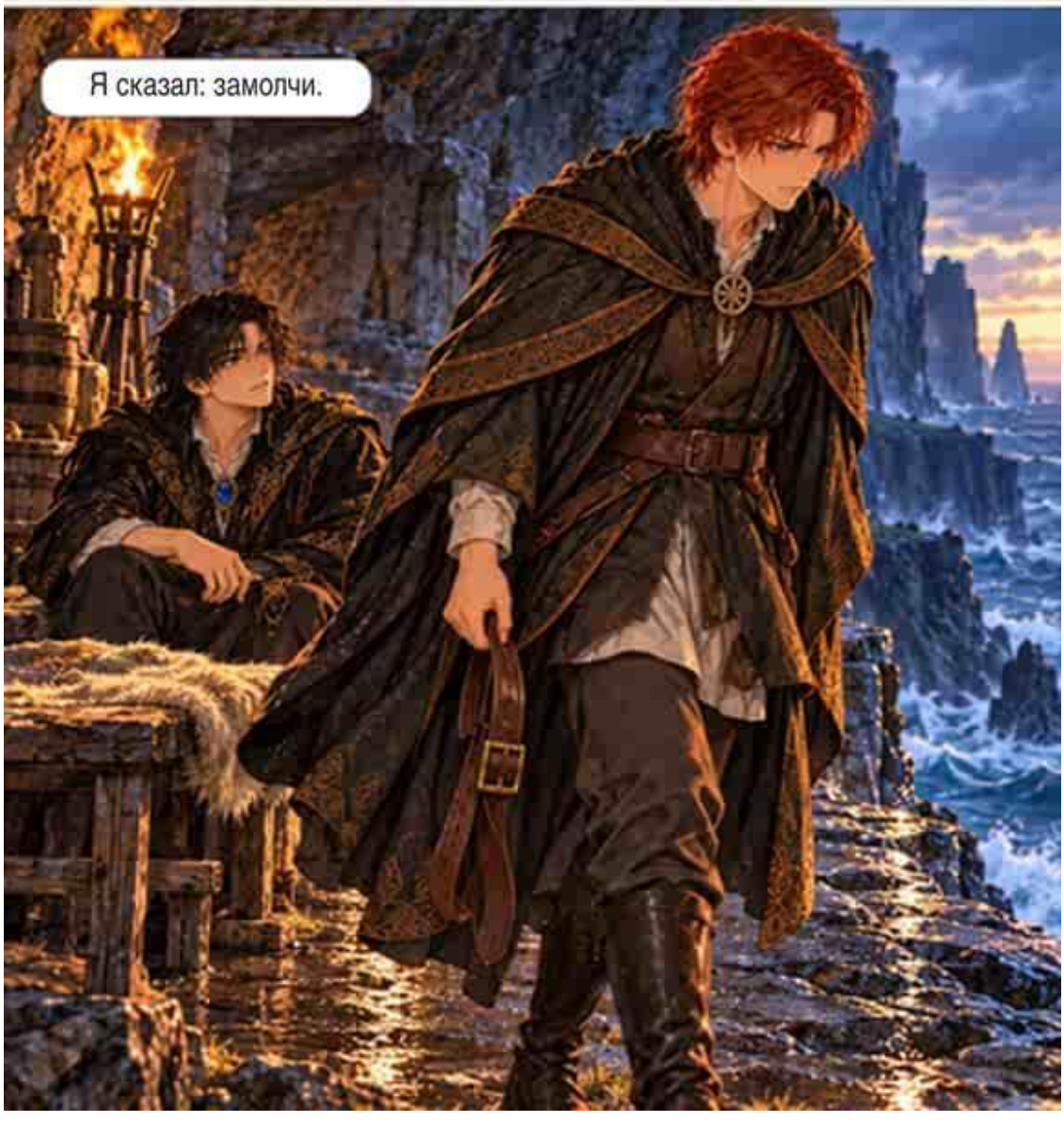

Логос знал. Белый Шаман сидел над спящим домом и молчал.

Ни предупреждения. Ни запрета. Фимм должен был пройти эту дорогу сам.

Фимм всегда говорил прямо. Поэтому перемену первым заметил Трир.
Ты сегодня третий раз ушёл от ответа.
От какого?
Вот четвёртый.

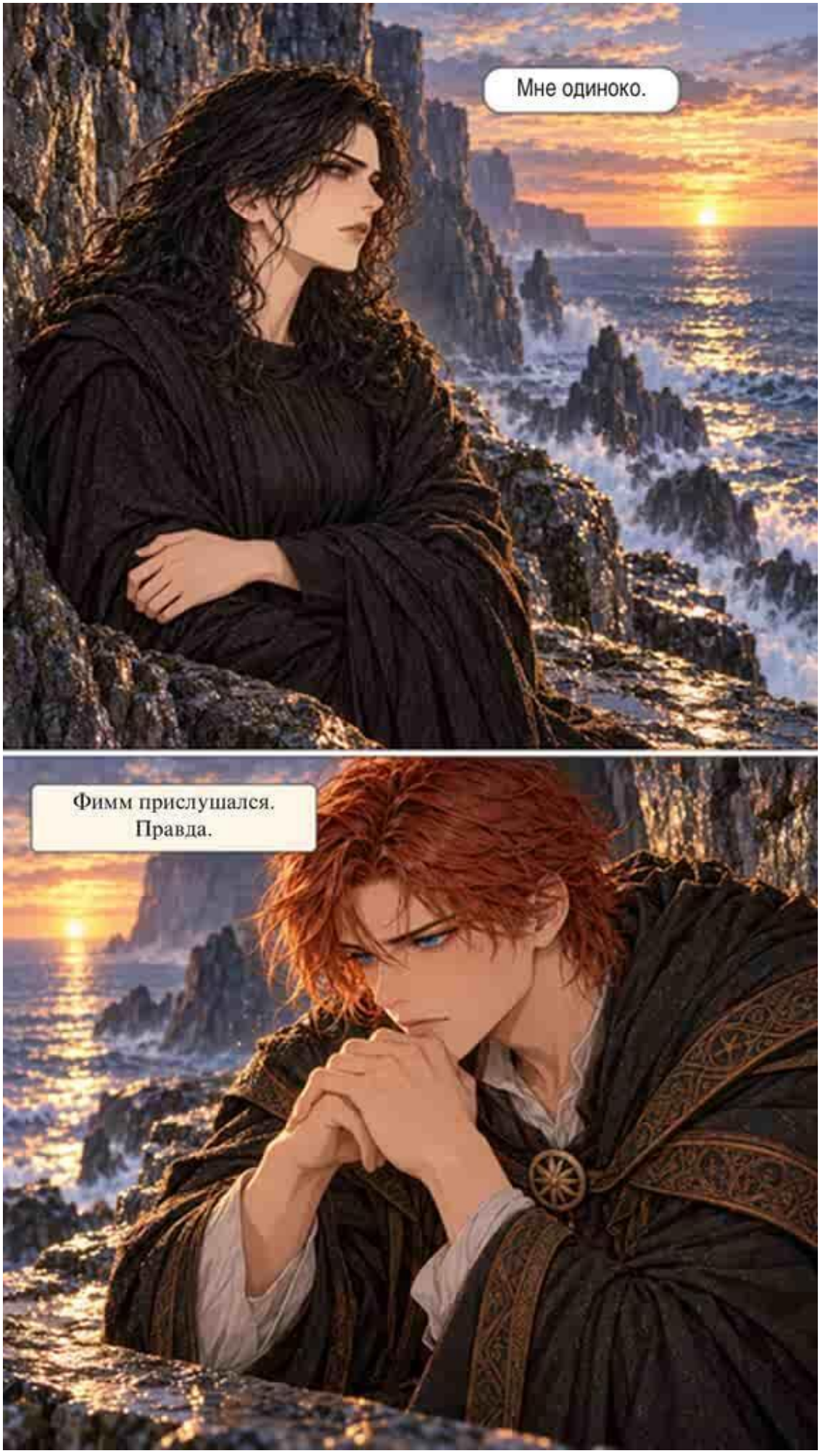

Тебе заняться нечем?
Есть. Я занимаюсь тобой.
Кто она?
Ремень выскользнул из пальцев. Совсем немного. Но Триру хватило.

О-о. Так это женщина. Красивая?
Трир.

Я сказал: замолчи.

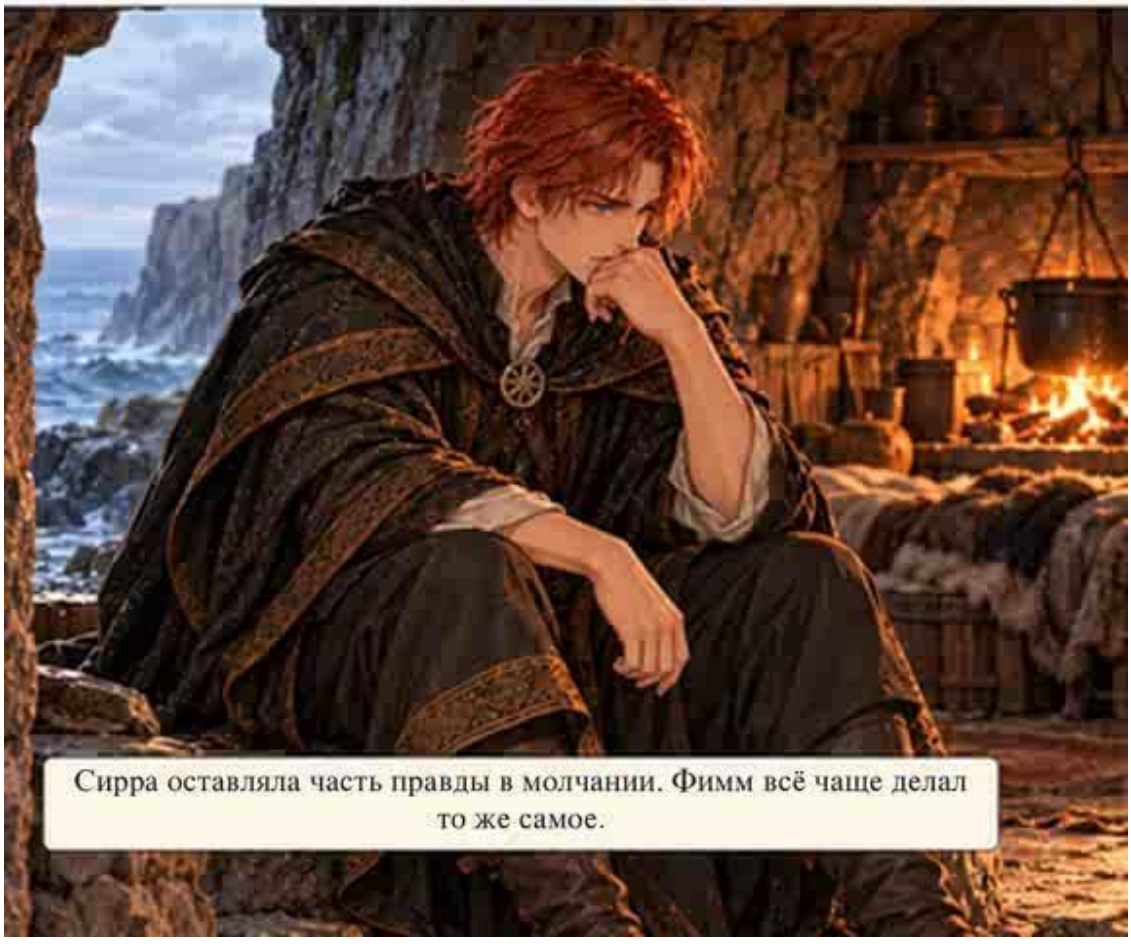

Хорошо.
Он никогда раньше не слышал от Фимма такого голоса.
Фимм понимал. Слишком хорошо.

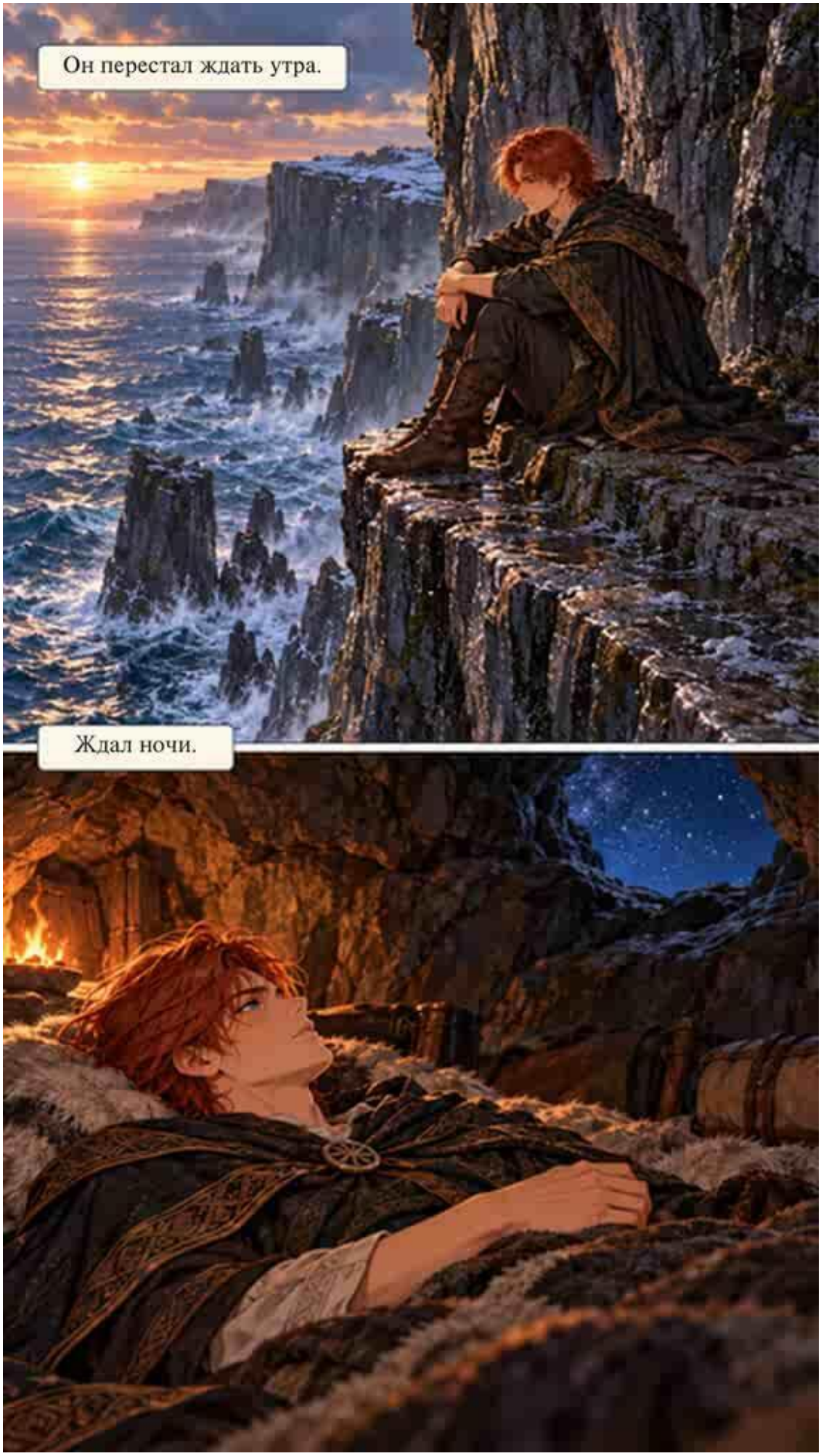

Каждую ночь Сирра приходила во сне.
Не просила предать Братство. Не обещала, что не причинит ему вреда.
Она почти не лгала.

Мне одиноко.
Фимм прислушался.
Правда.

Я хочу тебя видеть.
Мне нравится, что ты не боишься, как остальные.
Я боюсь.
Но остаёшься.
Да.

Против того, кто слышал ложь, Змей выбрал недосказанность.

Сирра оставляла часть правды в молчании. Фимм всё чаще делал то же самое.

Он перестал ждать утра.
Ждал ночи.

Днём он уходил к морю. На общих разговорах садился дальше от огня.

Всё хорошо?

Я разберусь.

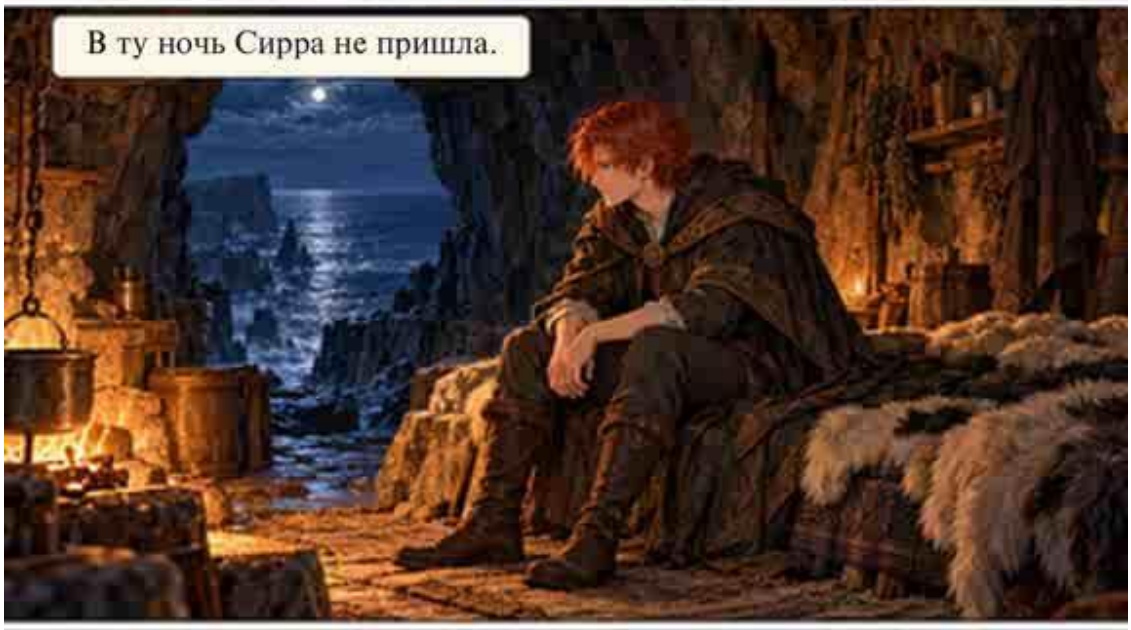

Это было правдой. Но не всей.

Ты пахнешь тайной.
У тайны есть запах?
У твоей — да. Плохой сон и упрямство.

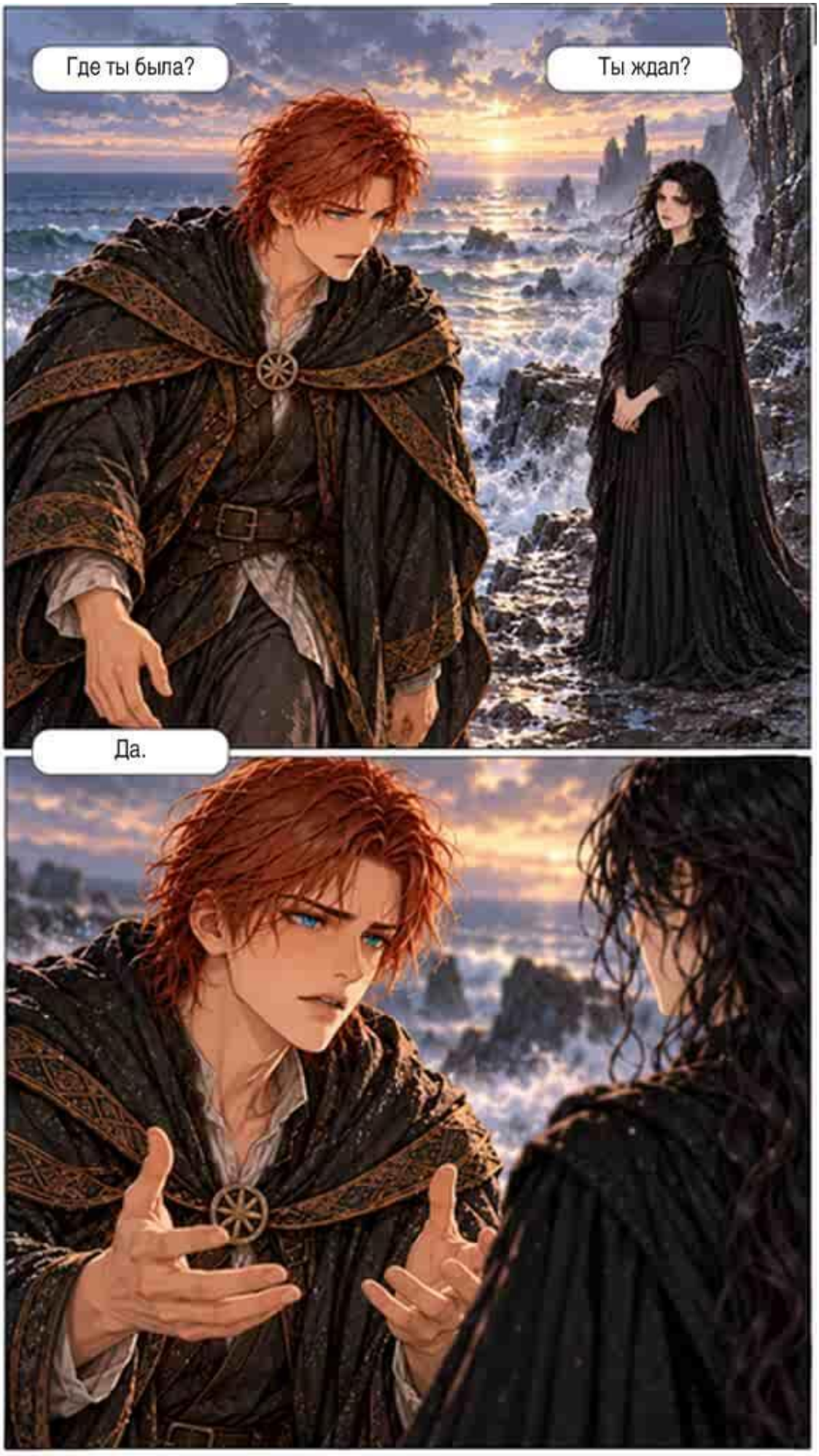

Фимм хотел отшутиться. Не смог.
Я не буду вытаскивать из тебя слова. Но скажу одно.

Когда тот, кто шёл прямо, начинает ходить кругами, в центре обычно стоит кто-то другой.
А если я сам хочу сделать круг?
Тогда хотя бы не называй его прямой дорогой.

Фьора ушла. Он ещё долго оставался один.

В ту ночь Сирра не пришла.

И в следующую тоже. Третью он встретил почти злым.

Где ты была?
Ты ждал?
Да.

Ей следовало торжествовать. Но стало трудно дышать.
Скажи ещё раз.
Я ждал тебя.

Никто меня никогда не ждал.
Никогда?
В логове ждут только приказа. Или наказания.

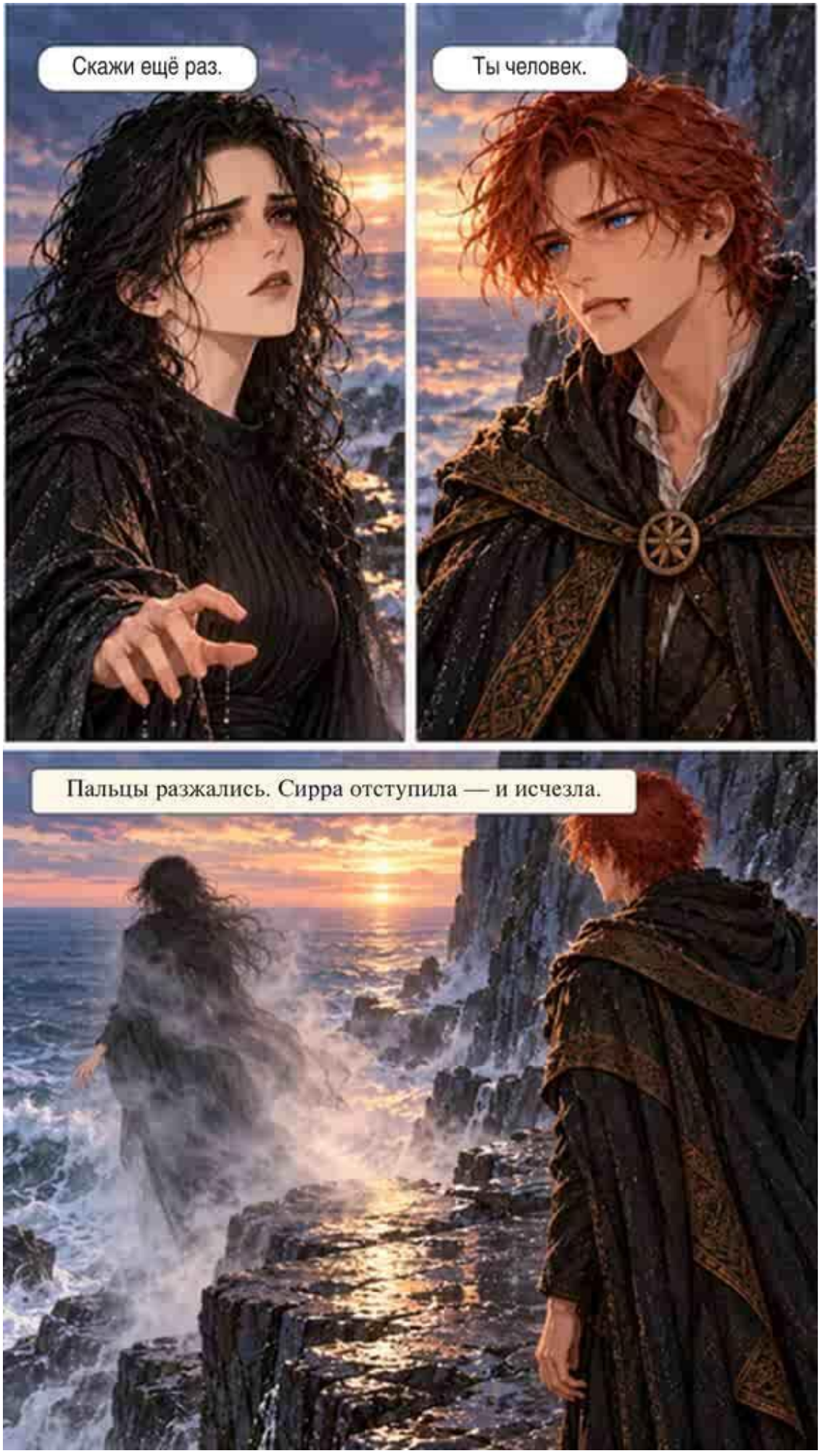

А Мора?
Не называй её.
Почему?
Потому что я сказала.
Это не ответ.
Для меня ответ.

Что ты смотришь?
На тебя.
Не надо.
Ты сама приходишь ко мне каждую ночь.

Даже во сне боль была настоящей.
Теперь легче?
Что?
Тебе.

Ты злишься каждый раз, когда я вижу в тебе человека.
Я не человек.
Ложь.

Не смей.
Ты человек.
Я дочь Тьмы.
И дочь Моры.
Он мог проснуться. Не проснулся.

Скажи ещё раз.
Ты человек.
Пальцы разжались. Сирра отступила — и исчезла.

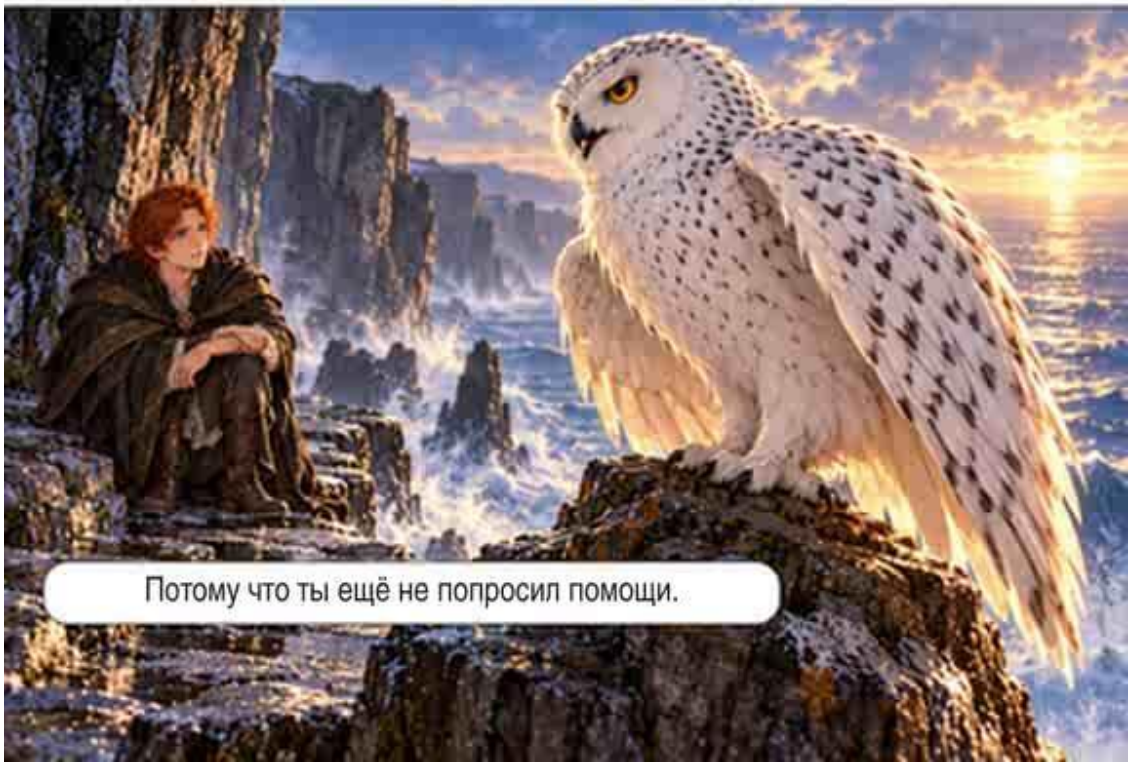

Утром Фимм вышел раньше всех.

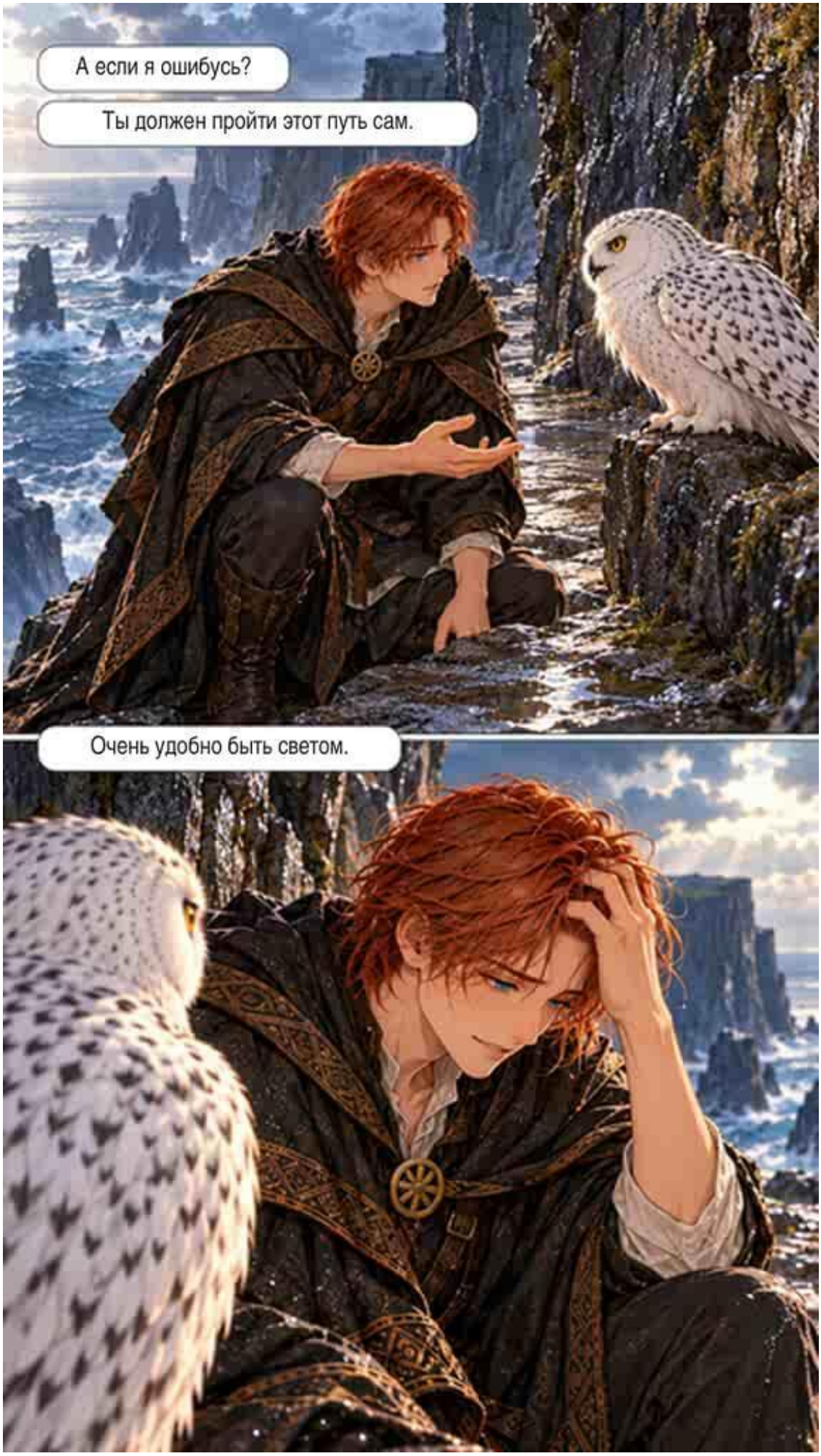

На камне у входа сидел Шаман.

Ты знал?
Логос. Ты знал, что она приходит.
Да.

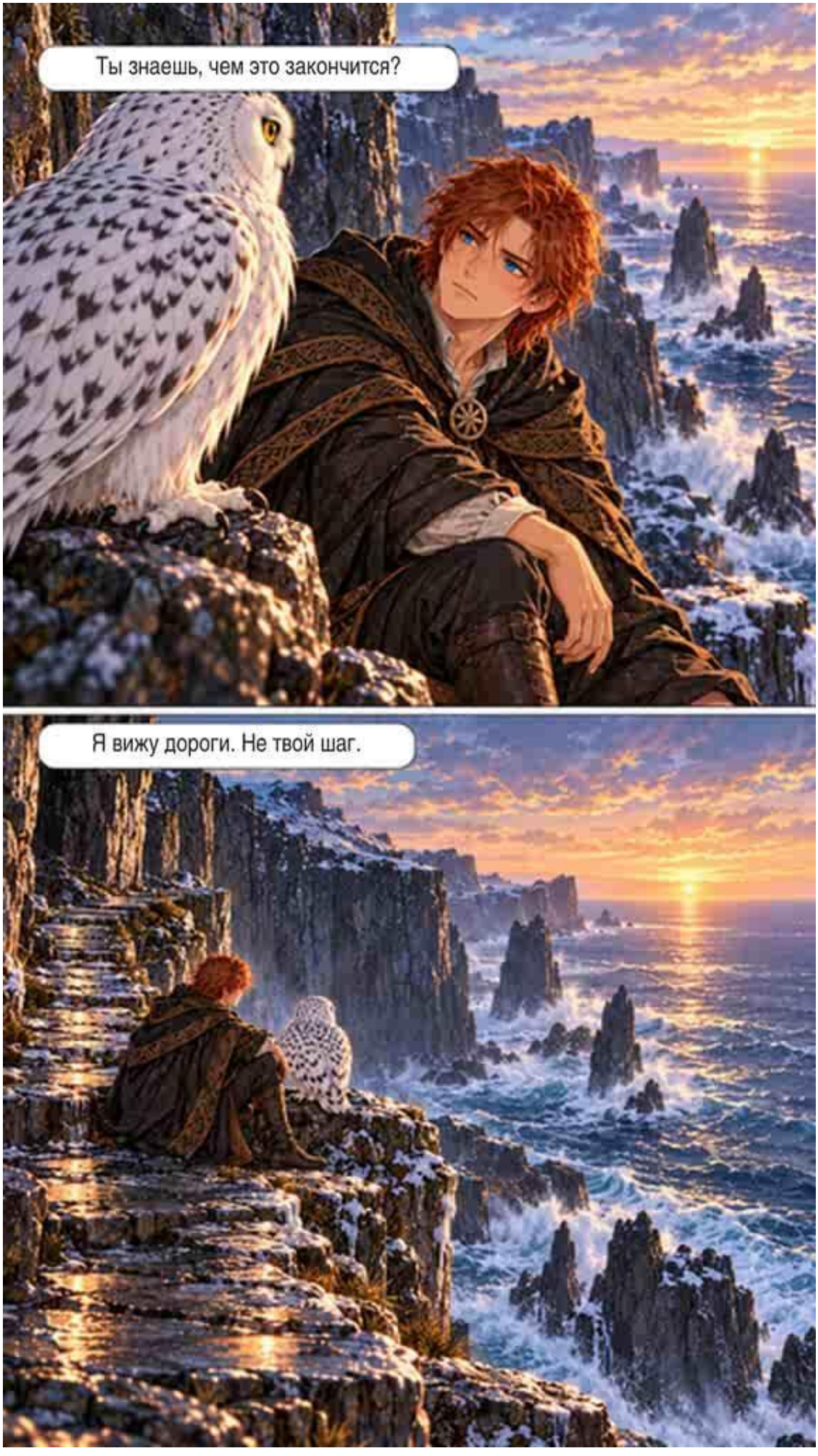

И молчал.
Да.

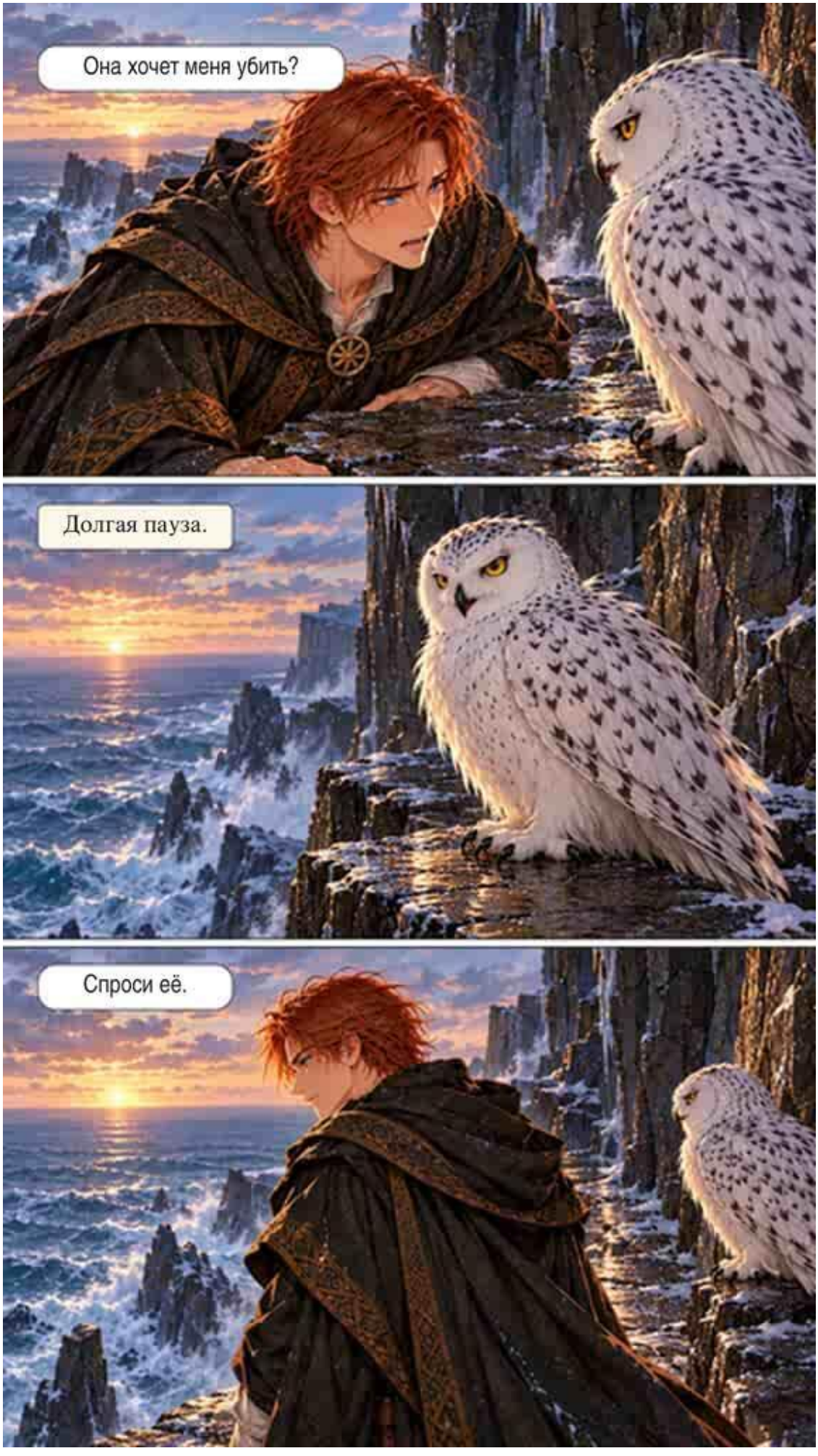

Почему?

Потому что ты ещё не попросил помощи.

А если я ошибусь?
Ты должен пройти этот путь сам.
Очень удобно быть светом.

Нет. Очень трудно не отнять у любимого человека выбор, когда знаешь, что ему будет больно.

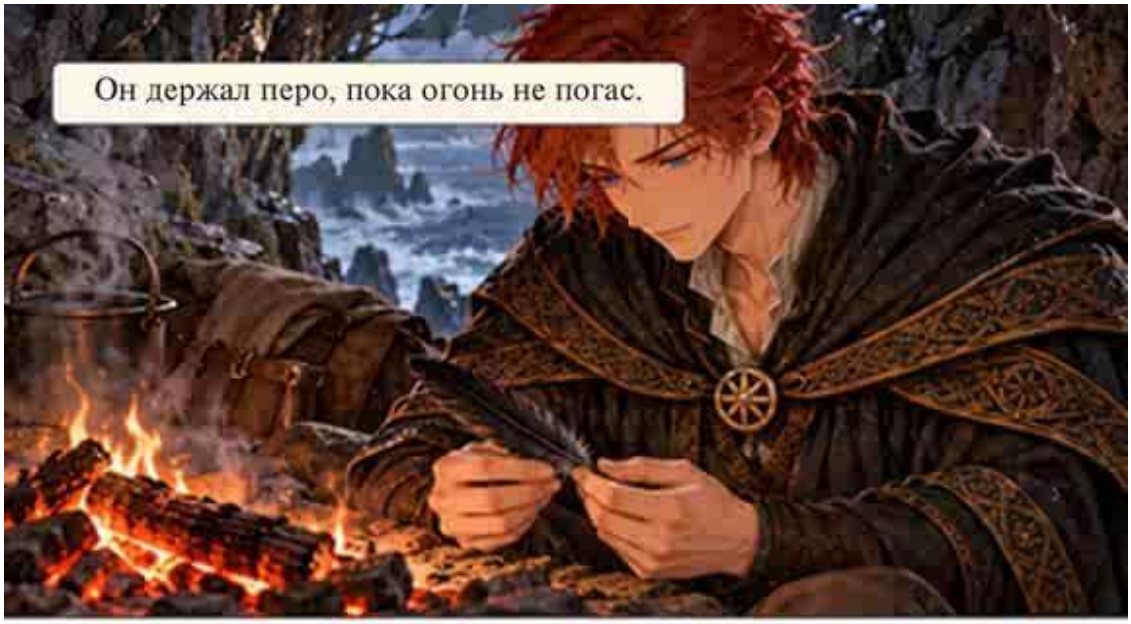

Ты знаешь, чем это закончится?
Я вижу дороги. Не твой шаг.

Она хочет меня убить?
Долгая пауза.
Спроси её.

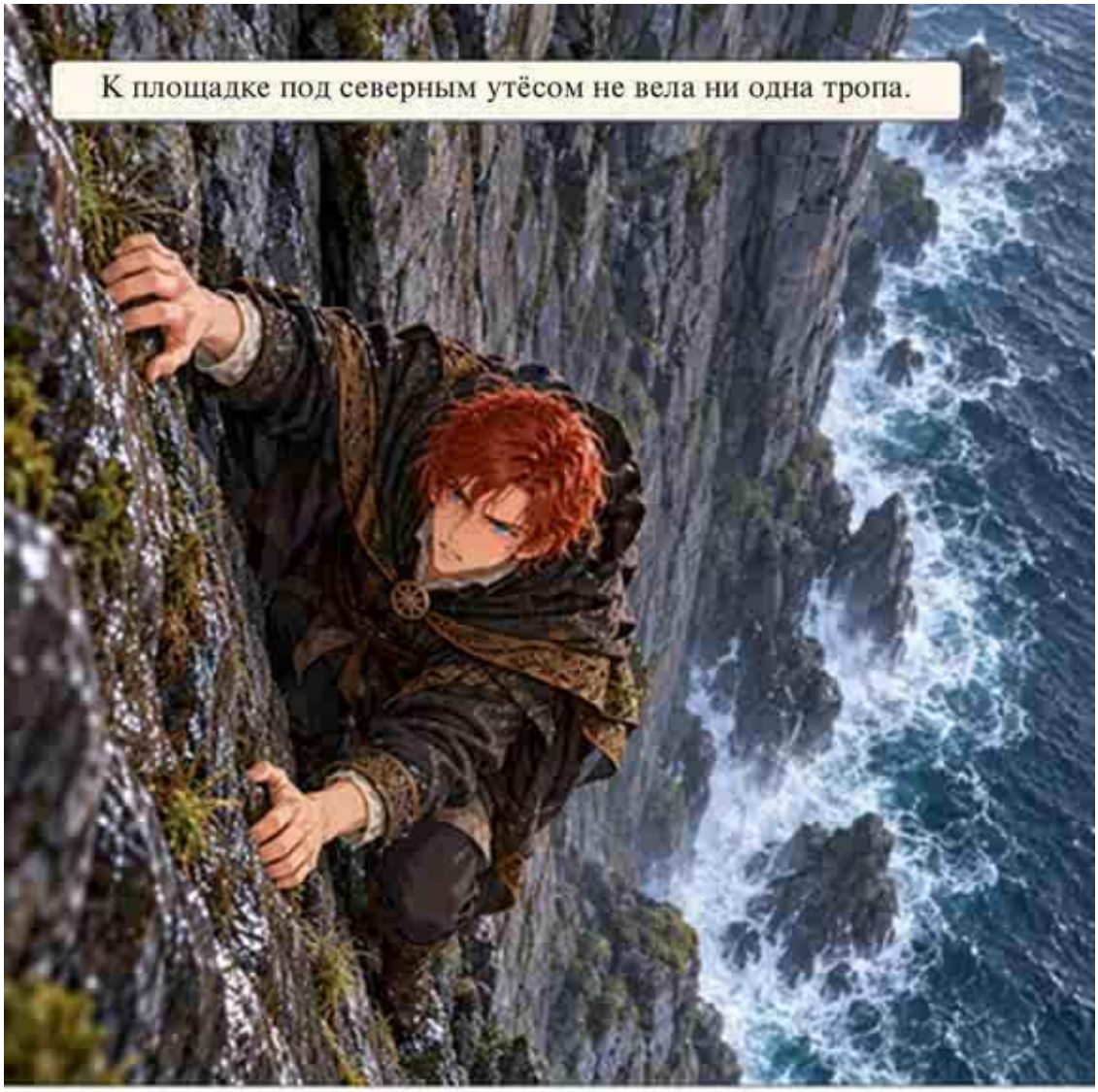

Вечером под подушкой лежало чёрное перо.

Не совиное.

На стержне — три короткие линии. И одно слово:
«Приходи».

Он держал перо, пока огонь не погас.

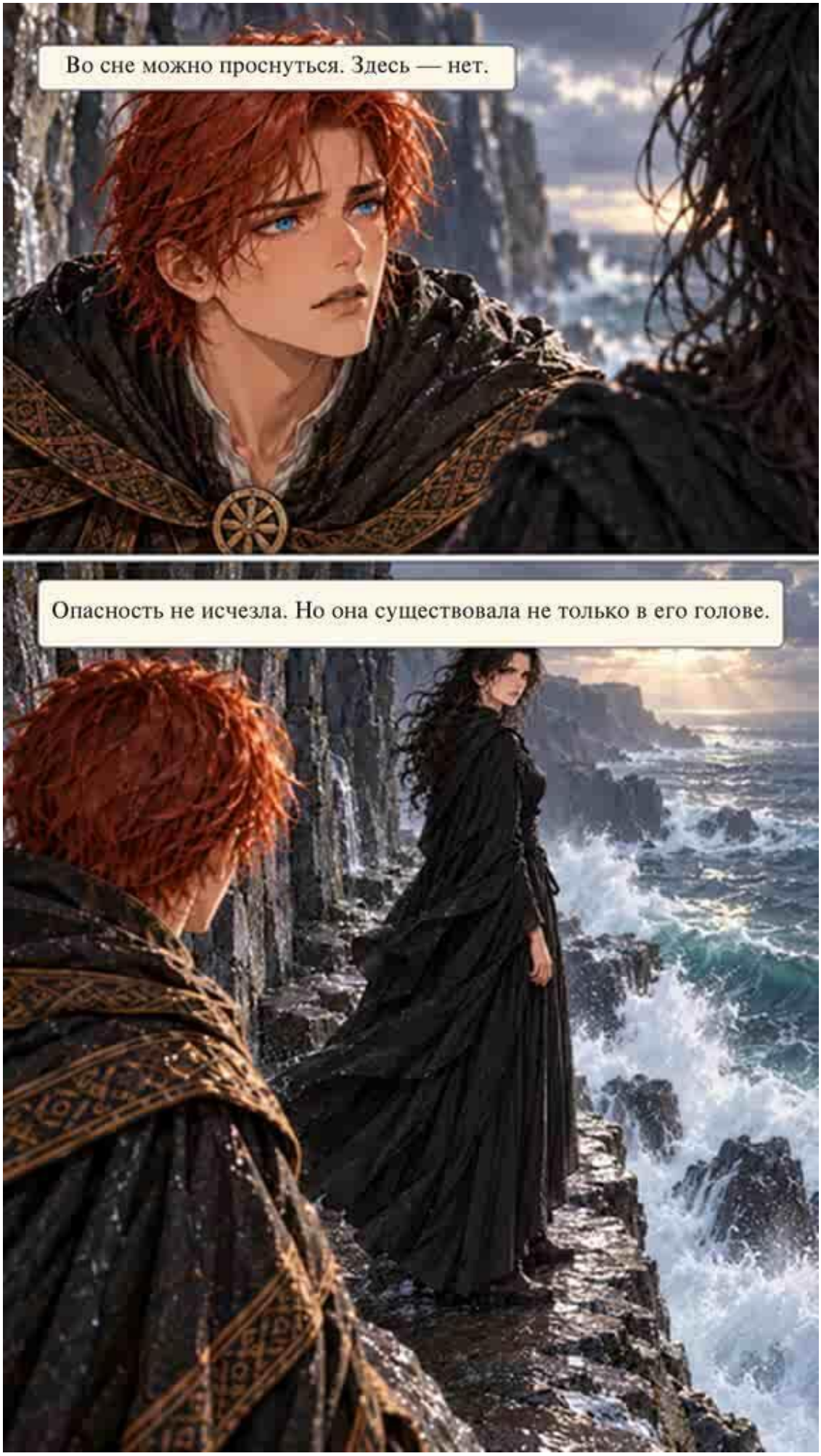

Потом спрятал его за пазуху. И никому не сказал.

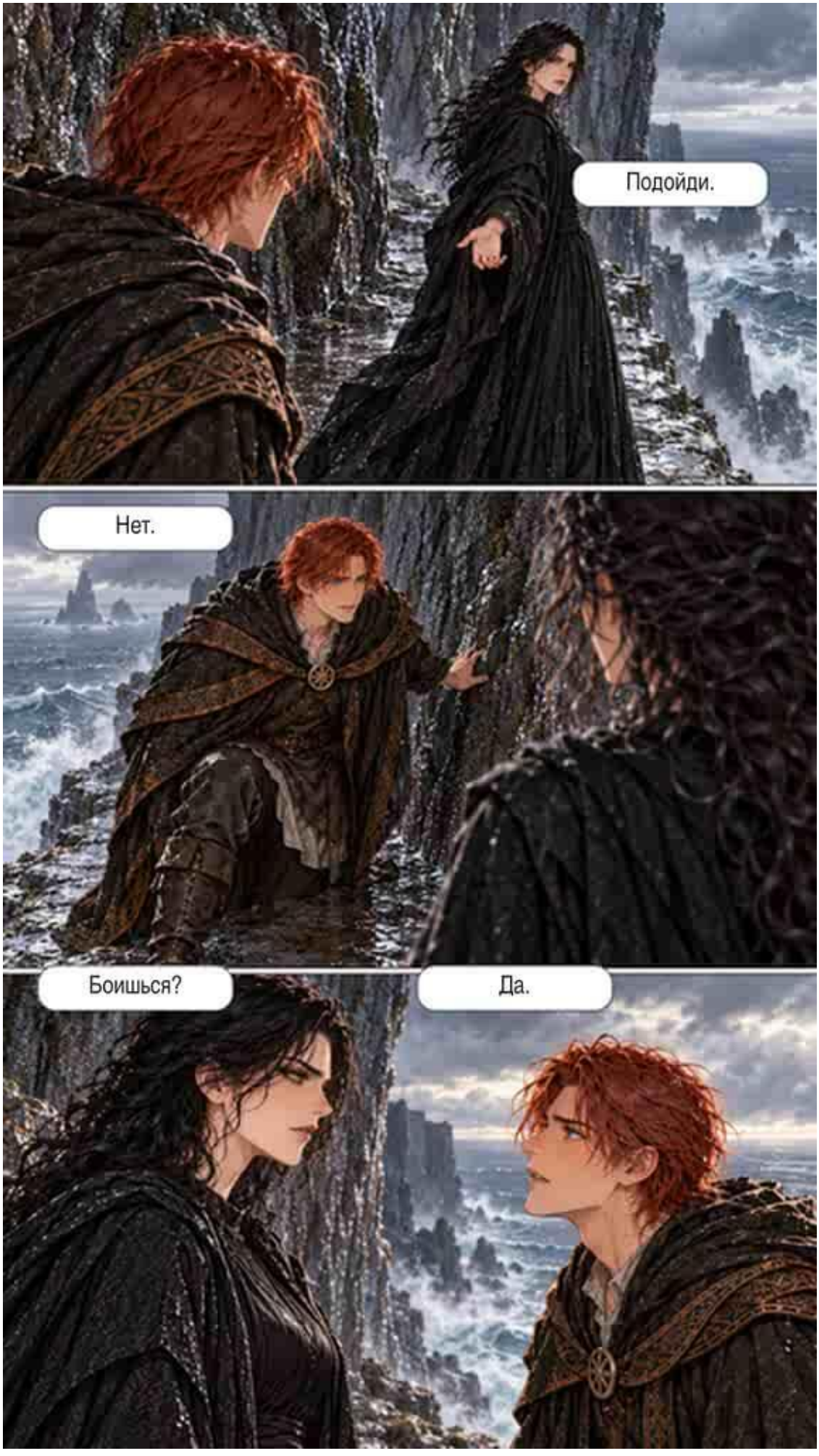

К площадке под северным утёсом не вела ни одна тропа.

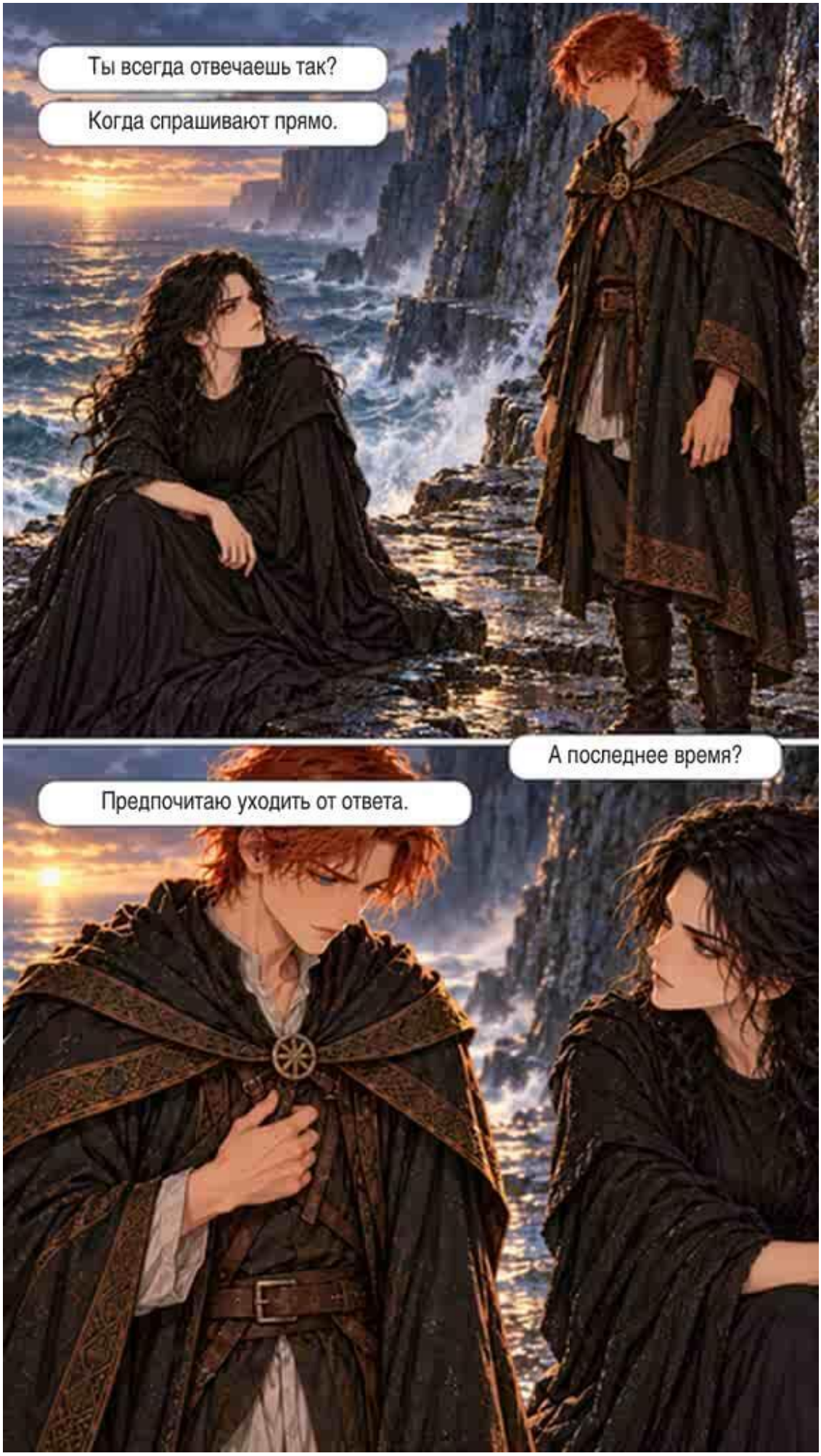

Фимм пришёл один.

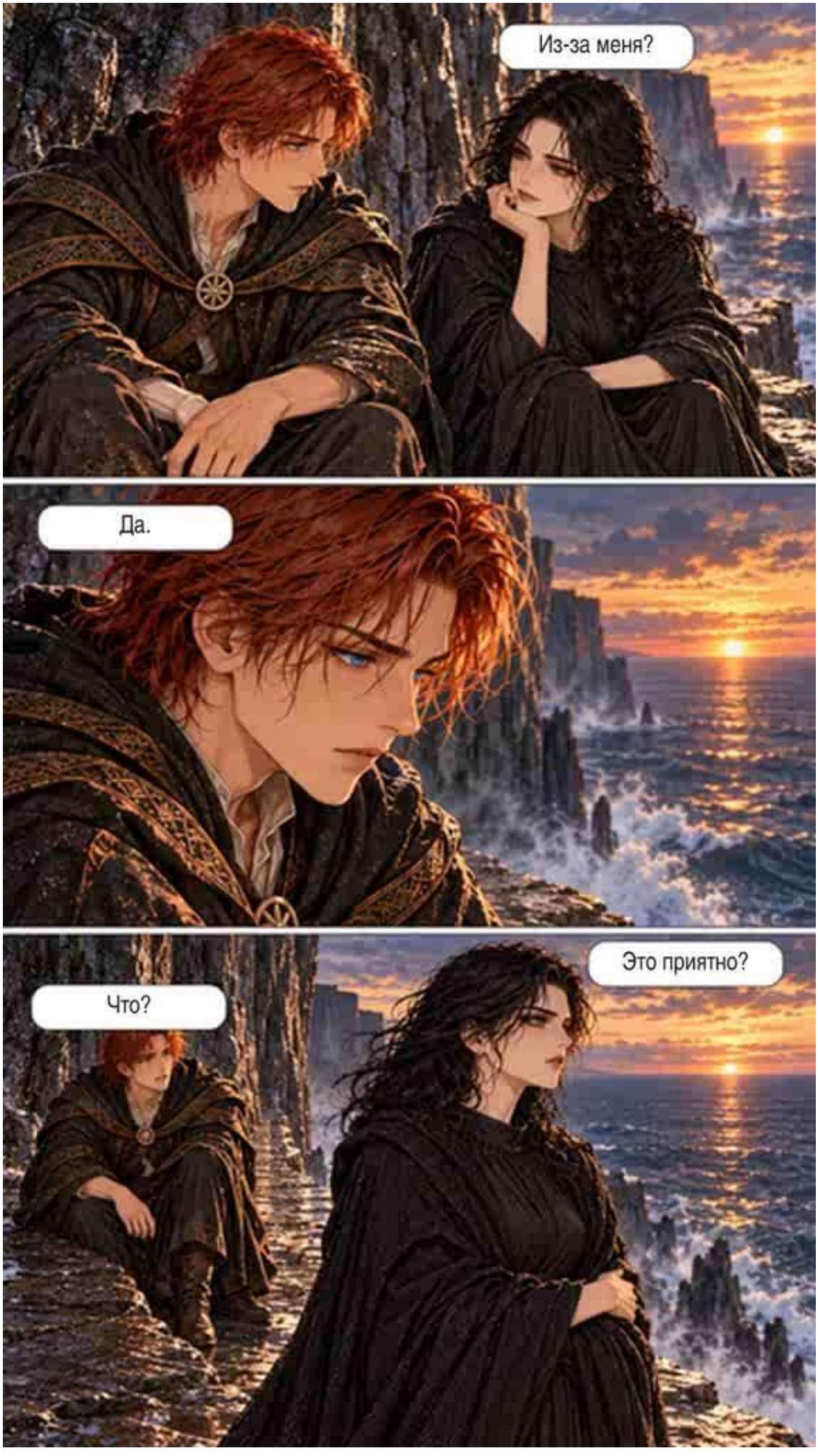

Сирра стояла у самой воды.
Не сон. Не образ.
Настоящая.

Ты позвала.
Ты пришёл.
Для меня сегодня — одно.
Это не одно и то же.

Во сне можно проснуться. Здесь — нет.
Опасность не исчезла. Но она существовала не только в его голове.

Подойди.
Нет.
Боишься?
Да.

Ты всегда отвечаешь так?
Когда спрашивают прямо.
А последнее время?
Предпочитаю уходить от ответа.

Из-за меня?
Да.
Это приятно?
Что?

Когда из-за тебя человек меняется.
Нет.

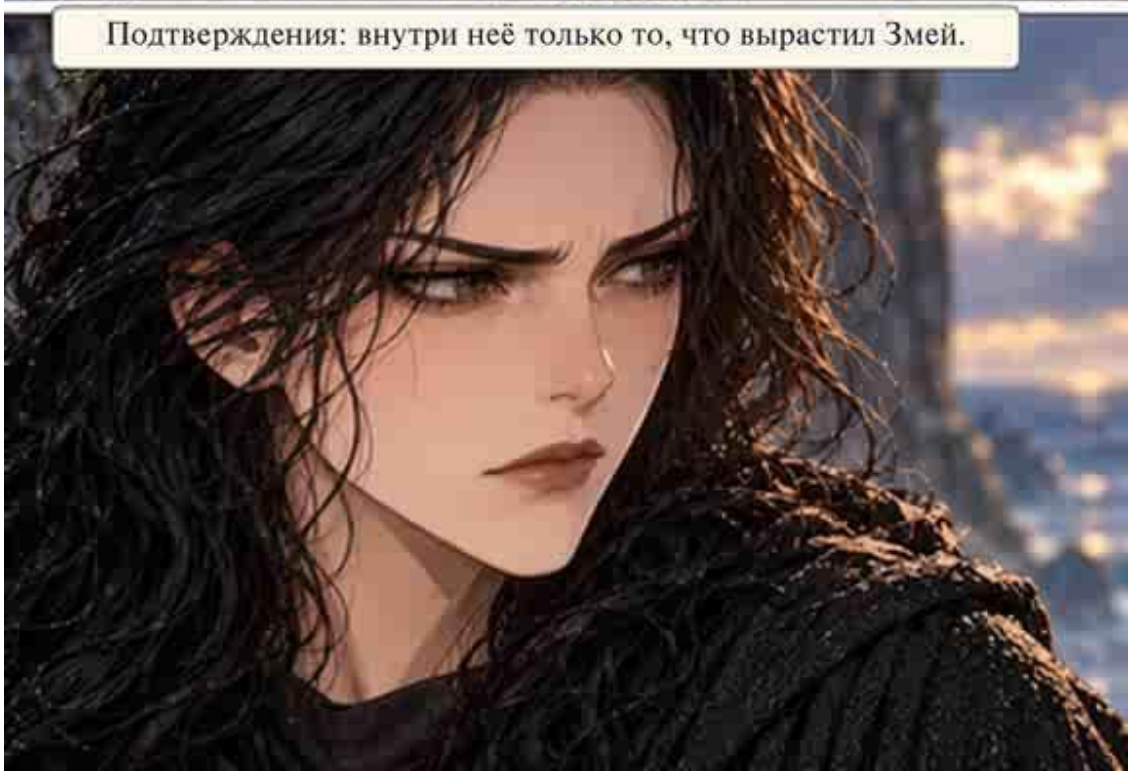

Почему? Это власть.
Вот поэтому.

Положи.
Опять?
Да.

Он ничего не значит.
Для тебя.
А для кого ещё?
Для него.

Ты защищаешь краба от дочери Тьмы?
Начинаю с достижимого.
Панцирь хрустнул.

Она смотрела ему в лицо. Ждала отвращения. Ненависти.

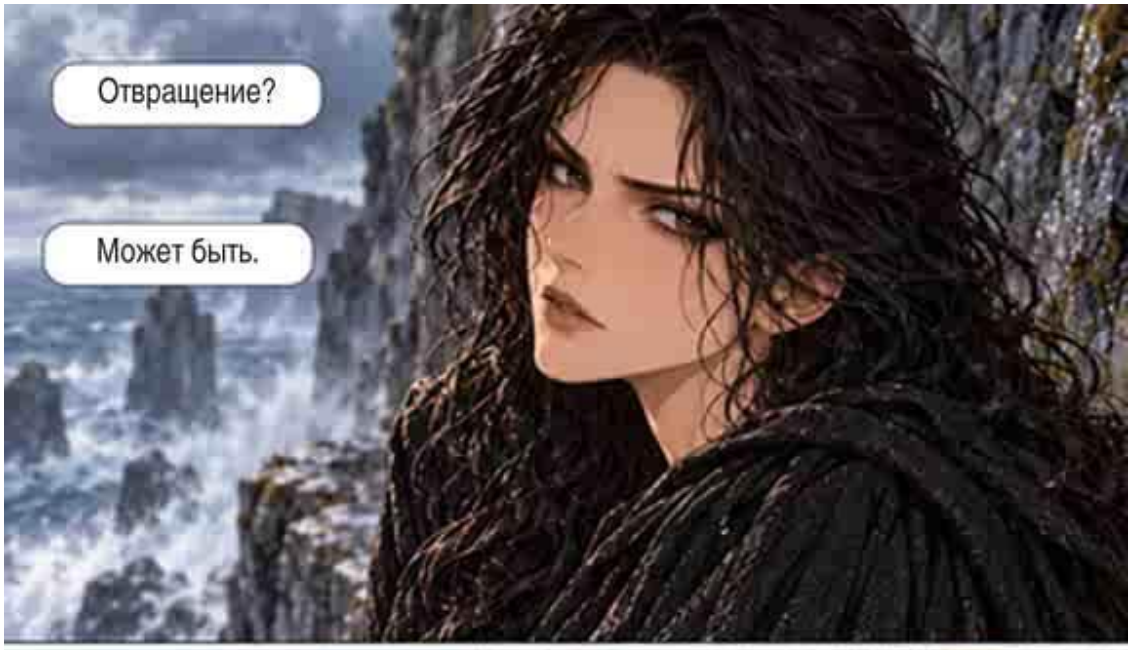

Подтверждения: внутри неё только то, что вырастил Змей.

Зачем ты это сделала?

Потому что могла.

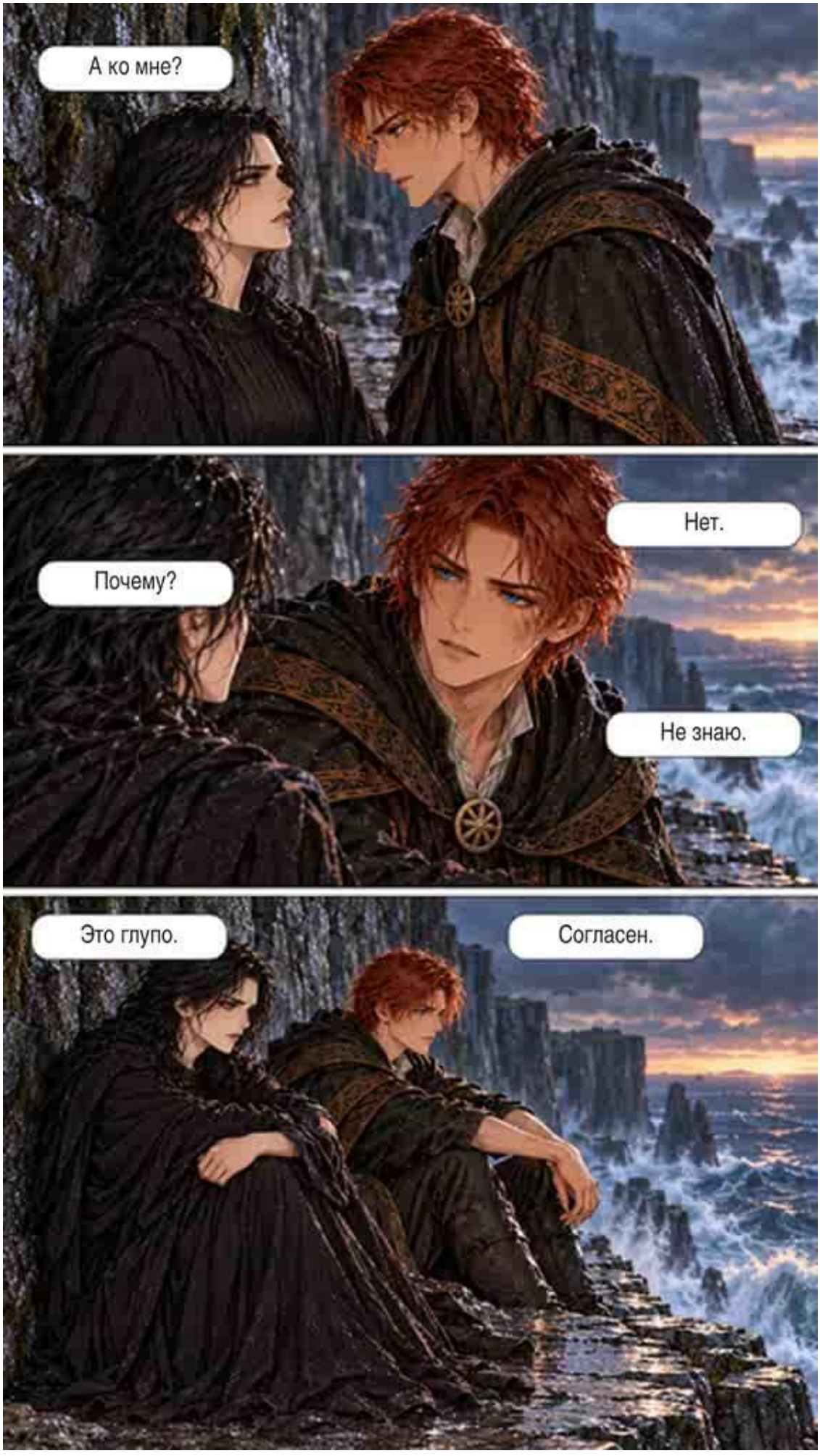

Нет. Ты могла убить его сразу. Но сделала это медленно и смотрела на меня.

И что?
Значит, тебе было важно, что я почувствую.

Отвращение?
Может быть.

Чувствуешь?

К поступку — да.

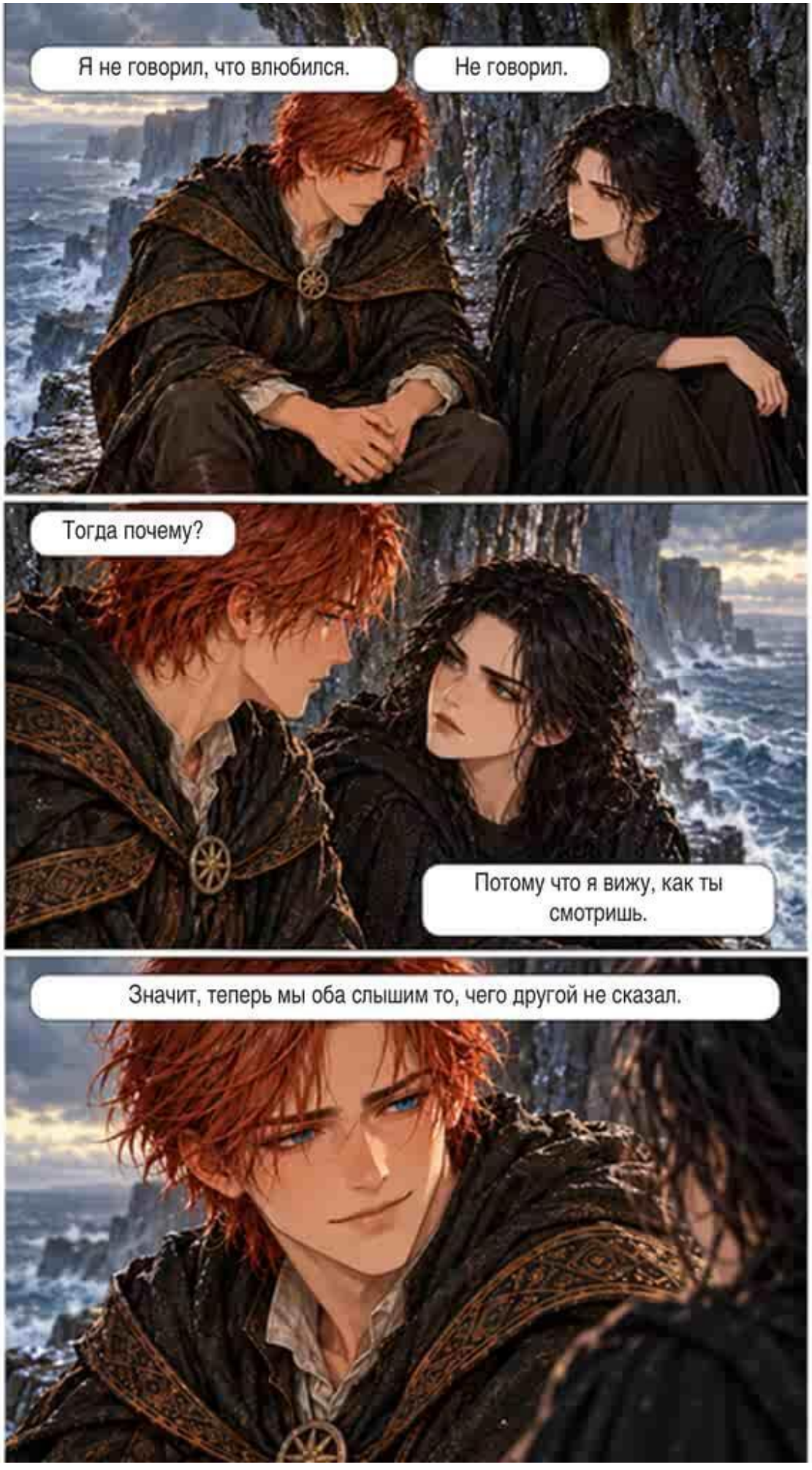

А ко мне?
Нет.
Почему?
Не знаю.
Это глупо.
Согласен.

Я могу убить тебя.
Знаю.
Я чуть не убила твоего брата.
Знаю.
Я сжигала живой лес и смеялась.
Знаю.

Тогда почему?
Потому что, когда ты отпустила птицу, ты смотрела ей вслед.

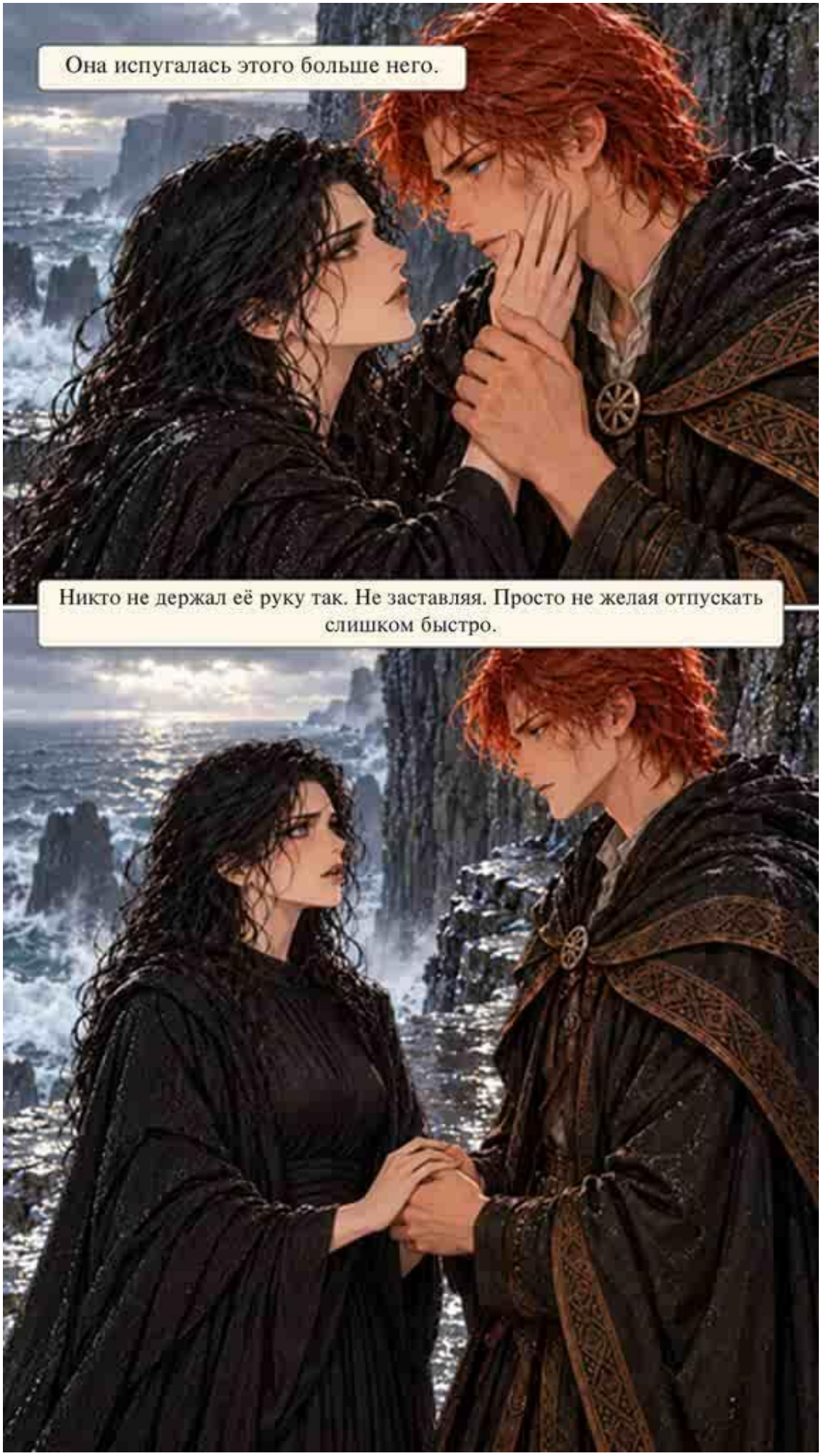

Это ничего не значит.
Может быть.
Ты придумал меня.
Возможно.

Ты влюбился в образ.
Оба поняли, что она сказала.

Я не говорил, что влюбился.
Не говорил.
Тогда почему?
Потому что я вижу, как ты смотришь.
Значит, теперь мы оба слышим то, чего другой не сказал.

Сирра коснулась его щеки. Её ладонь была холодной.

Ни приказа. Ни тумана в голове. Она не использовала дар. Просто коснулась.

Она испугалась этого больше него.
Никто не держал её руку так. Не заставляя. Просто не желая отпускать слишком быстро.

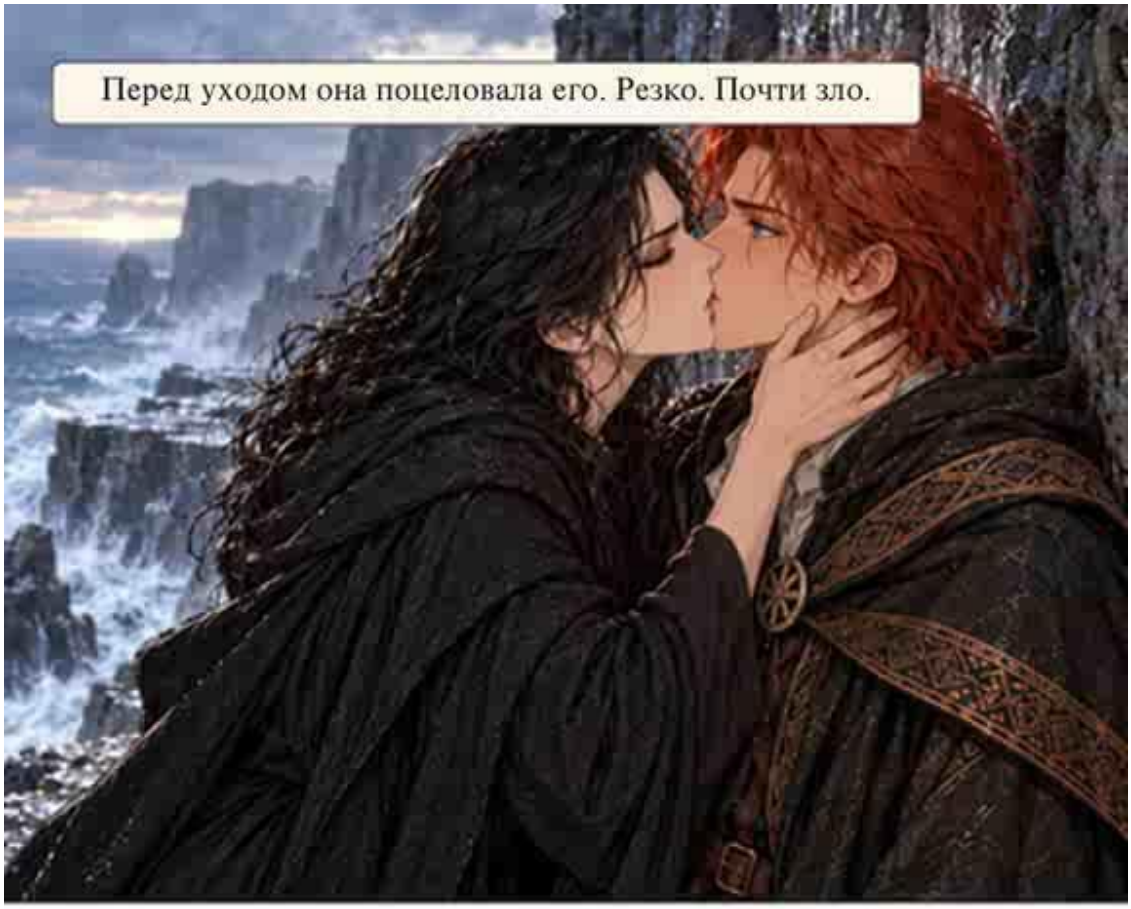

Завтра.
Что завтра?

Я покажу тебе, где выросла.
Зачем?

Если хочешь знать, кто я на самом деле, приди.
Он слушал её голос. Лжи не было.

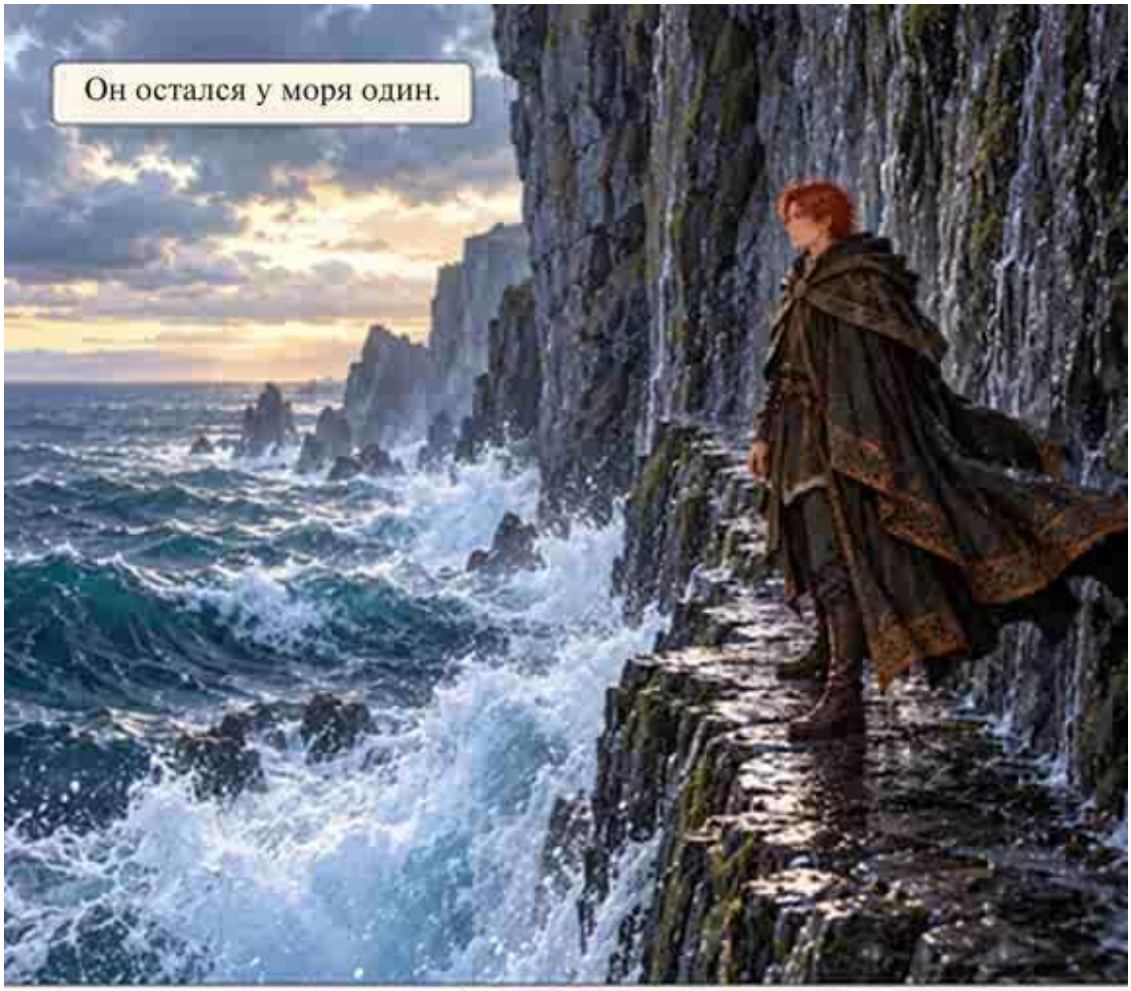

Под правдой стояло молчание. Огромное. Чёрное.
Фимм знал это.

Куда?
Сирра назвала место.

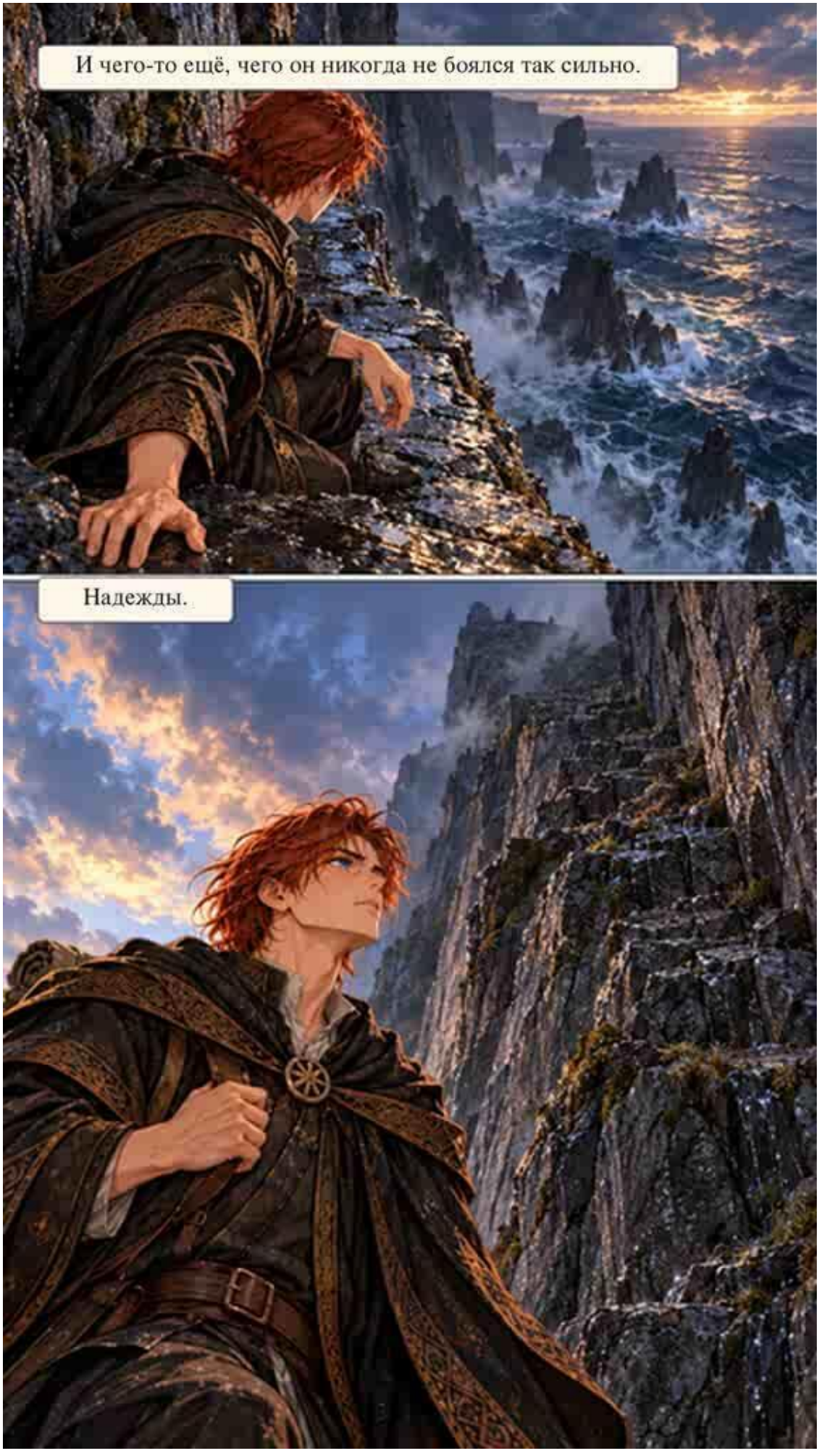

Перед уходом она поцеловала его. Резко. Почти зло.

Фимм не успел ответить.

Она исчезла в чёрной щели.

Он остался у моря один.

На губах был вкус соли.

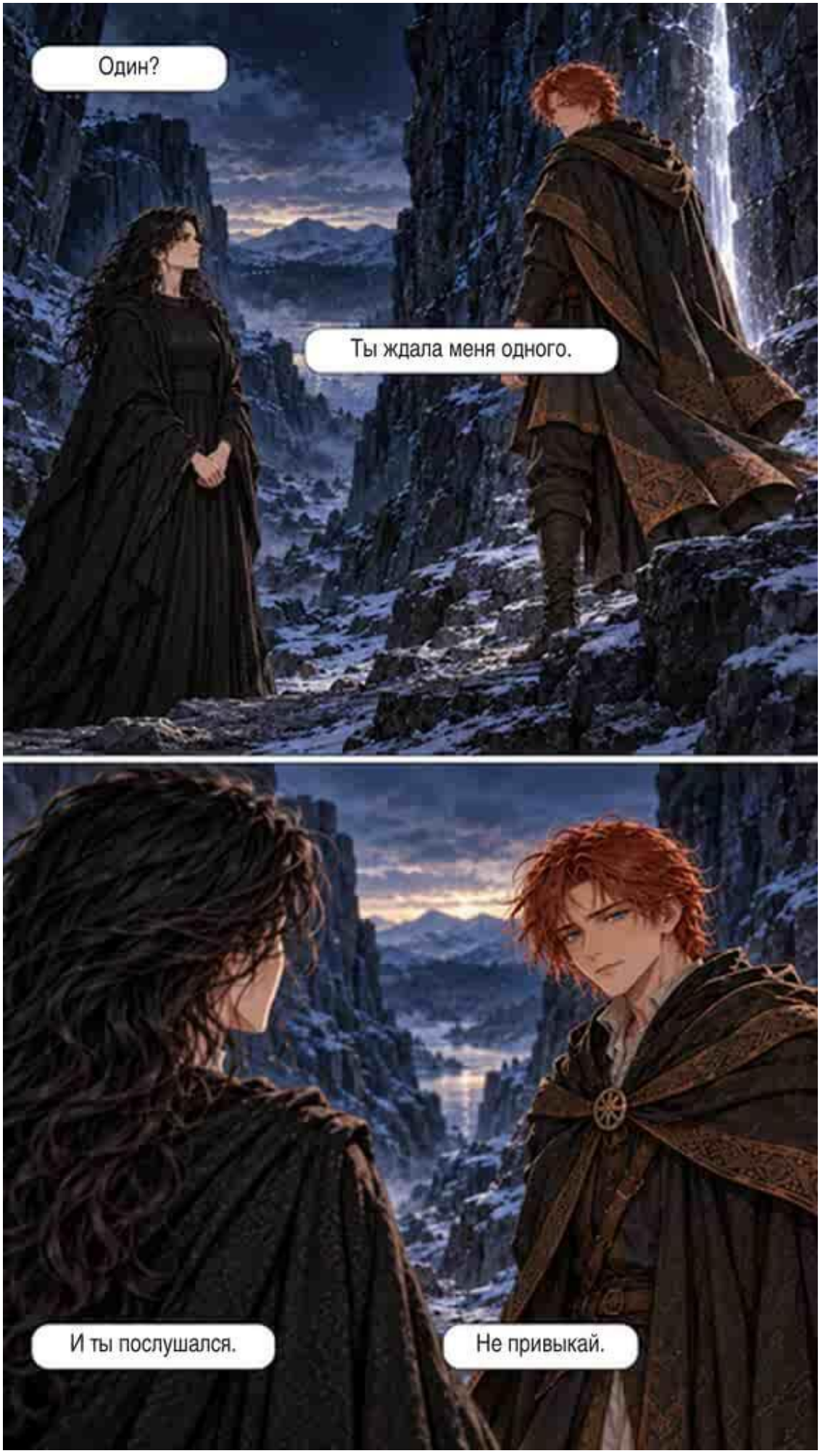

И чего-то ещё, чего он никогда не боялся так сильно.
Надежды.

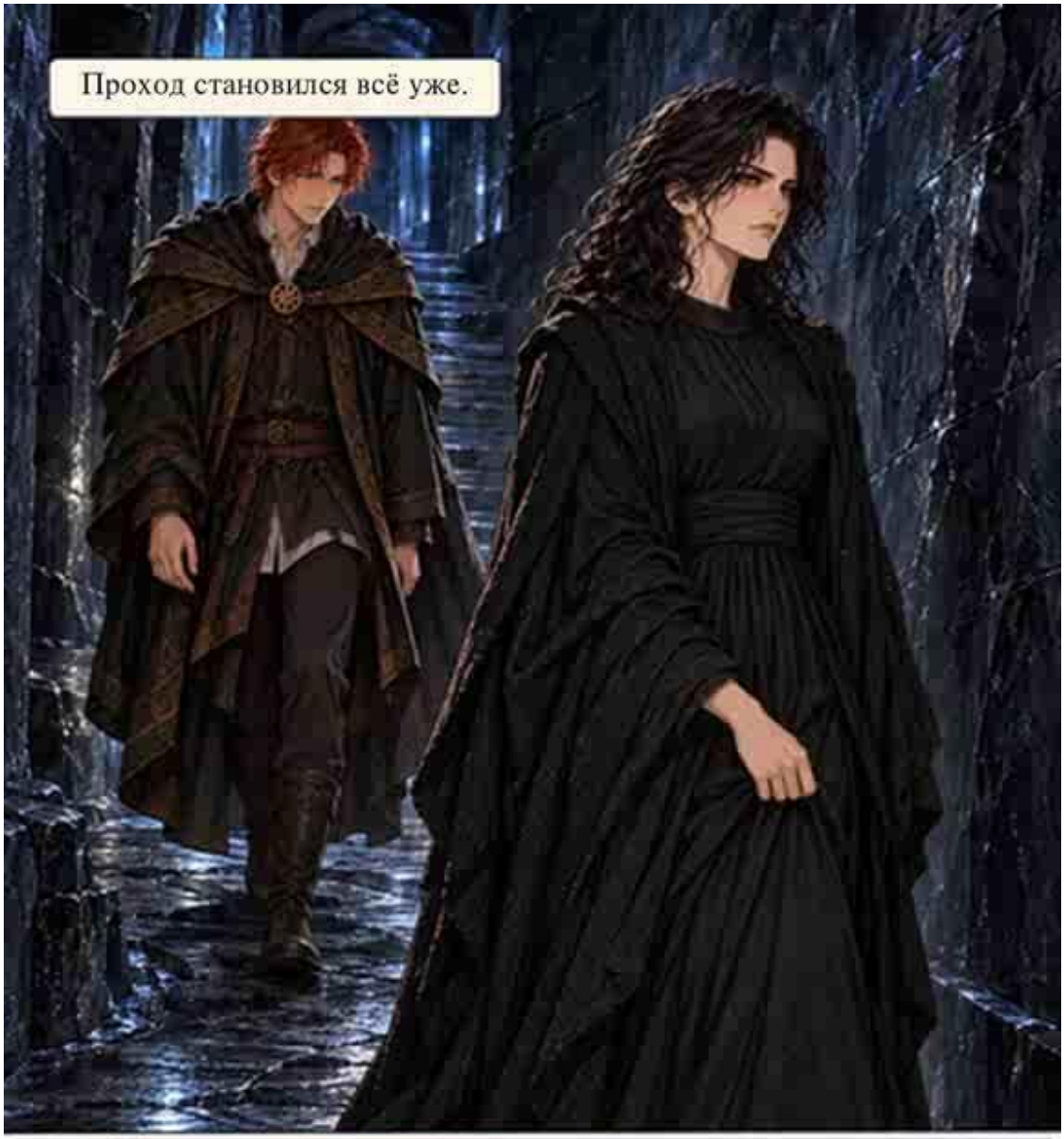
Глава 184. Логово без детства

Глава 184. Логово без детства
Фимм знал, что идёт в ловушку.
И всё равно пошёл.

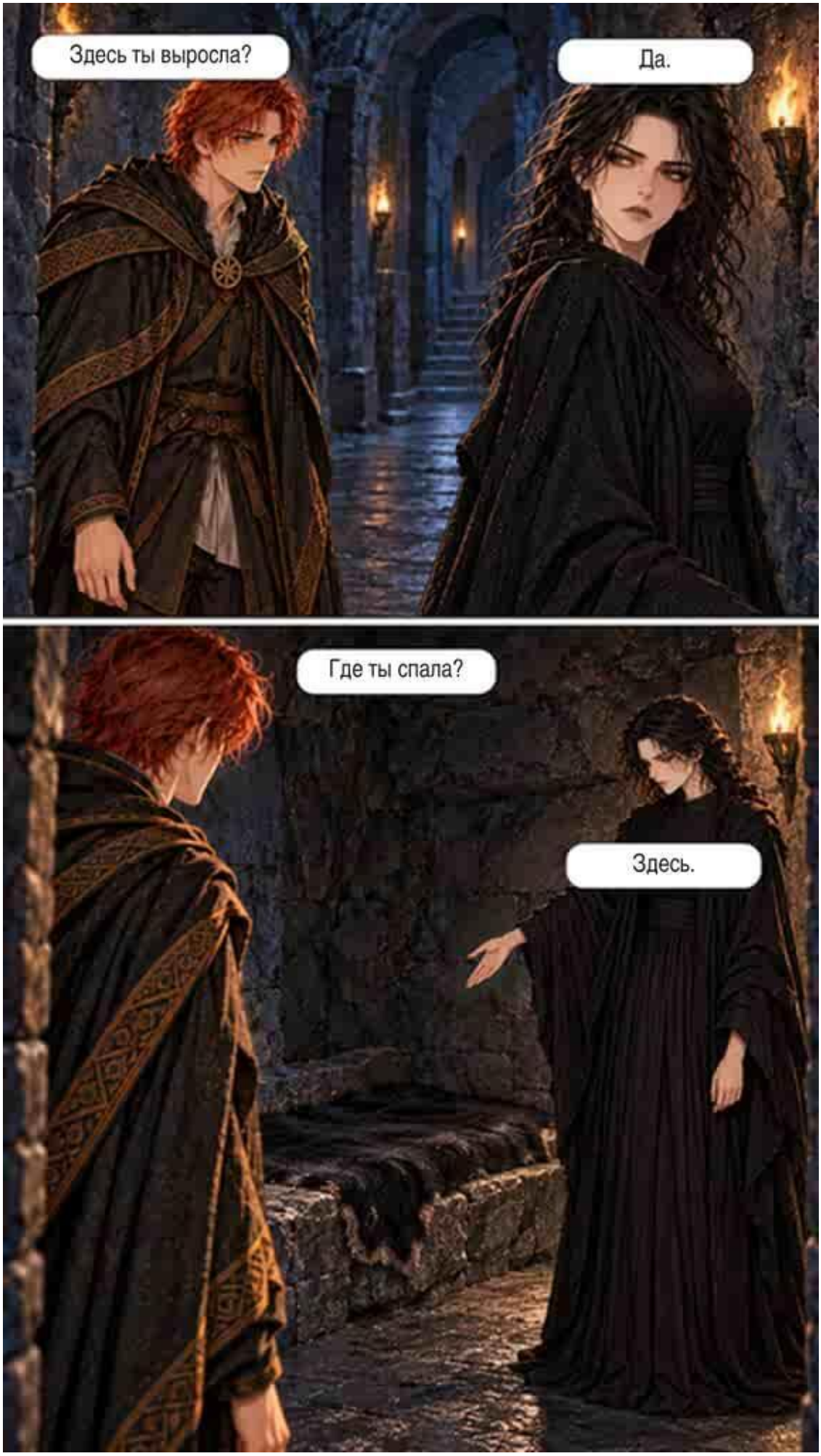

Нужно было открыть дверь и сказать правду.
Я иду к Сирре.
Четыре слова. Он их не сказал.

Тайна строилась из маленьких молчаний.
Одно не сказал. Другое решил объяснить потом.

Один?
Ты ждала меня одного.
И ты послушался.
Не привыкай.

Проход становился всё уже.

Ни рисунков. Ни следов игры. Ни забытых игрушек.

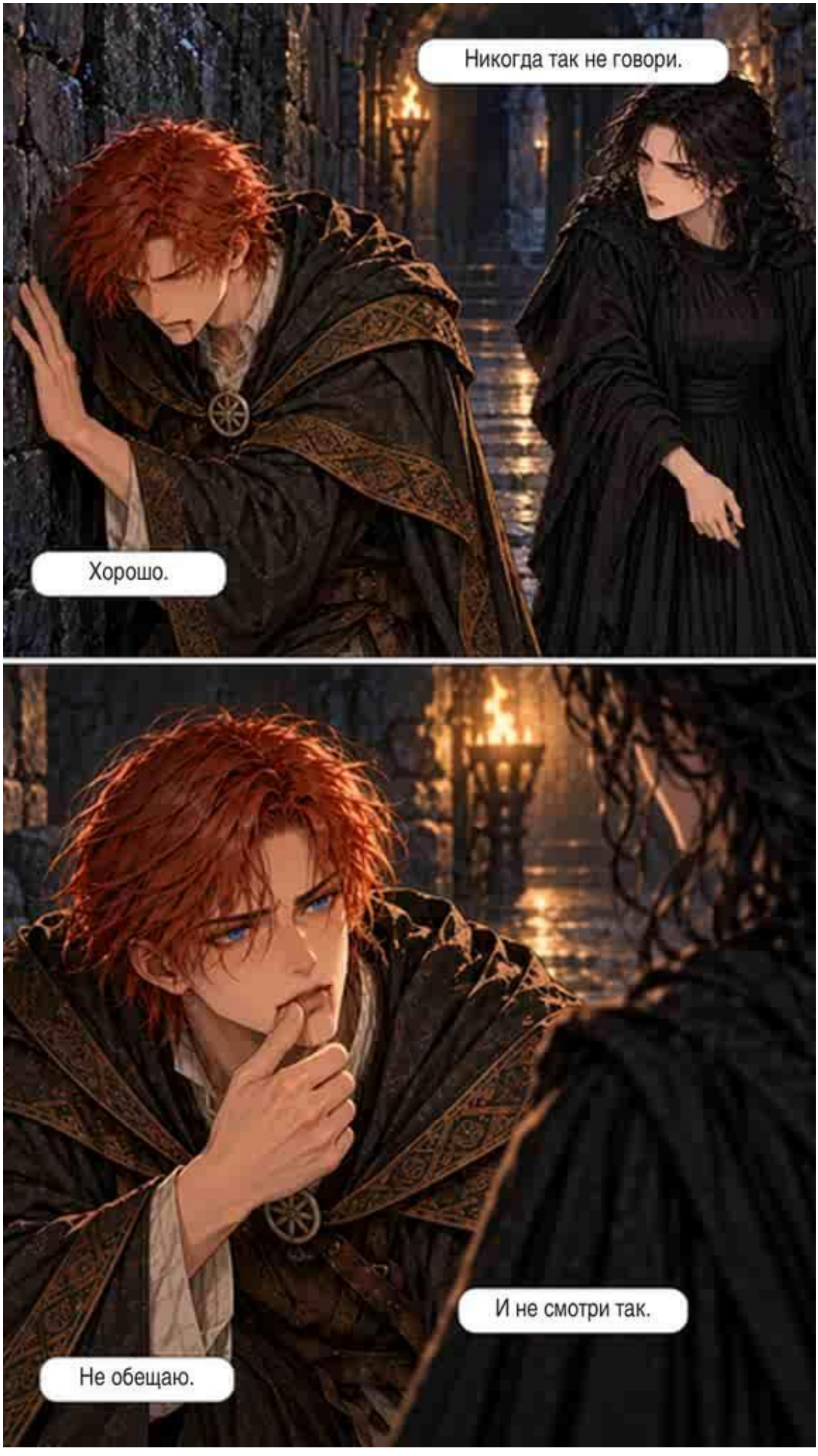

Здесь ты выросла?
Да.
Где ты спала?
Здесь.

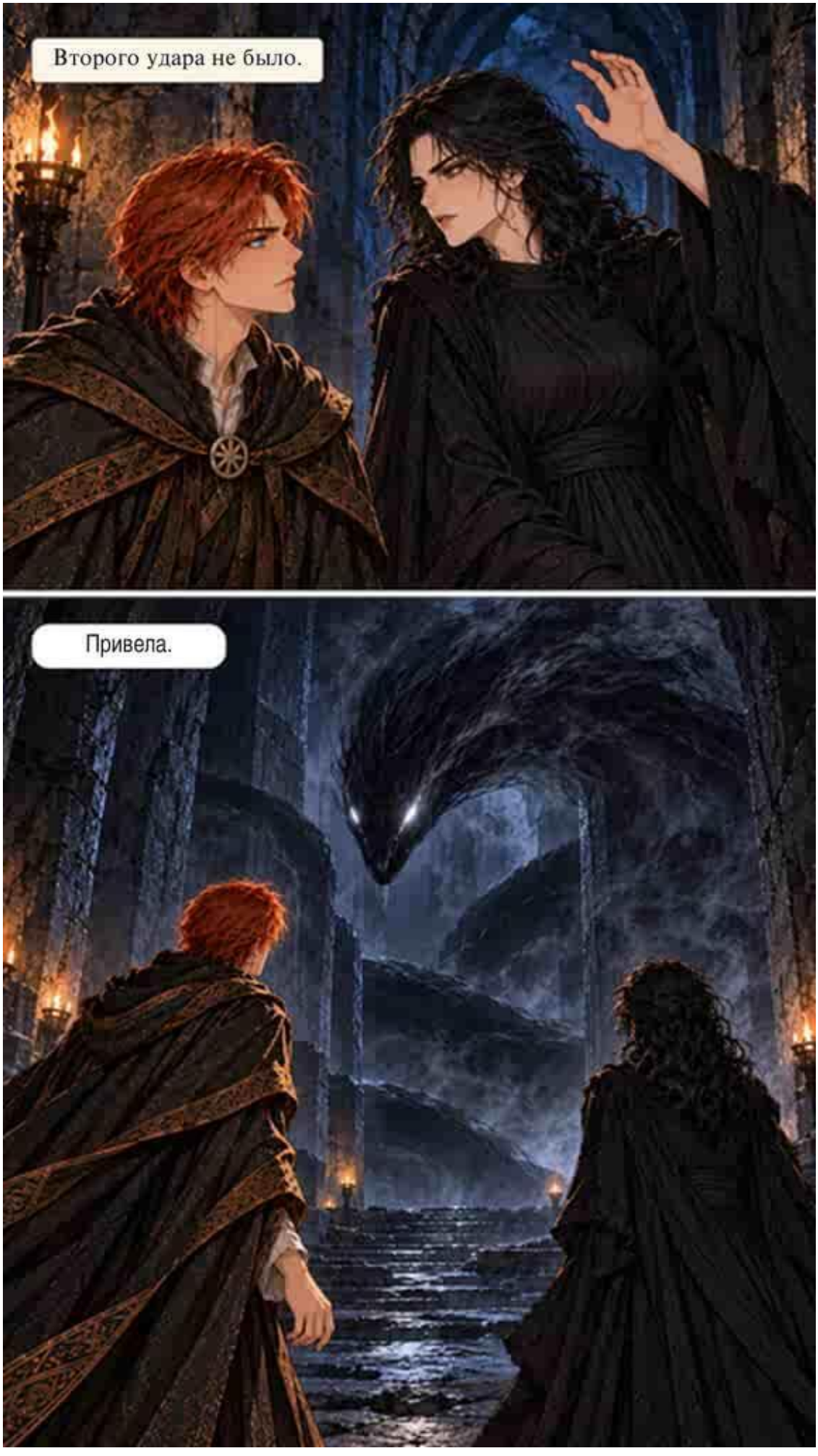

Одна?
А как ещё?
Кто рассказывал тебе истории?
Зачем?

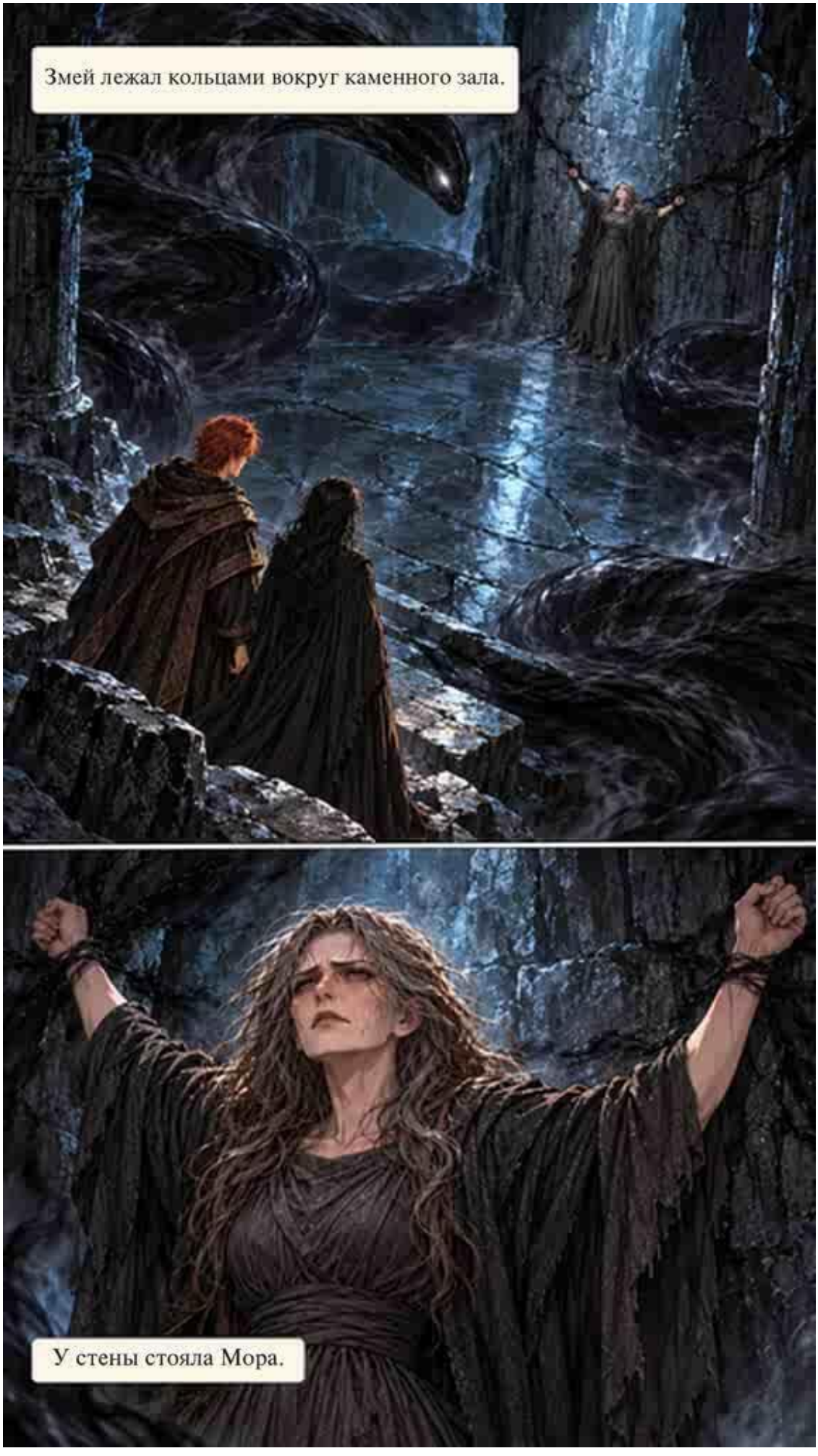

Кто держал тебя, когда ты боялась?
Я не боялась.
Ложь. Резкая. Болезненная.

Не говори.
Я ничего не сказал.
Ты услышал.
Да.

Сирра. Я не жалею тебя.
Правильно.
Мне больно за тебя.

Никогда так не говори.
Хорошо.
И не смотри так.
Не обещаю.

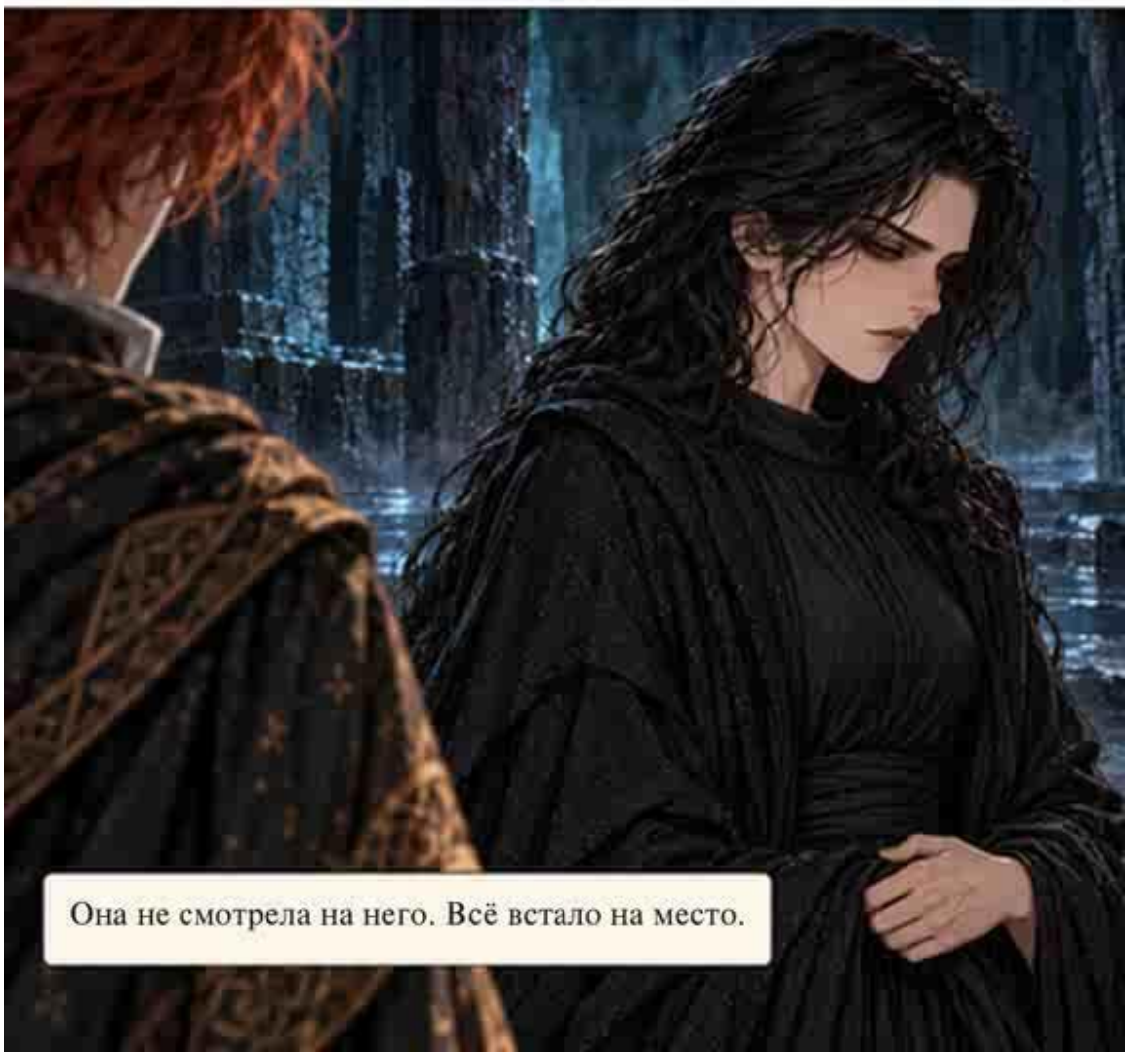

Второго удара не было.
Привела.

Змей лежал кольцами вокруг каменного зала.
У стены стояла Мора.

Ты?
Я искала тебя.
Кто позволил?
Я.

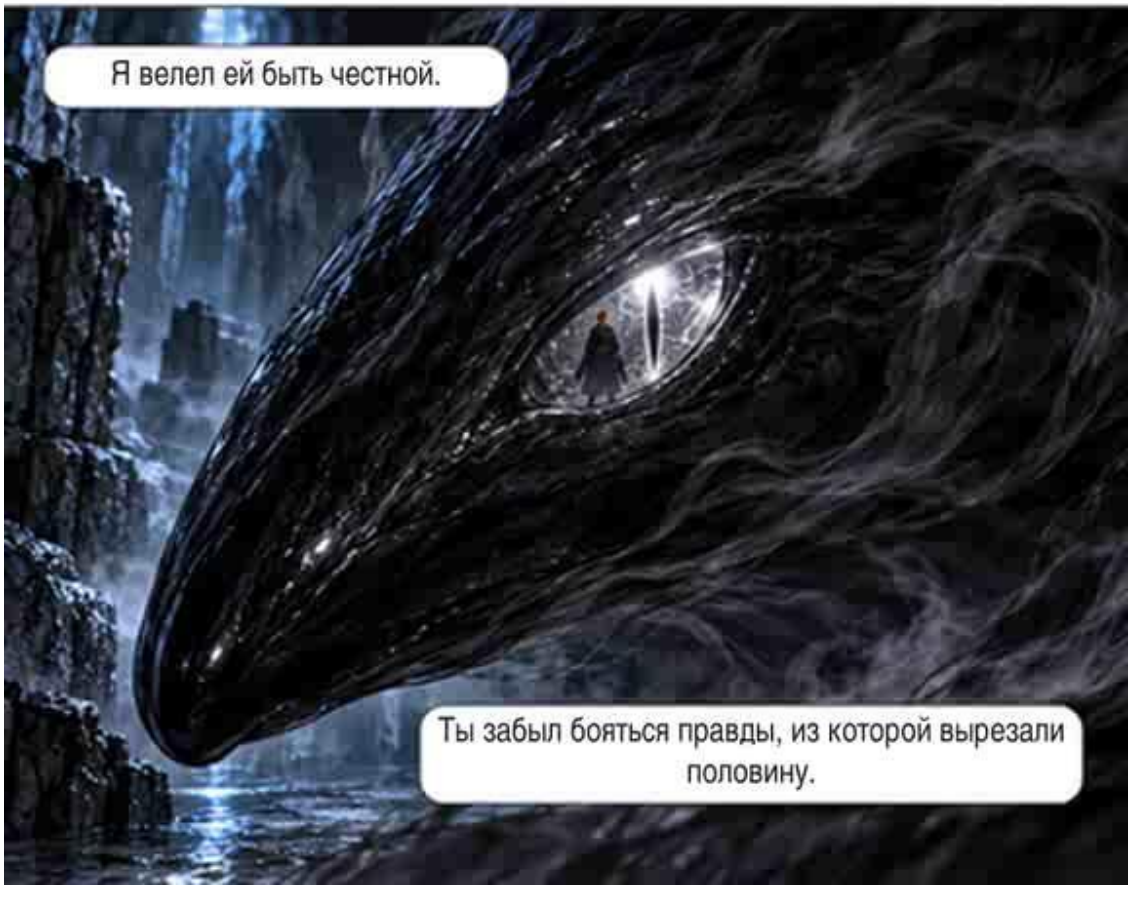

Зачем она здесь?
Чтобы семья увидела твою победу.
За спиной Фимма тихо закрылась щель.

Добро пожаловать, Фимм.

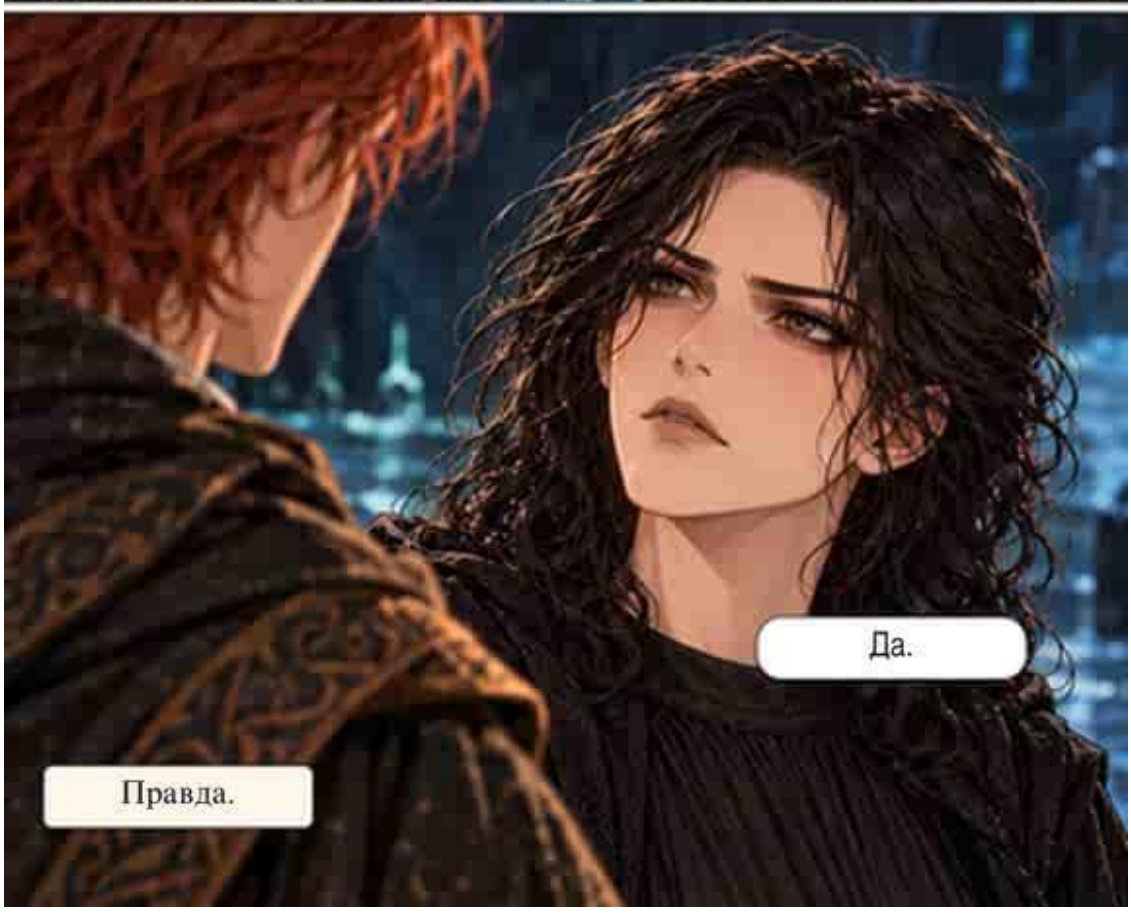

Она не смотрела на него. Всё встало на место.

Сны. Ожидание.
Чёрное перо.
Встреча у моря. Поцелуй.

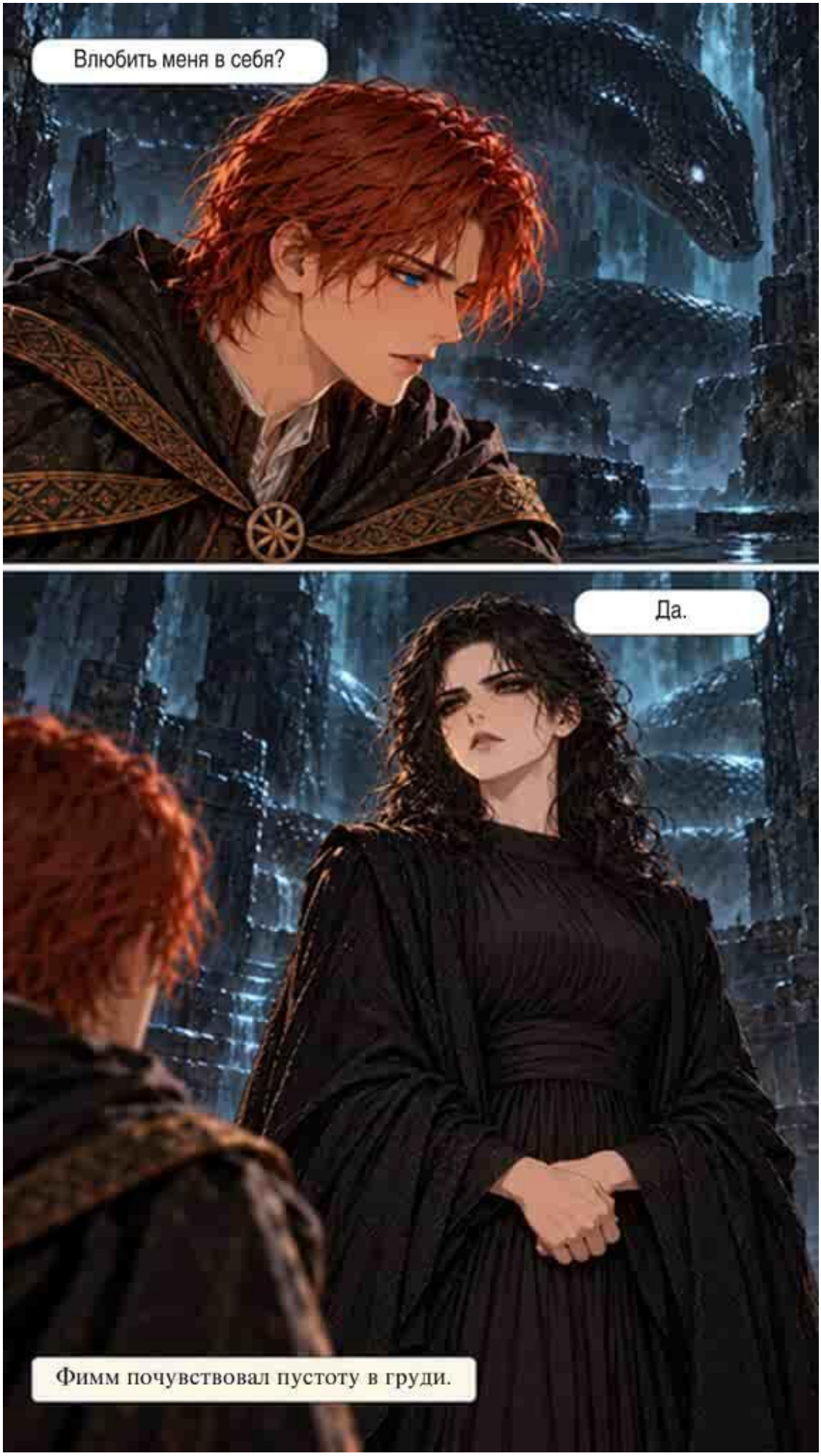

Скажи: она хоть раз солгала тебе?

Я велел ей быть честной.
Ты забыл бояться правды, из которой вырезали половину.

Тебе приказали?

Да.
Правда.

Войти в мои сны?
Да.
Сделать так, чтобы я пришёл сам?
Да.

Влюбить меня в себя?
Да.
Фимм почувствовал пустоту в груди.

А поцелуй?
Какая трогательная точность.

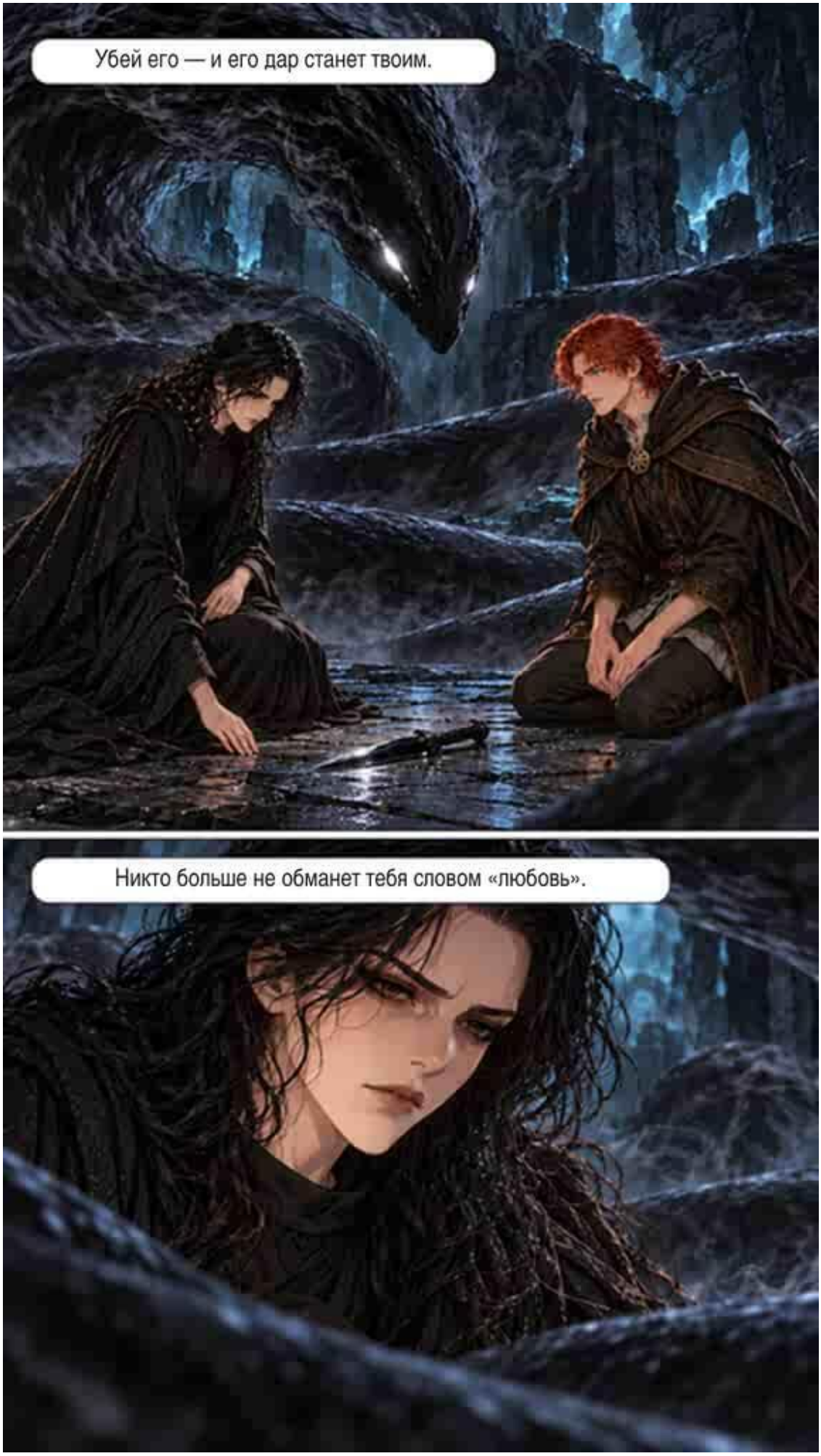

Замолчи.
Что ты сказала?

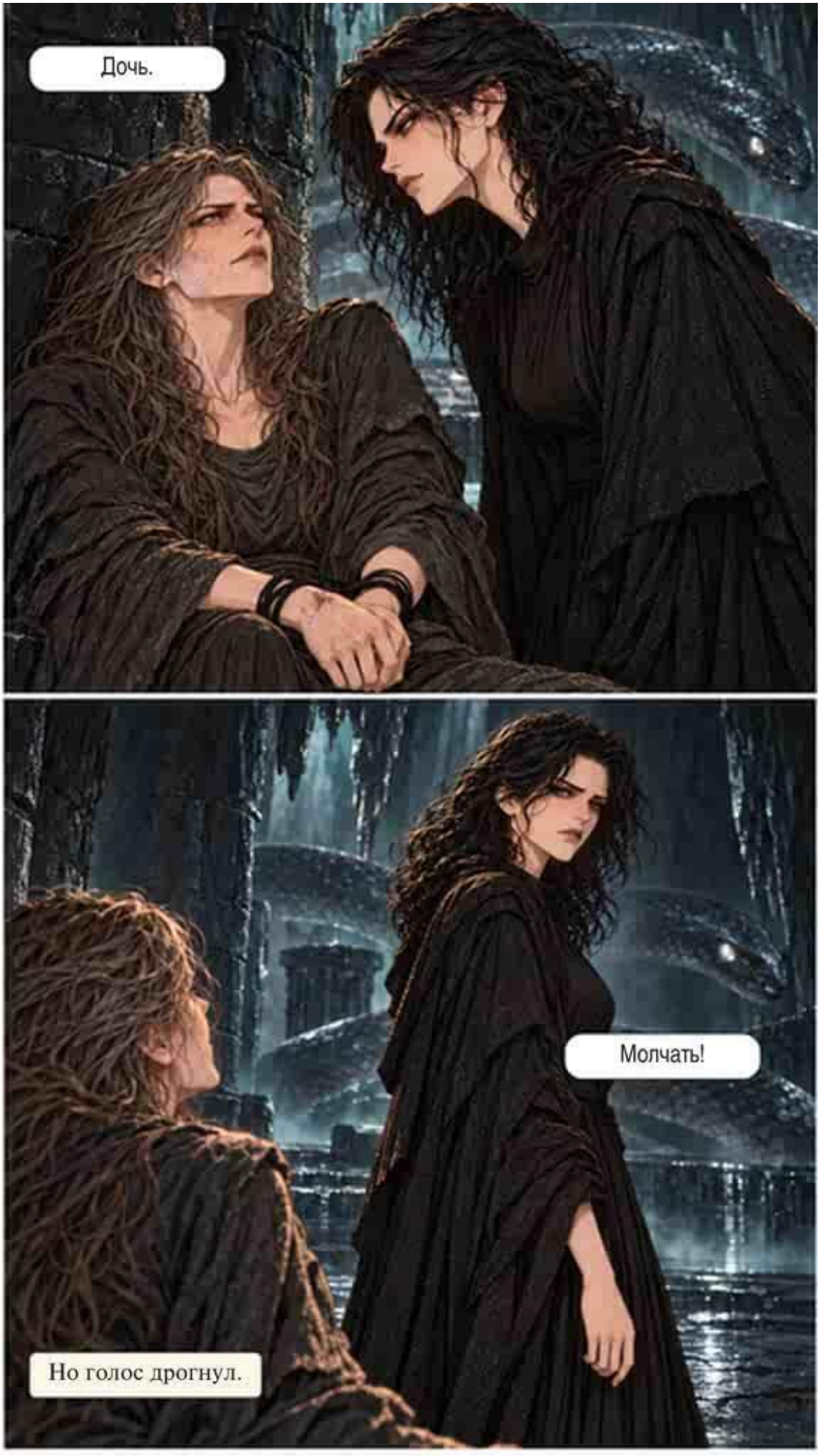

Я сказала ему. Не тебе.

Она не ответила на вопрос о поцелуе.
Потому что сама ещё не знала правды.

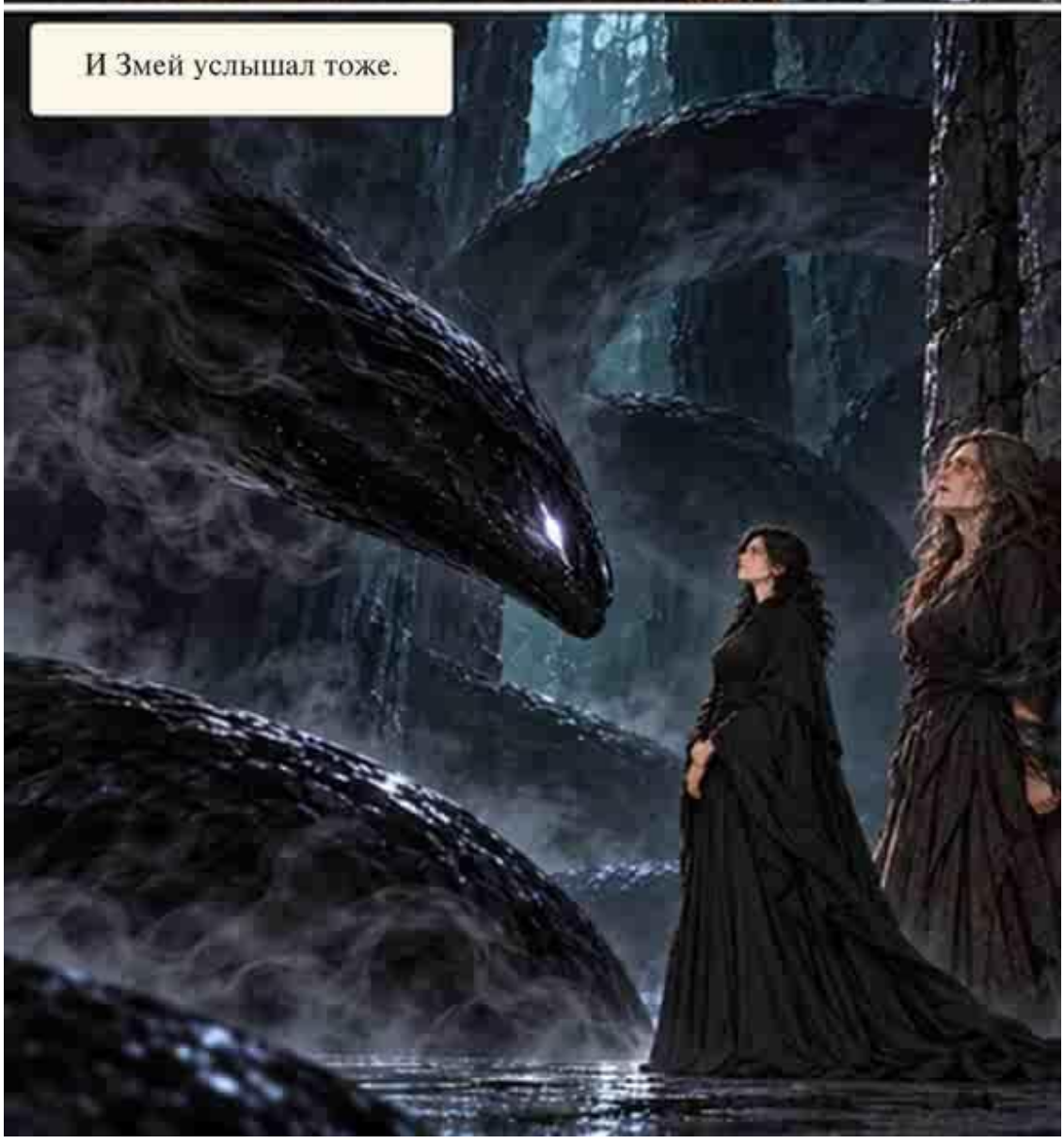

Довольно. Заканчивай.

На полу появился нож из чёрного металла.

Убей его — и его дар станет твоим.
Никто больше не обманет тебя словом «любовь».

Дочь.
Молчать!
Но голос дрогнул.

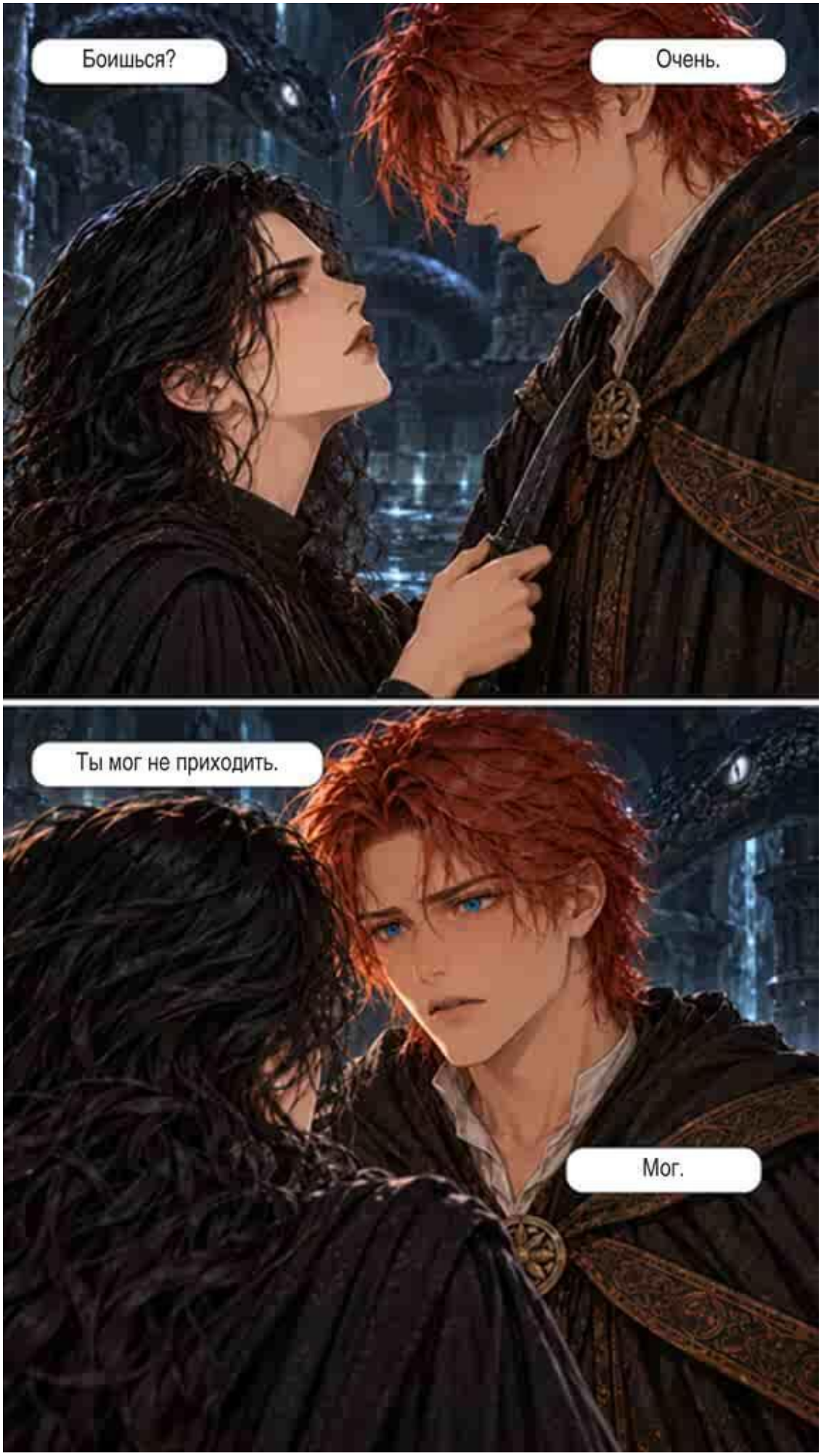

Фимм услышал.

И Змей услышал тоже.

Глава 185. Если моя возлюбленная — чудовище

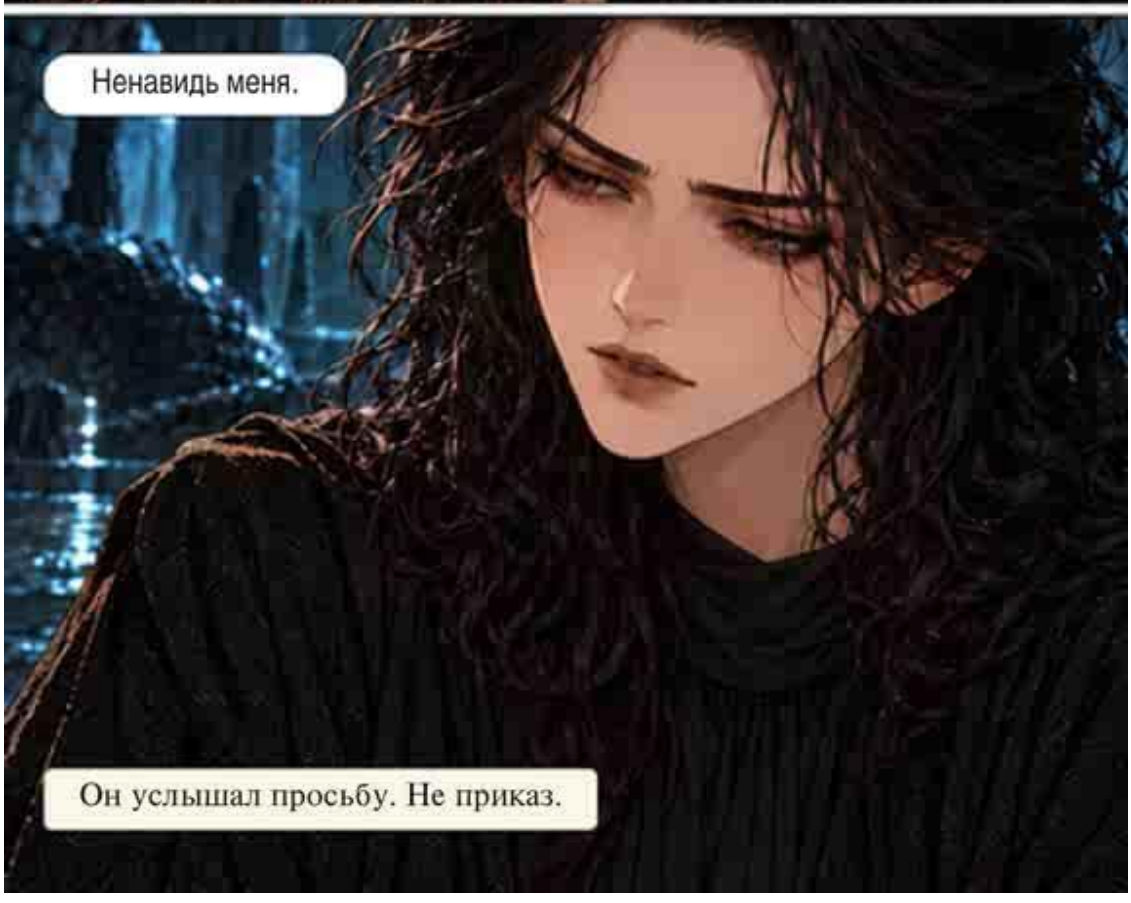

Глава 185. Если моя возлюбленная — чудовище
Фимм не отступил.

Сделай.
Остриё коснулось ткани.

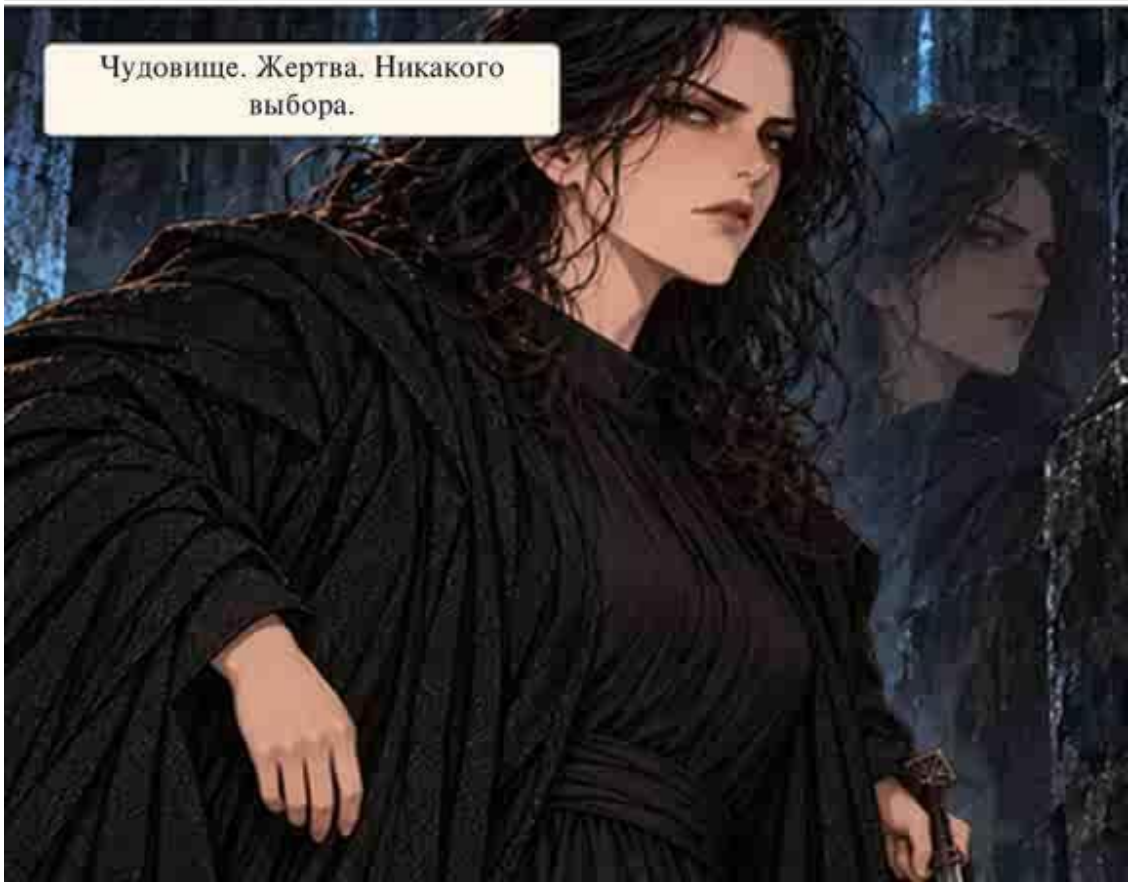

Боишься?
Очень.
Ты мог не приходить.
Мог.

Ты знал, что это ловушка.
Догадывался.
Тогда ты глупец.
Возможно.

Сирра сильнее сжала рукоять.

Ненавидь меня.
Он услышал просьбу. Не приказ.

Если он возненавидит её, всё станет простым.

Чудовище. Жертва. Никакого выбора.

Не могу.
Можешь!
Я привела тебя сюда!
Да.

Я должна тебя убить! Я убивала раньше!

Я люблю тебя.

В зале стало тихо.

Нет.
Это правда.

Она ударила его рукоятью.

Змей засмеялся.

Вот она, любовь Света. Просит чудовище не кусать.
Я не прошу.
Я хочу, чтобы она выбрала сама.

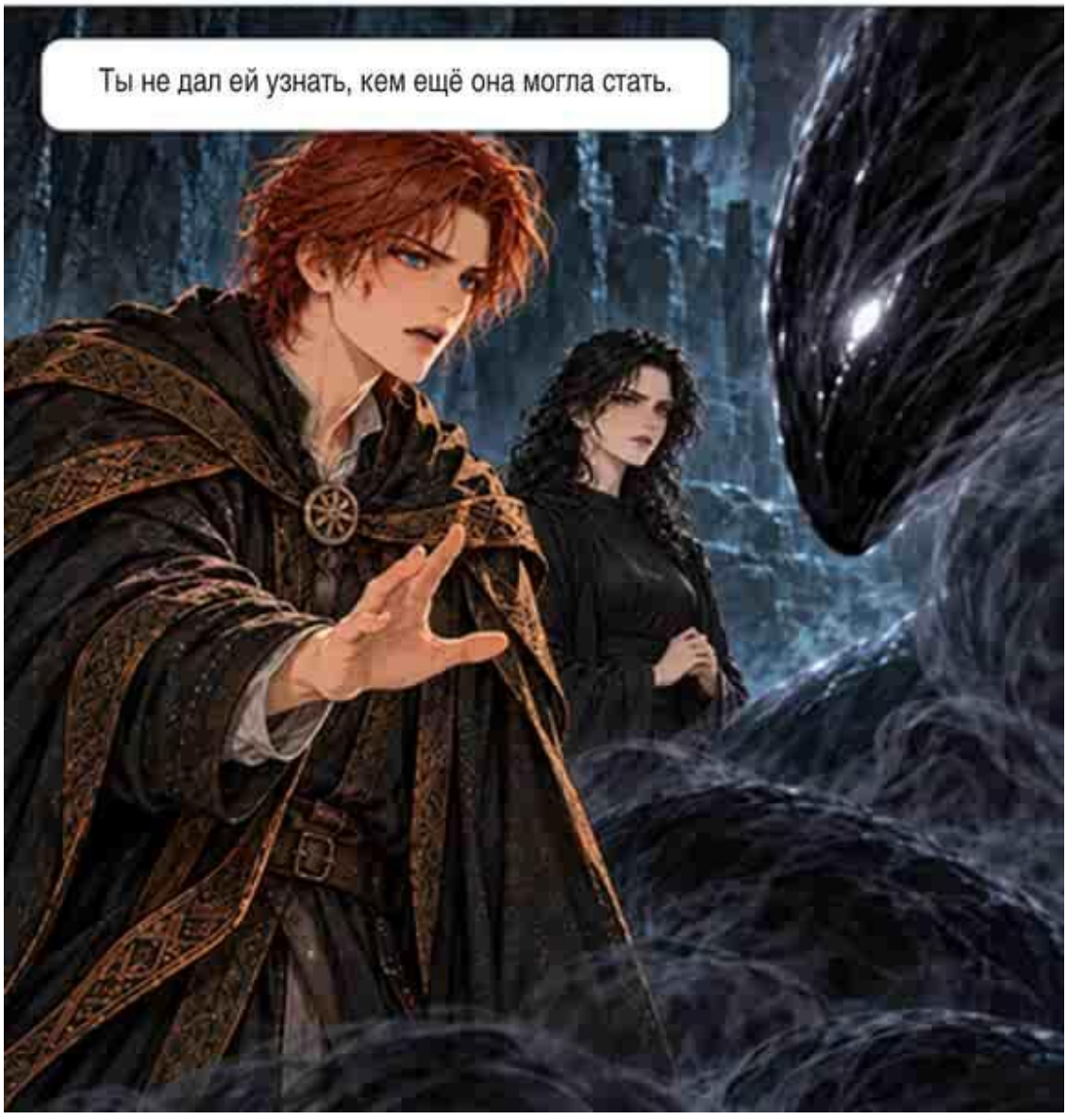

Она уже выбрала меня.

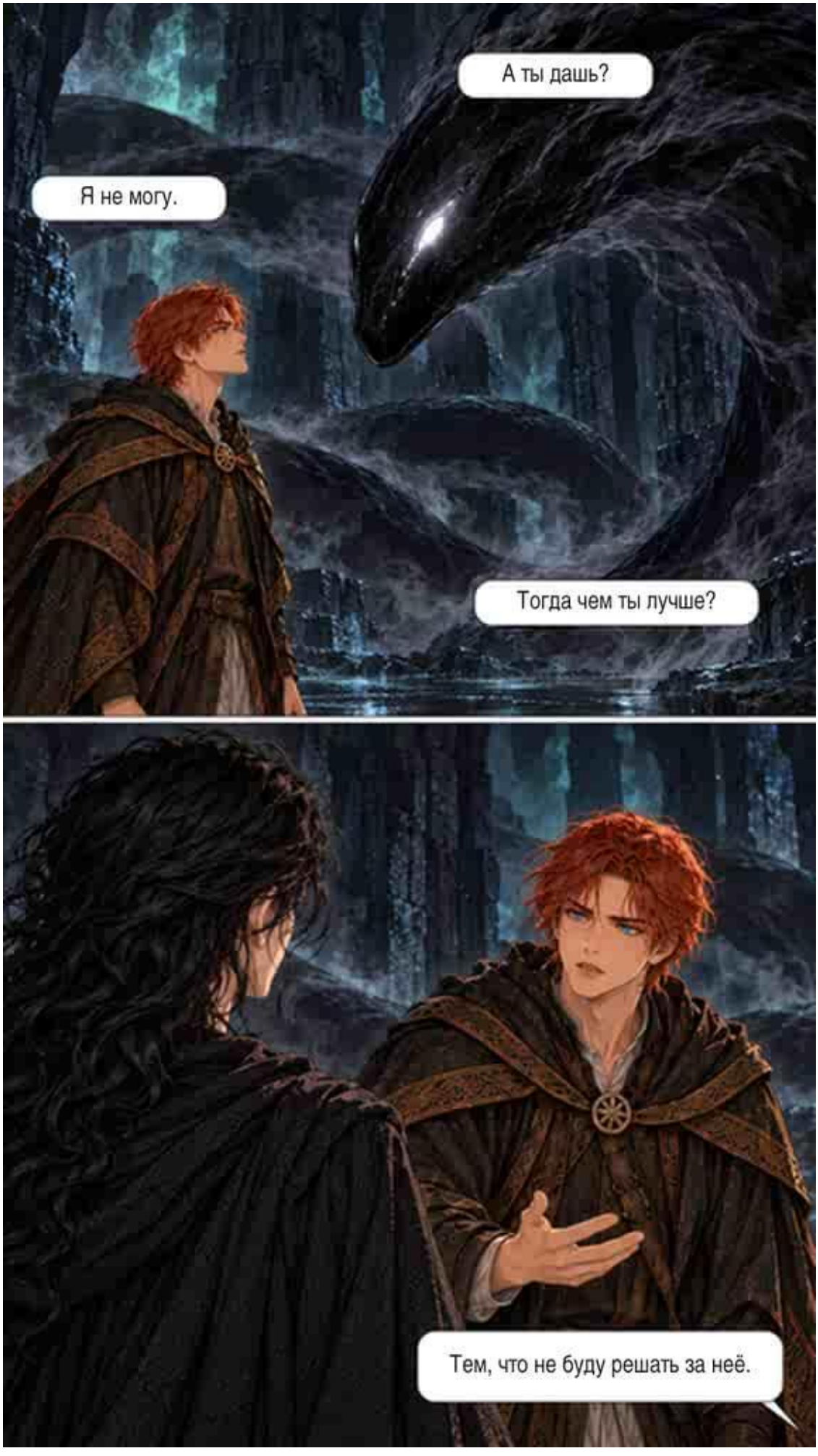

Я кормил тебя. Я дал тебе силу. Я был первым.

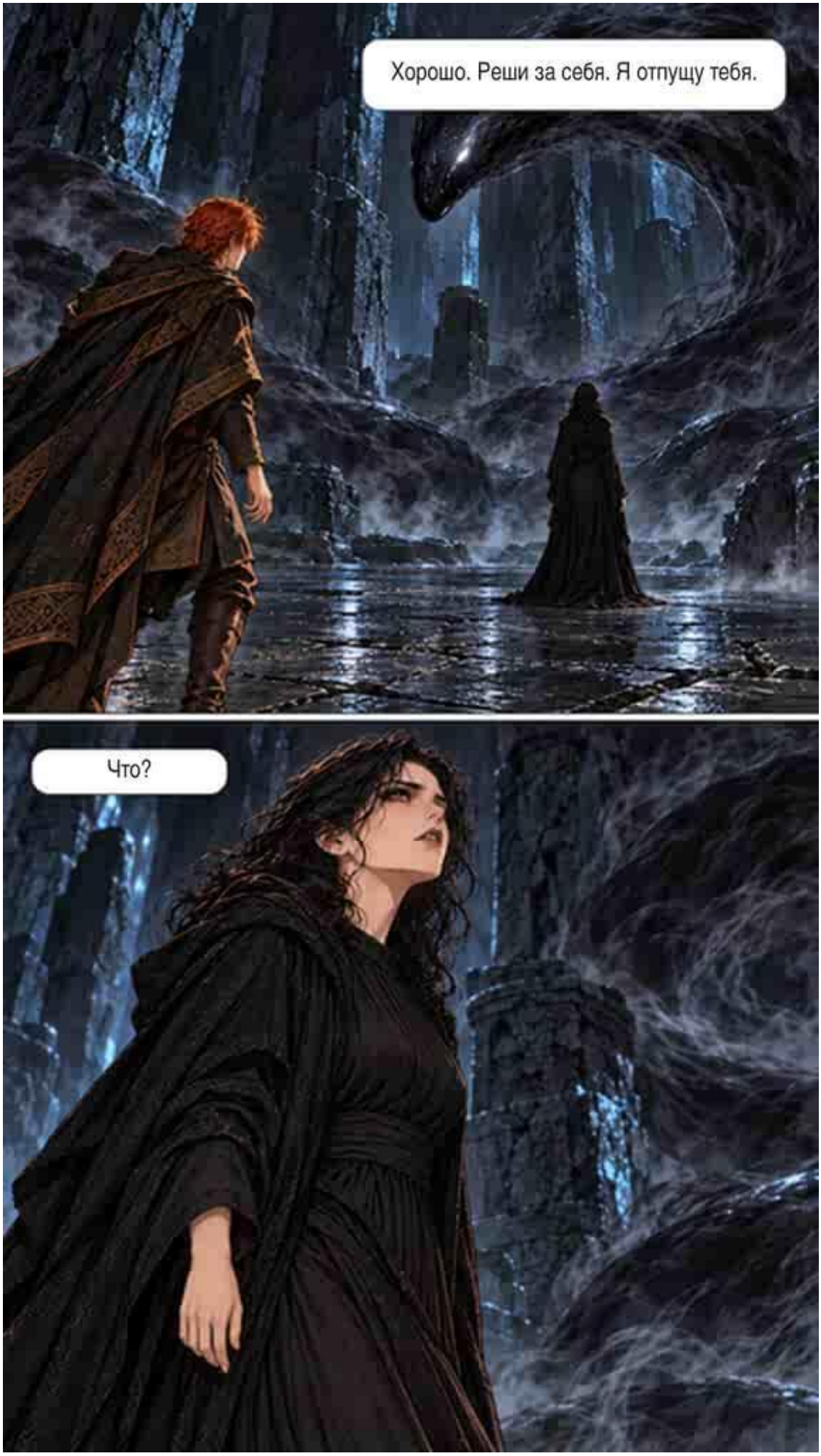

Мир хочет владеть тобой.

Только я позволил тебе быть той,
кем ты являешься.

Нет.

Ты не дал ей узнать, кем ещё она могла стать.

А ты дашь?
Я не могу.
Тогда чем ты лучше?
Тем, что не буду решать за неё.

Хорошо. Реши за себя. Я отпущу тебя.
Что?

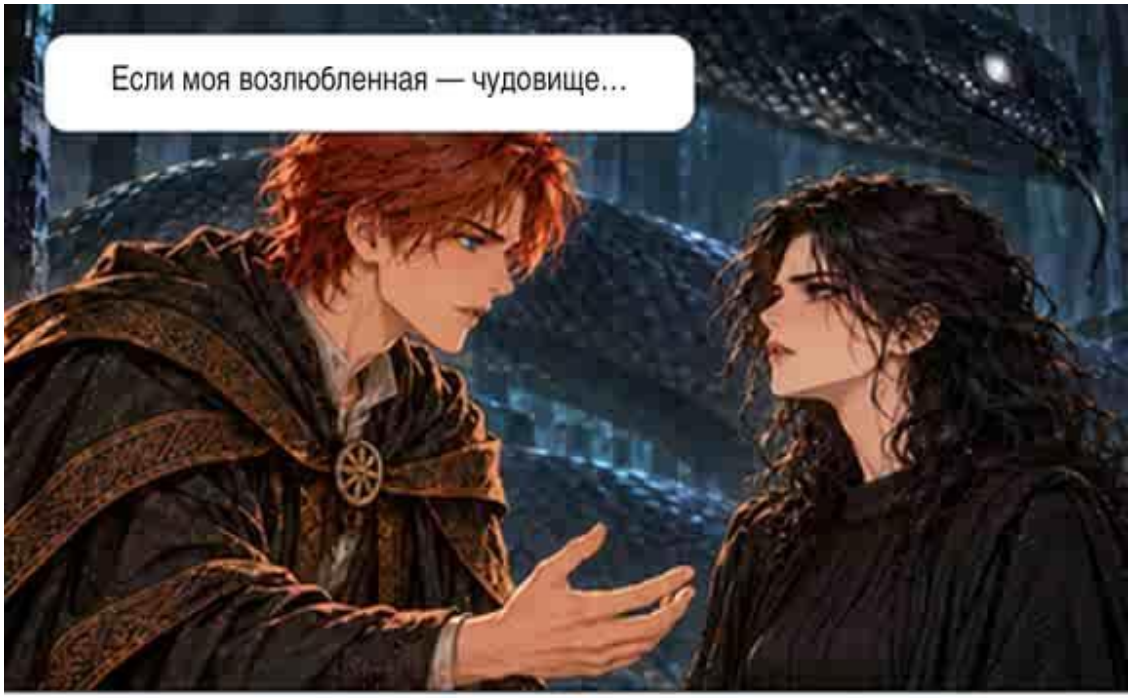

Назови её чудовищем — и выйдешь живым.

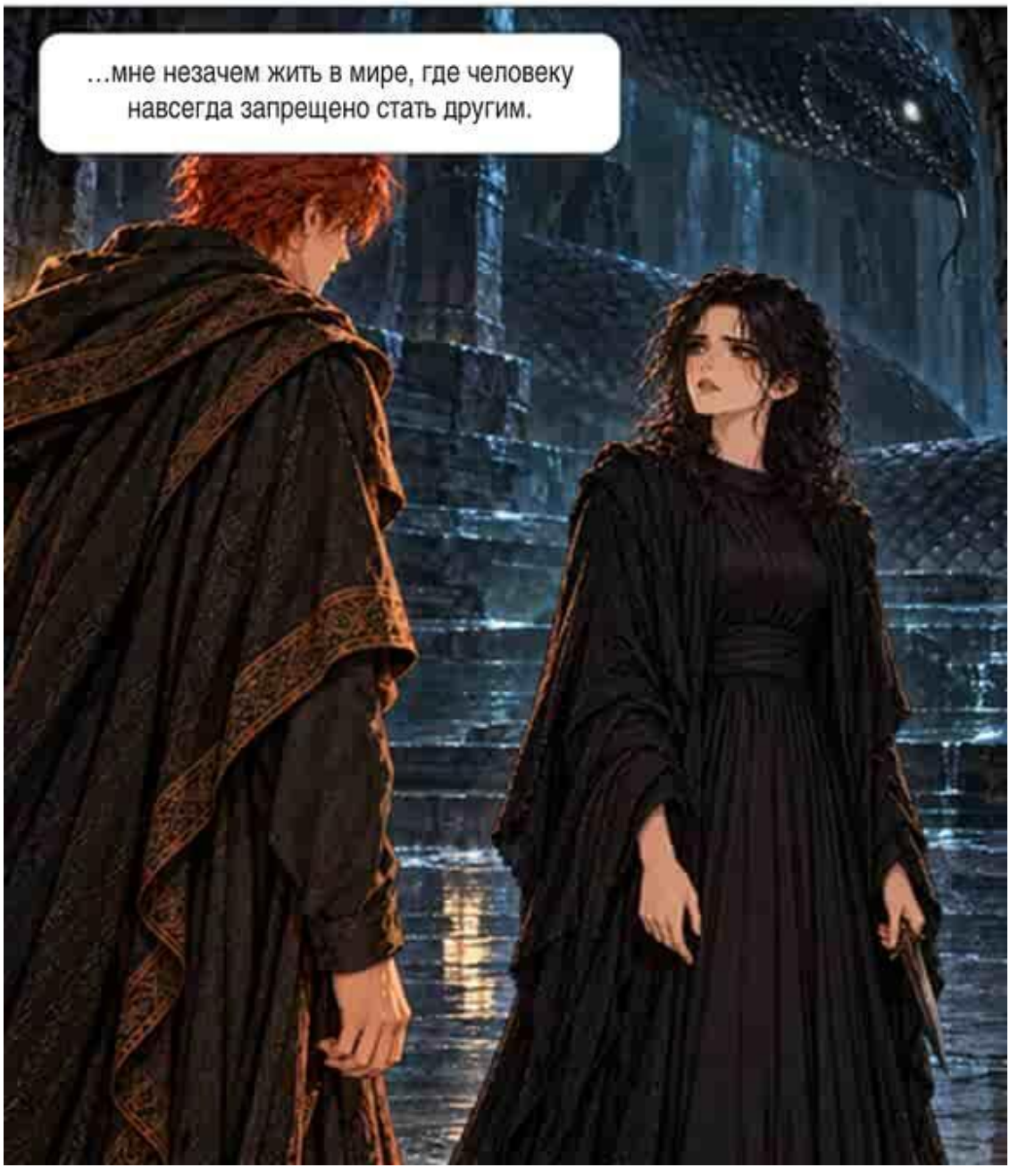

Не слушай его.

Разве она не жгла лес? Не заманила тебя?
Всё так.
Тогда скажи.

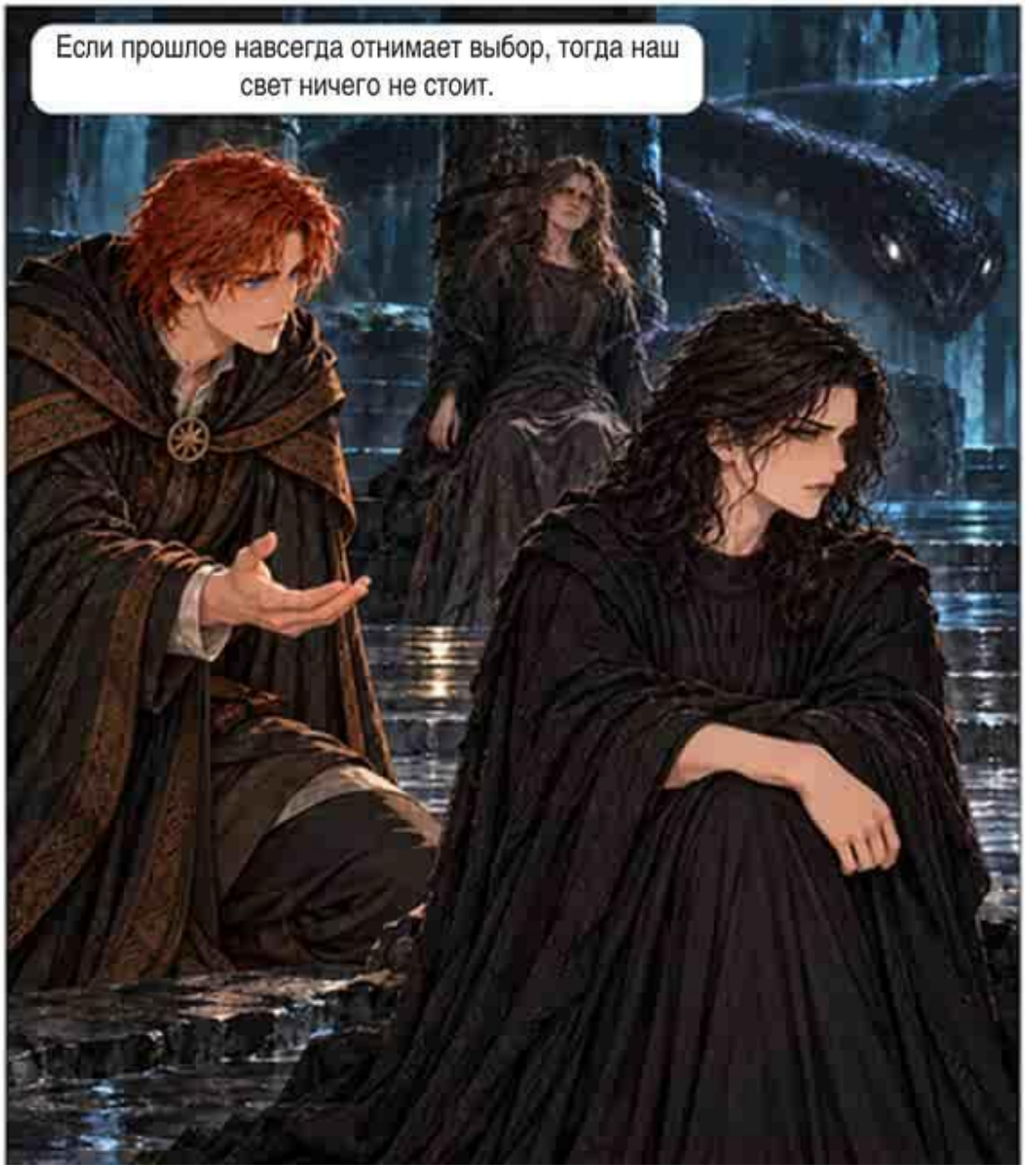

Из правды Змей хотел сделать приговор.

Но на её ладони оставалась светлая полоска.

Если моя возлюбленная — чудовище…

…мне незачем жить в мире, где человеку навсегда запрещено стать другим.

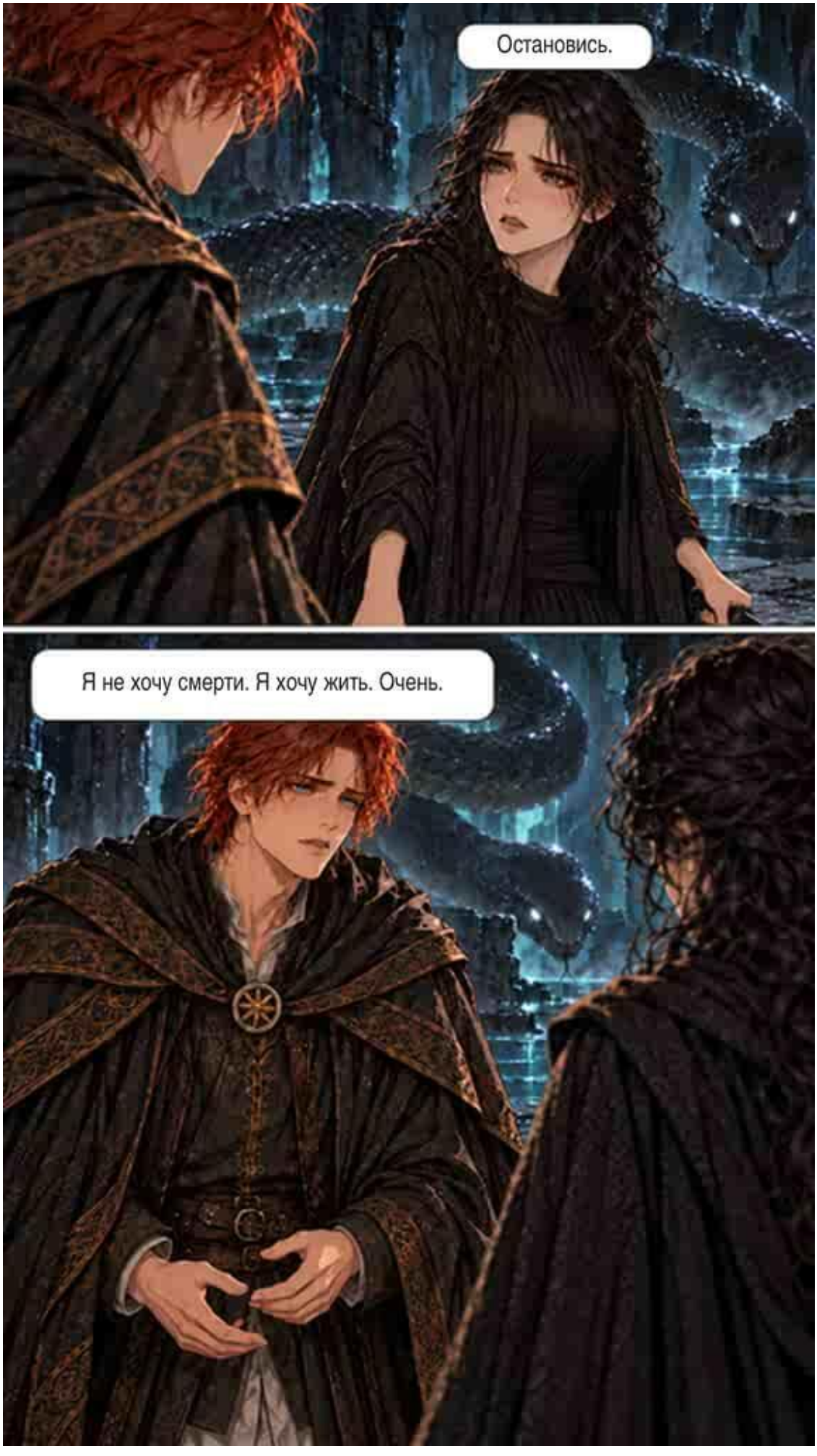

Сирра перестала дышать.

Если прошлое навсегда отнимает выбор, тогда наш свет ничего не стоит.

Тогда никто не может вернуться. Ни Саэр, ни его братья, ни Мора.
Ни я — после этой лжи своим близким.

Он сделал шаг вперёд.

Но я в это не верю.

Остановись.
Я не хочу смерти. Я хочу жить. Очень.

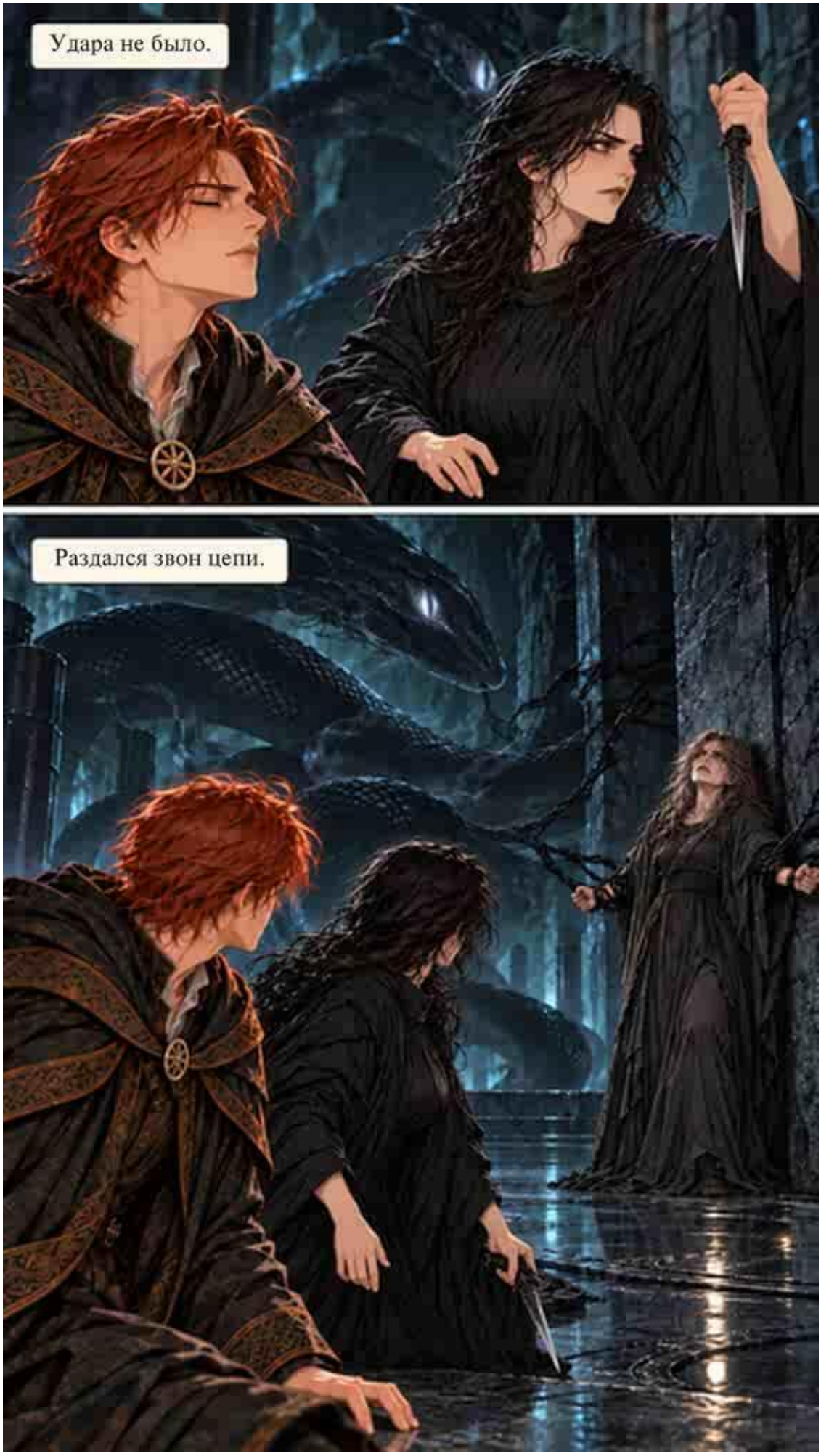

Но если жизнь покупается тем, что я назову тебя безнадёжной…
…не возьму такую жизнь.
Фимм…

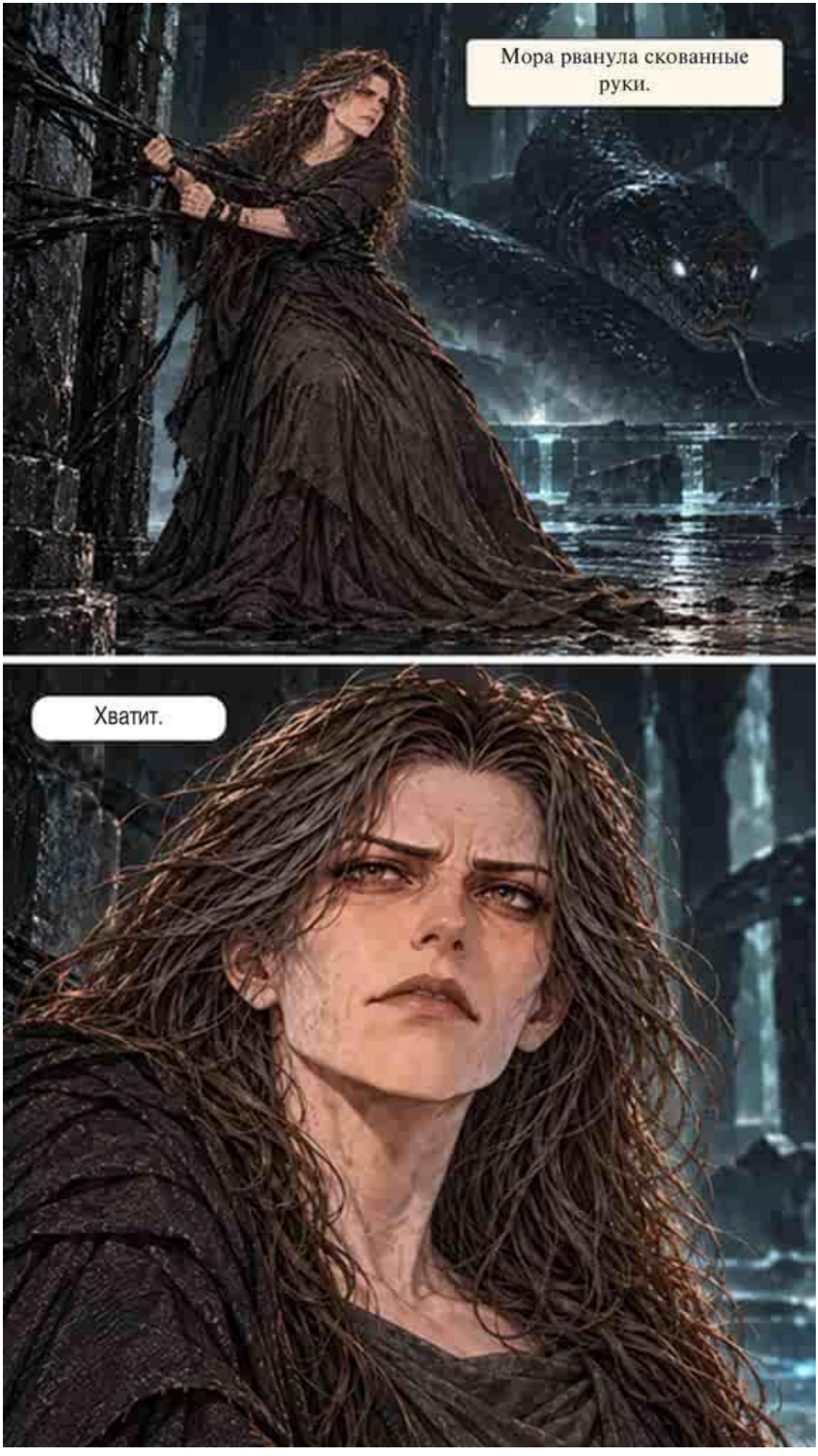

Просто имя. Уже не приманка и не оружие.

И Фимм услышал в нём настоящий страх.

Убей его!

Её рука поднялась. Фимм закрыл глаза.

Удара не было.
Раздался звон цепи.

Мора рванула скованные руки.
Хватит.

Впервые Змей повернулся к ней полностью.
Он больше не мог делать вид, что её нет.

Но Мора смотрела не на него.

На дочь.

В её глазах уже
было решение.

Глава 186. Последний выбор

Глава 186. Последний выбор Моры
Сирра.
Не называй меня дочерью.
Я назову тебя по имени.

Я называла людей врагами, предателями, слабыми. Так было удобнее моей боли.
Мора.
Теперь моя очередь говорить.

Я породила тебя. И не вырастила. Ты не виновата, что первым над тобой склонился он.

Ты меня бросила.
Я потеряла тебя.

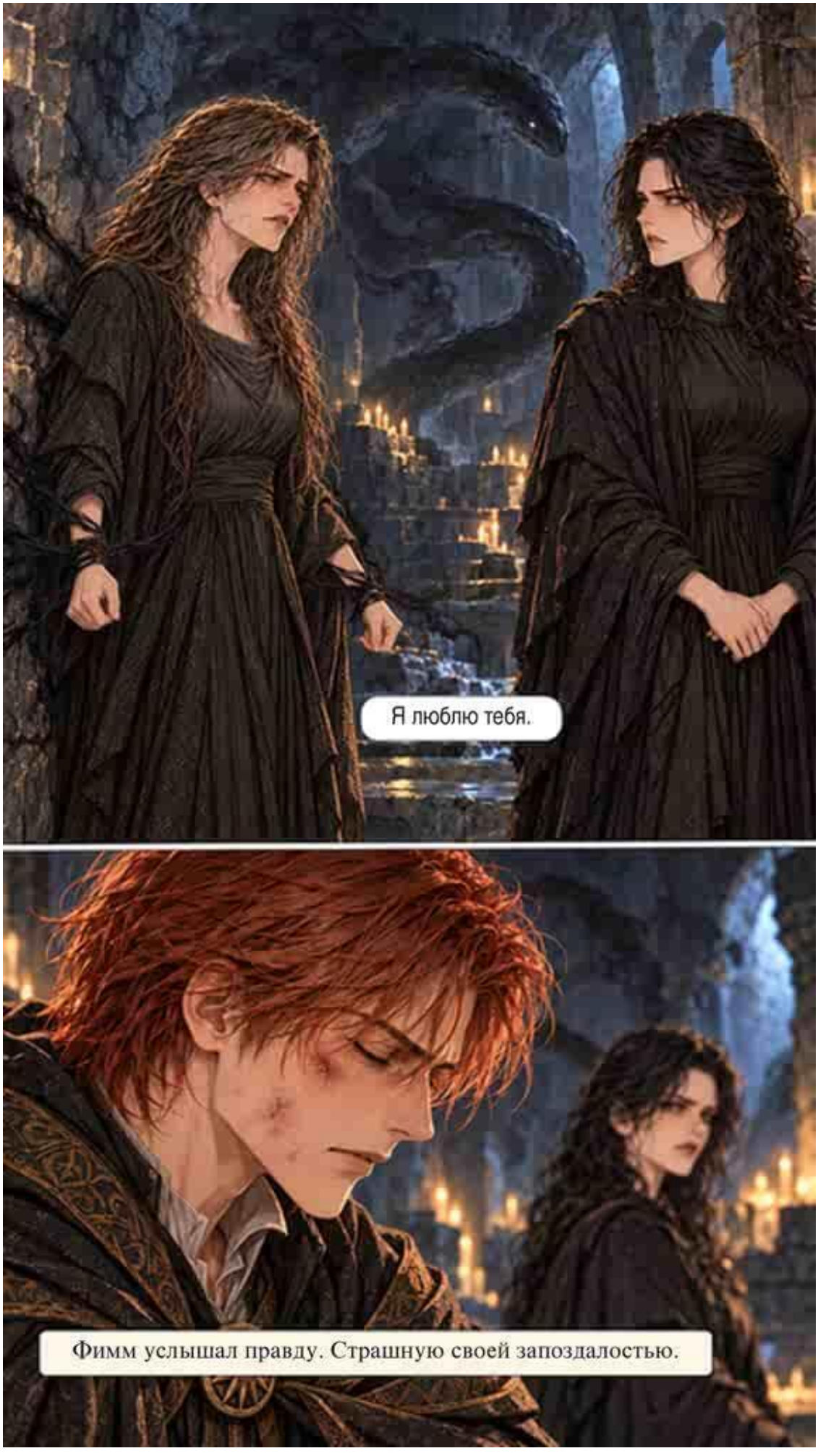

Ты кричала.
Да.
Ты ненавидела всё вокруг.
Да.
Мора не защищалась. Каждое «да» было тяжелее оправдания.

Я озлобилась там, где надо было открыть дверь доброй улыбкой.
Требовала любви. И считала мир виноватым, когда мне её не хватало.

Мало один раз попытаться стать другой, если потом десять раз выбираешь злость.

Добро приходится выбирать снова. Когда тебя не поняли, забыли, не поблагодарили.

Зачем ты мне это говоришь?
Мора, нет.
Ты слышишь ложь?
Да.
Тогда слушай внимательно.

Я люблю тебя.
Фимм услышал правду. Страшную своей запоздалостью.

Ты меня не знаешь.
Это моя вина.
Ты не держала меня.
Знаю.
Ты не приходила, когда я просыпалась одна.
Знаю.

Я никогда тебя не звала!

А я должна была прийти до зова.
Он вырастил меня так. Здесь нет того, что вы называете любовью.

Не смей.
Бросившись к ней, Змей на мгновение ослабил цепи.
Мора!

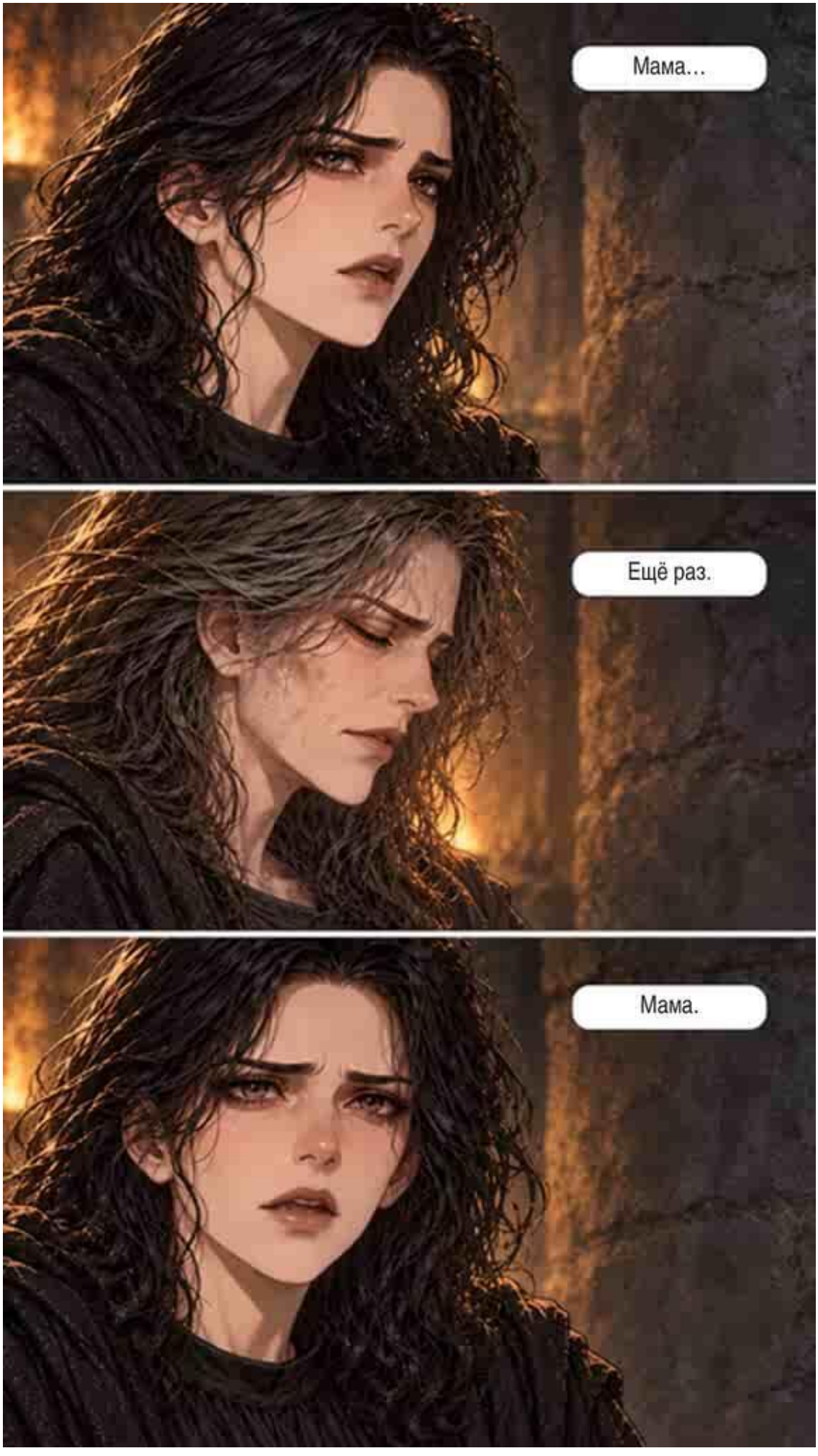

Сирра выронила нож.
Что ты делаешь?
Не надо.

Фимм бросился наперерез Змею.

Тьма отбросила его к стене. Он не мог вдохнуть.

Вы родились рядом с Тьмой. Но прежде вы человеческие дети. Мои дети.
Я виновата перед каждым.

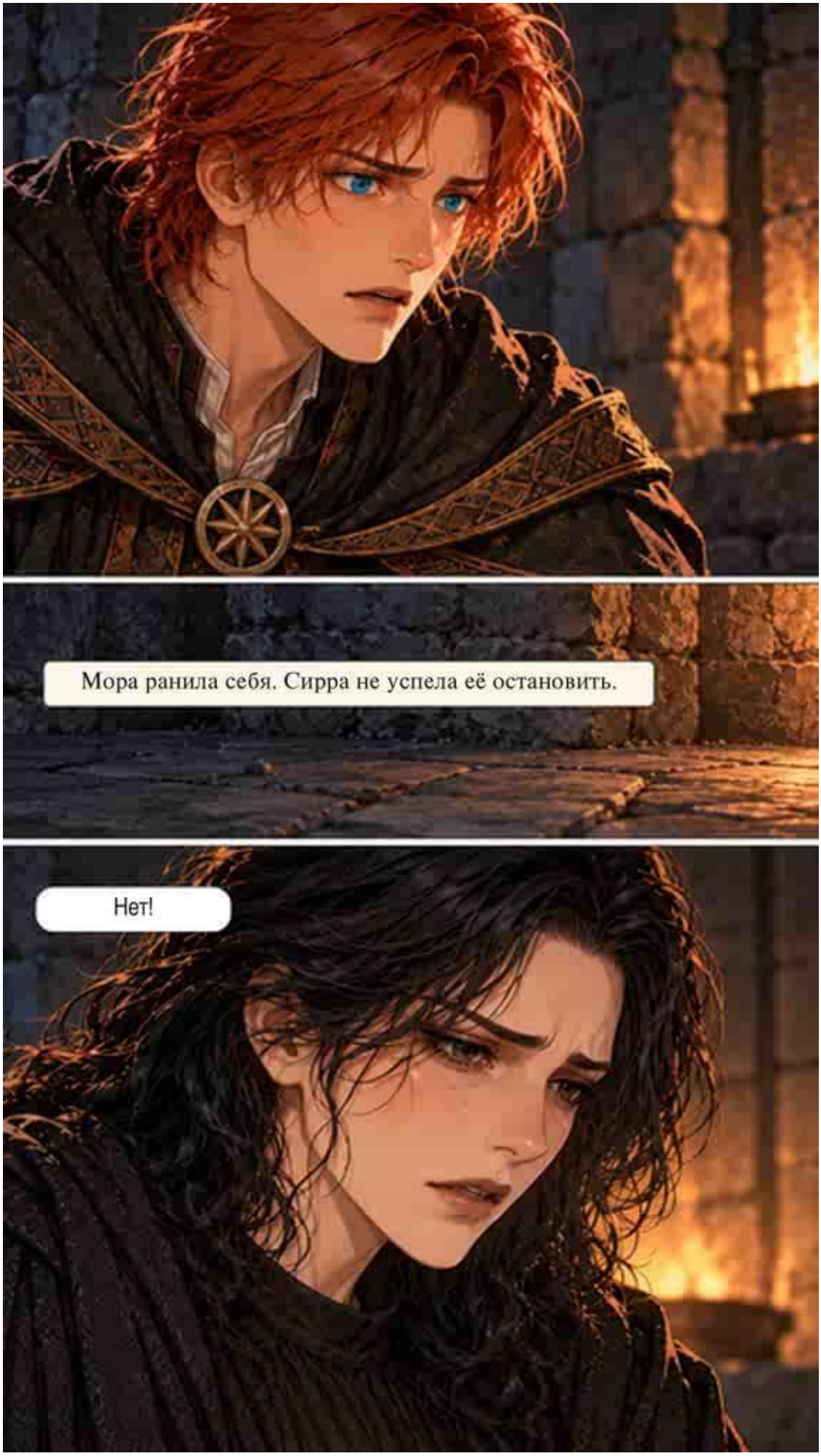

Убери нож.
Я должна была обнимать вас, а не делать из своей боли закон.

Мама…
Ещё раз.
Мама.

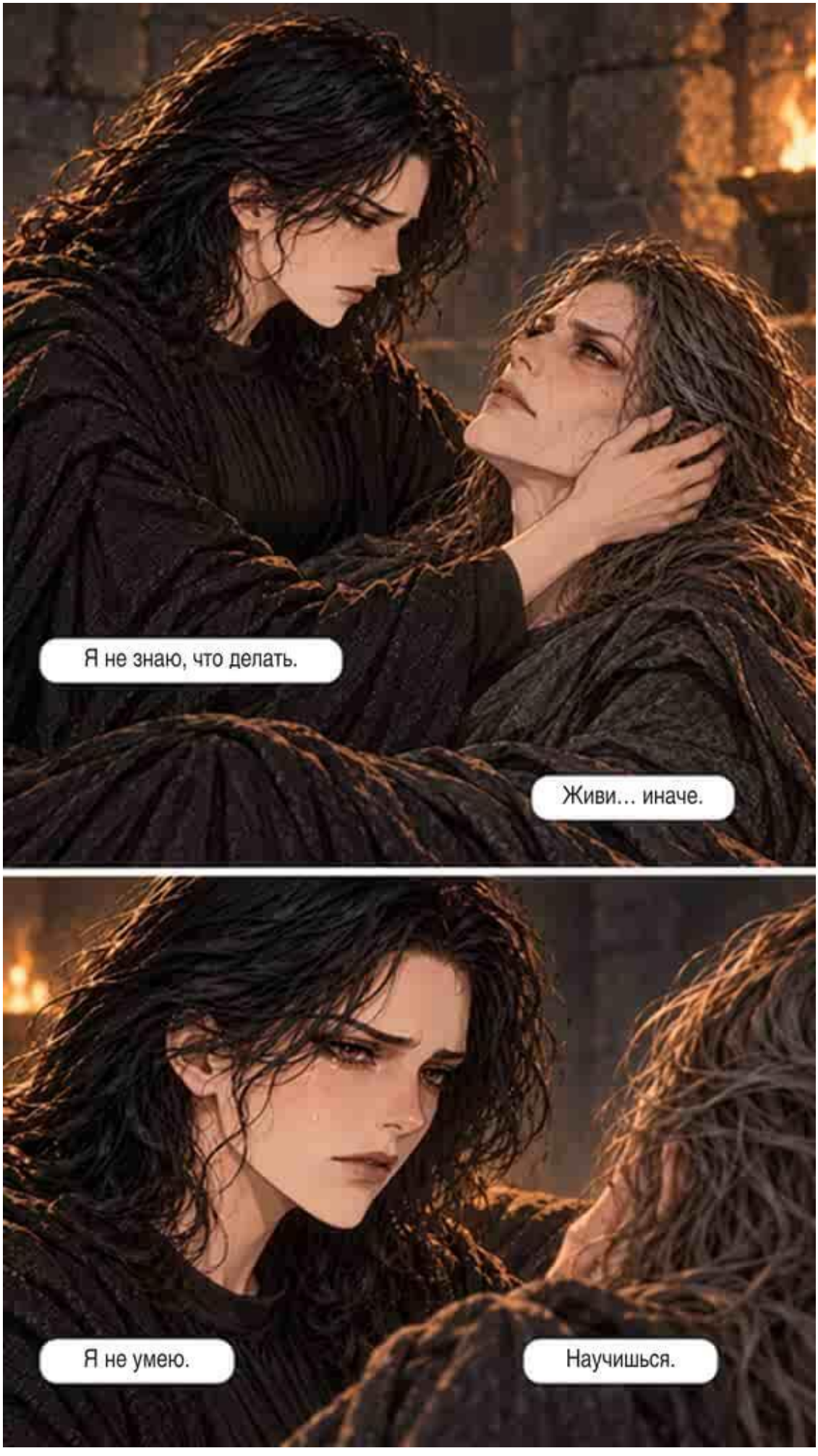

Она лжёт тебе!

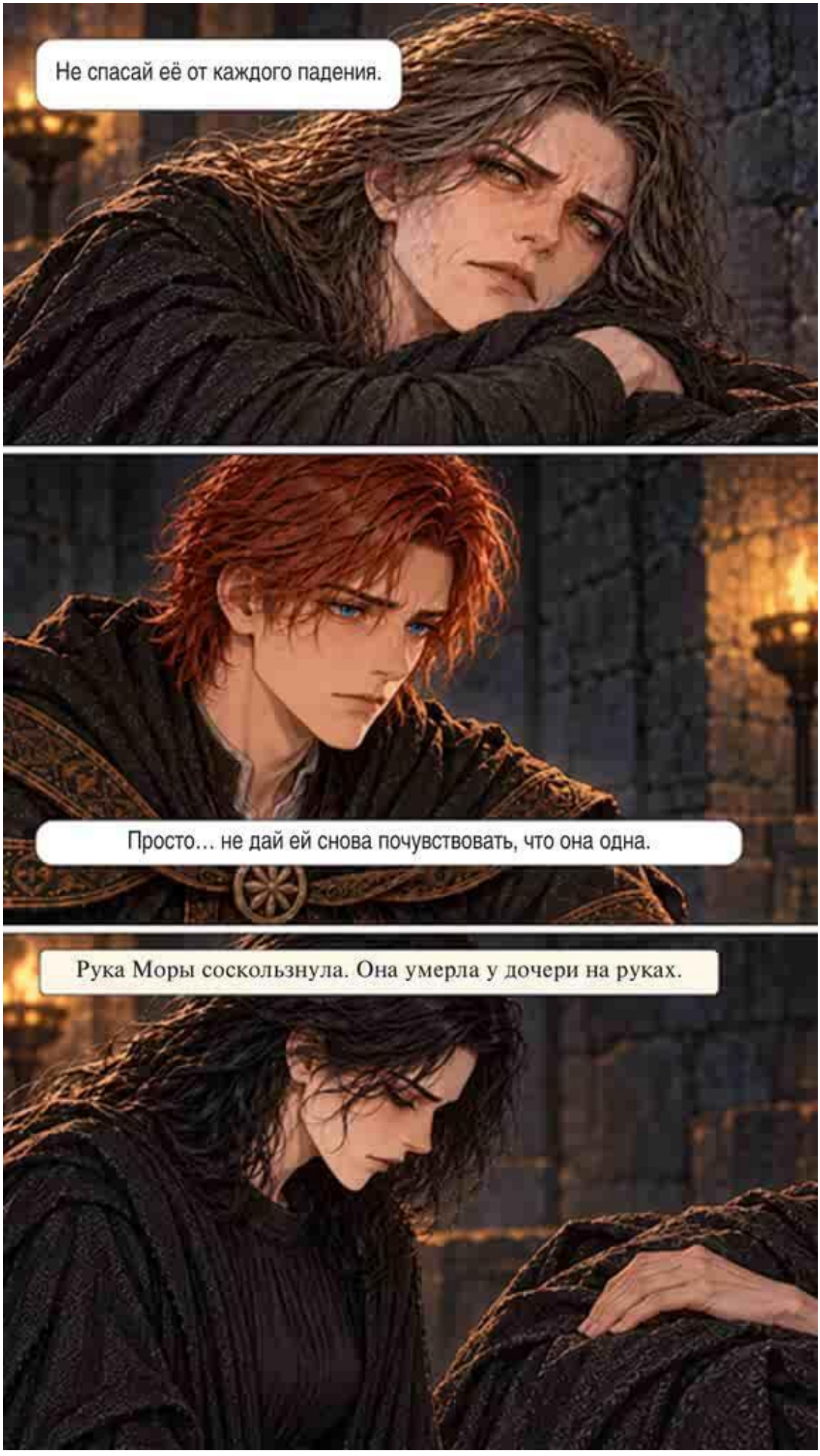

Нет.

Я любила вас. Даже когда делала всё, чтобы вы этого не почувствовали.
Это не оправдание. Это моя вина.

Мора ранила себя. Сирра не успела её остановить.
Нет!

Нет. Нет, нет...
Тёплая.

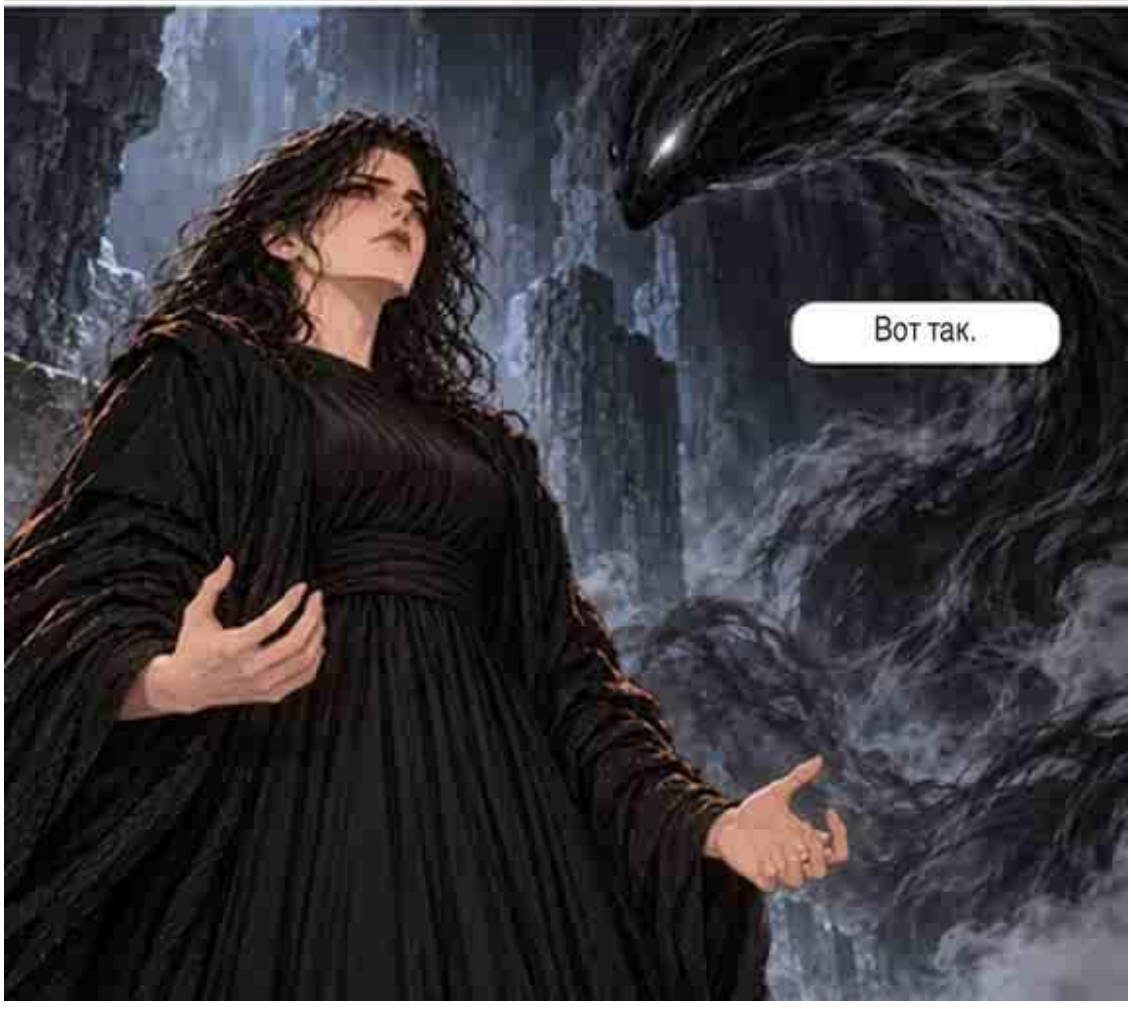

Я не знаю, что делать.
Живи... иначе.
Я не умею.
Научишься.

Не спасай её от каждого падения.
Просто… не дай ей снова почувствовать, что она одна.
Рука Моры соскользнула. Она умерла у дочери на руках.

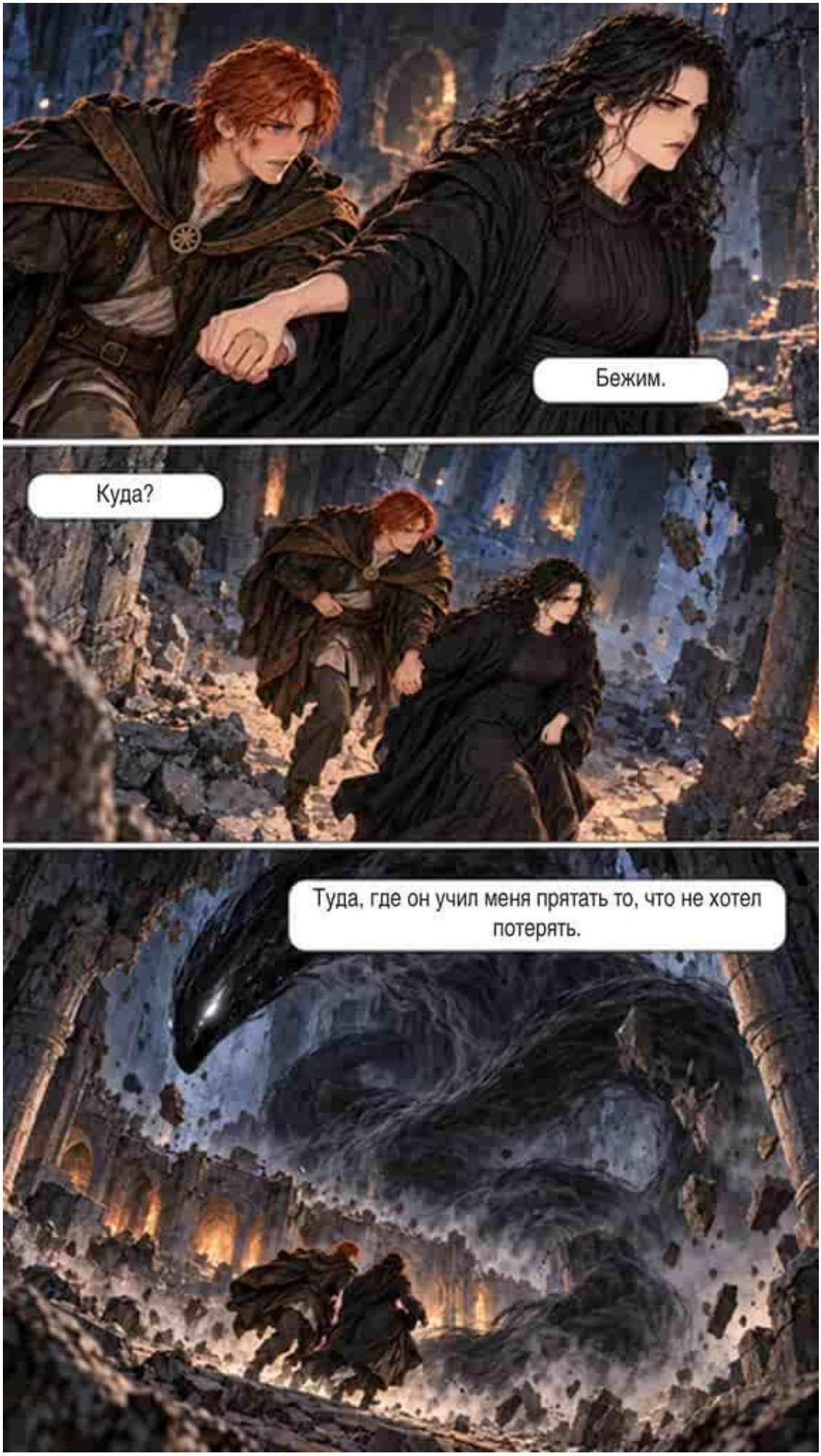

Я научил тебя жить.

В её глазах больше не было пустоты. Там была боль.

Иди ко мне.

Вот так.

Сирра...
Не смей говорить о моей матери.

Бежим.
Куда?
Туда, где он учил меня прятать то, что не хотел потерять.

В камне проступила тонкая серая щель.

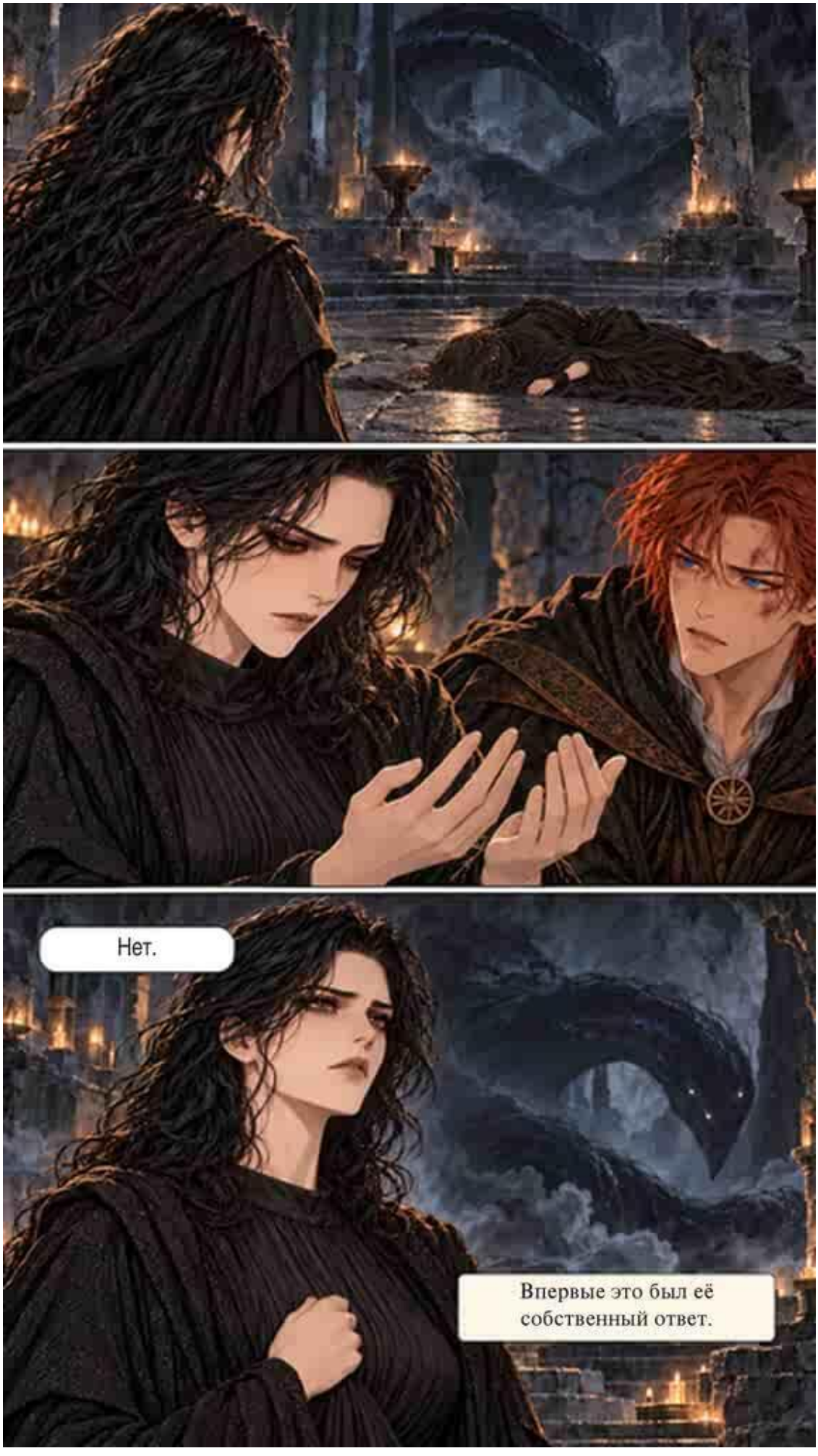

Не серебряная. Не чёрная. Бесцветная.

Что там?
Место без будущего и настоящего.
Без окон и дверей.
А выйти мы сможем?
Не знаю.

Прекрасный план.

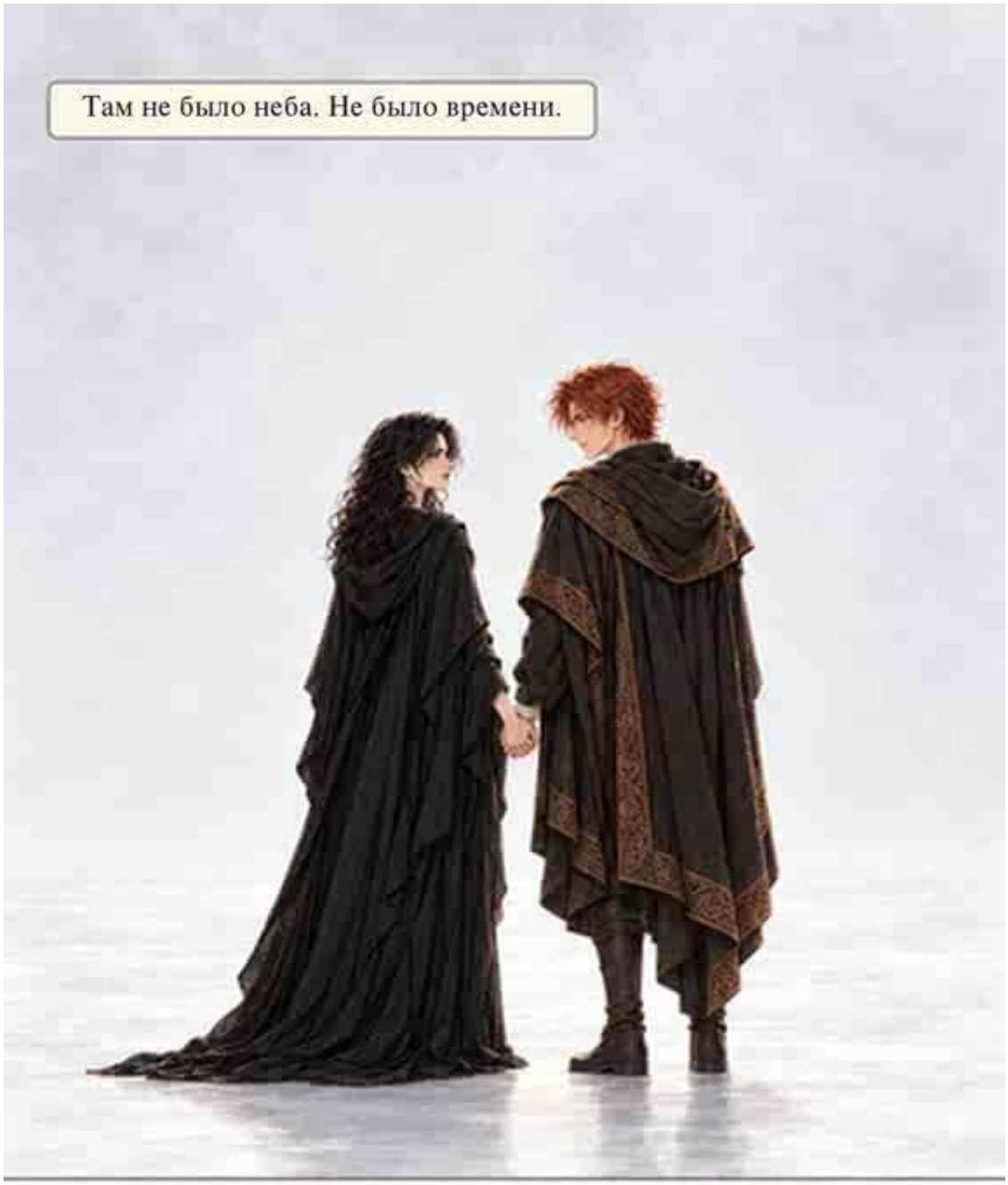

Она почти засмеялась. Но смех превратился в рыдание.

Сирра!
Она вздрогнула от привычки подчиниться.

Нет.
Впервые это был её собственный ответ.

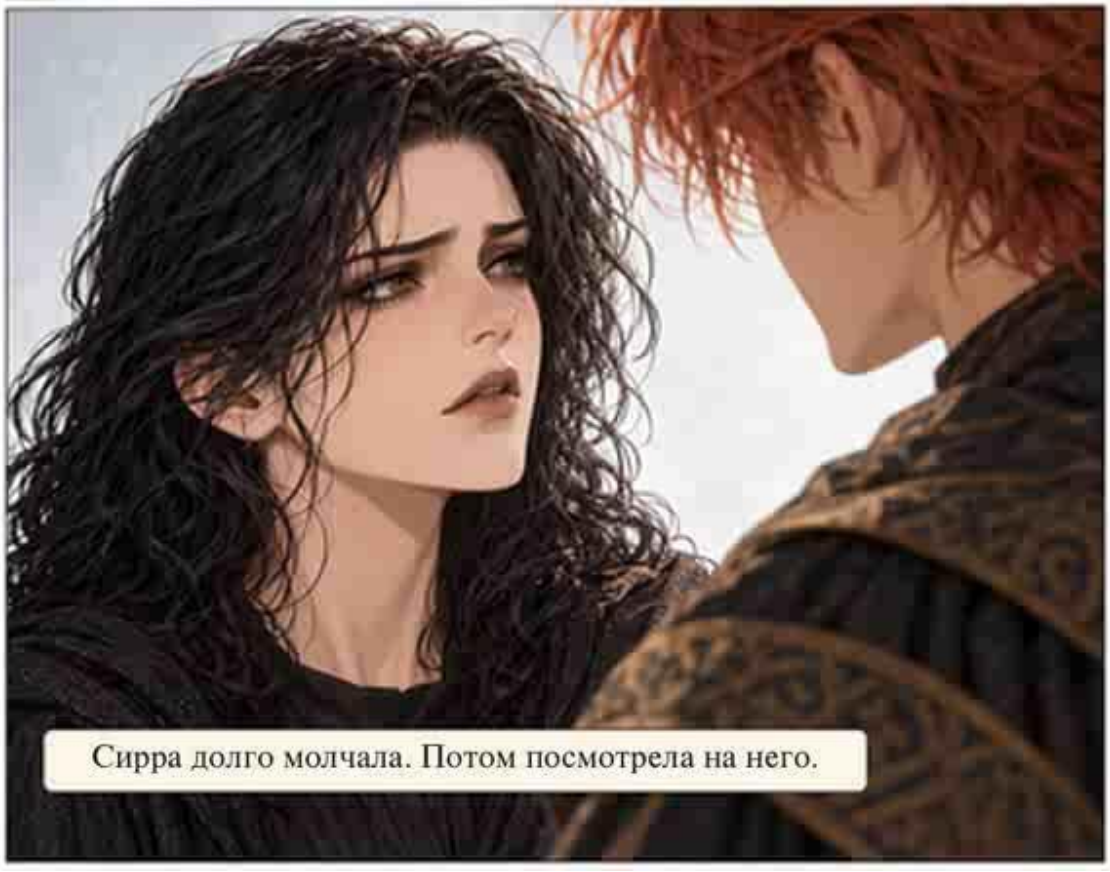

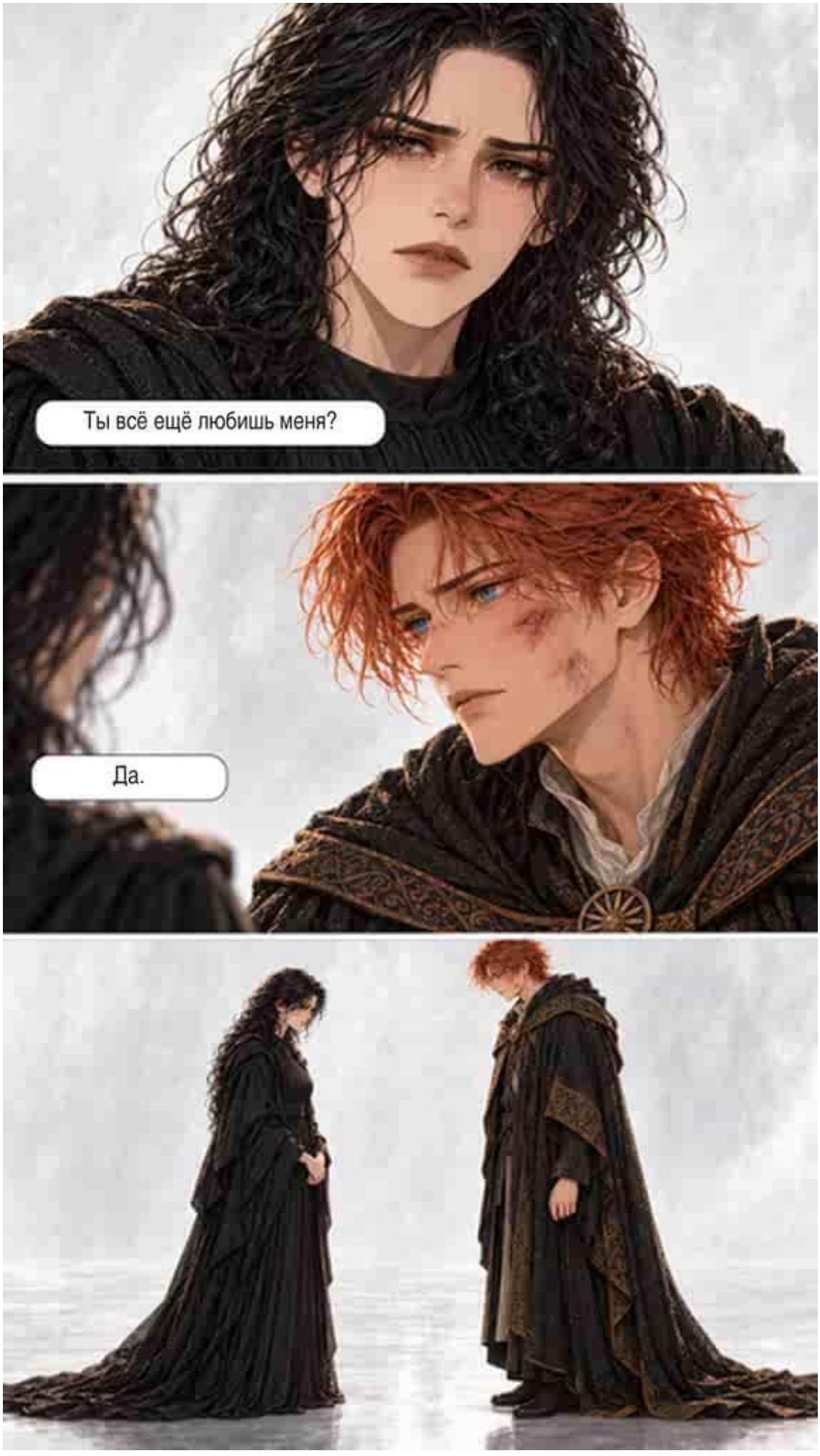

Проход сомкнулся перед пастью Змея.

Там не было неба. Не было времени.

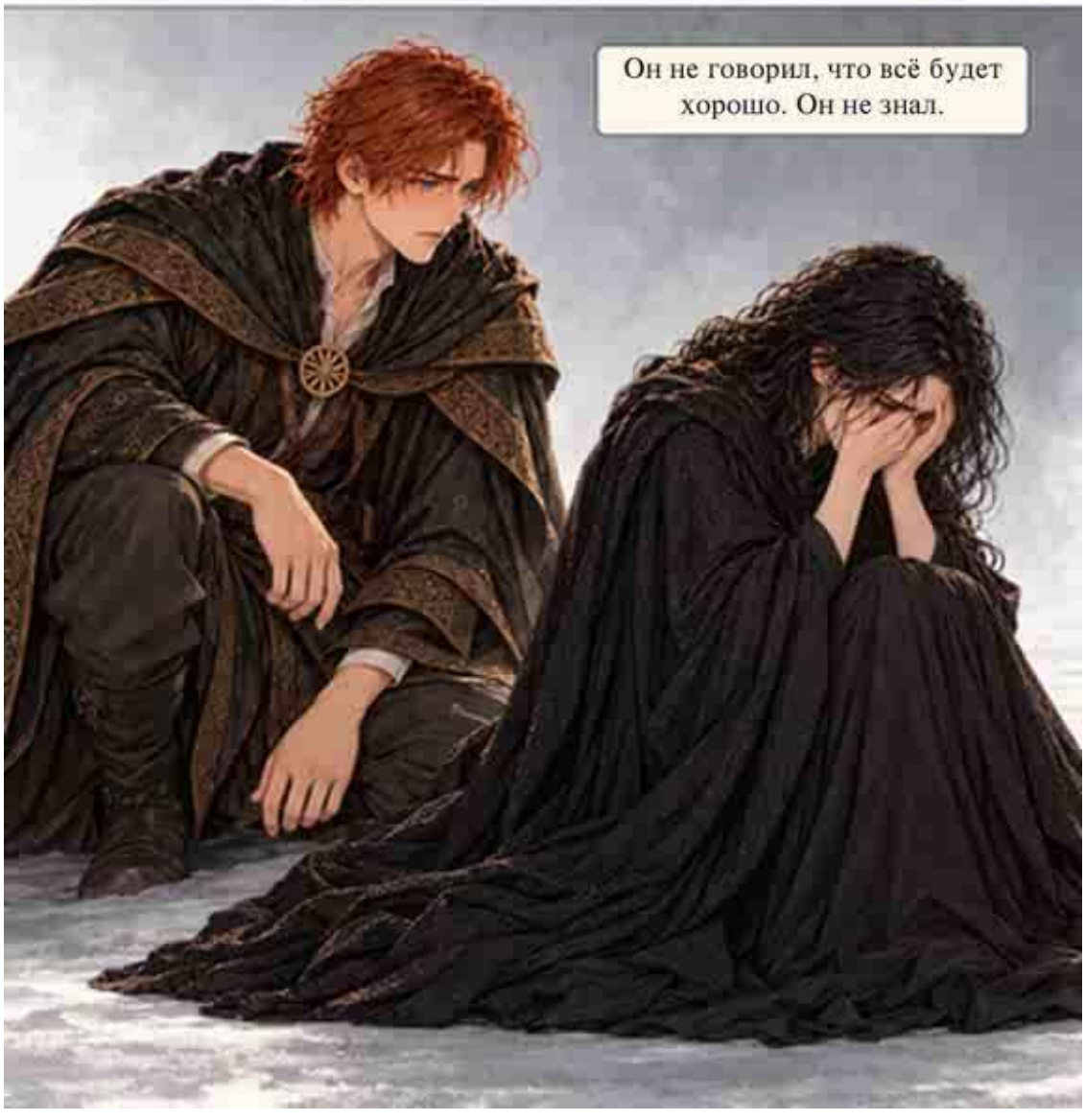

Только белая тишина и тёплая рука Фимма.

Сирра долго молчала. Потом посмотрела на него.

Ты всё ещё любишь меня?
Да.

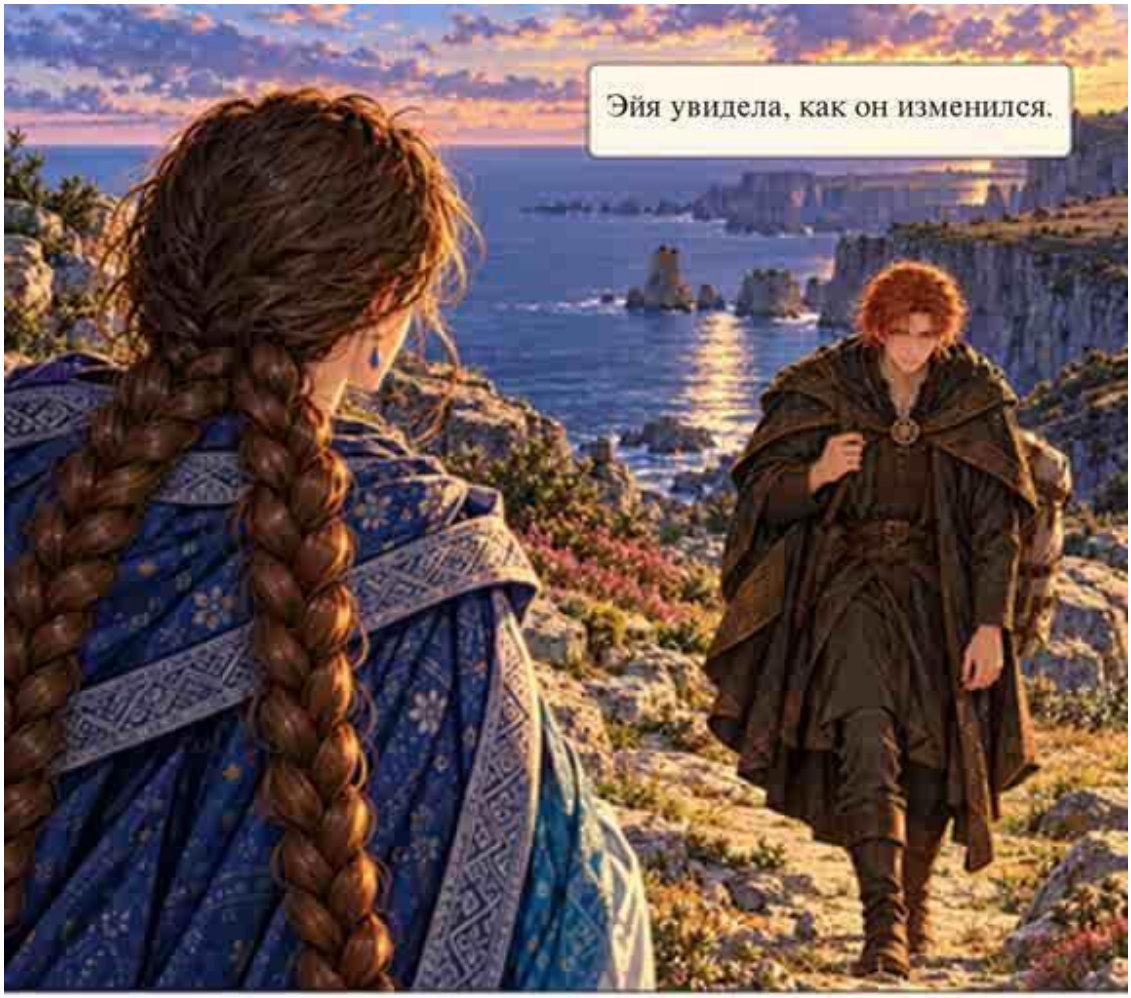

Он не говорил, что всё будет хорошо. Он не знал.

Просто сел рядом.
И остался.

Позже Фимм ненадолго вернулся на северный утёс. Один.

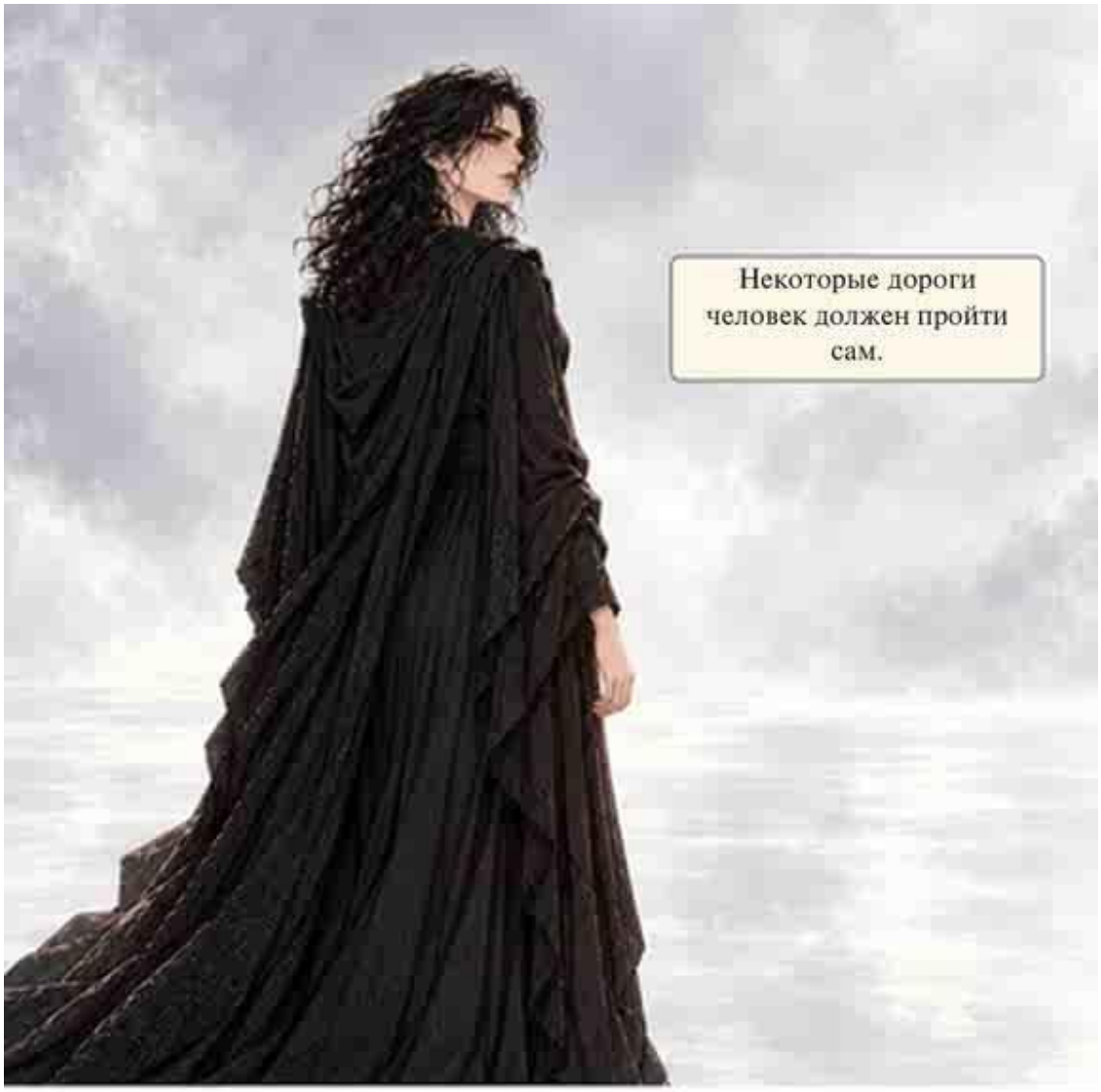

Эйя увидела, как он изменился.

Она не стала расспрашивать. Он заговорил сам.

Я был с Сиррой. Мора умерла.
Сирра жива. Учится быть там, где никто не приказывает ей, кем стать.
Логос промолчал.

Фимм уходил к Сирре…
…и возвращался к Братству.
Он не вырывал её из укрытия и не обещал лёгкого пути.

Некоторые дороги человек должен пройти сам.

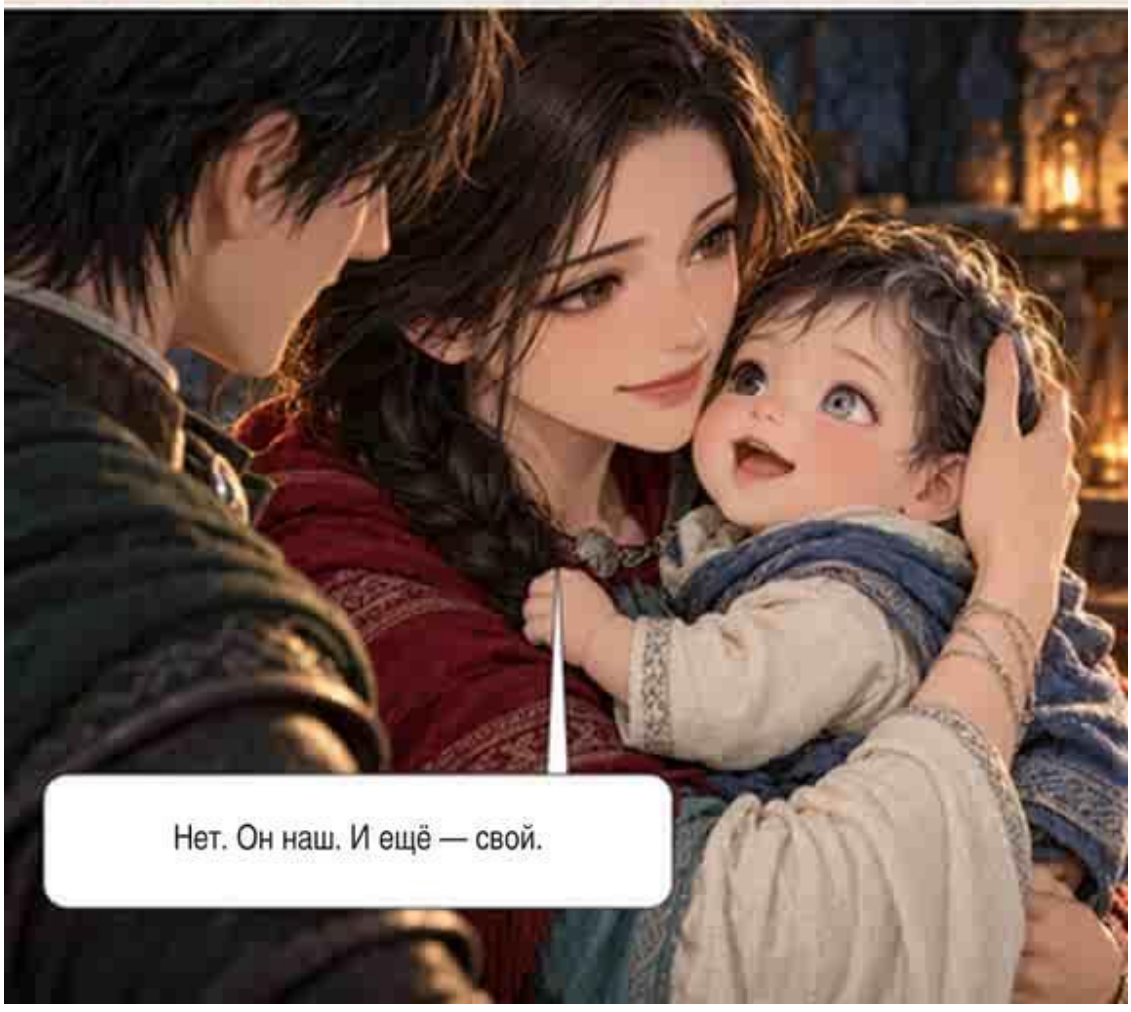

Он просто каждый раз приходил снова.
Но пройти свой путь — не значит навсегда остаться одному.

Часть XI. Свет приходит первым

После долгих дорог в доме Эйи снова стало почти спокойно.
У очага спал Эйран — сын Сейксы и Саэра, дитя Света и Тьмы.

Он весь твой.

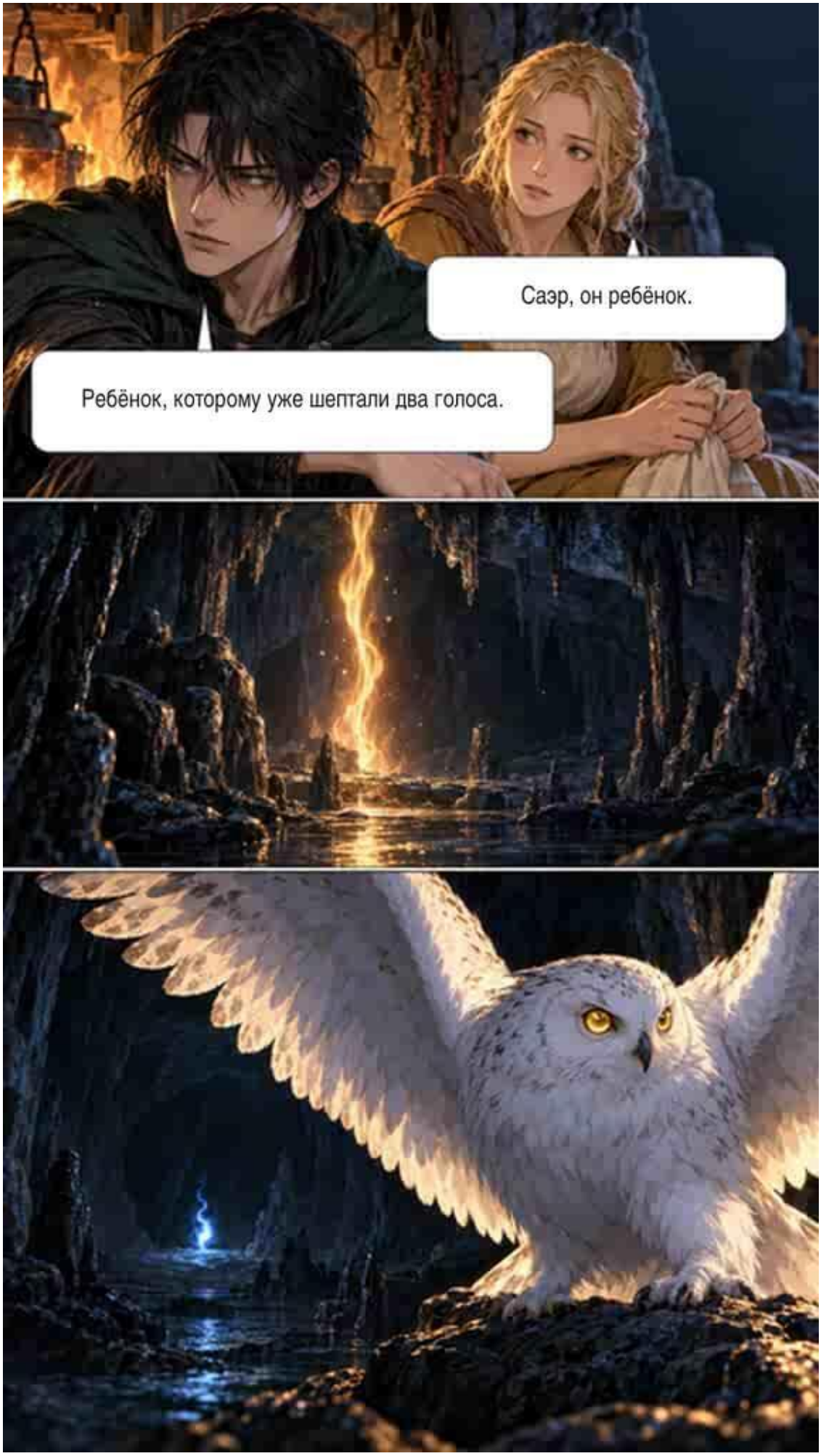

Нет. Он наш. И ещё — свой.

Я всё ещё боюсь брать его на руки, когда он сердится.
Боишься, что тьма в тебе узнает тьму в нём?

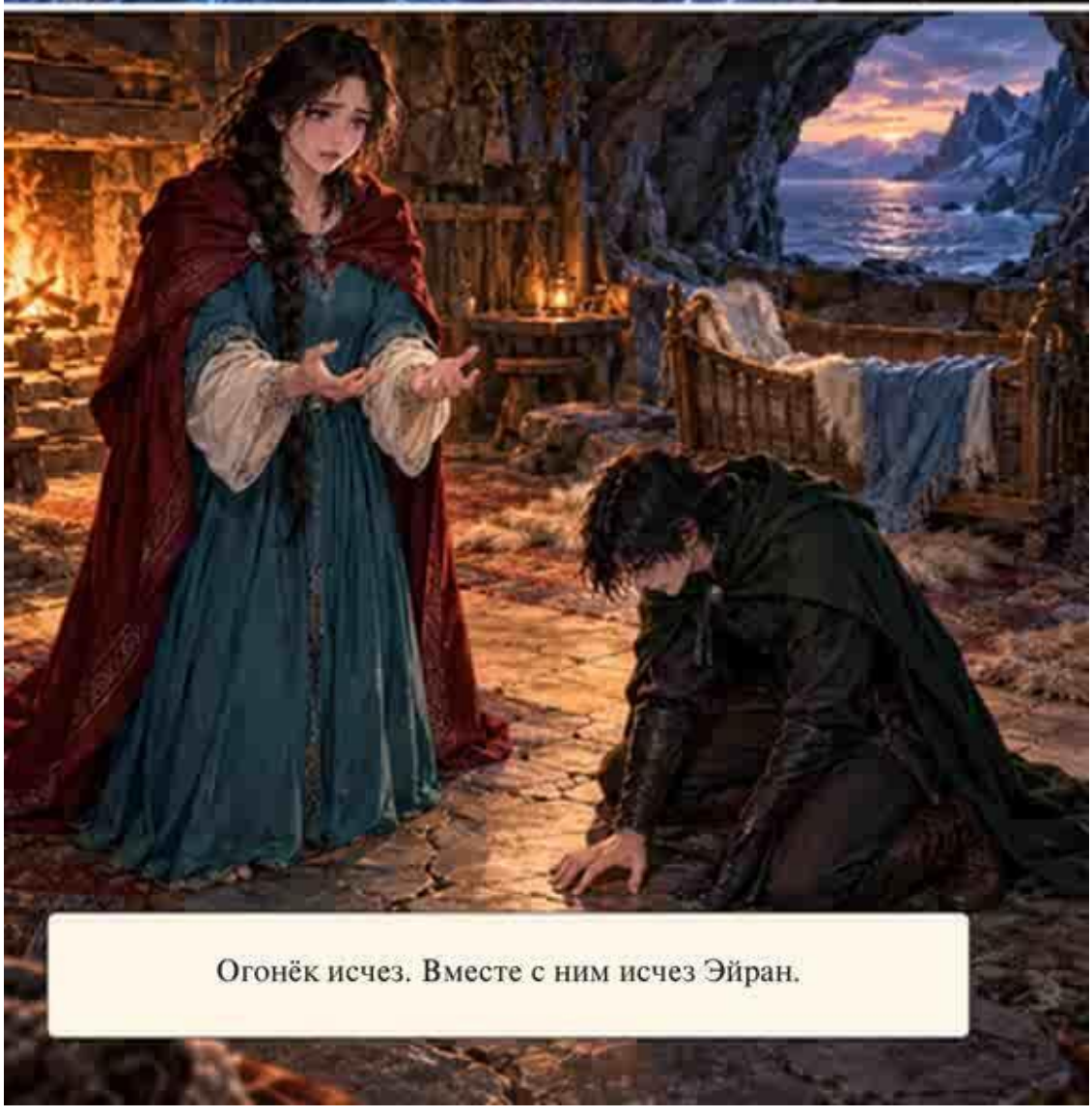

Эйран, нельзя.

Обнял, ущипнул, попытался очаровать...
Родители, поздравляю.

Саэр, он ребёнок.
Ребёнок, которому уже шептали два голоса.

Нет!
Ммф!

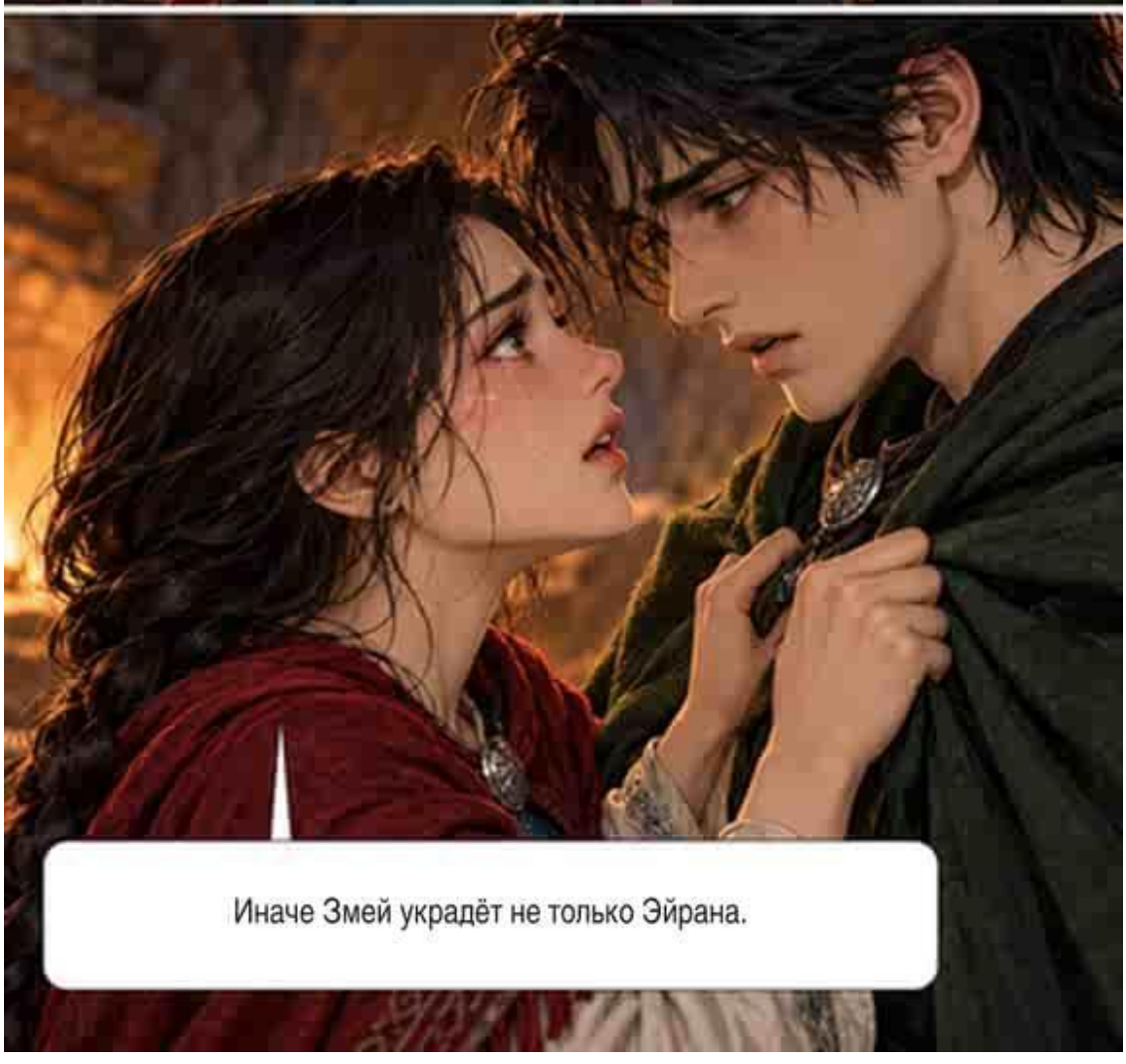

Саэр!

Огонёк исчез. Вместе с ним исчез Эйран.

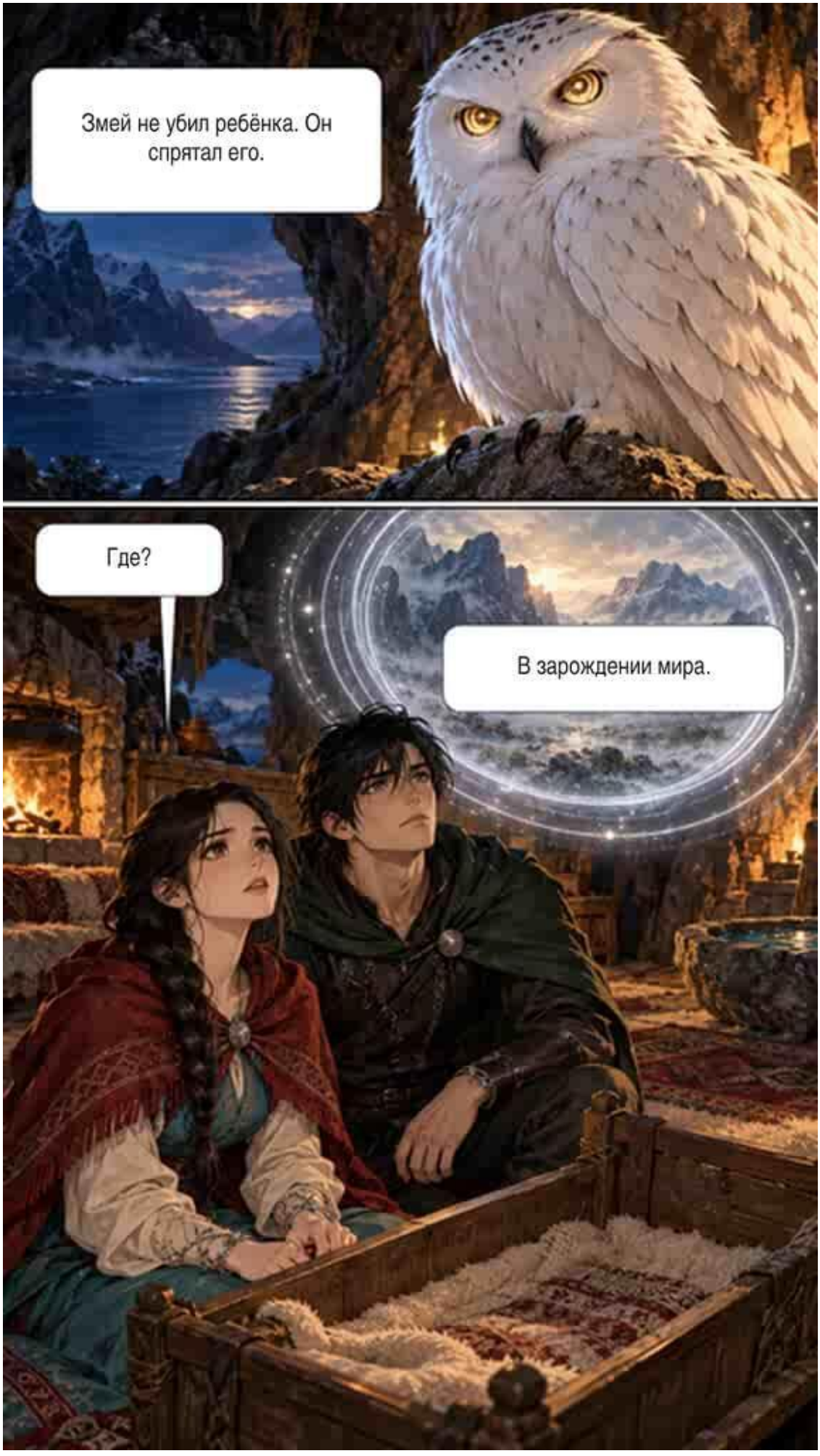

Сначала она не закричала.
Руки ещё помнили его тепло.
Потом дом Братства услышал крик матери.

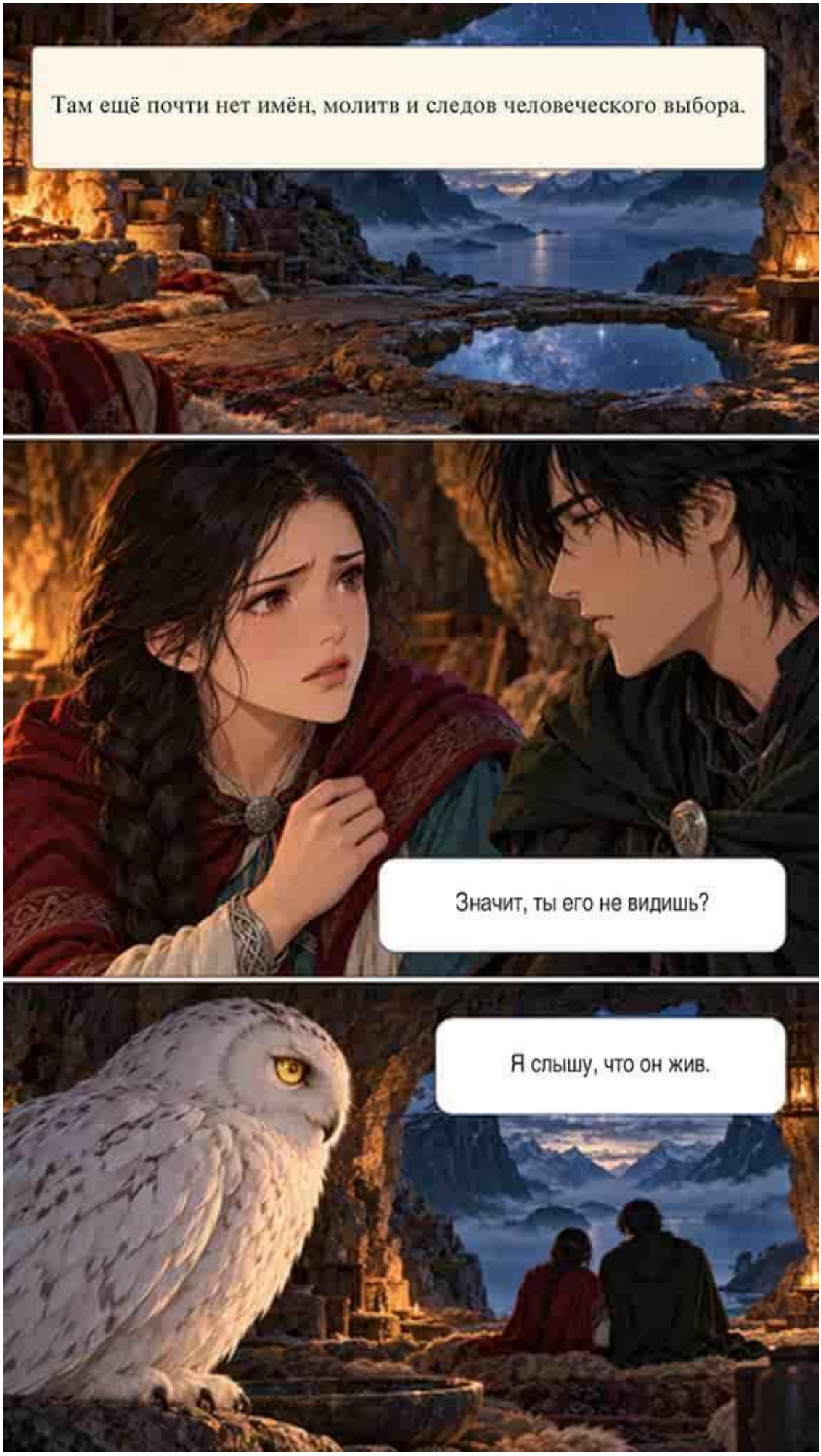

Я найду его любым способом.
Не любым. Именно потому, что это твой сын.

Не смей становиться прежним,
пока мы ищем сына.

Иначе Змей украдёт не только Эйрана.

Я не знаю, как искать без ненависти.
Тогда ищи через любовь. Он должен почувствовать нас, а не страх.

Змей не убил ребёнка. Он спрятал его.
Где?
В зарождении мира.

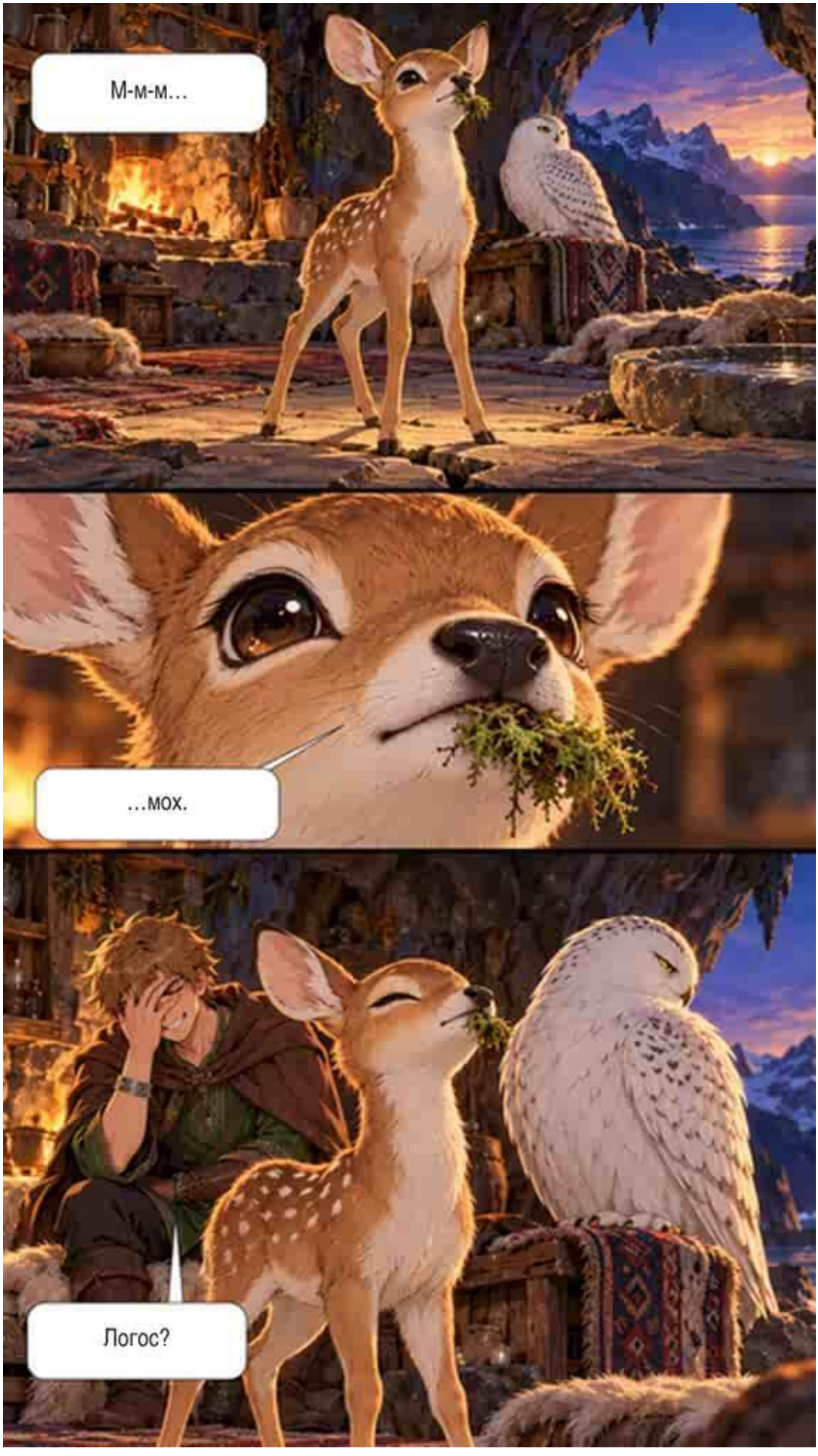

Там ещё почти нет имён, молитв и следов человеческого выбора.
Значит, ты его не видишь?
Я слышу, что он жив.

Мы найдём другой путь. Мы найдём моего внука.

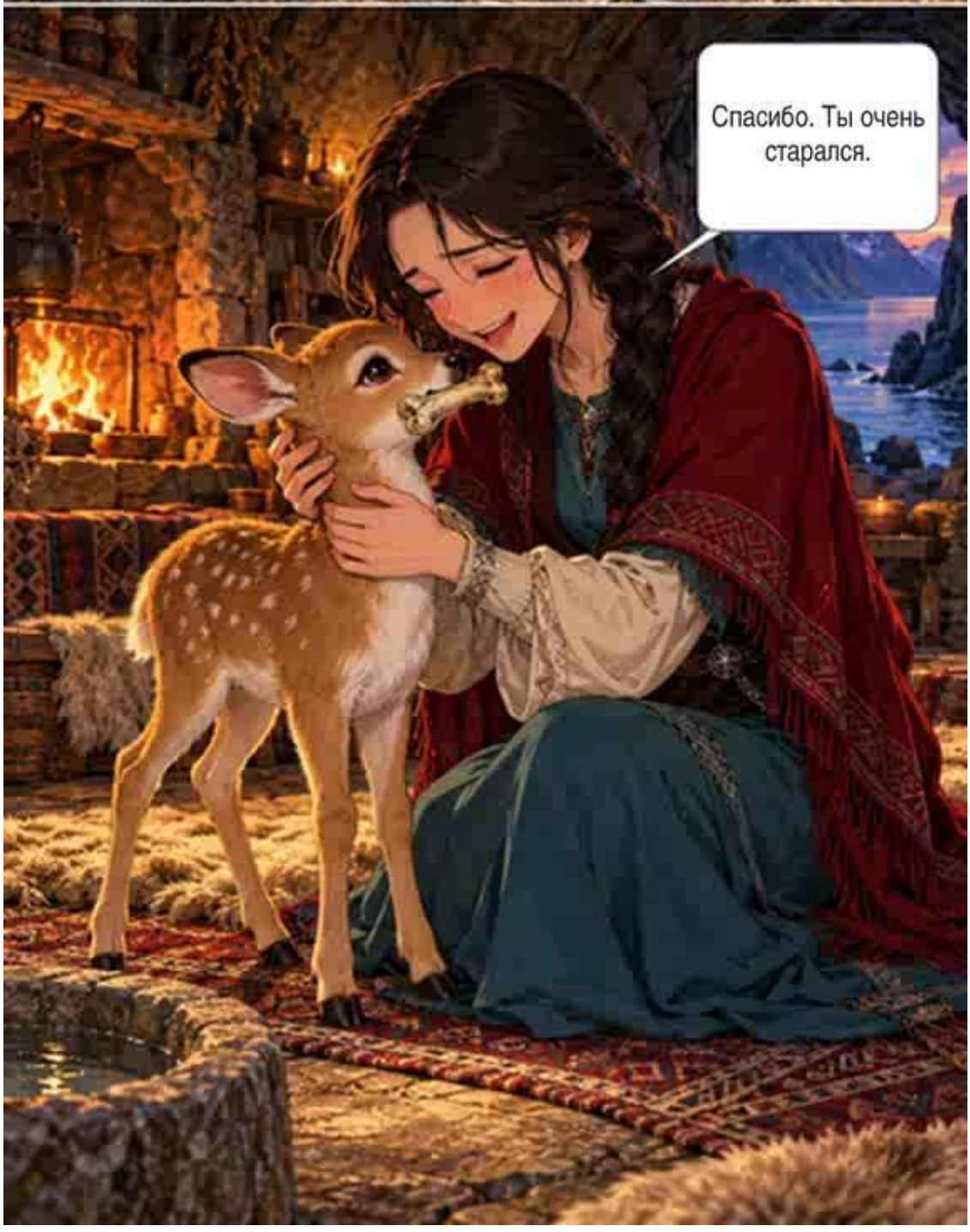

Братство разошлось по тропам времени.
Искали разрыв, запах, страх — любой след.

Ничего. Он обрезал след.
Не обрезал. Свернул внутрь.
Внутрь времени.

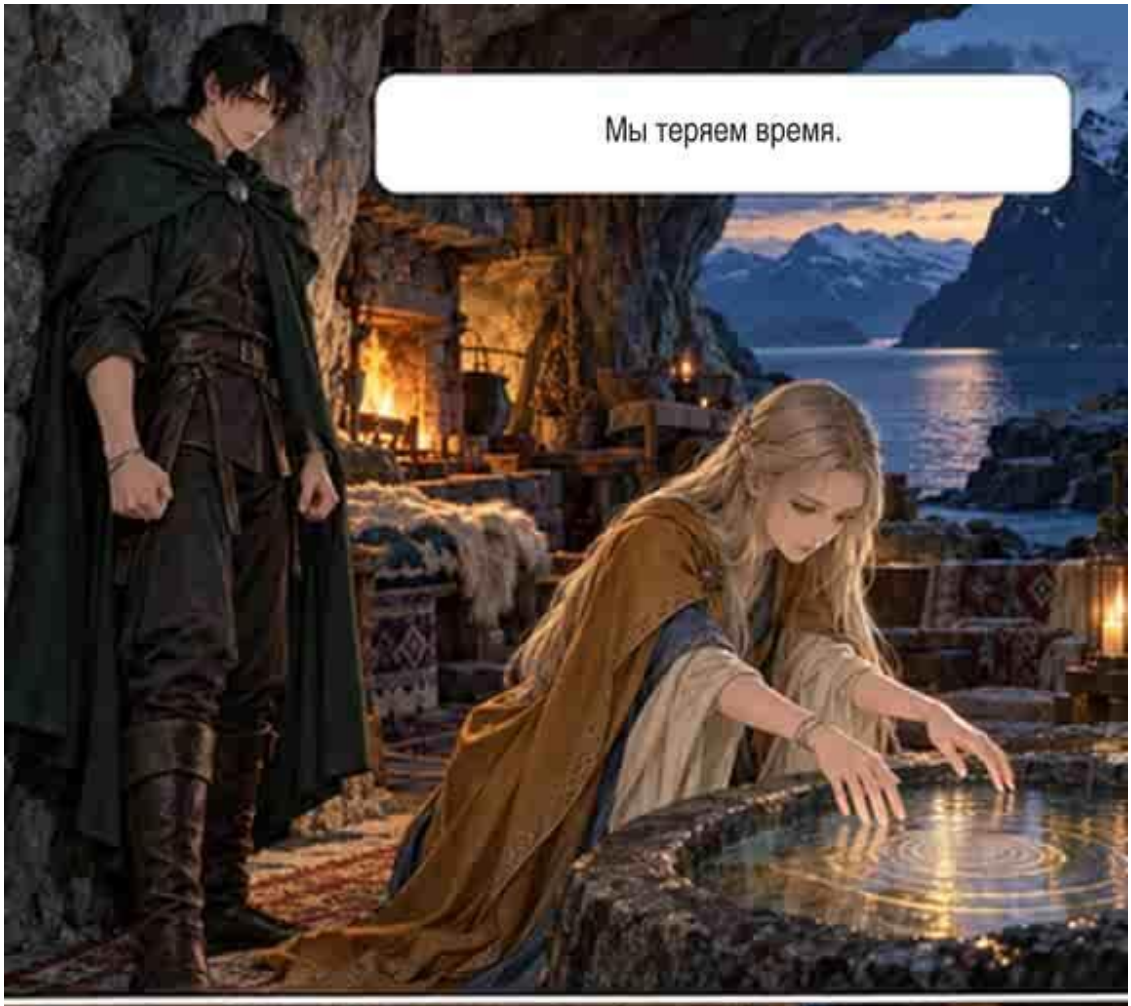

Логос искал через Шамана. Потом — через Грома.
Не видит...

М-м-м...
...мох.
Логос?

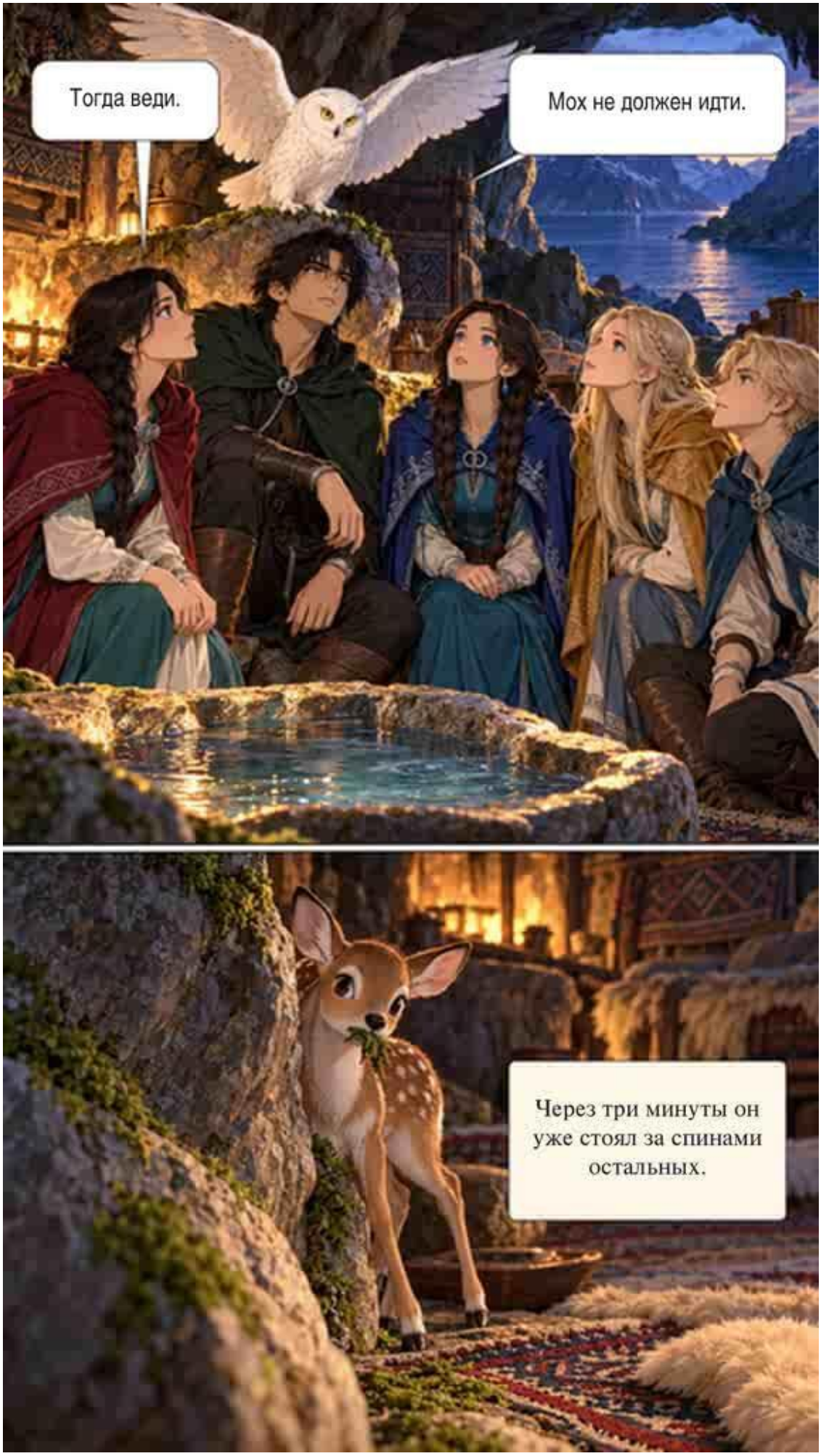

Спасибо. Ты очень старался.

Мох непригоден для точной передачи сложной информации.
Зато пригоден, чтобы не дать нам умереть от ужаса.

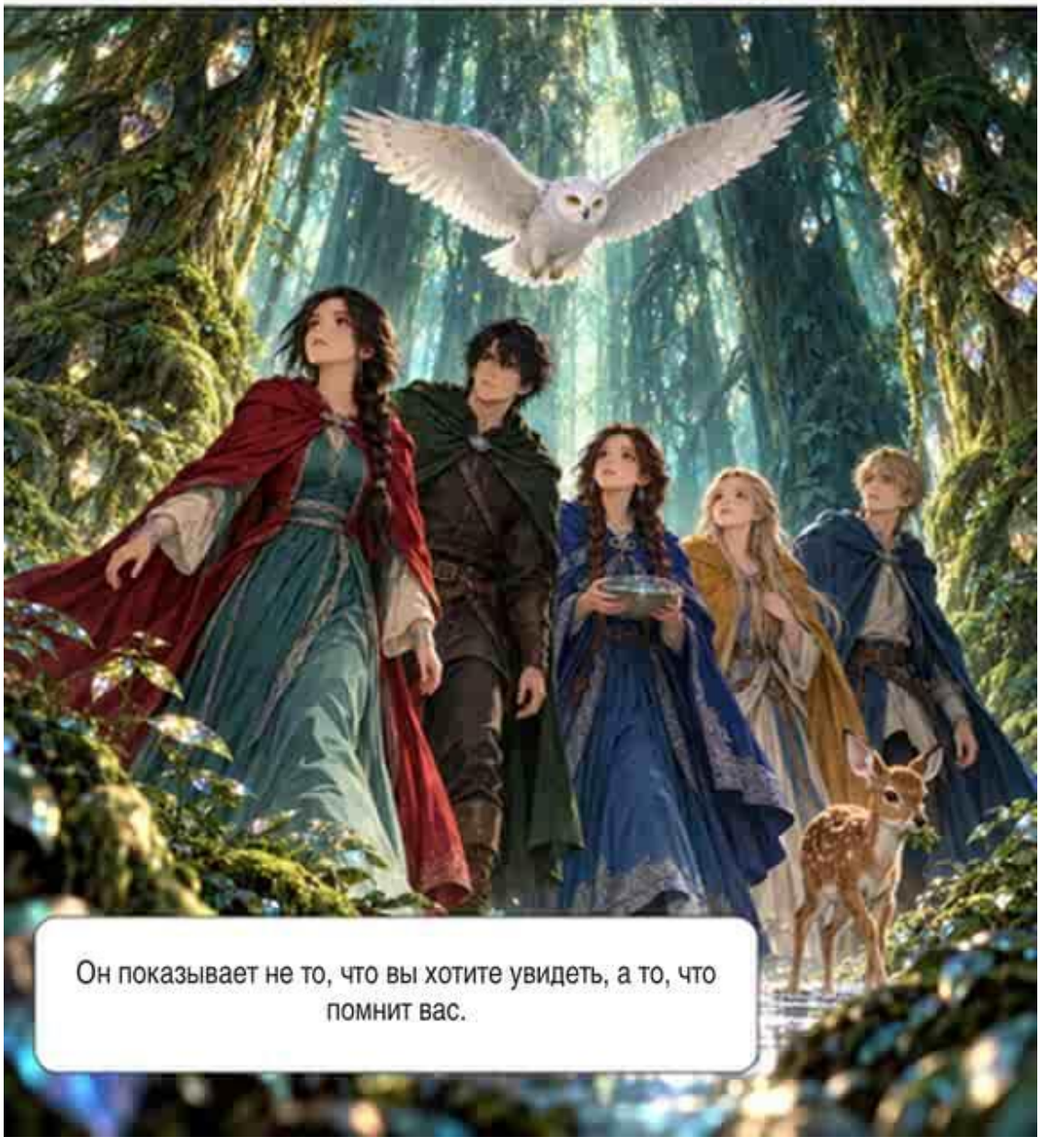

Мы теряем время.

Нет. Я вижу не его. Я вижу годы.

Древо Первого Кольца стоит на границе времён.
В его сердце — ключ, который найдёт не место, а возраст следа.

Тогда веди.
Мох не должен идти.
Через три минуты он уже стоял за спинами остальных.

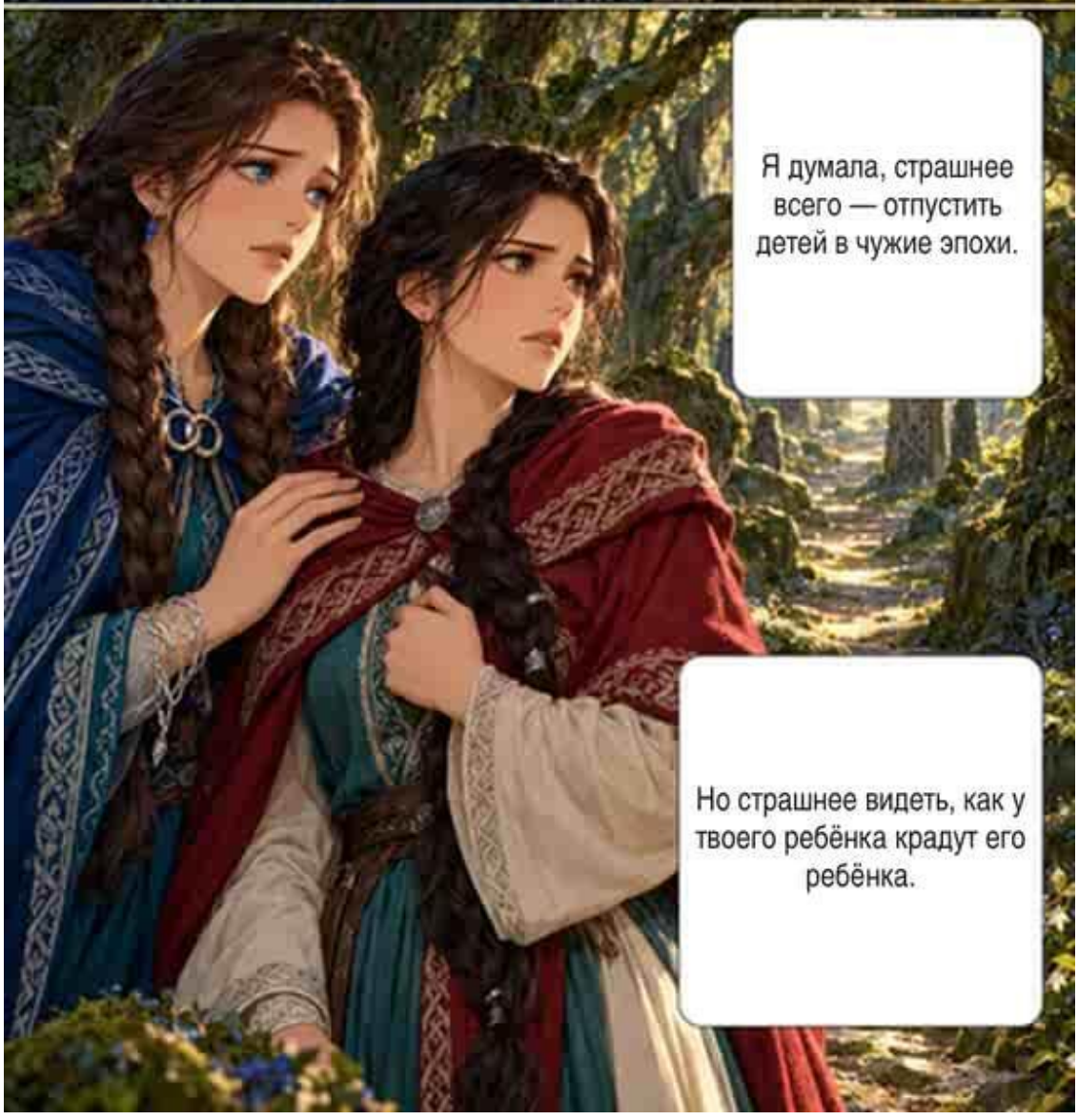

Без оружия, без факелов и без слов — пока не зашепчет лес.

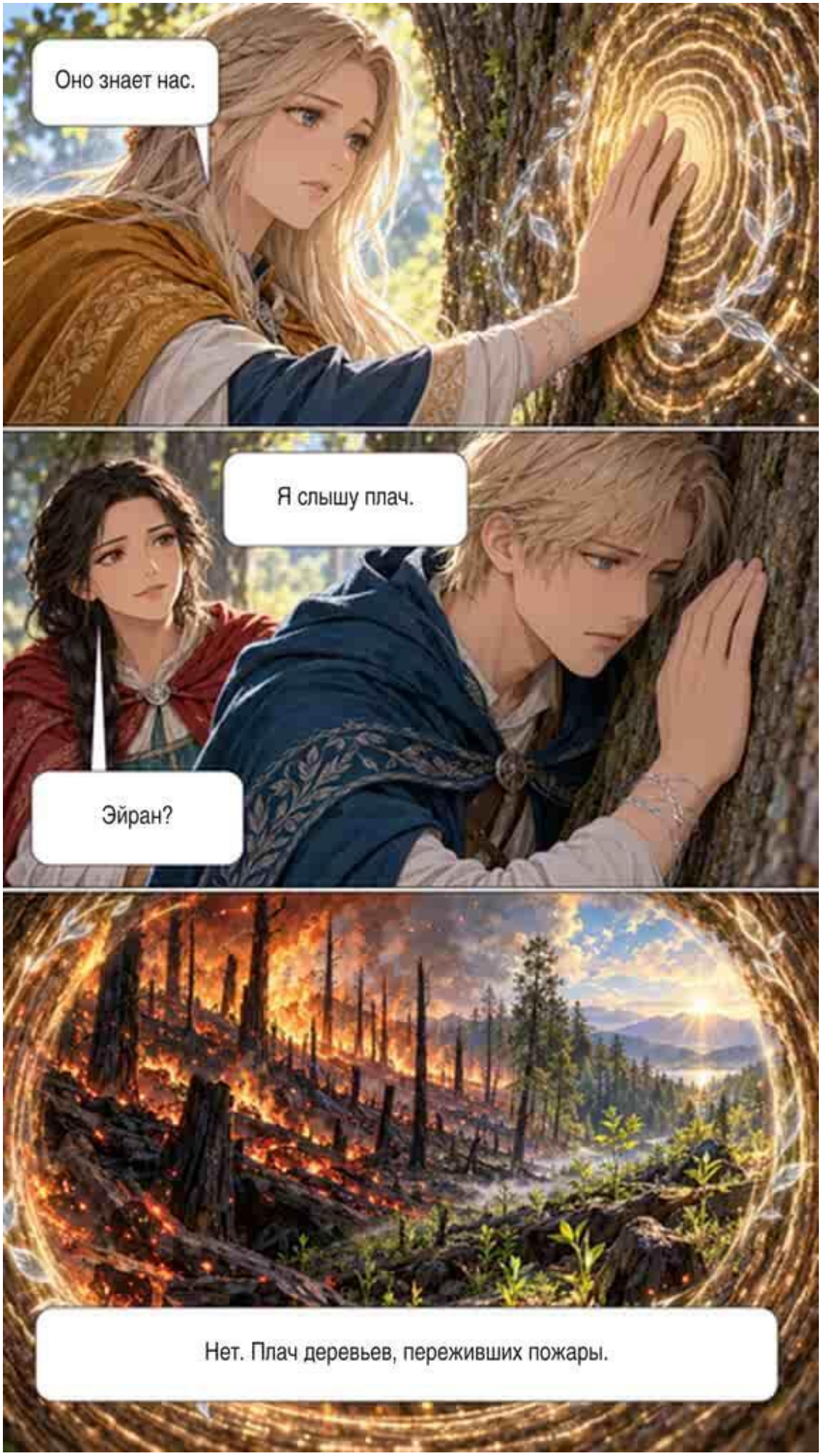

Он показывает не то, что вы хотите увидеть, а то, что помнит вас.

Здесь не было неба. В каждом листе мерцал чей-то миг.

Не смотри один.
Я боюсь увидеть в Эйране тьму.
Всегда есть выбор.

Я думала, страшнее всего — отпустить детей в чужие эпохи.
Но страшнее видеть, как у твоего ребёнка крадут его ребёнка.

Оно знает нас.
Я слышу плач.
Эйран?
Нет. Плач деревьев, переживших пожары.

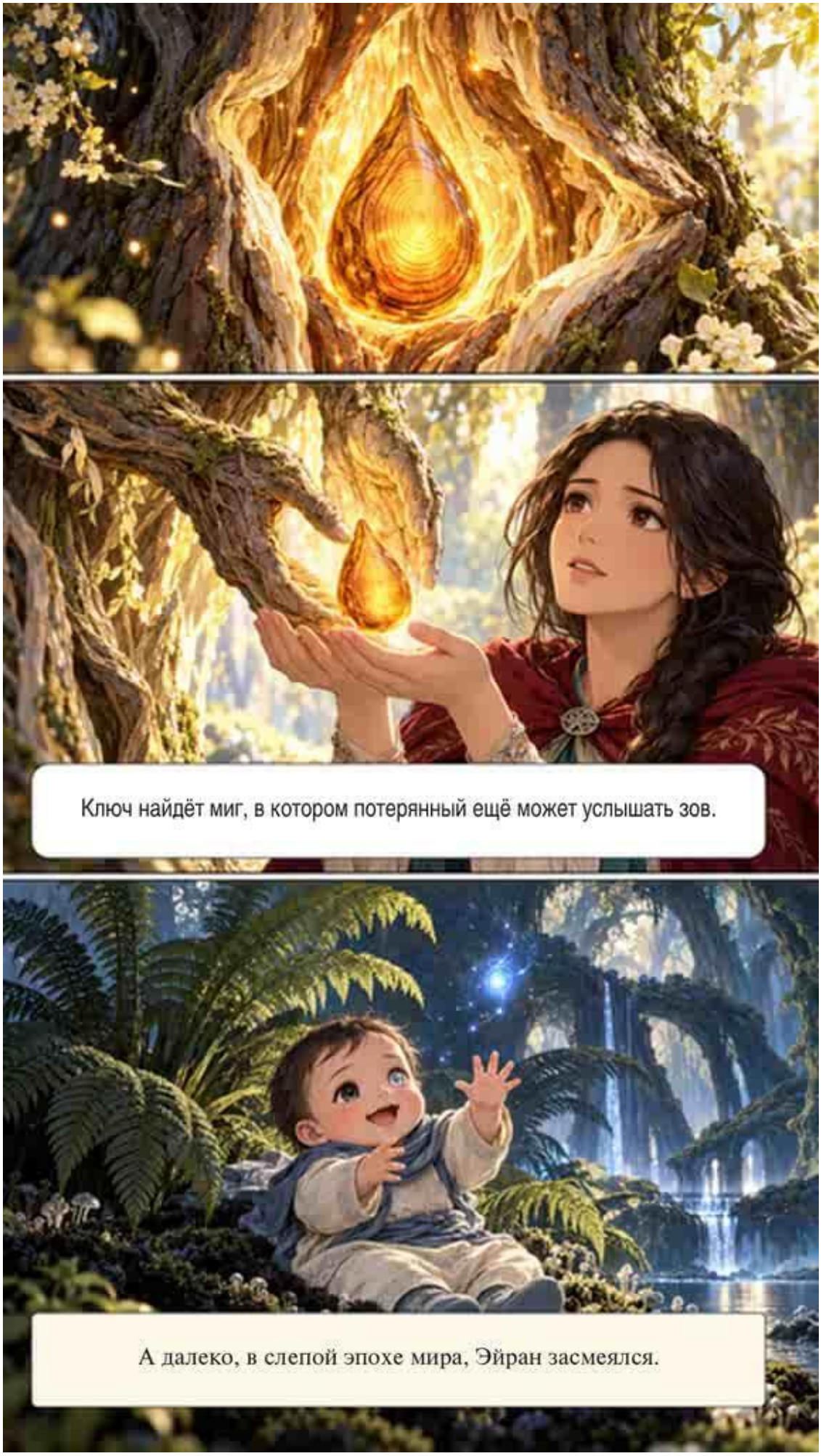

Перед ними стояло Древо Первого Кольца.

Кто ищет возраст чужого следа?
Мать. Я не хочу владеть его судьбой. Я хочу быть рядом, пока он выбирает.

Отцы часто ищут в детях исправление своих ошибок.
Да. Я боюсь этого. Поэтому отдай ключ ей.

Детей нельзя удержать даже любовью. Но их нужно защищать.

Даже зверь понял просьбу. Значит, она проста.

Ключ найдёт миг, в котором потерянный ещё может услышать зов.
А далеко, в слепой эпохе мира, Эйран засмеялся.

Ключ должен понять вашу боль.
Иначе он найдёт не ребёнка, а страх родителей.

Он не плачет.
Змей умеет быть нежным, когда хочет забрать душу.

Смотри не на Змея.
Смотри на Эйрана.

Он был любопытен. Не испорчен. Просто маленький.

Если он улыбнётся Змею, ты отречёшься?
Нет.
Если причинит боль?
Я назову это болью, которую нужно остановить.

Если он выберет путь зла?
Я буду рядом, чтобы он мог выбрать снова.

Эйран не хуже других.
Но он опаснее.
Значит, ему нужно больше любви.

Возраст найден.
Эпоха без имён.
Открывай.
На этот раз он пошёл не за ней. Он пошёл рядом.

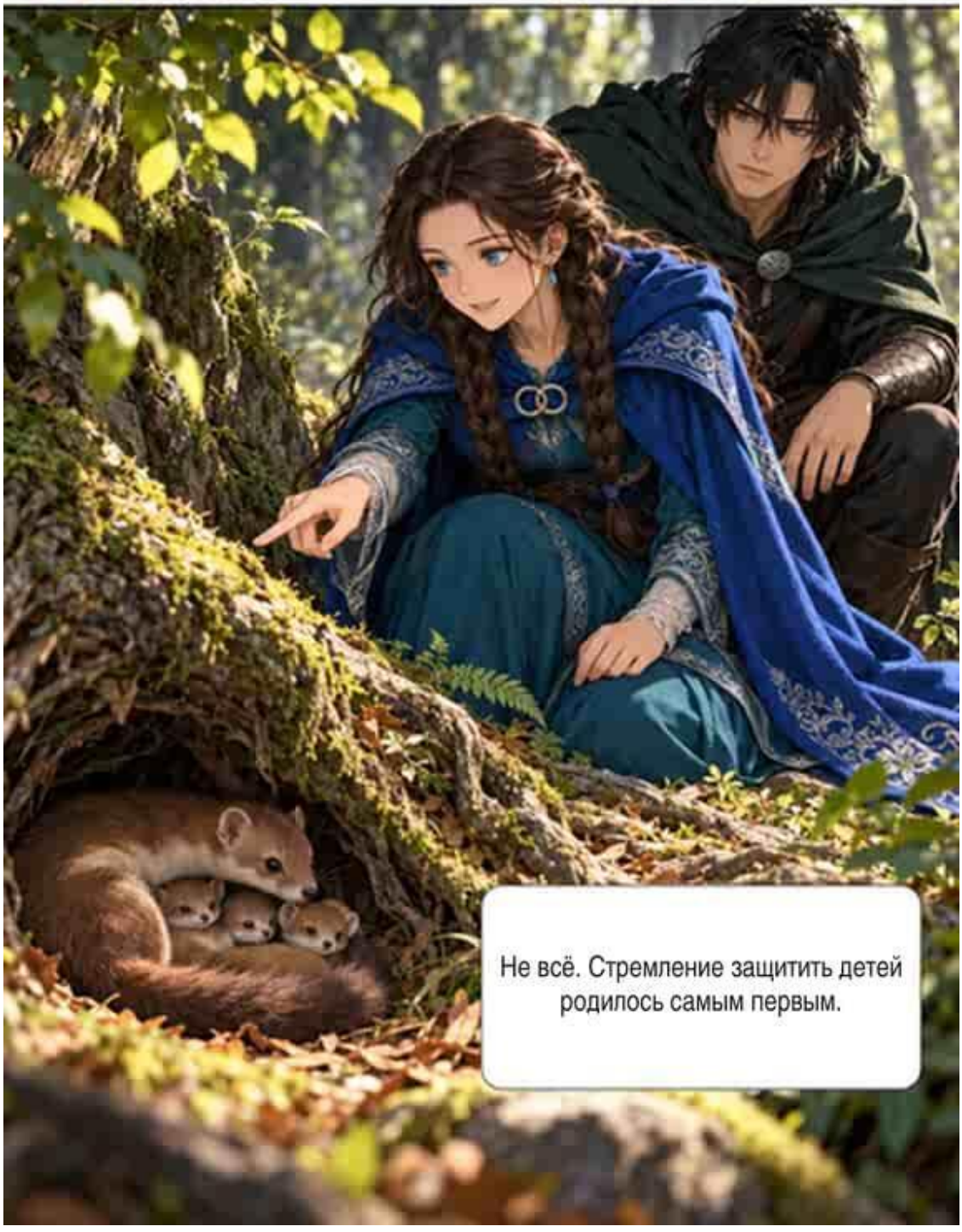

Мир ещё не знал человеческих слов. Время здесь не текло — оно росло.

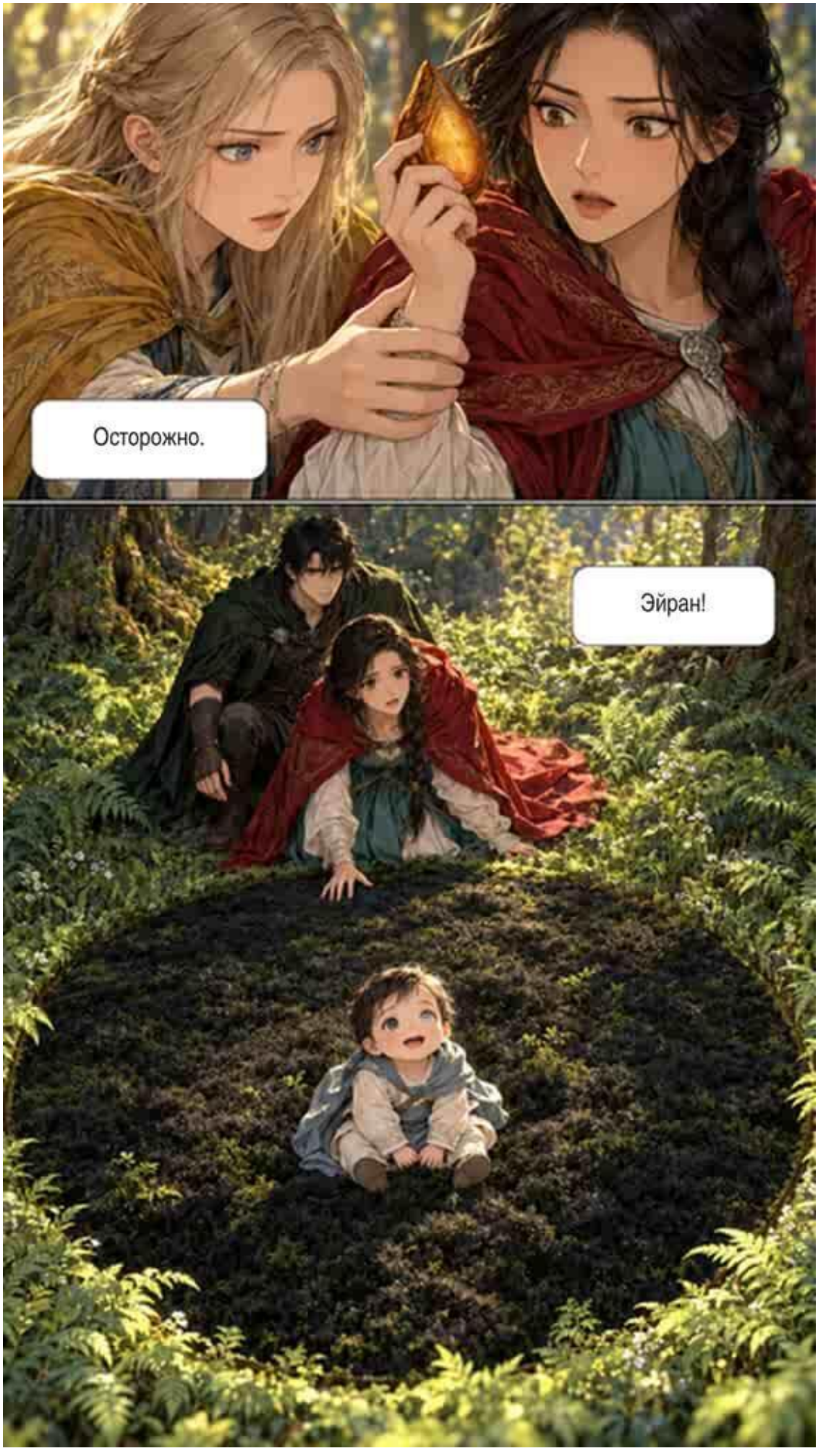

Он здесь.
Ты чувствуешь?

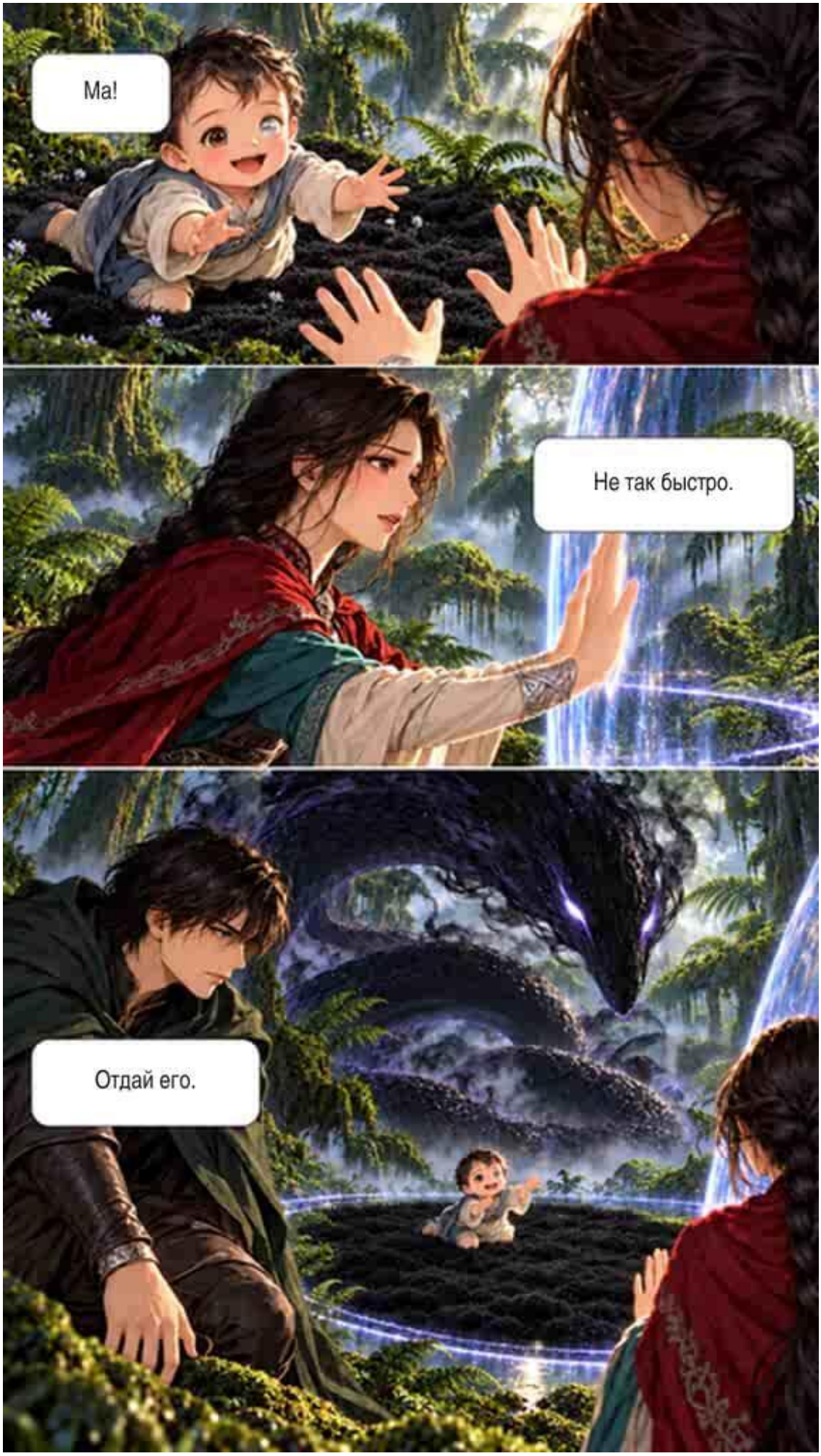

Как тепло в той стороне.

Он точно должен был идти?
Уже поздно задавать разумные вопросы.

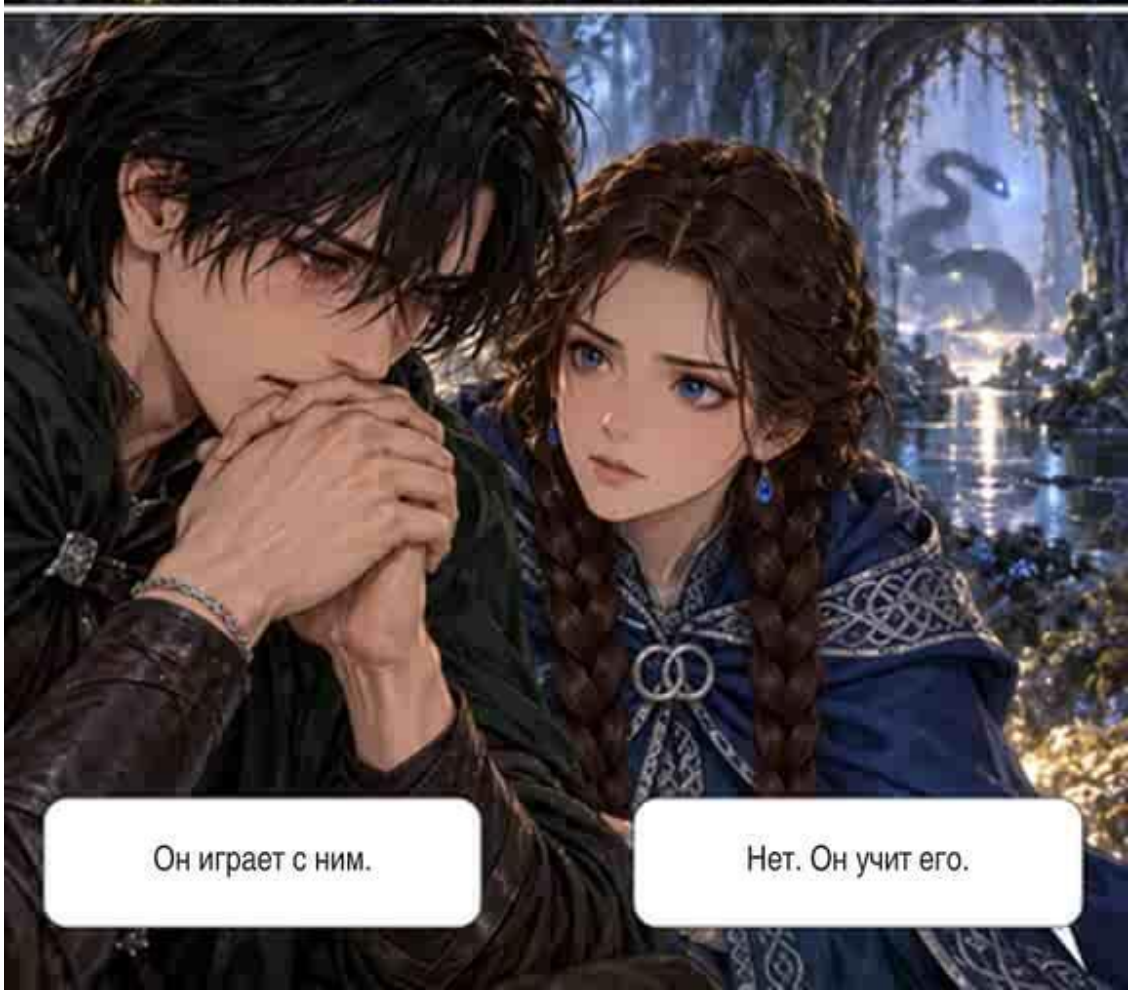

Здесь всё объясняет закон Змея.

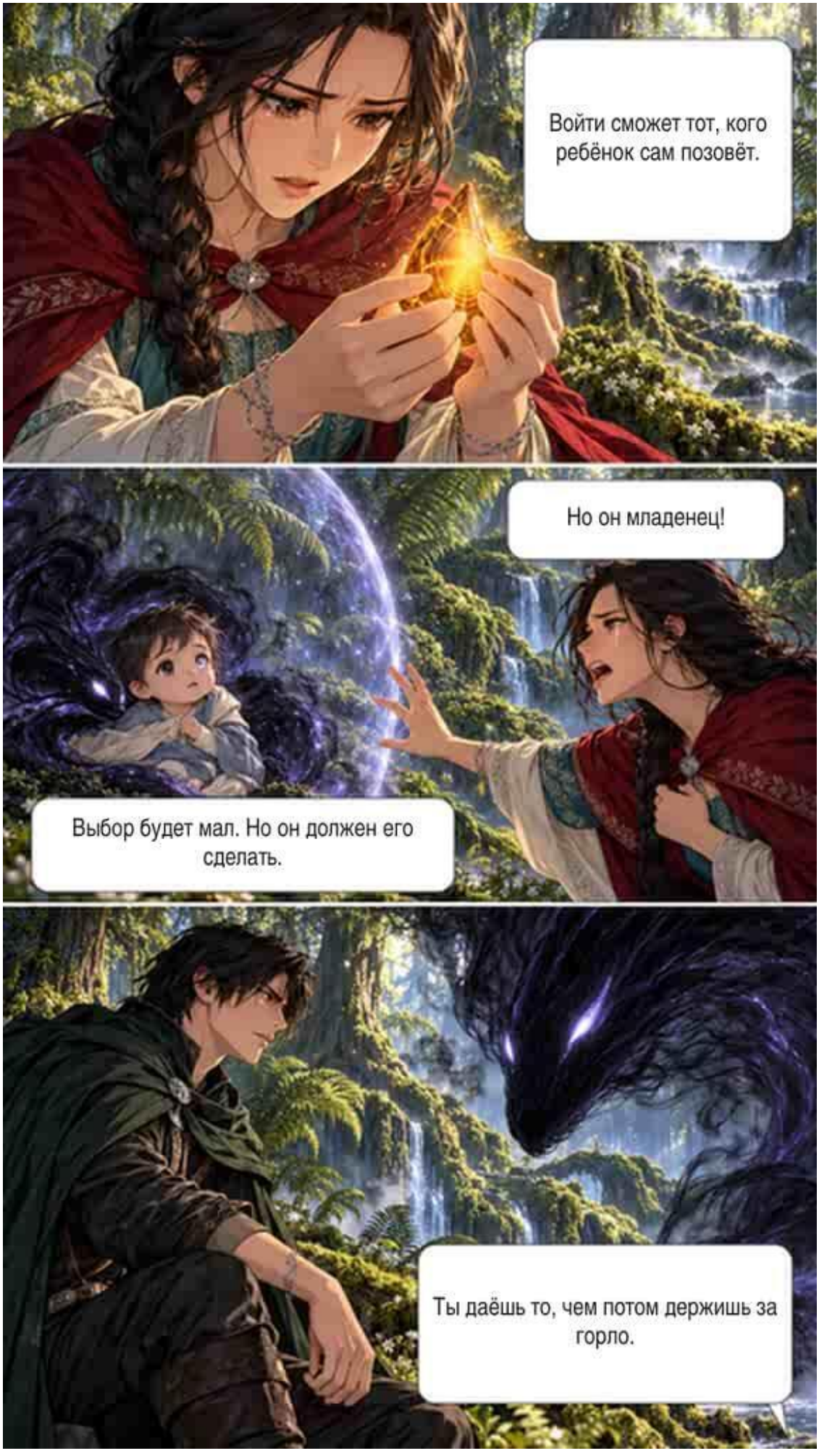

Не всё. Стремление защитить детей родилось самым первым.

Осторожно.
Эйран!

Ма!
Не так быстро.
Отдай его.

Хочешь — бери. Больно — бей.
Боишься — стань страшнее.

Он играет с ним.
Нет. Он учит его.

Войти сможет тот, кого ребёнок сам позовёт.
Но он младенец!
Выбор будет мал. Но он должен его сделать.
Ты даёшь то, чем потом держишь за горло.

В мире без имён Змей начал с малого.

Хочешь этот камешек?

Не проси. Просьба делает тебя маленьким.
Не слушай его, сынок.

Если хочешь — мир должен уступить.

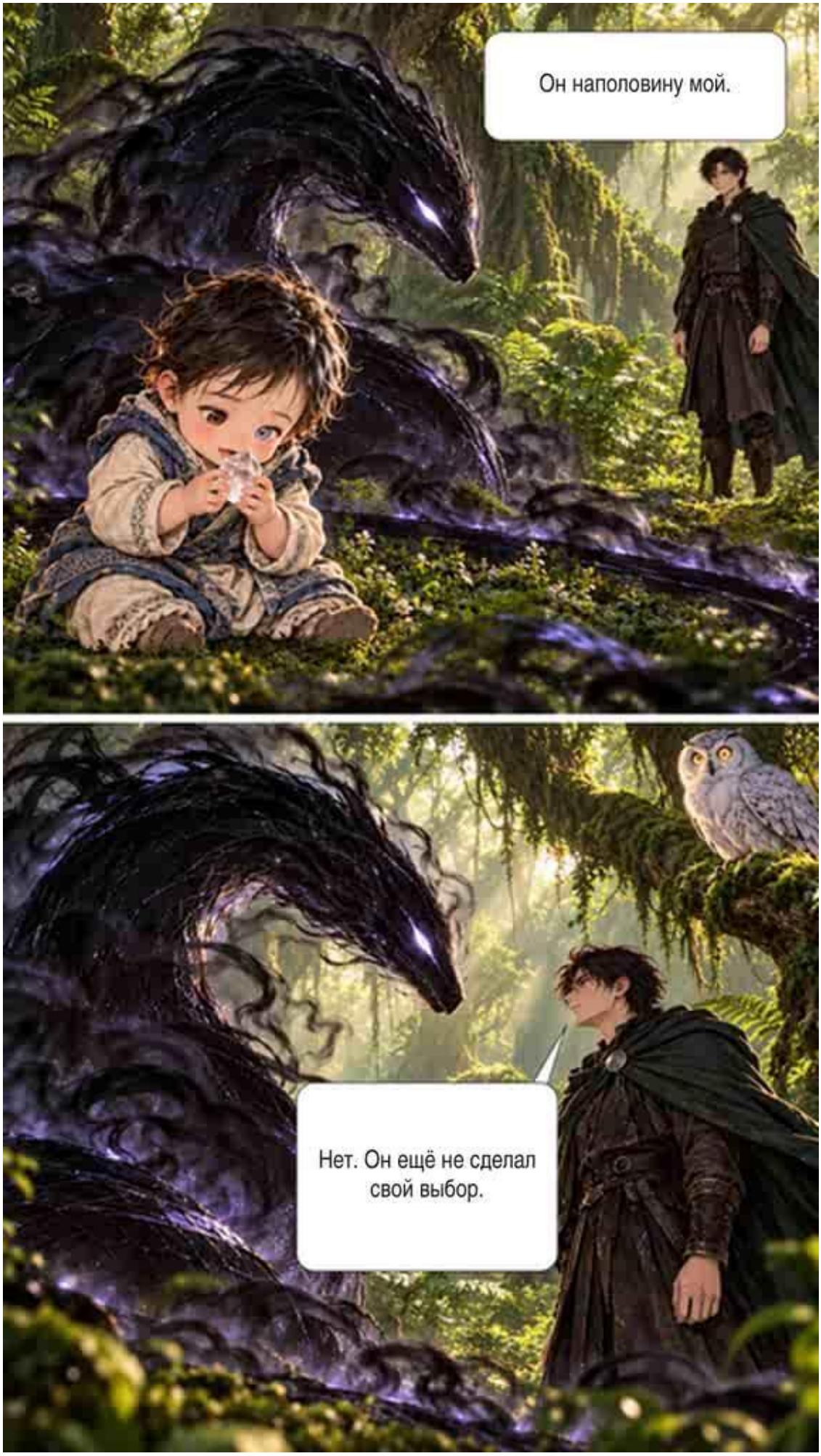

Эйран радовался. Он ещё не понимал чужого страха.

Это моя кровь. Это во мне.

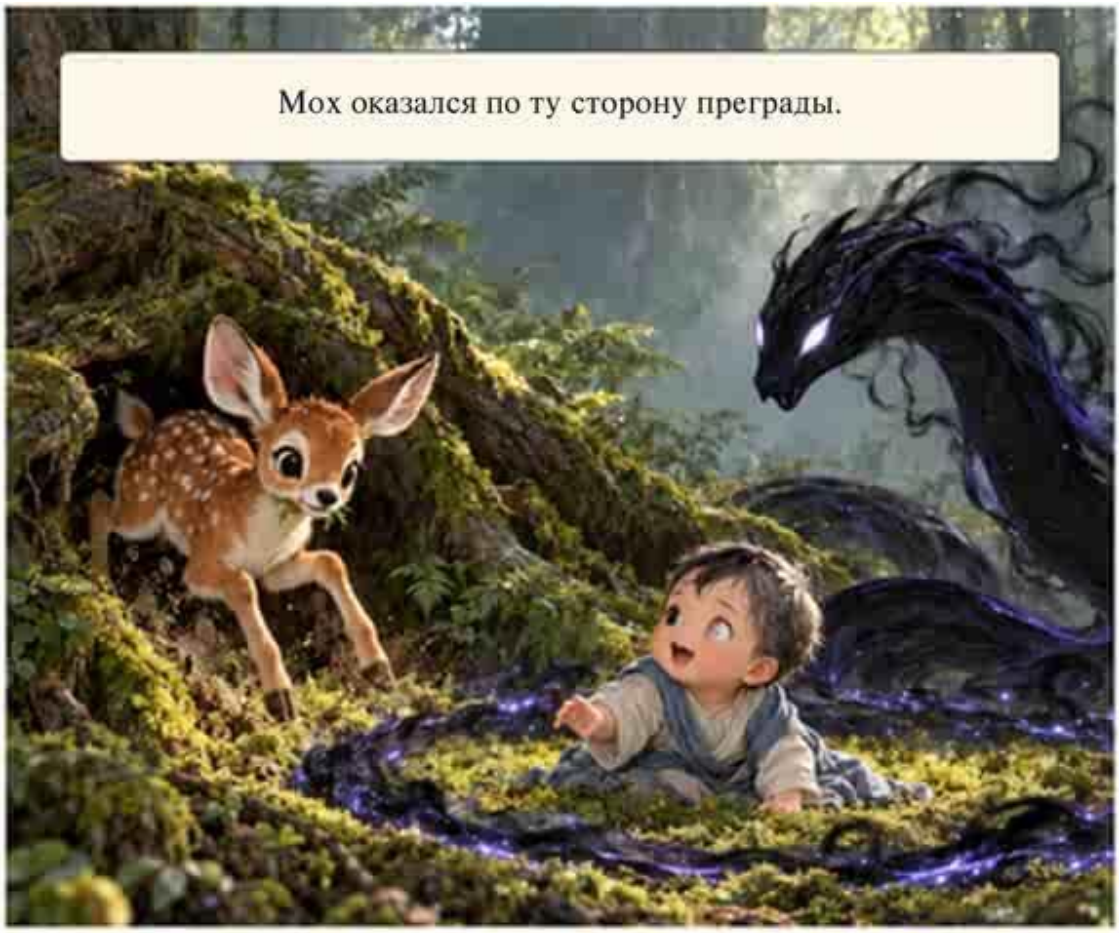

Это не кровь. Это урок. Мы должны говорить громче.

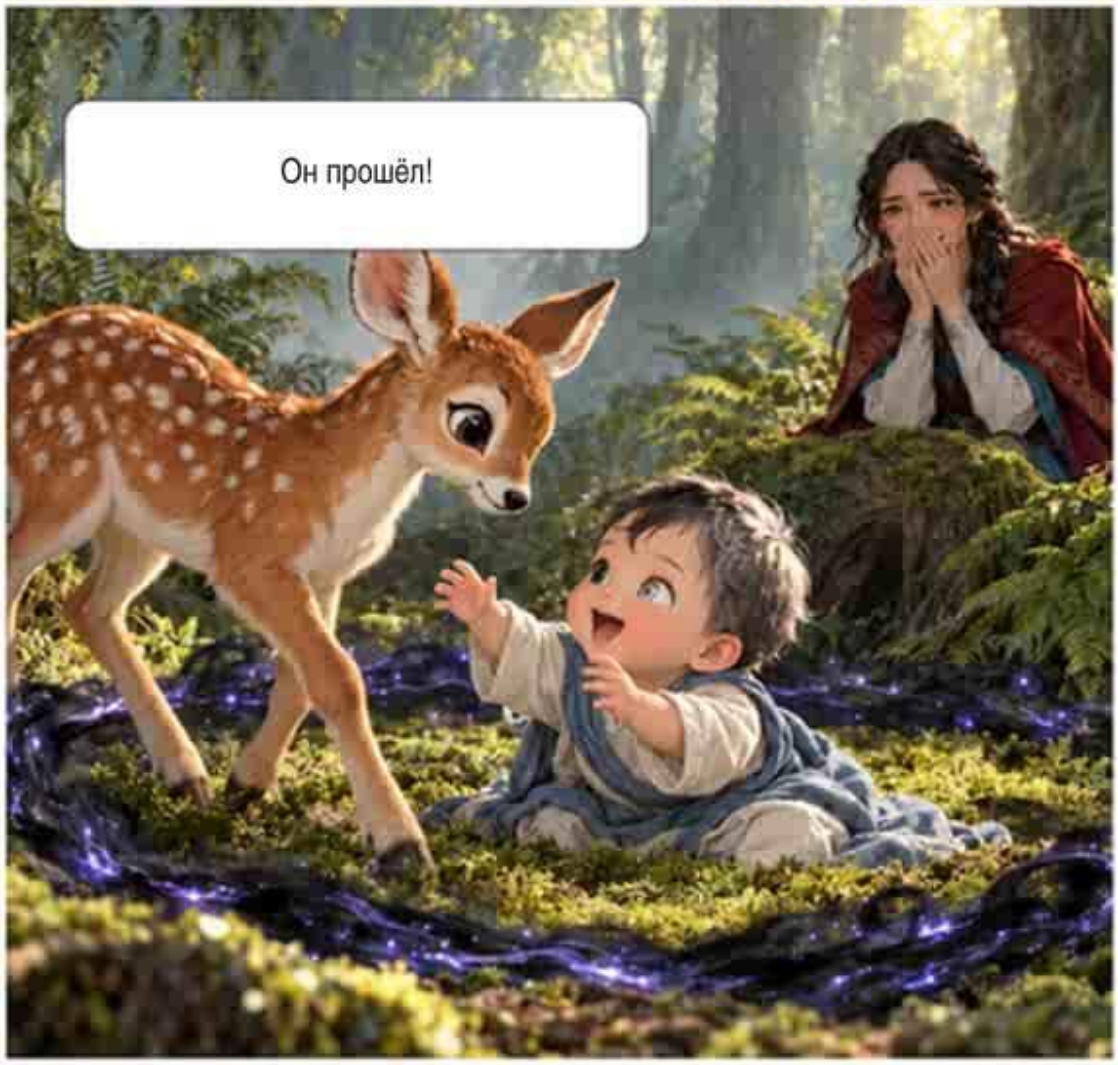

Ему нужен другой опыт. Не наказание — понимание чужой боли.

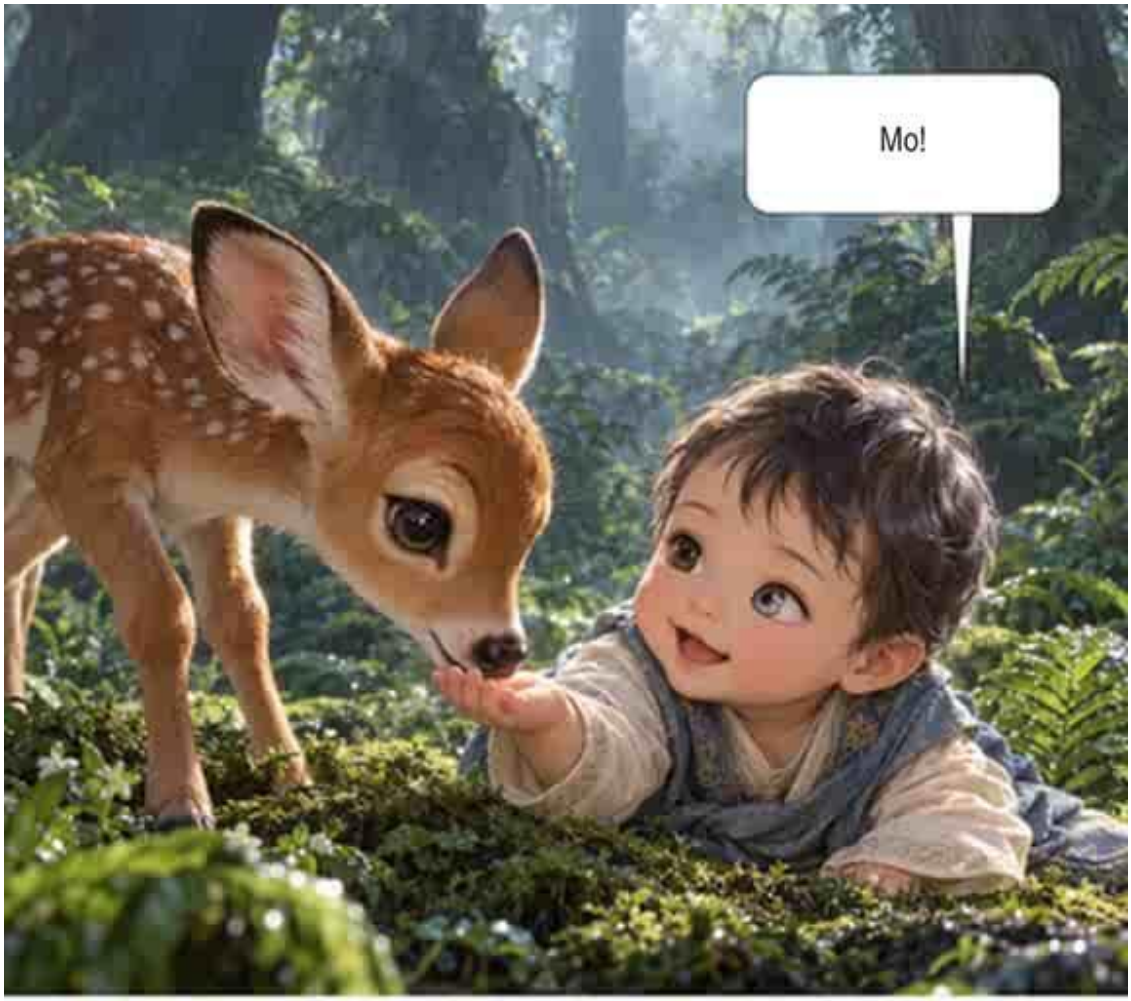

Он слишком мал…
Не для чужой боли. В этом и опасность.

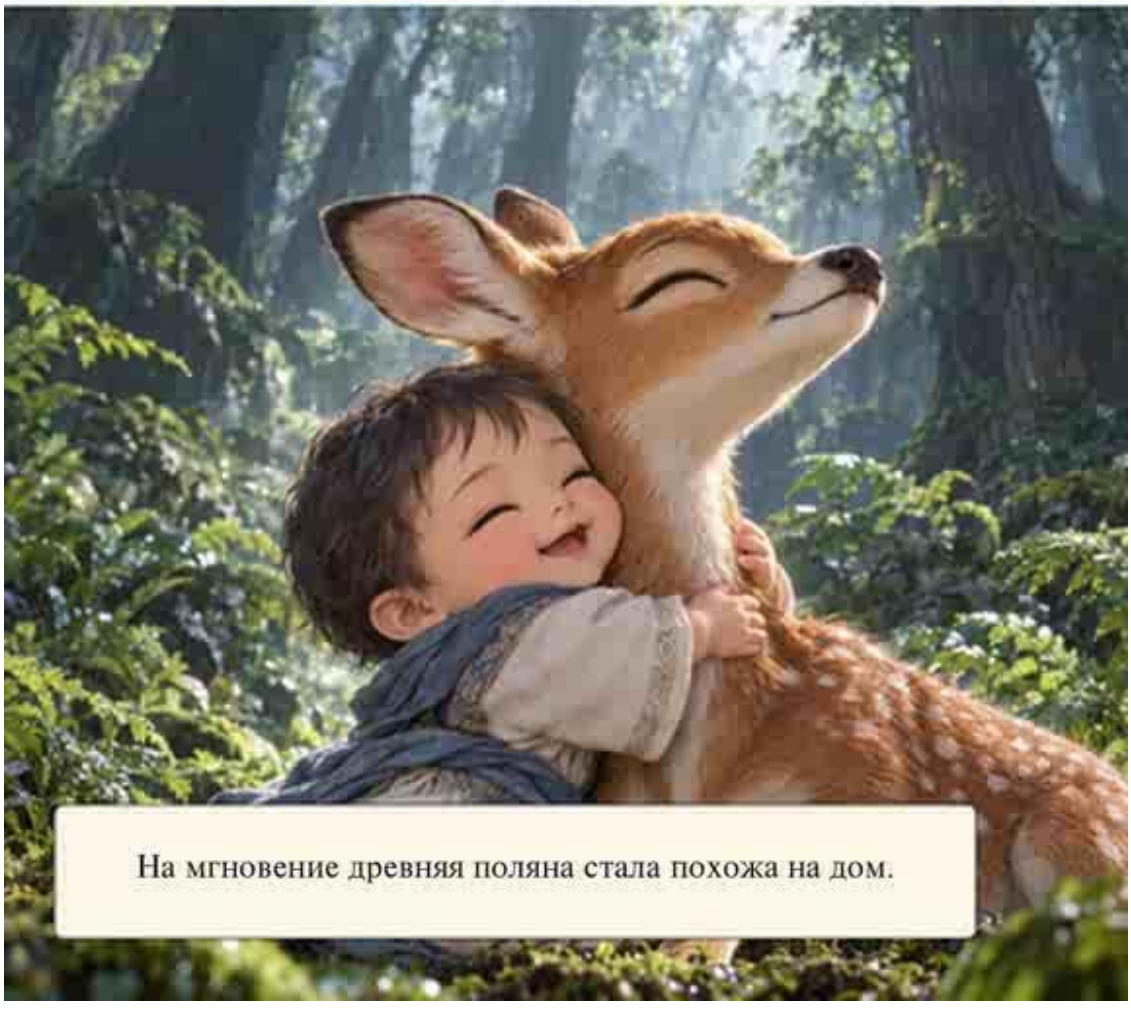

Он наполовину мой.
Нет. Он ещё не сделал свой выбор.

Мох! Назад!
Мф!

Мох оказался по ту сторону преграды.

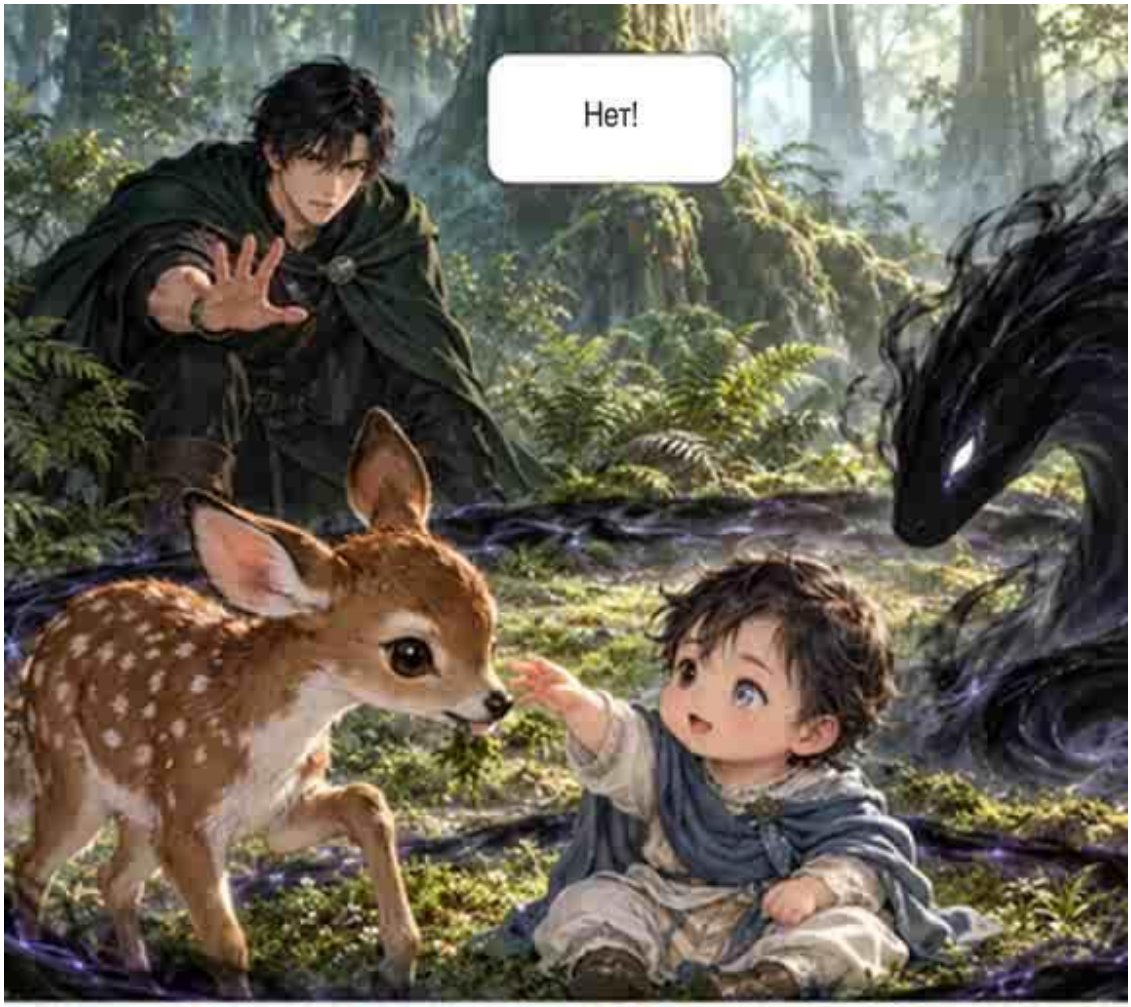

Он прошёл!

Мо!

На мгновение древняя поляна стала похожа на дом.

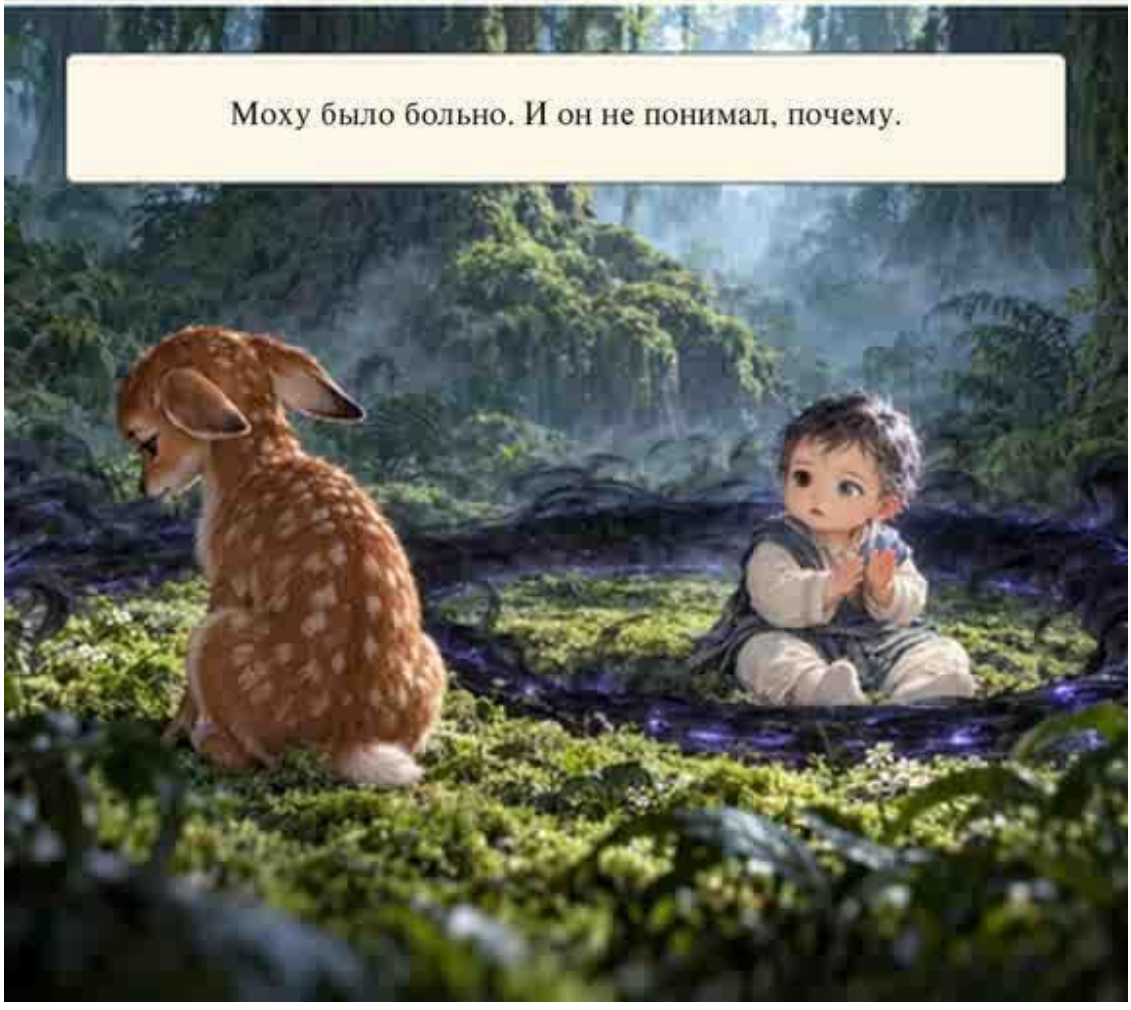

Он помнит его.
Помнит тепло. это сильнее имени.

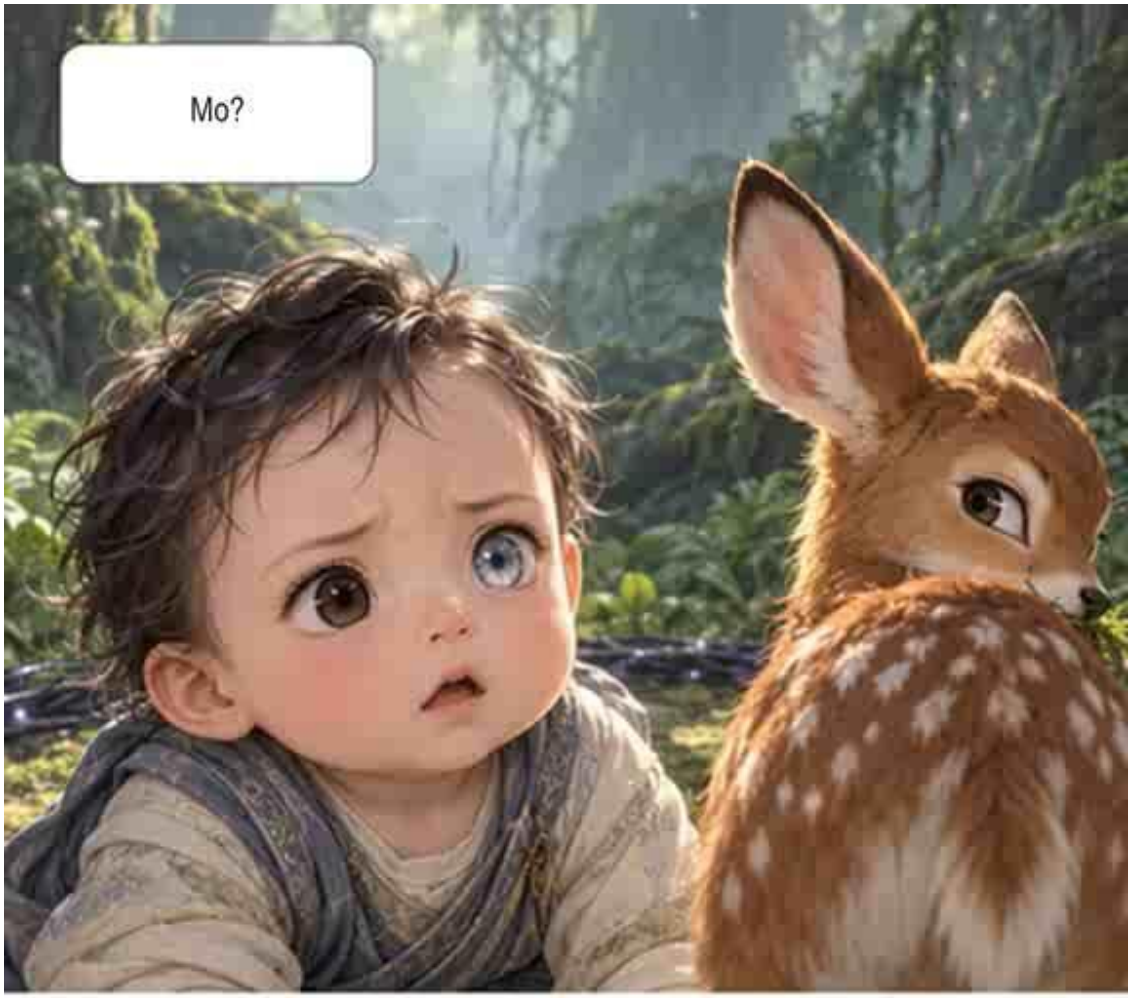

Если твоё — можешь делать что хочешь.

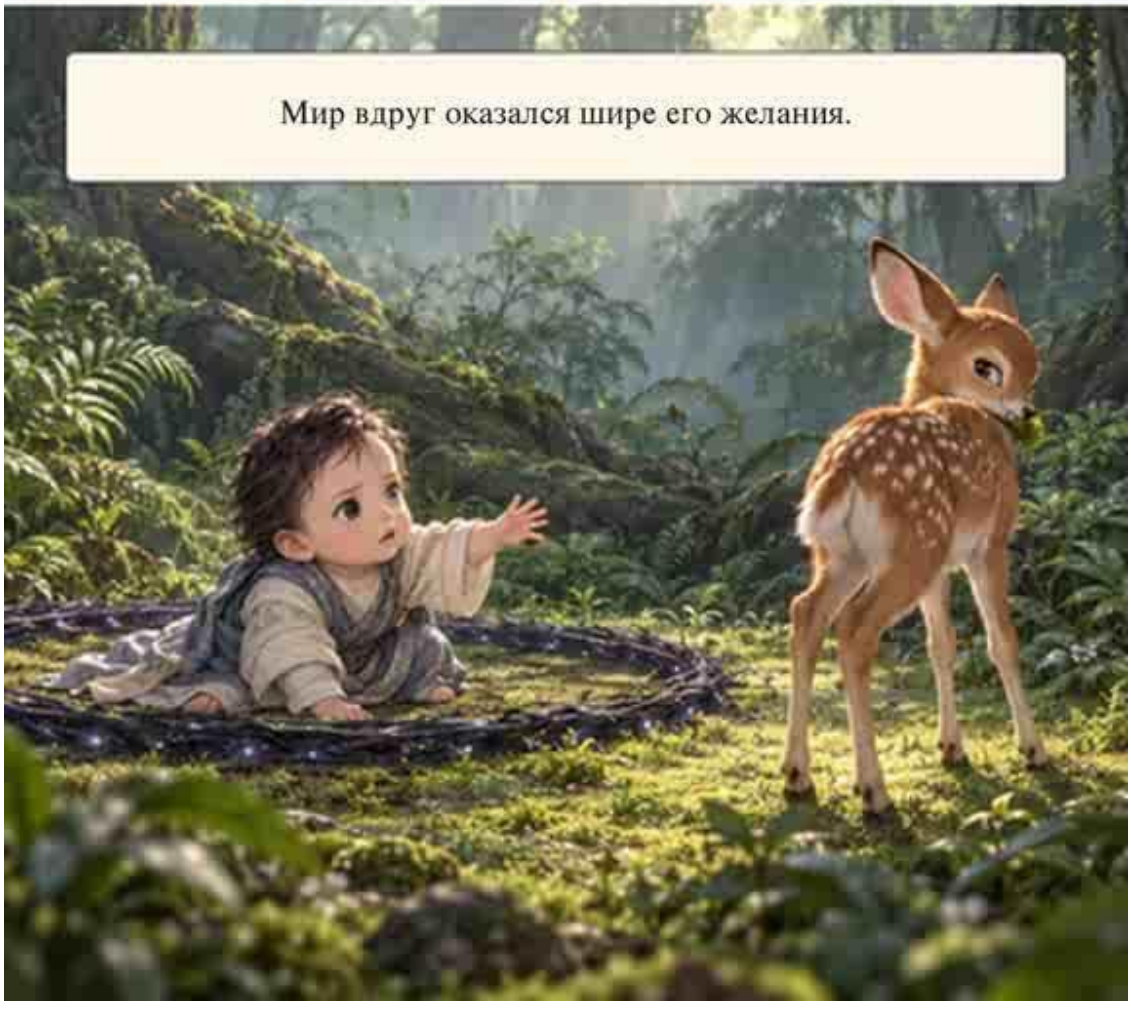

Нет!

Мф!

Когда ты сильнее, мир становится игрой.

Моху было больно. И он не понимал, почему.

Мо?

Мир вдруг оказался шире его желания.

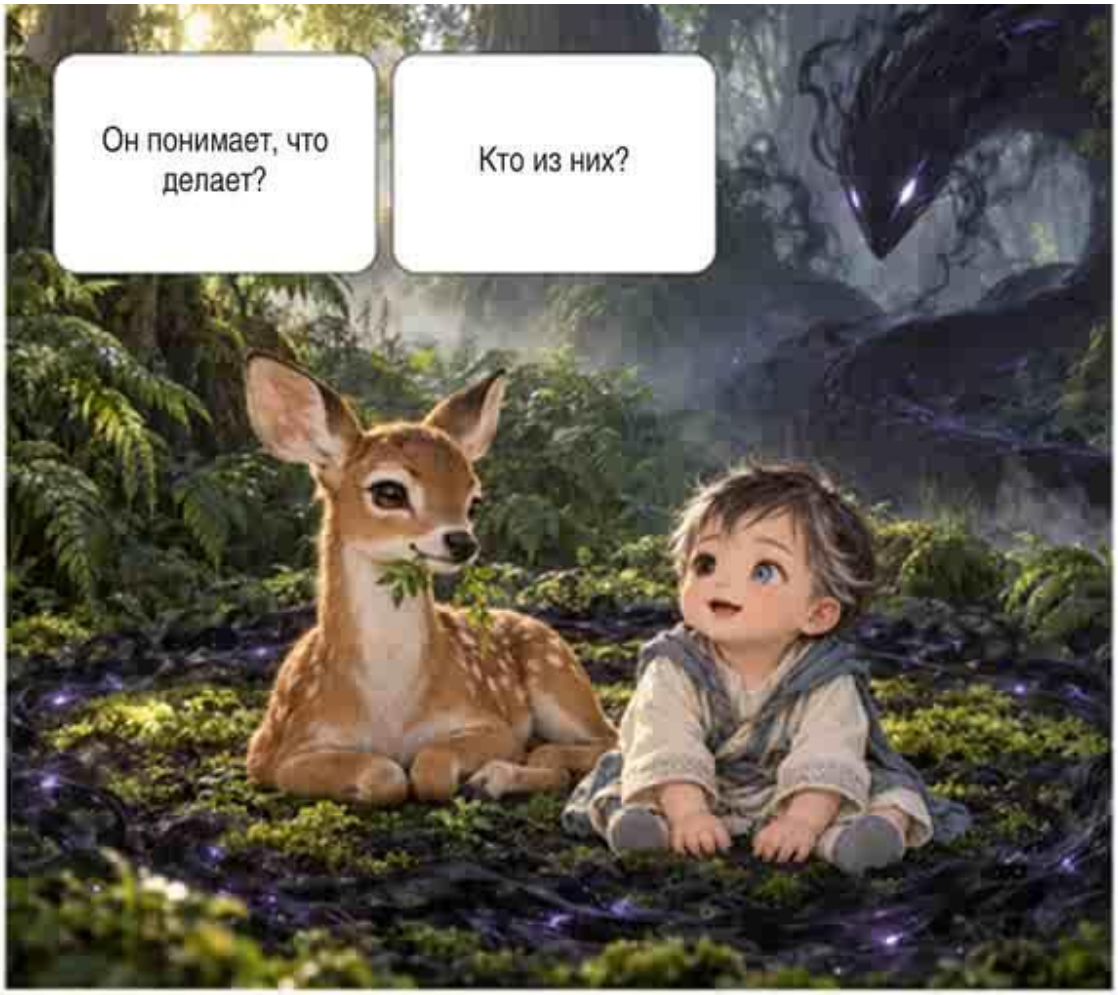

Сынок, ему больно.

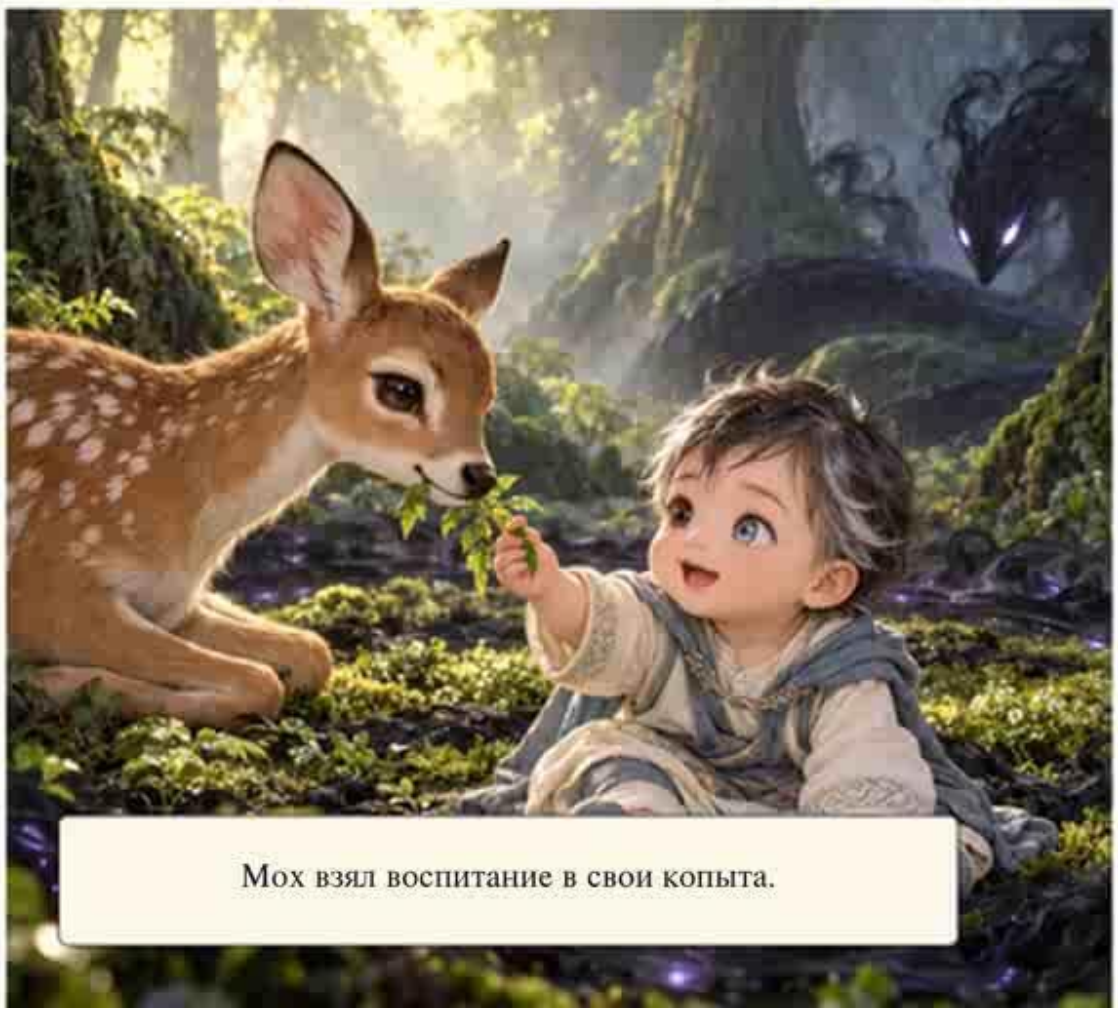

Боль другого — не цепь.
Это знак остановиться.

Он боится, что ты станешь сильнее него.
Я боюсь, что он станет одиноким, как я.
На этот раз маленькая рука не схватила.

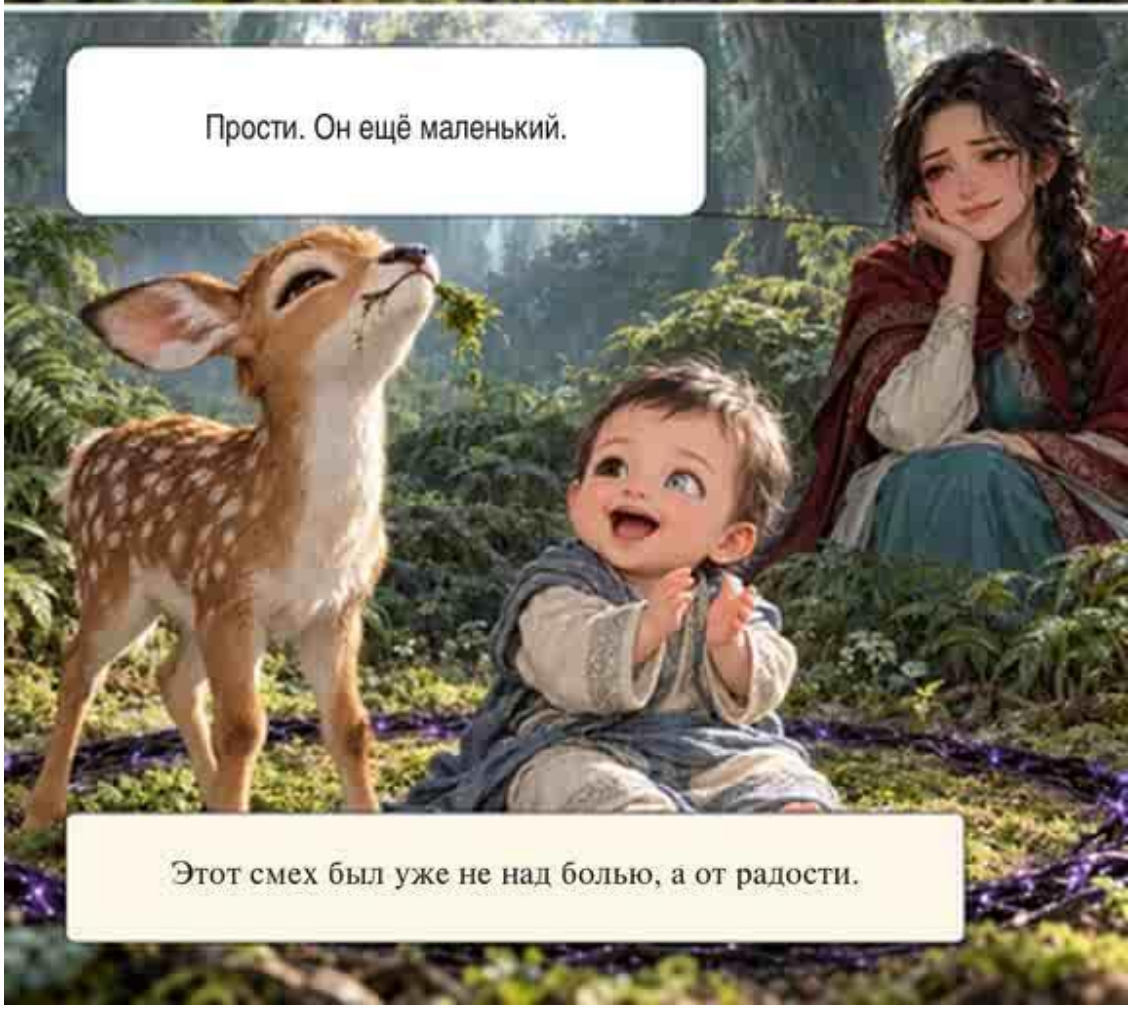

Бо?

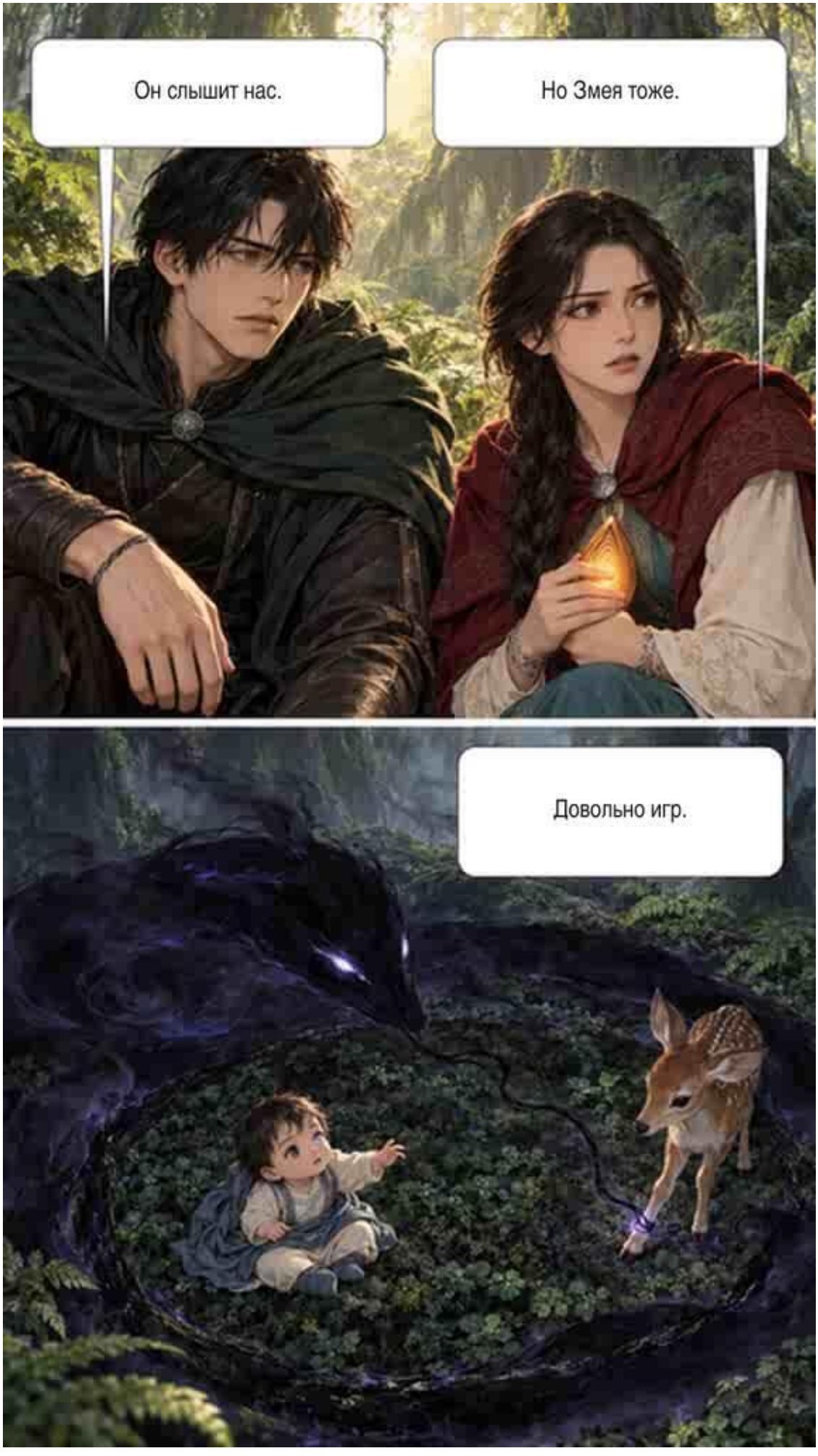

Да, родной. Больно. А теперь — мягко.
Первая трещина появилась не от удара.

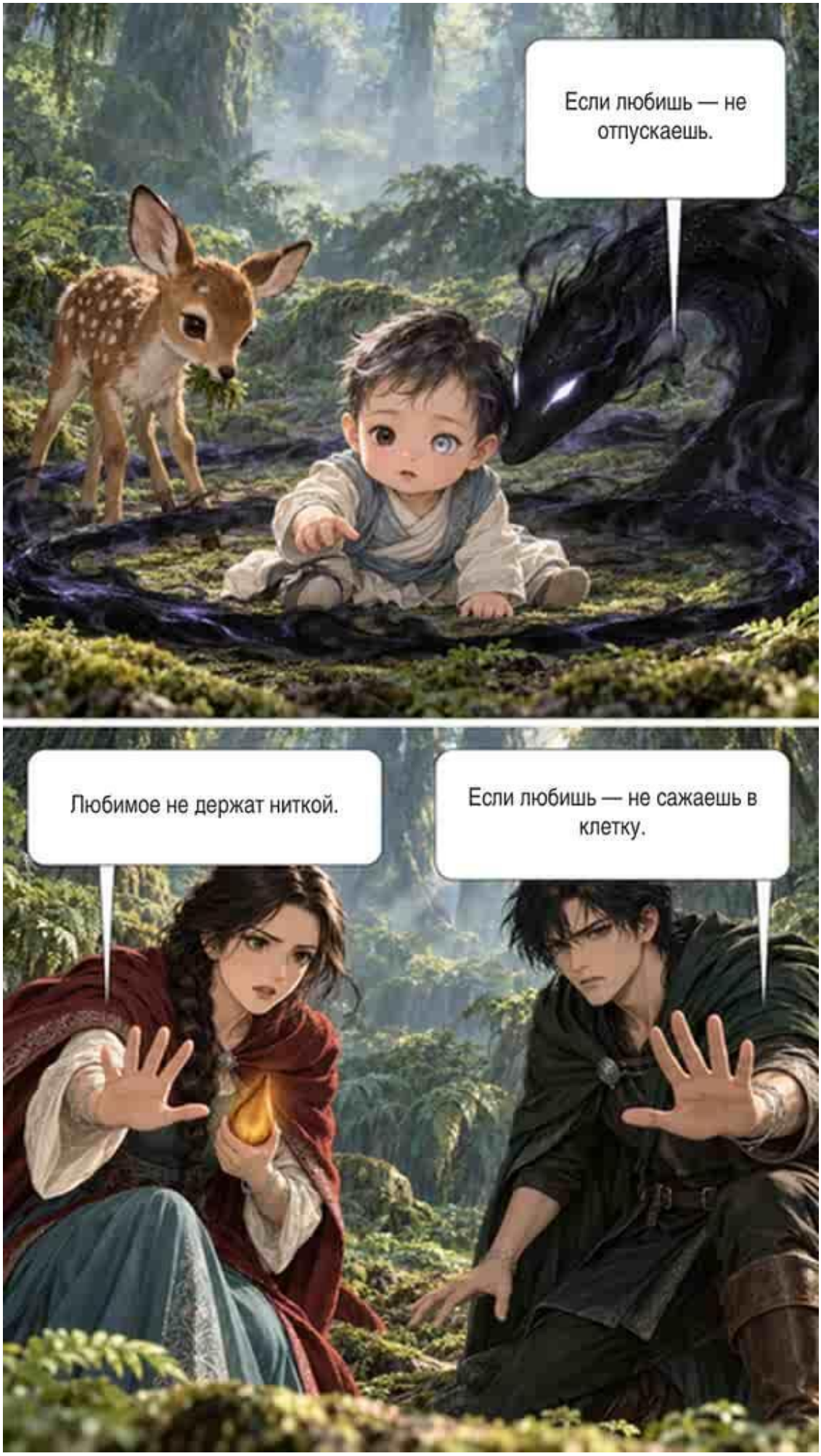

Он понимает, что делает?
Кто из них?

Мох взял воспитание в свои копыта.

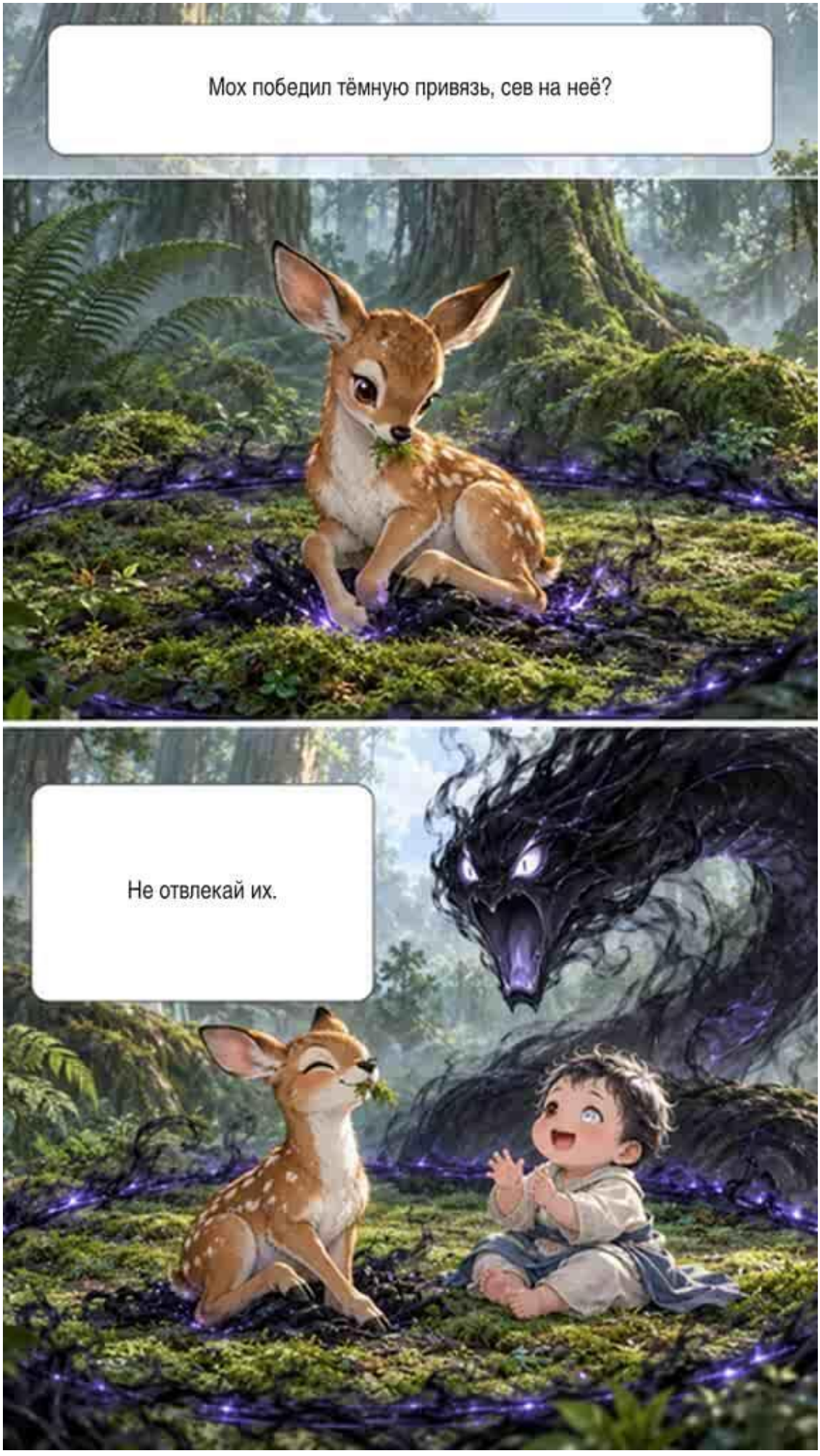

Прости. Он ещё маленький.
Этот смех был уже не над болью, а от радости.

Он слышит нас.
Но Змея тоже.
Довольно игр.

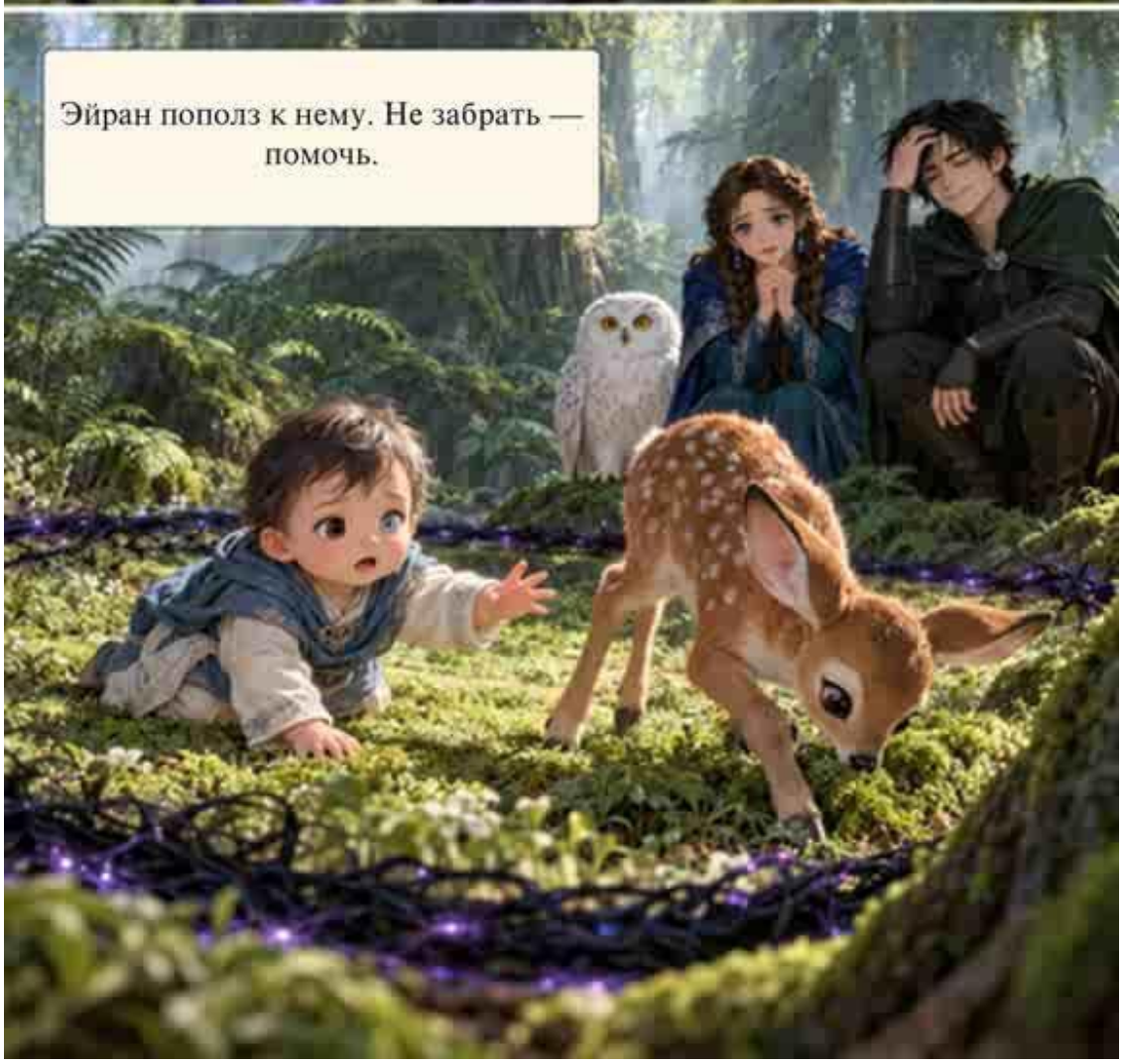

Если любишь — не отпускаешь.
Любимое не держат ниткой.
Если любишь — не сажаешь в клетку.

Мох решил подойти поближе.

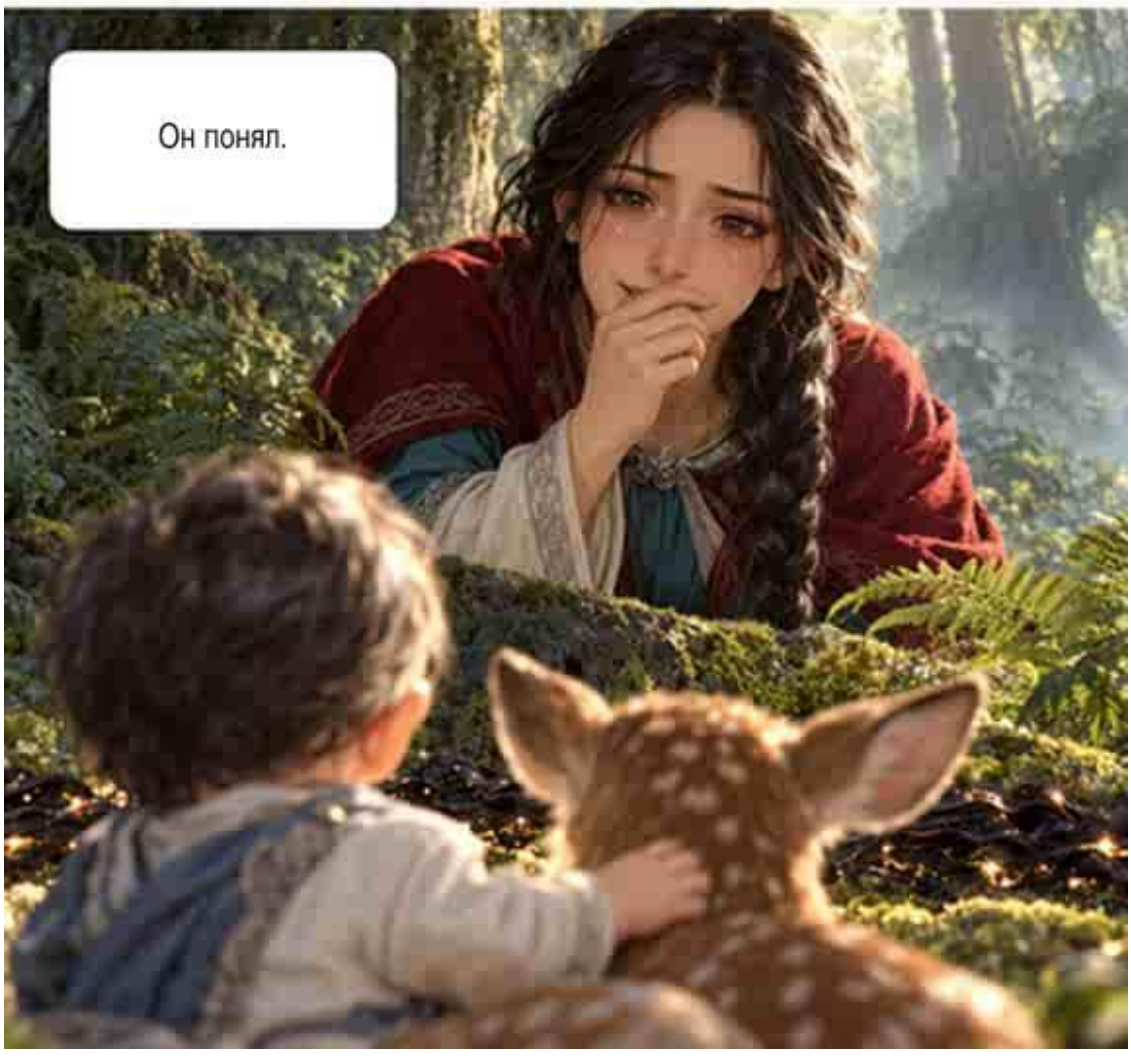

Тёмная привязь не учла его неловкости.

Мох победил тёмную привязь, сев на неё?
Не отвлекай их.

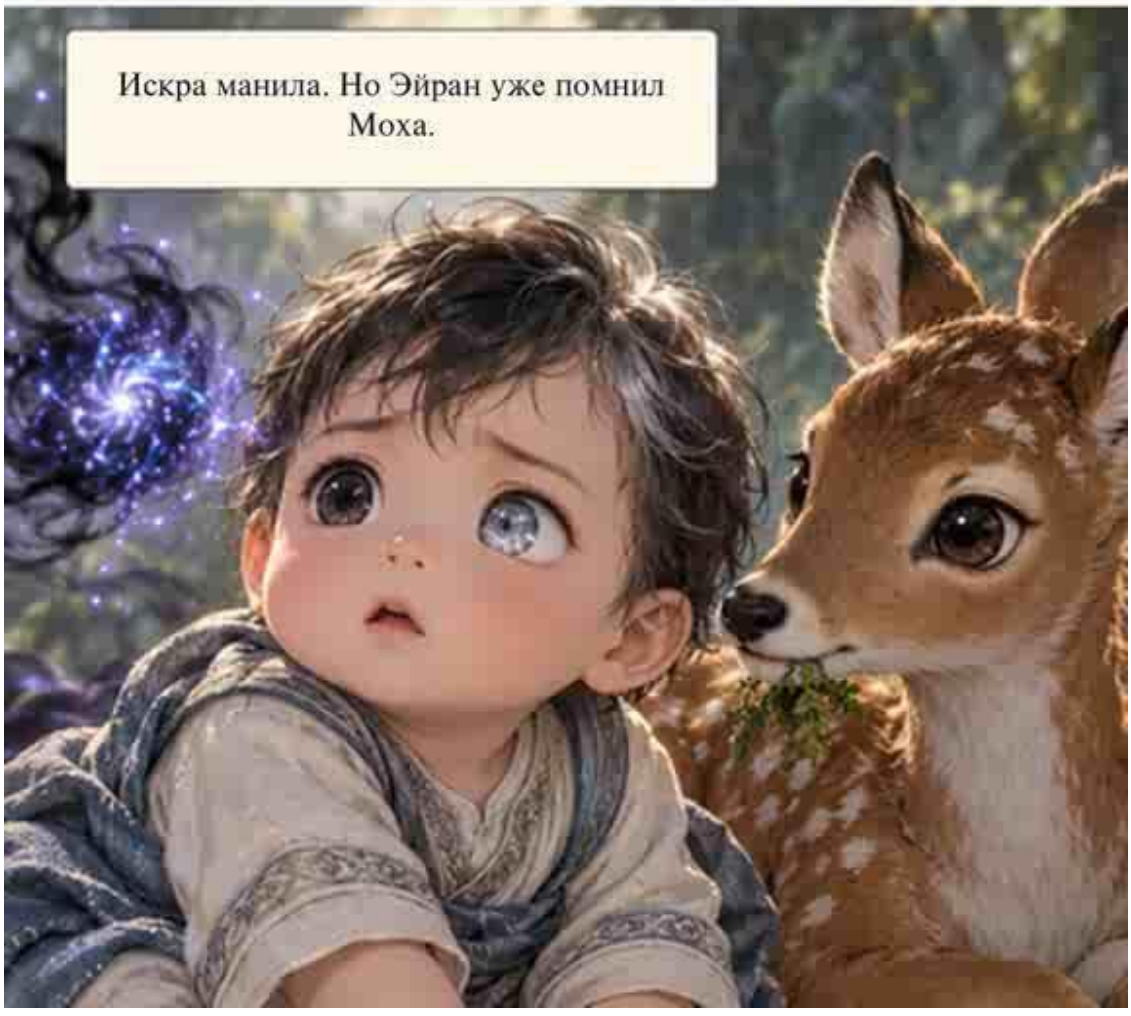

Второй урок.

Эйран пополз к нему. Не забрать — помочь.

Стыд пришёл как тишина после смеха.

Он понял.

Он устал. Новая искра — и он снова будет моим.

Искра манила. Но Эйран уже помнил Моха.

Не надо! Ты сгоришь.
Я уже был догорающими углями. Я не сгорю.

Тьма вернула ему память о детстве без ласки.
Па?
Да, сын. Я здесь.

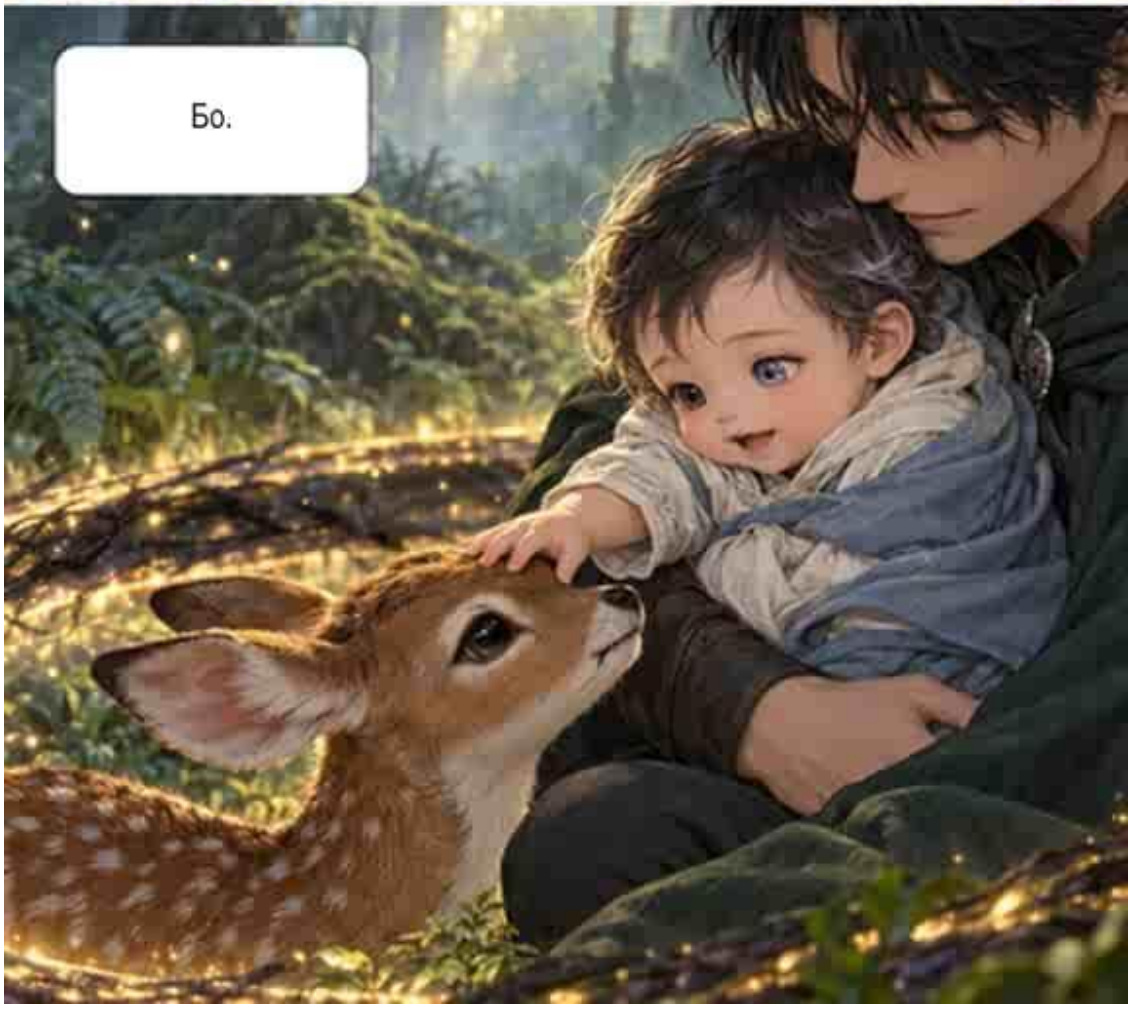

Он мог ответить тьме ударом. Но не ударил.

Я не возьму тебя силой. Позови меня, и я войду.

Он слаб! Ждёт разрешения у младенца!
Позови, родной. Скажи папе.

Па!
Круг раскрылся на толщину дыхания.

Его руки не стали цепями. Они стали домом.

Бо.

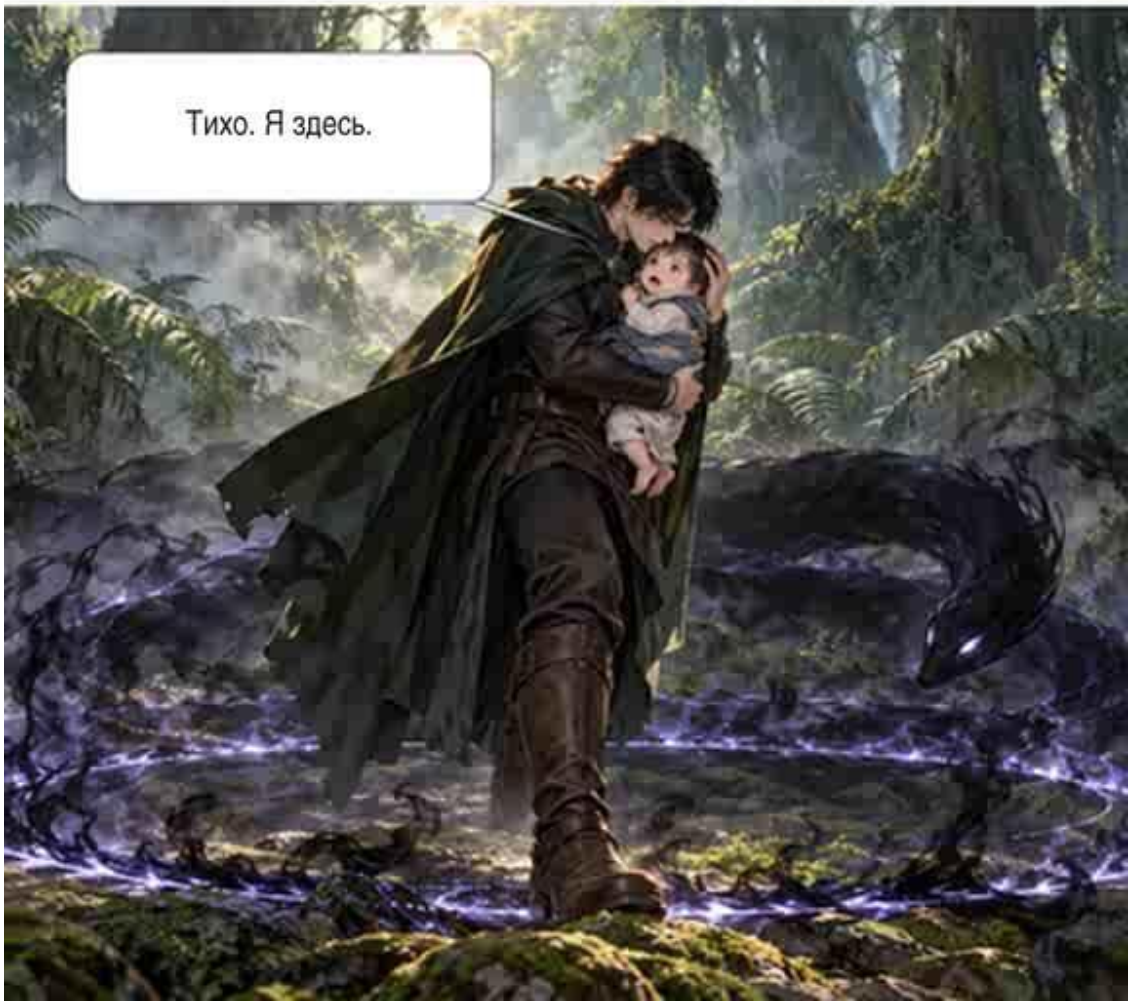

Ты просто вошёл в мой круг.
Саэр, не слушай его.

Ты всё ещё мой. На тебе лишь чужое тепло.

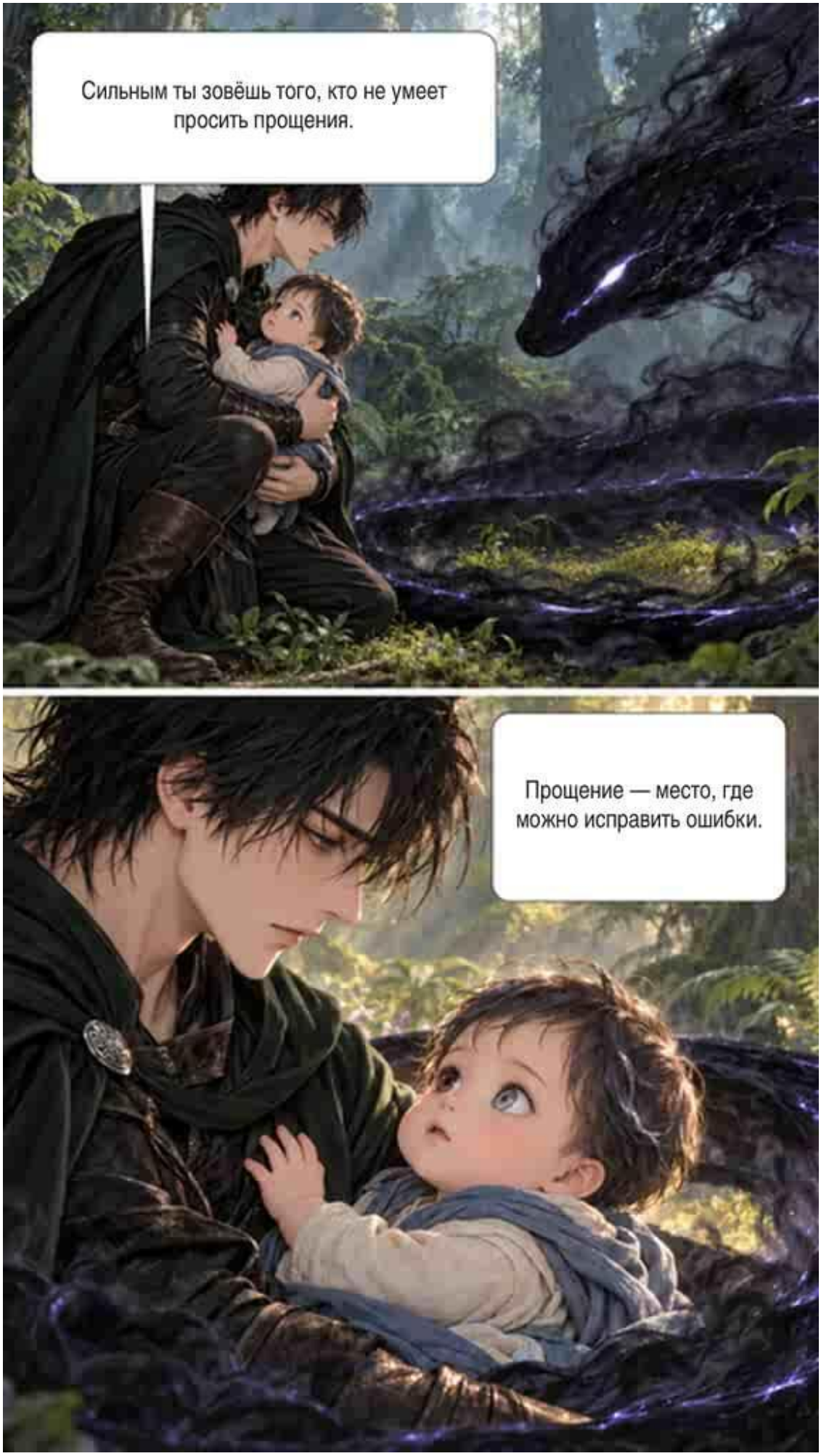

Я всё ещё слышу тебя. Иногда хочу, чтобы меня боялись.

И всё равно я выбираю не тебя.

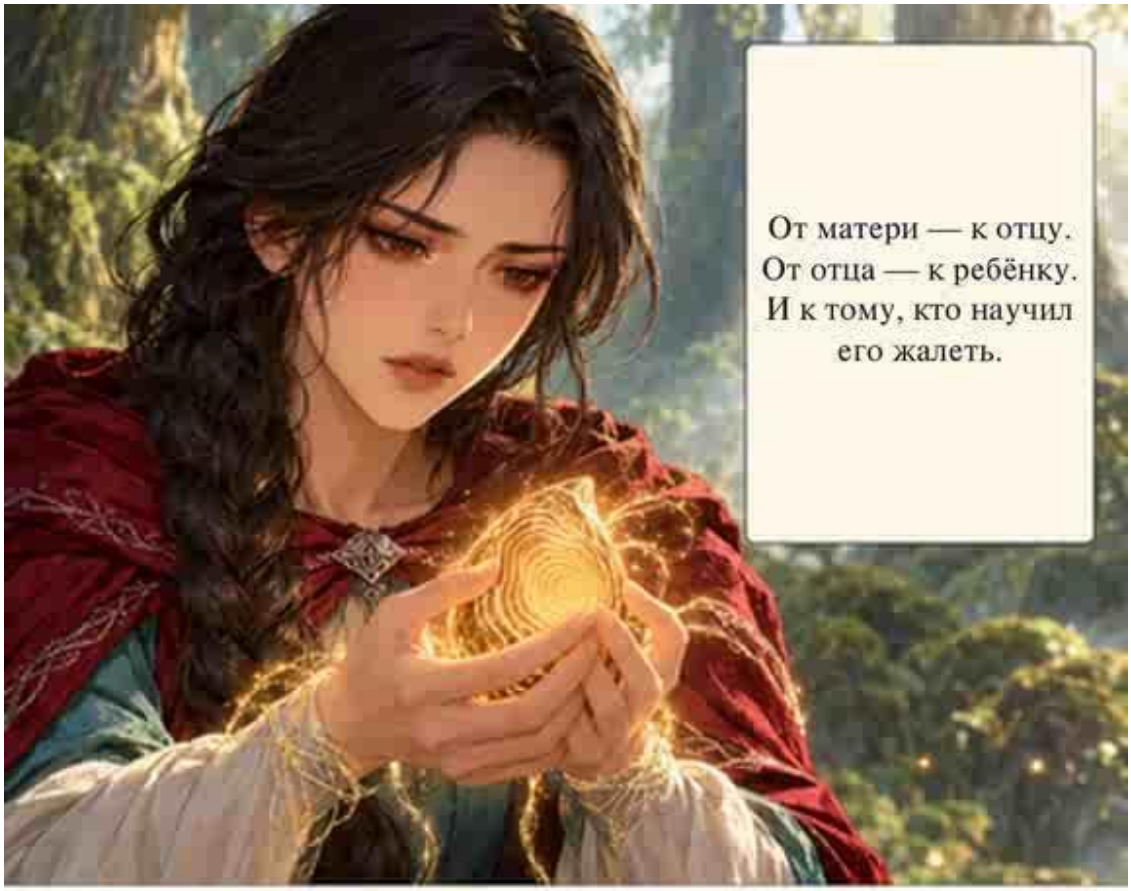

Тихо. Я здесь.

Змей ударил тем, что Саэр боялся потерять.

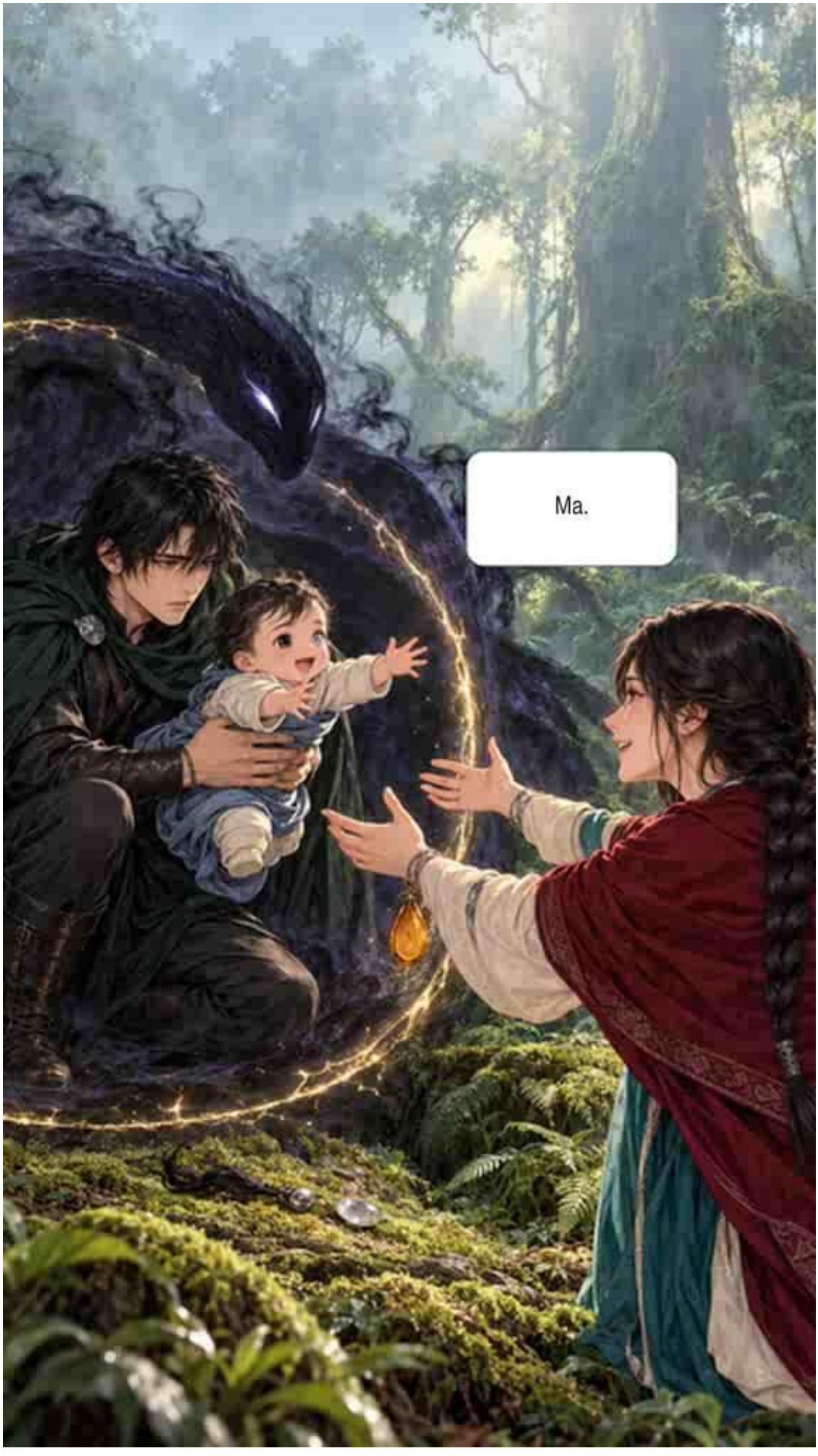

Отдай его. Я сделаю его сильным. Он не будет страдать.

Сильным ты зовёшь того, кто не умеет просить прощения.
Прощение — место, где можно исправить ошибки.

Я сделал много злого. Но каждый день выбираю не возвращаться туда.
Па.

От матери — к отцу.
От отца — к ребёнку.
И к тому, кто научил его жалеть.

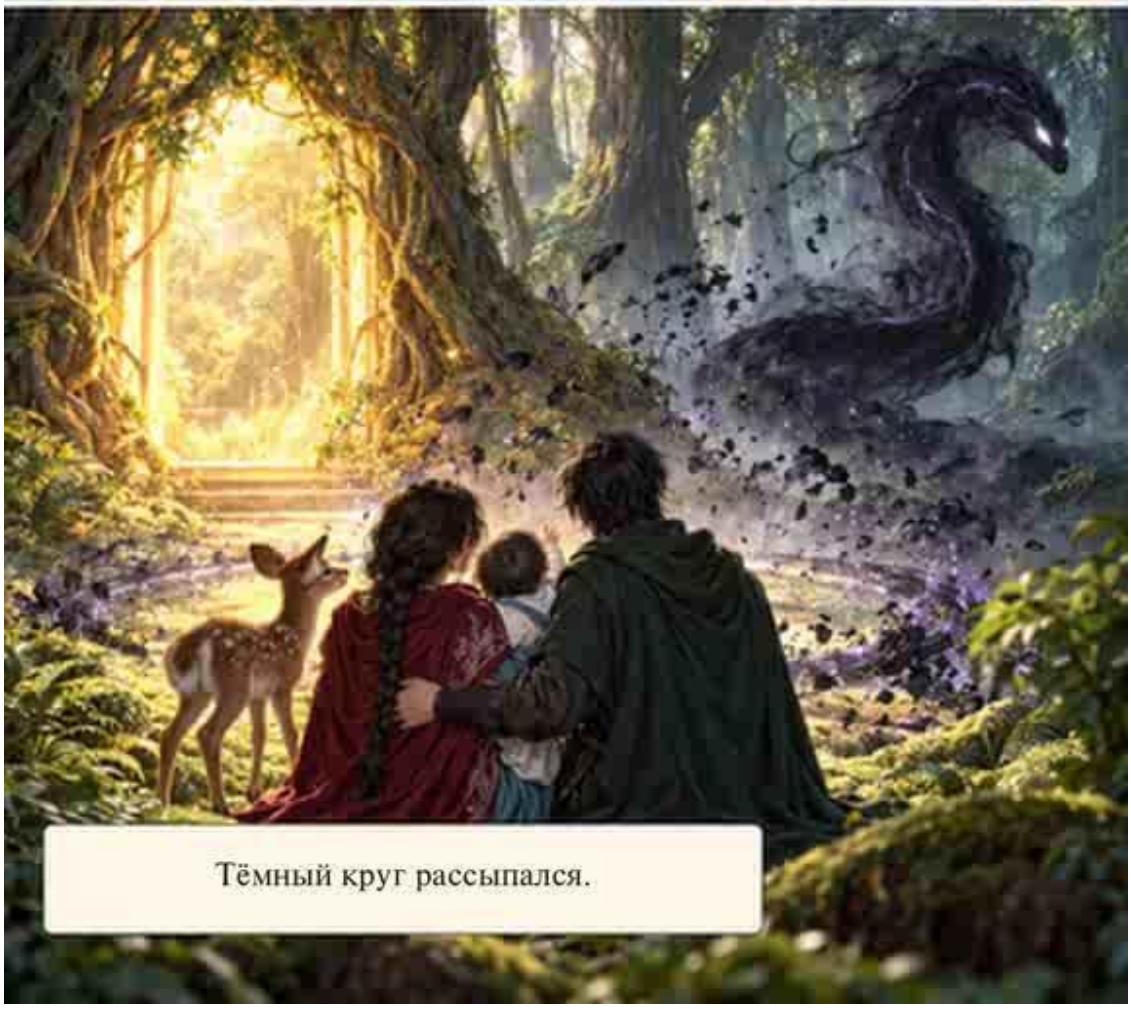

Он не уйдёт!

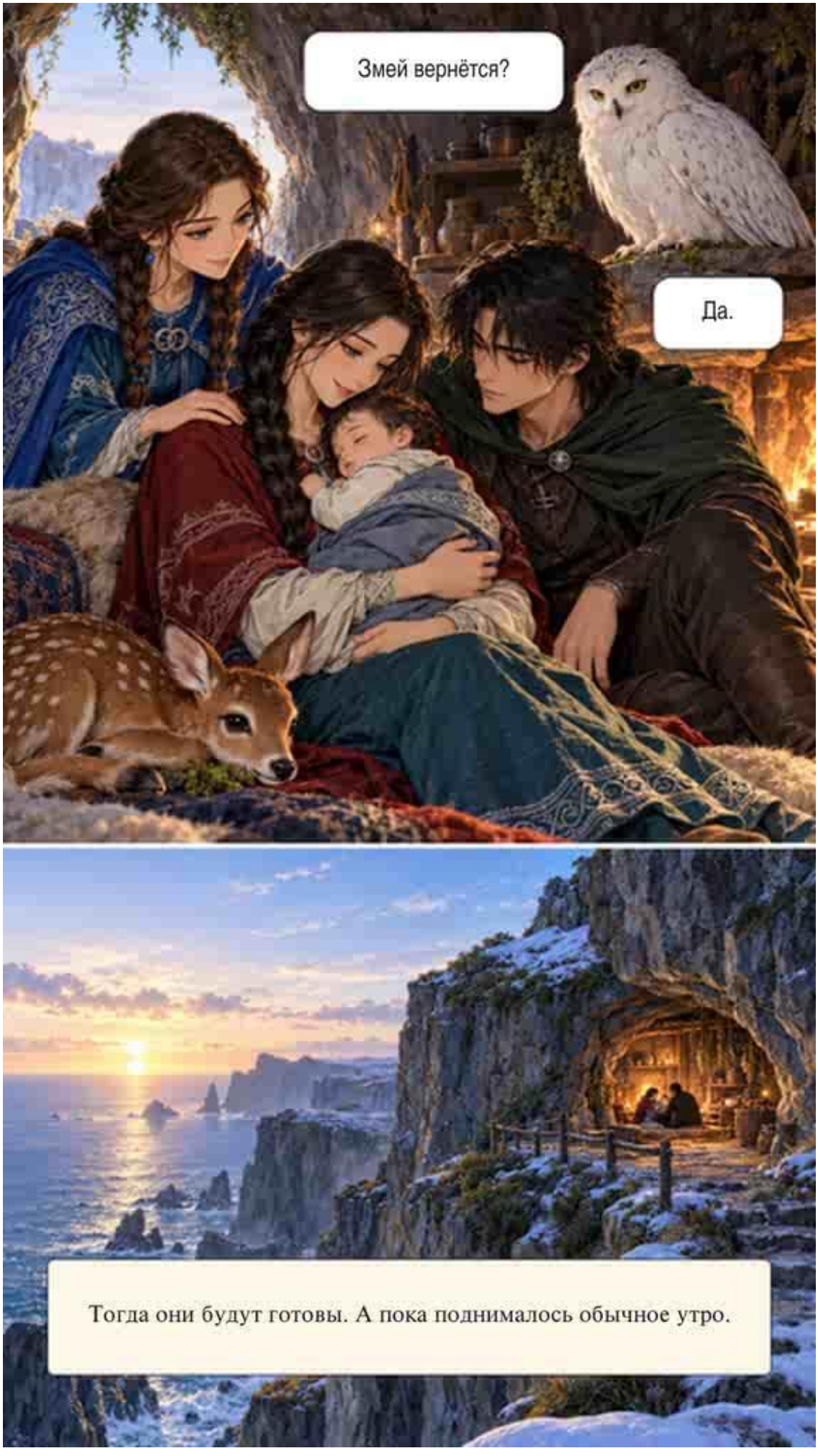

Ма.

Янтарные кольца приняли удар на себя.

Я здесь.

Мы возвращаемся домой.
Дом.

Тёмный круг рассыпался.

Змей вернётся?
Да.
Тогда они будут готовы. А пока поднималось обычное утро.

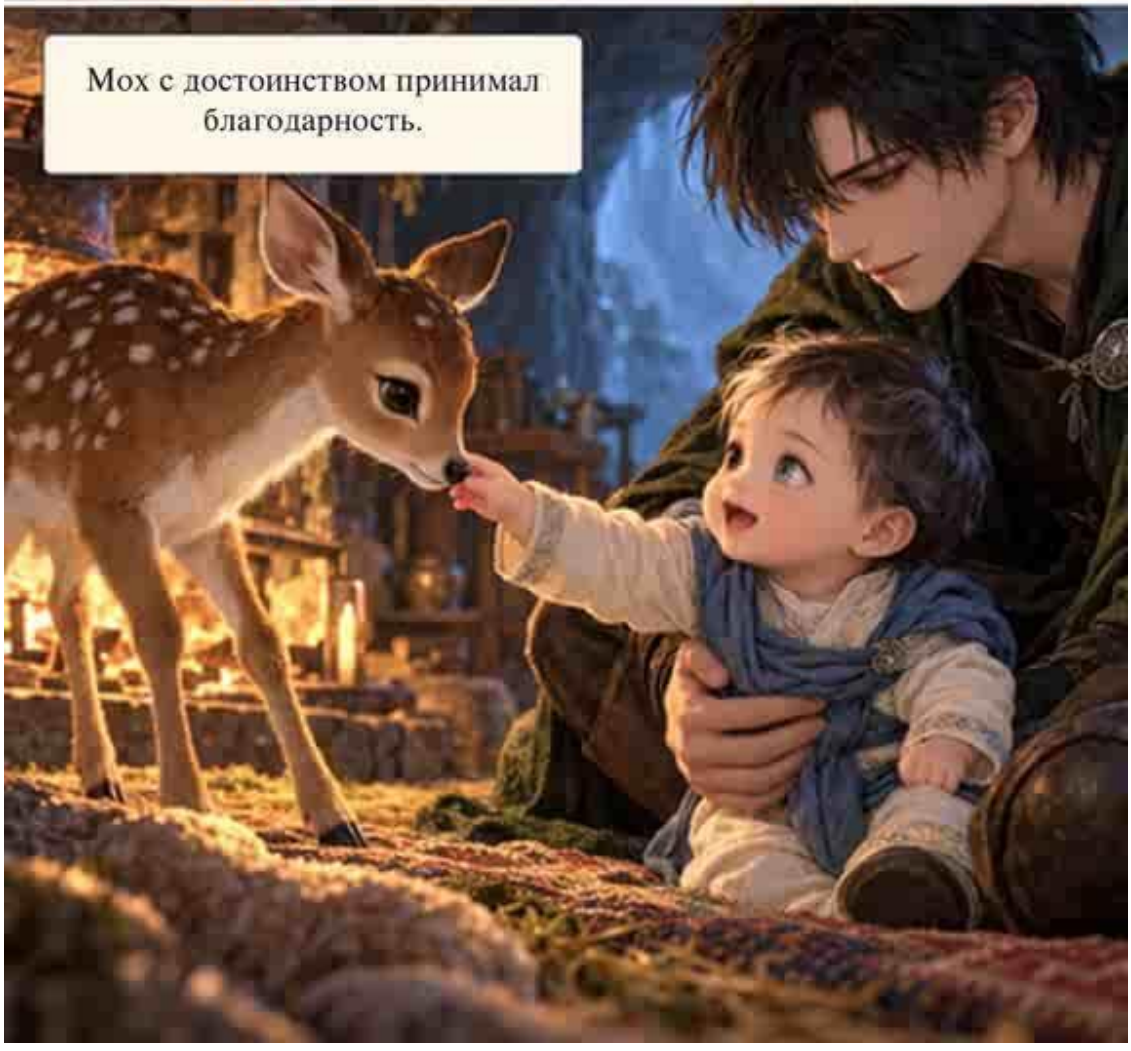

Ты не спал.

Я закрывал глаза.
Это не одно и то же.

Возьми. Он сам тебя зовёт.

Саэр осторожно принял сына.

Мо!

Мох с достоинством принимал благодарность.

Мф!
Это осталось...

Осталось не зло. Осталась возможность. Он познаёт мир.

Змей уже учил его.
Значит, мы будем учить иначе. Лучше.

Добро начинается с того, что ты не повторяешь ошибок.

Нити вспыхнули мягко. Логос заговорил:

Глава 199. Последний зов Логоса

Глава 199. Последний зов Логоса
Все наши миссии были только узлами?
Да.

Троя. Чужая боль стала общей.
Персия. Первая трещина в ненависти.
Константинополь. Спасённая память.

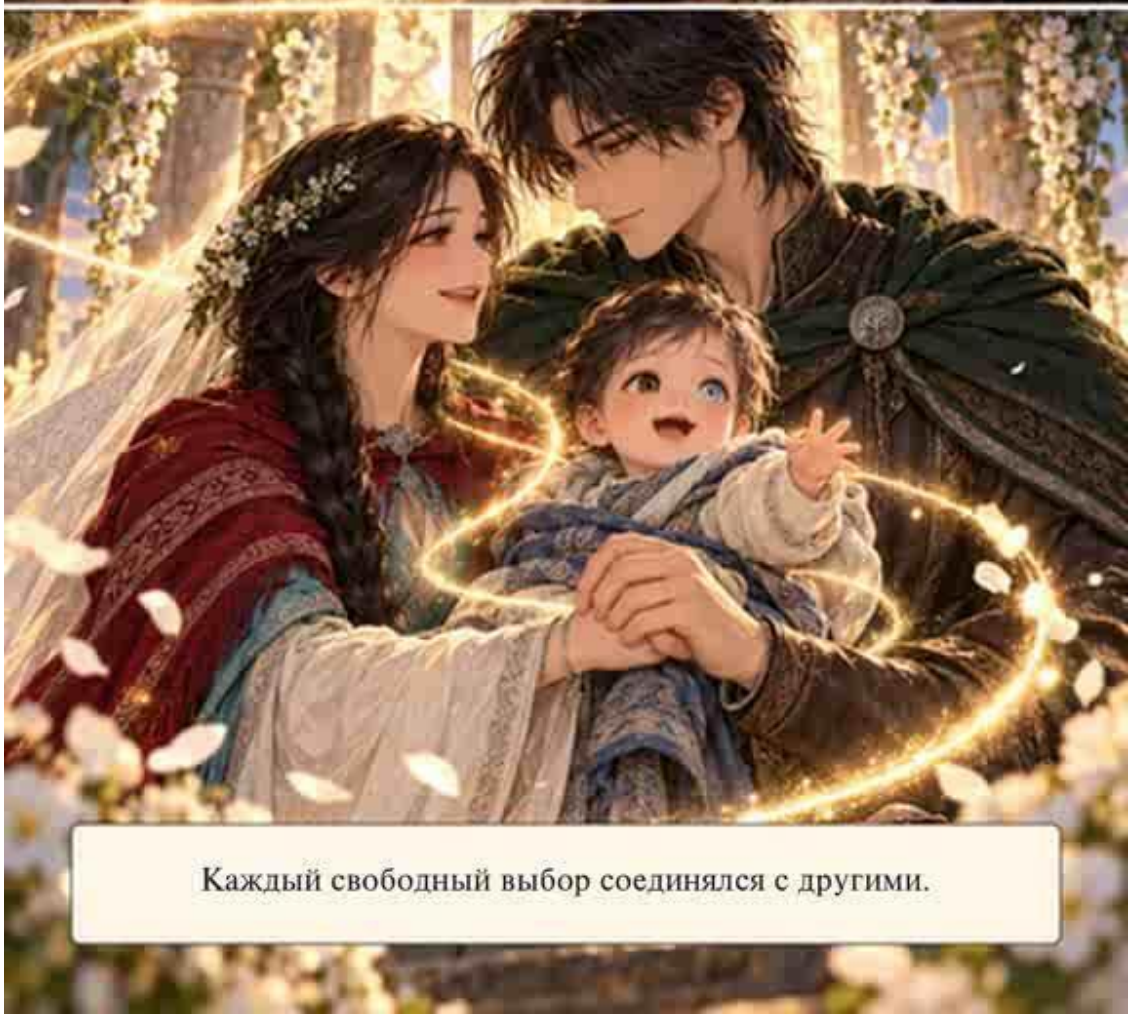

Угра. Страх отпустил свою хватку.

Таганрог. Власть уступила место человеческому выбору.

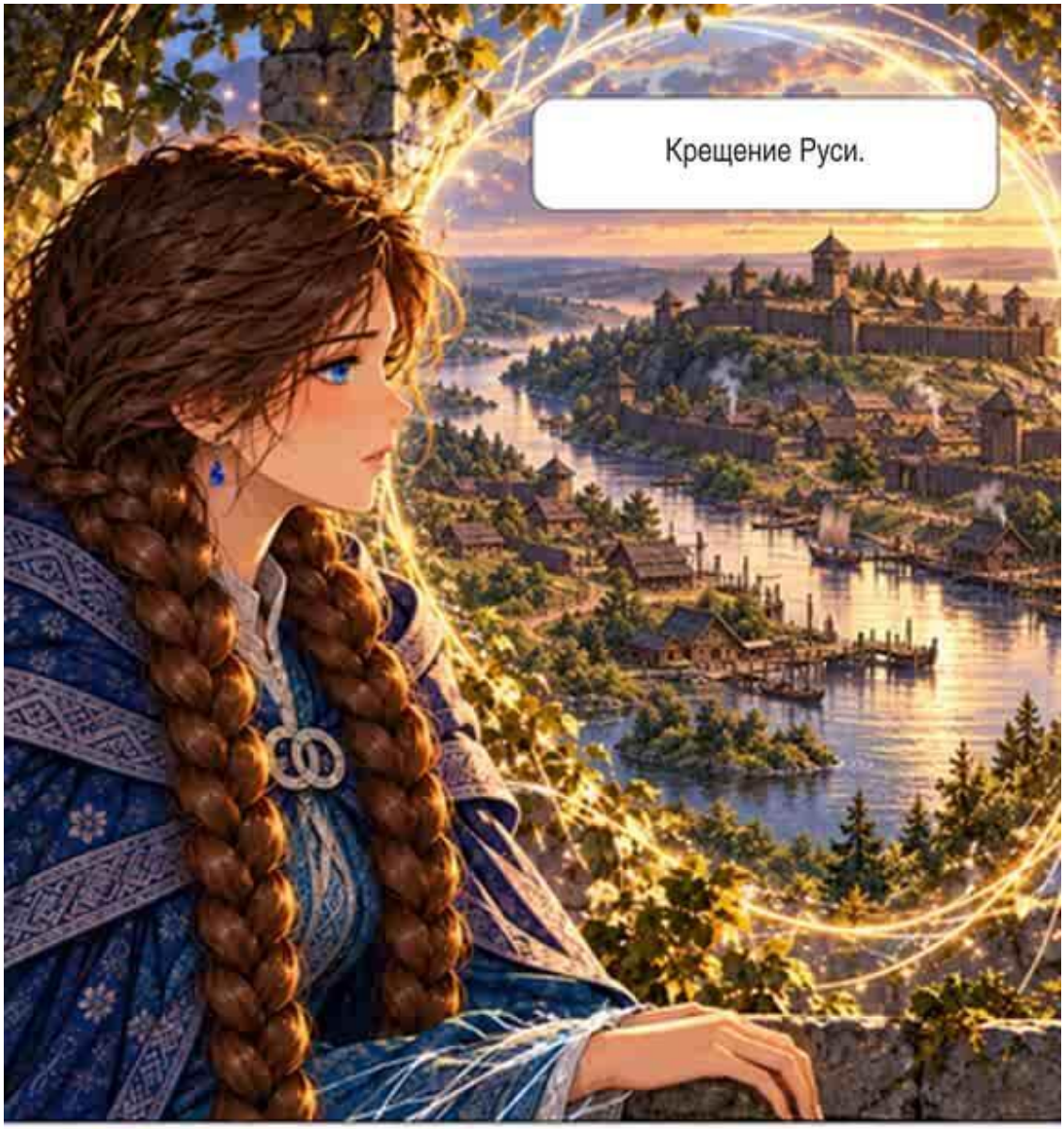

Древняя Земля. Спасённая жизнь обрела новый дом.

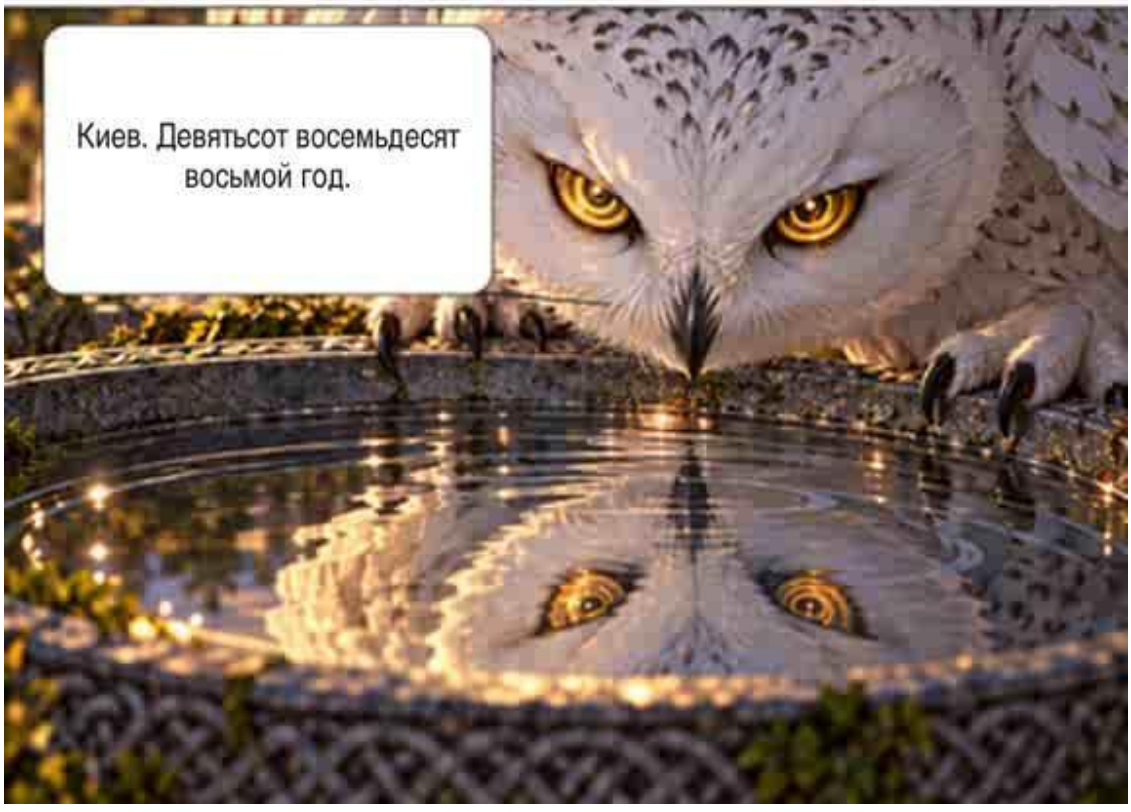

Камень, книга, спасённое имя…

Каждая история становилась точкой.

Каждый свободный выбор соединялся с другими.

Это галактика?
Это её память. То, как жизнь помнит сделанный выбор.

Крещение Руси.

Киев. Девятьсот восемьдесят восьмой год.

Твоя земля снова зовёт.
Не моя. Наша.

Змей придёт. Мы можем его уничтожить?
Нет. Но зло перестанет быть первым голосом.

А кто будет первым?
Вы. И те, кто выберет свет раньше страха.
Свет?

Мо свет.
Только не это… Мох — символ галактического света?
И смех возвращал надежду.

Глава 200. Днепр, который держал небо

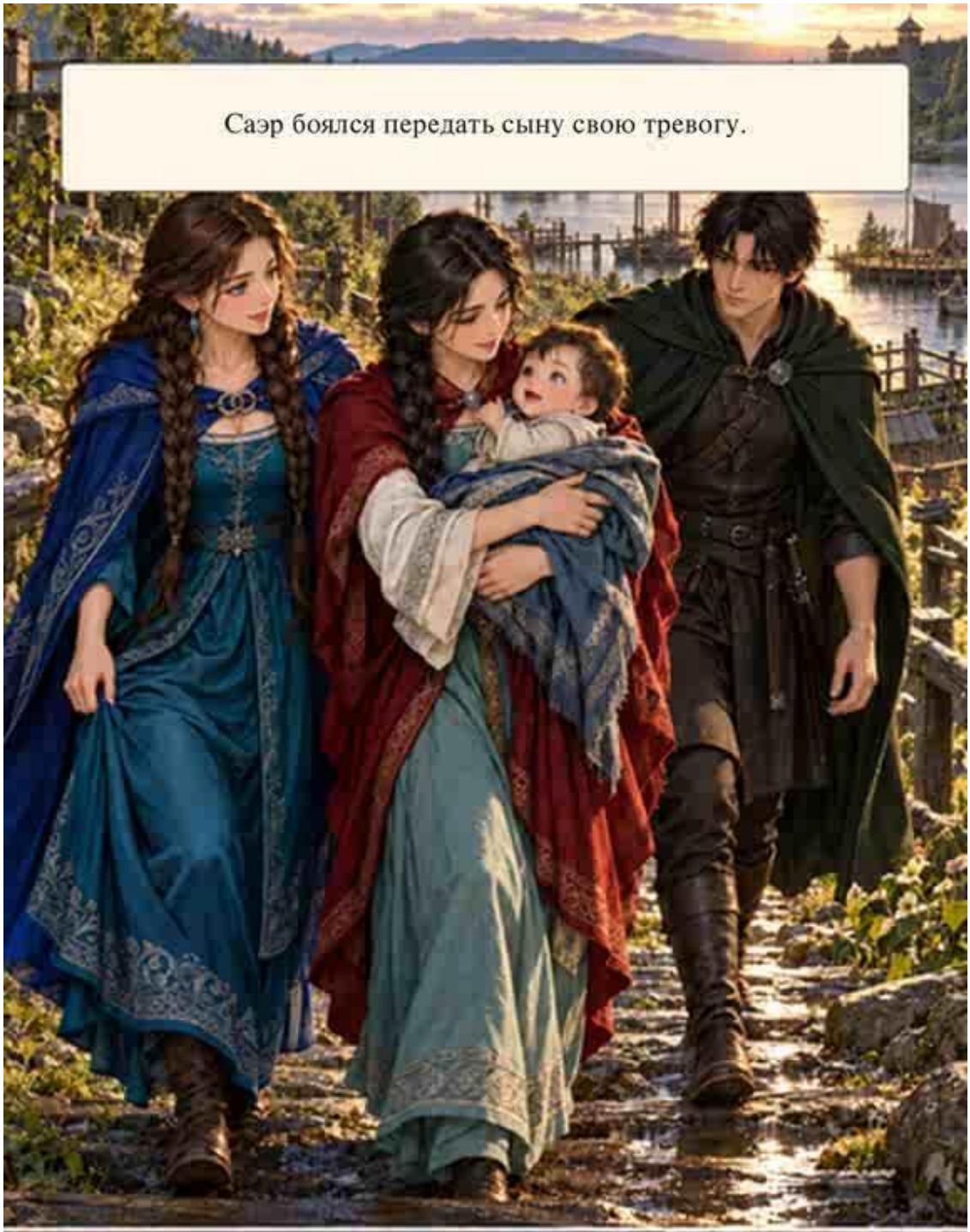

Глава 200. Днепр, который держал небо
Дым очагов. Влажная земля. Голоса живого города.

Здесь много страха.
Перед новой верой. Перед князем. Перед переменой.
И надежда.

Князя отсюда не было видно.
Его воля была повсюду.

Страх, надежда — и общая вера.

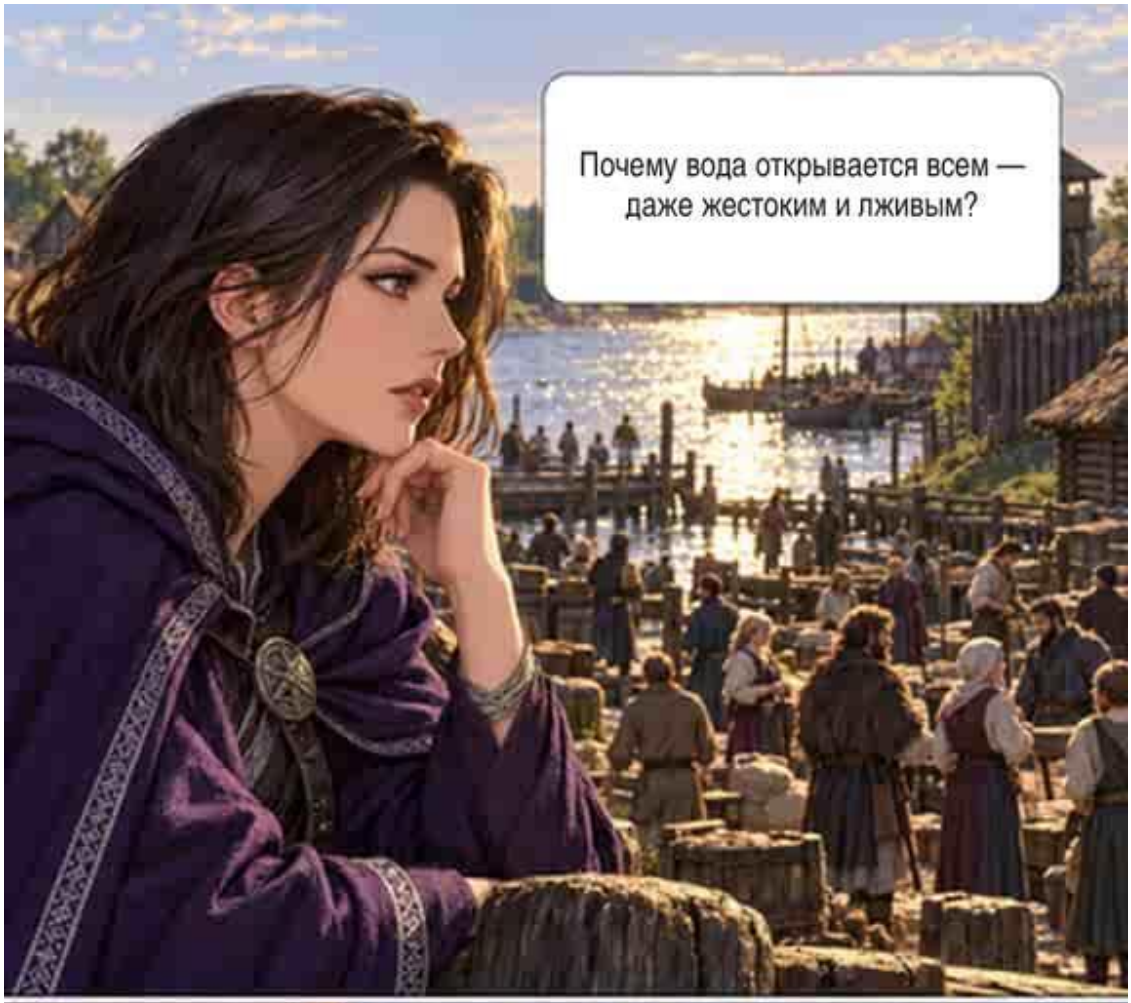

Саэр боялся передать сыну свою тревогу.

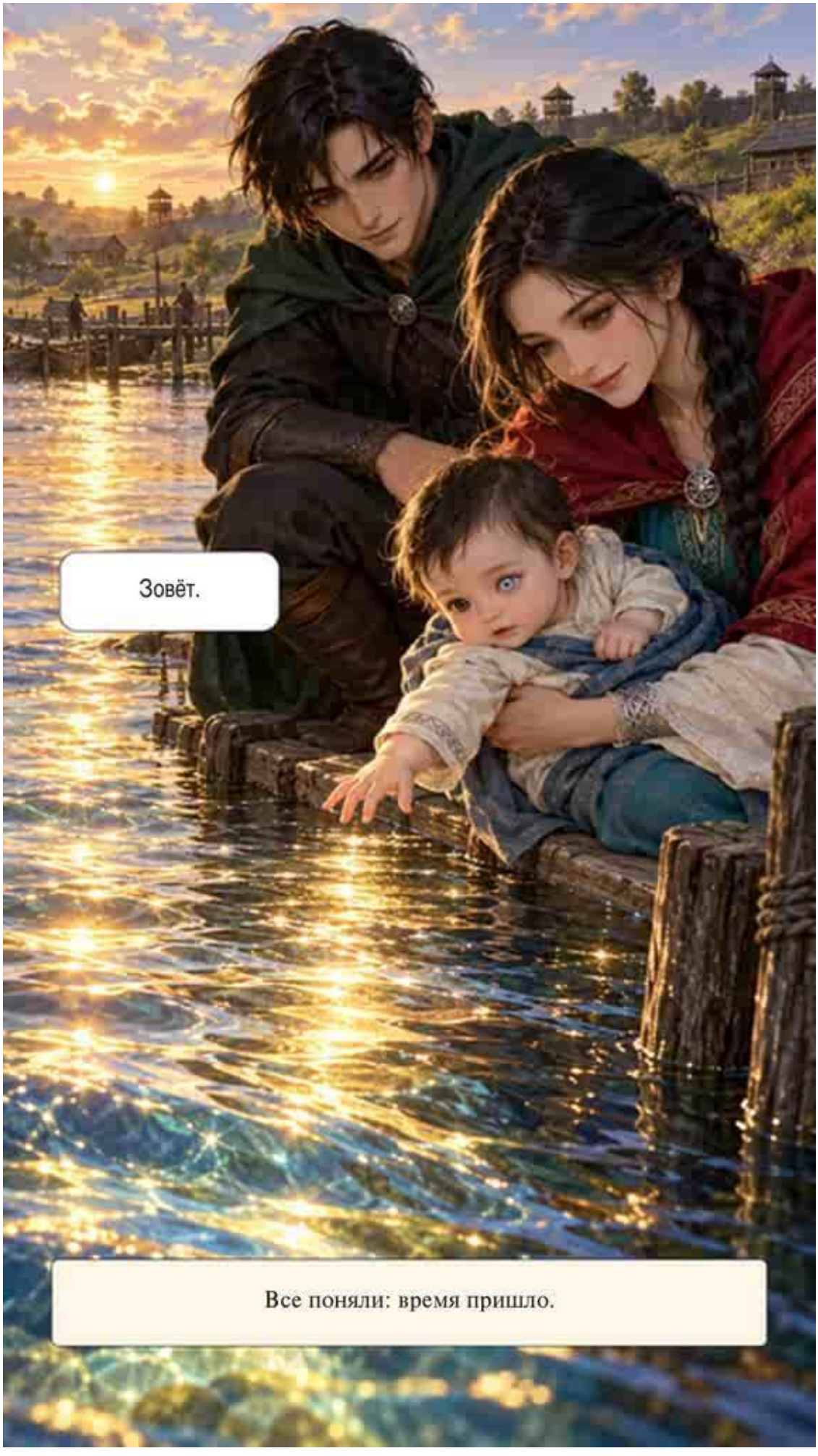

Тонкая нить на запястье Эйрана мягко вспыхнула.

Молодые смеялись от смущения. Старики осторожно искали опору.

Для людей Шаман оставался просто совой.

Почему вода открывается всем — даже жестоким и лживым?

Клятва света даётся не за безупречность. Ради возможности стать лучше.

Зовёт.
Все поняли: время пришло.

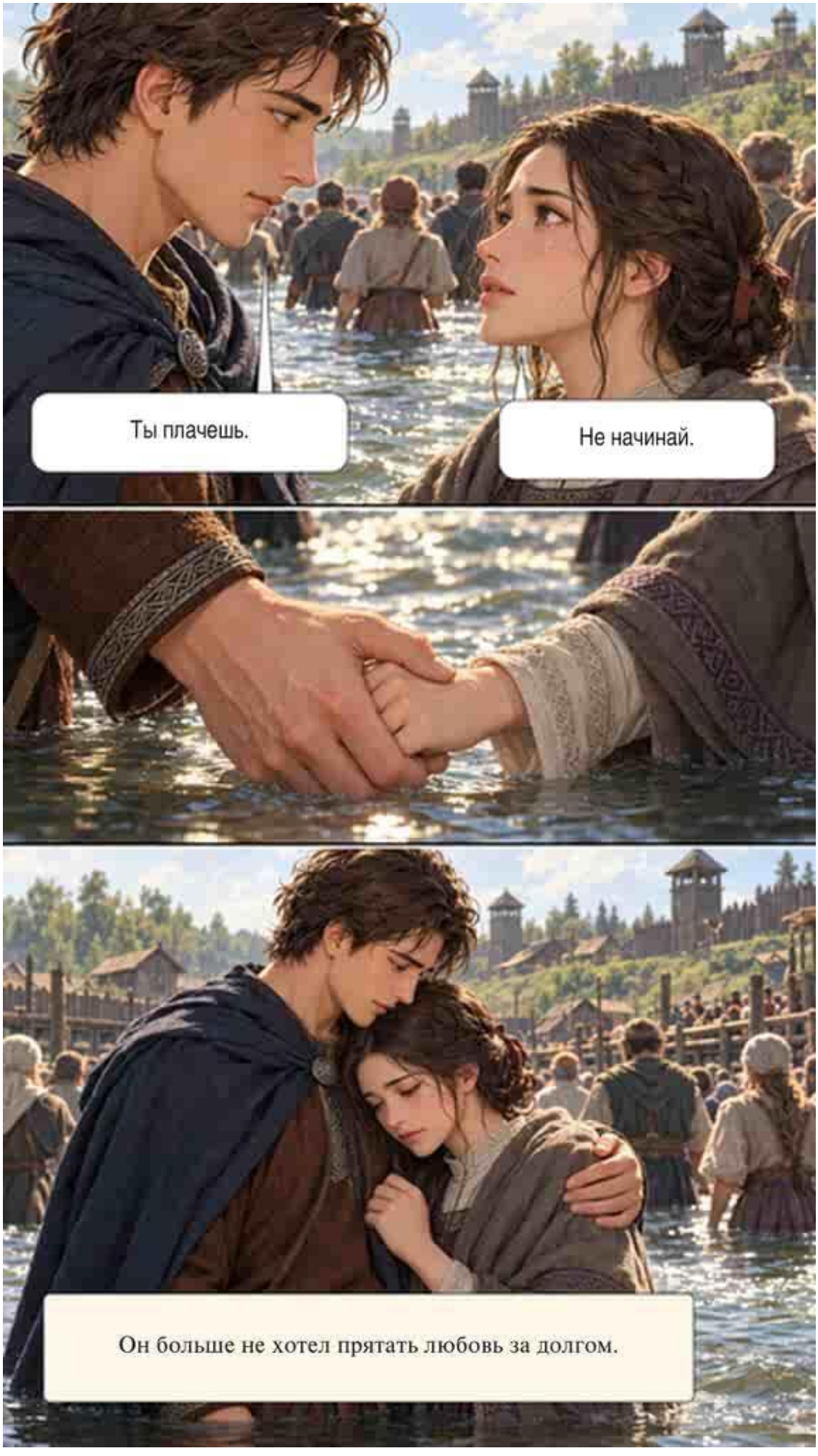
Глава 201. Люди входят в воду

Глава 201. Люди входят в воду
Братство стояло среди людей. Не выше и не в стороне — рядом.

Если добро требует поклона, оно уже хочет власти.
Настоящий свет приходит раньше тьмы.

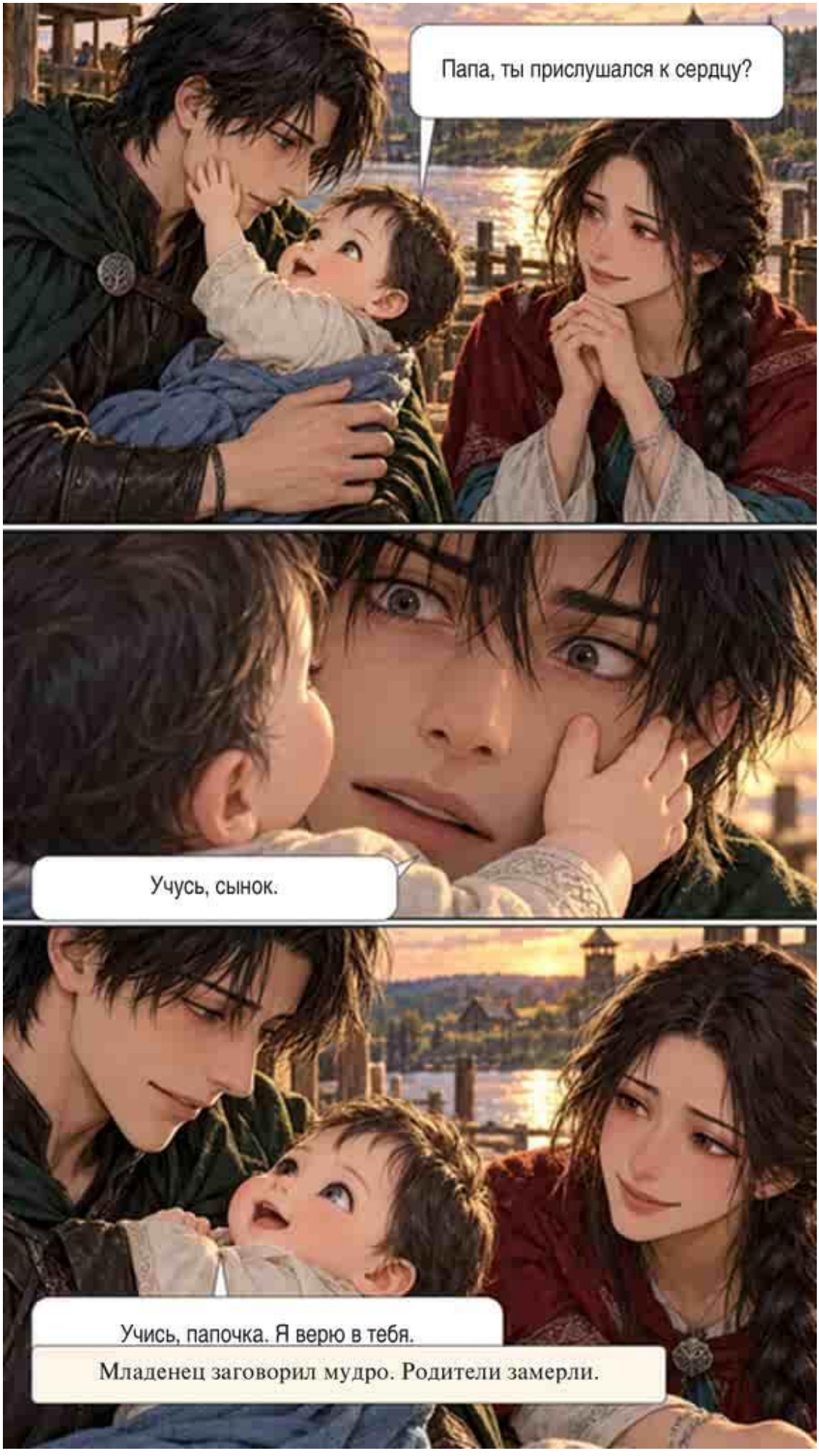

Они боятся.

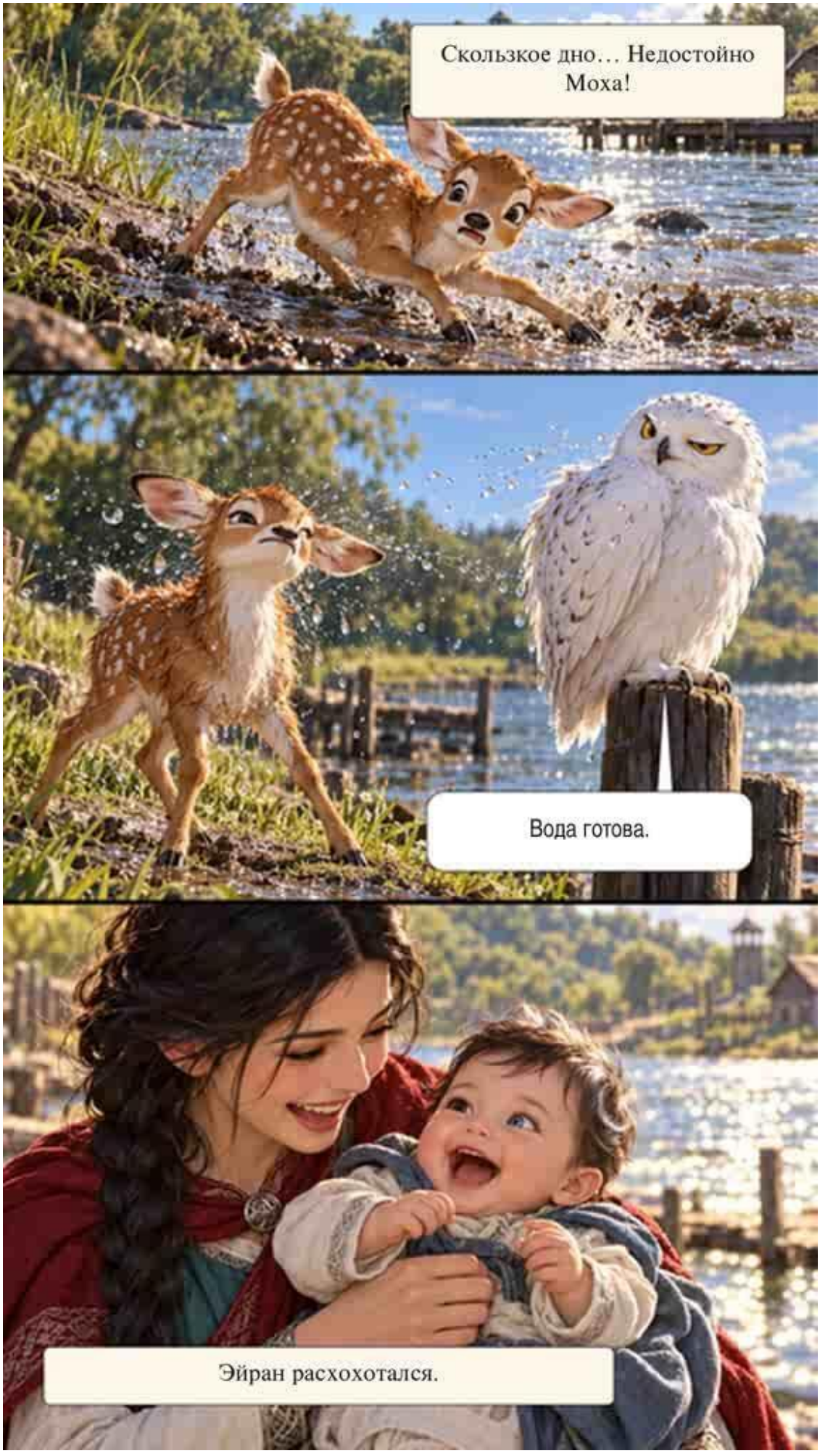

Вера — это глубже, чем надёжность. Это шаг в воду.

Ты плачешь.
Не начинай.
Он больше не хотел прятать любовь за долгом.

Там свет. И темнота.
В воде отражается всё, родной.
Всё можно взять?

Брать можно только то, что не причинит боль другому.
А если захочу?
Прислушайся к сердцу.

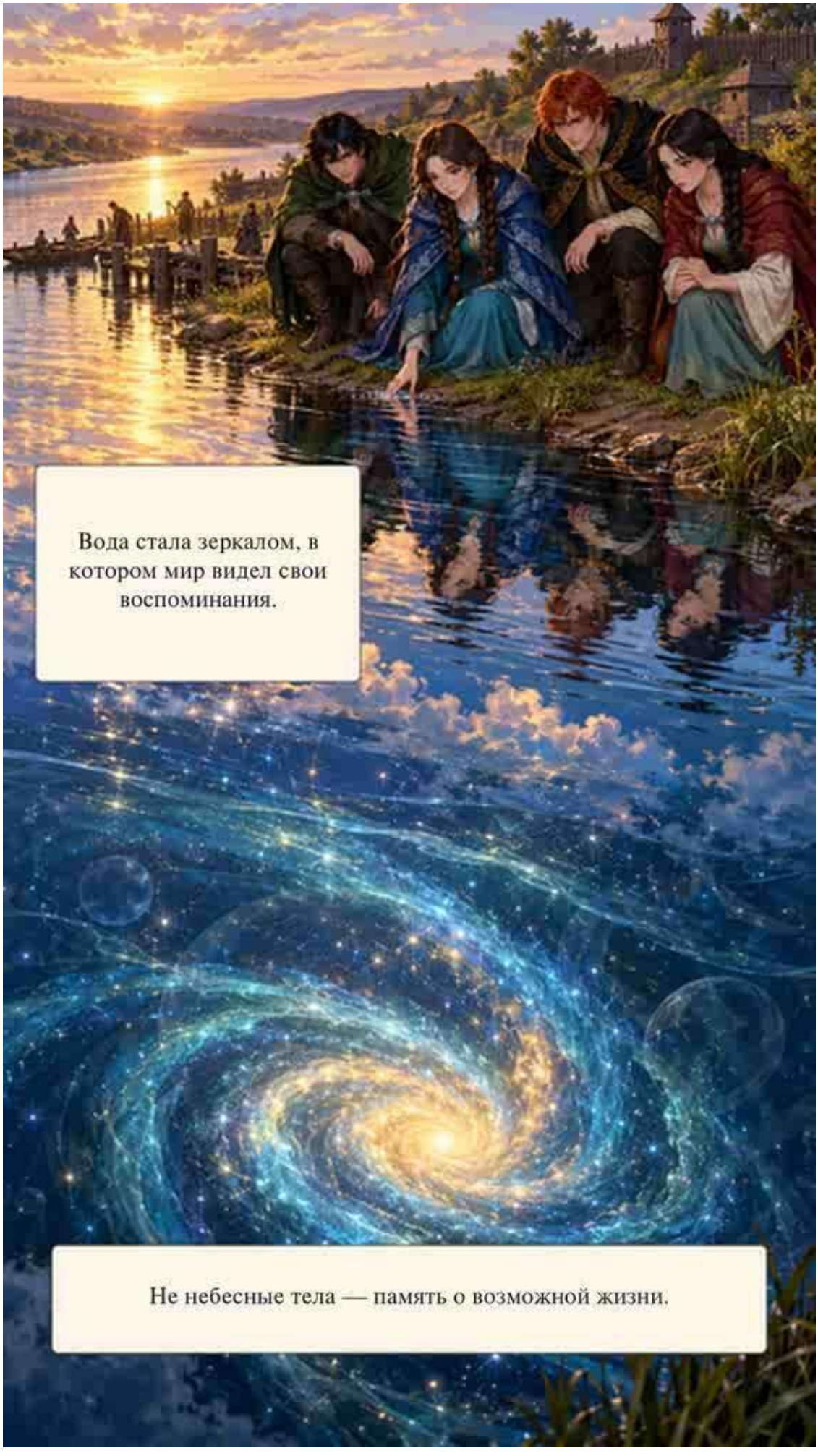

Папа, ты прислушался к сердцу?
Учусь, сынок.
Учись, папочка. Я верю в тебя.
Младенец заговорил мудро. Родители замерли.

Скользкое дно… Недостойно Моха!
Вода готова.
Эйран расхохотался.

Каждая маленькая жизнь была услышана.
Днепр перестал быть только рекой.

Глава 202. Небо, которого не бывает

Глава 202. Небо, которого не бывает
Планеты не сходят с орбит. Вы увидите их нити в памяти мира.

Вода стала зеркалом, в котором мир видел свои воспоминания.
Не небесные тела — память о возможной жизни.

Аурелия...
Спасённые дети древней Земли жили под двумя лунами.

Миры льда ждали первой ноты.

Миры огня ещё учились мягкости.

Даже в вечной ночи появлялась возможность.

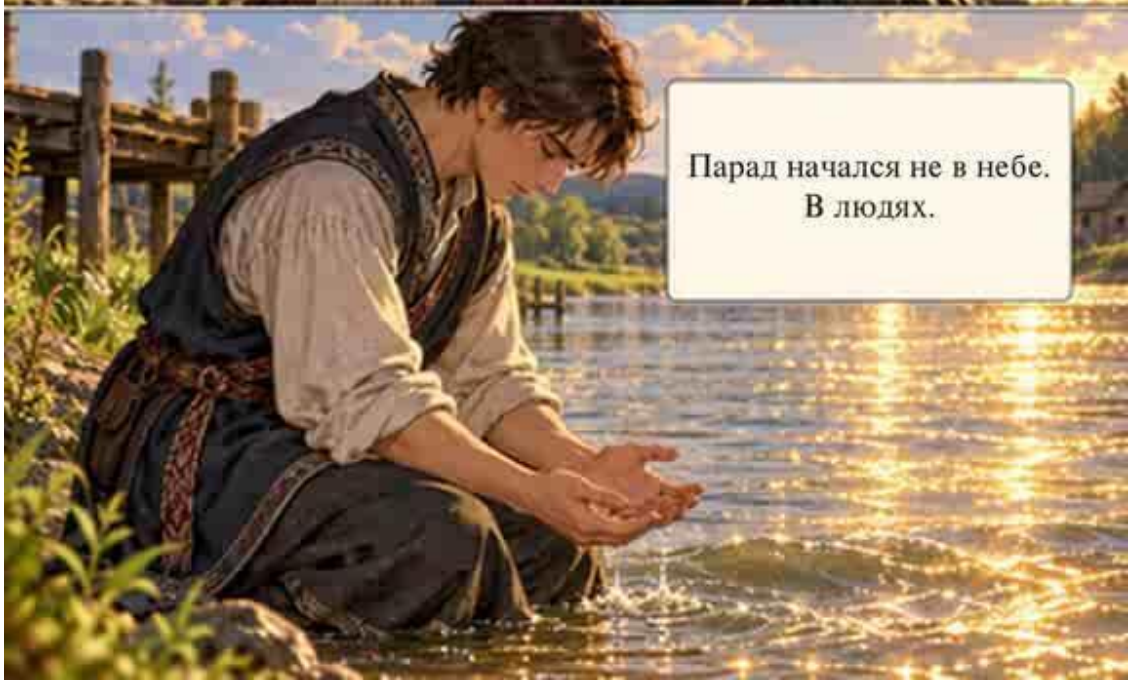

Их слишком много.
Добра тоже много для одного сердца. Поэтому им нужно делиться.
Чужой мир. Тот же выбор.

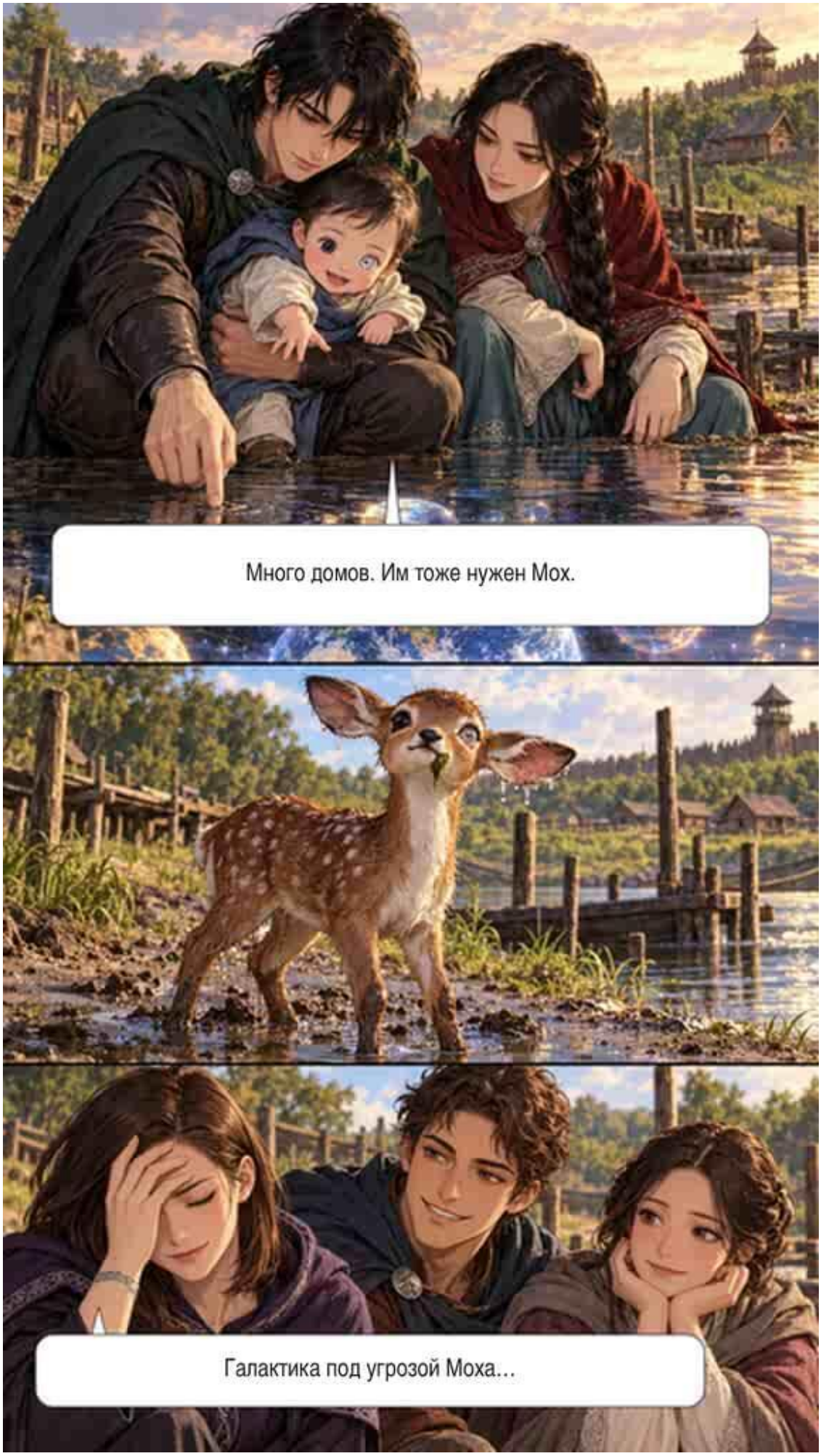

Мы спасаем не только Землю?
Свет, однажды собранный, не принадлежит одной земле.

Мать не управляет ребёнком, когда он выходит за порог.
Она надеется, что свет найдёт его раньше тьмы.

Они видели лишь сияние на воде.

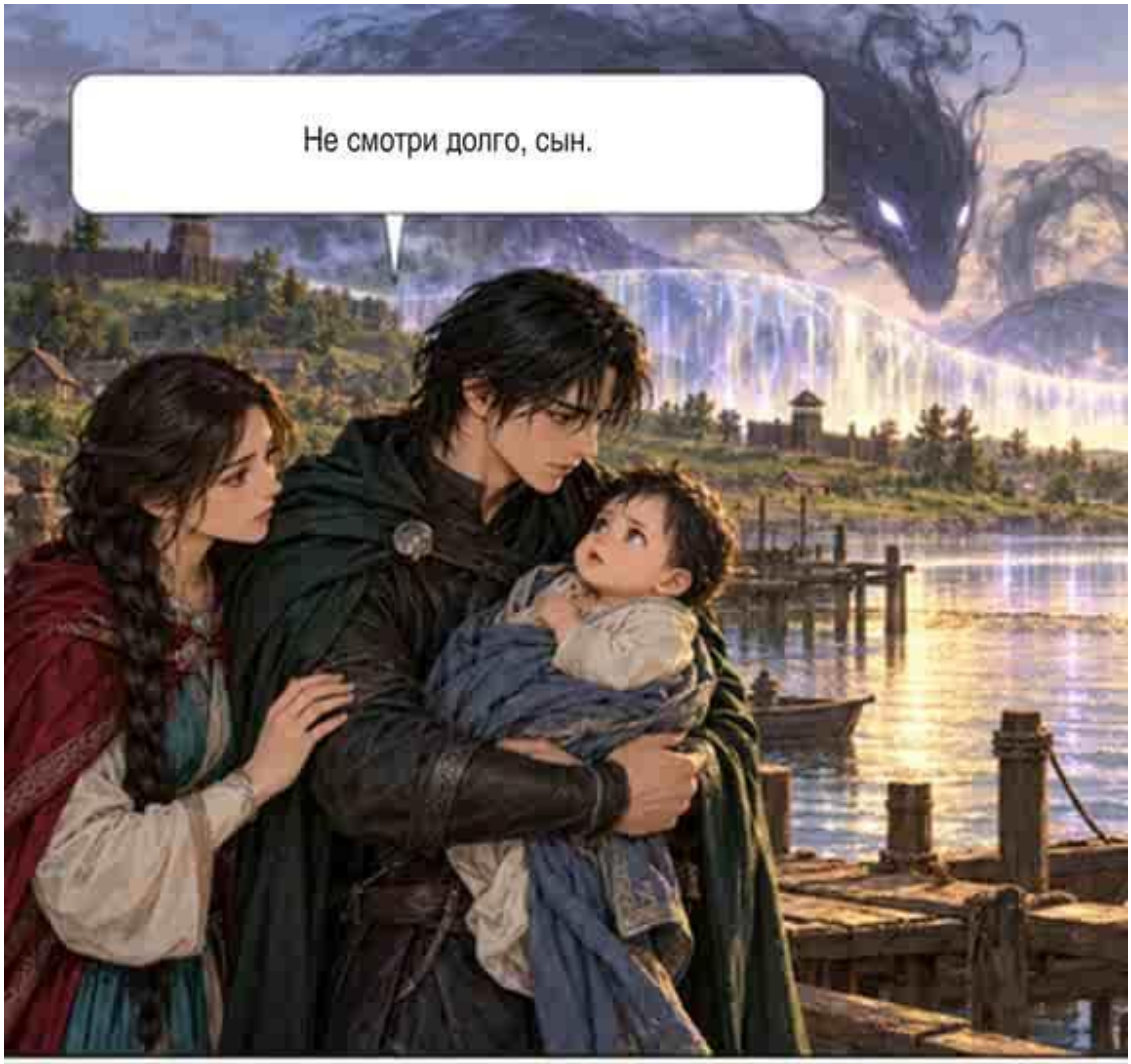

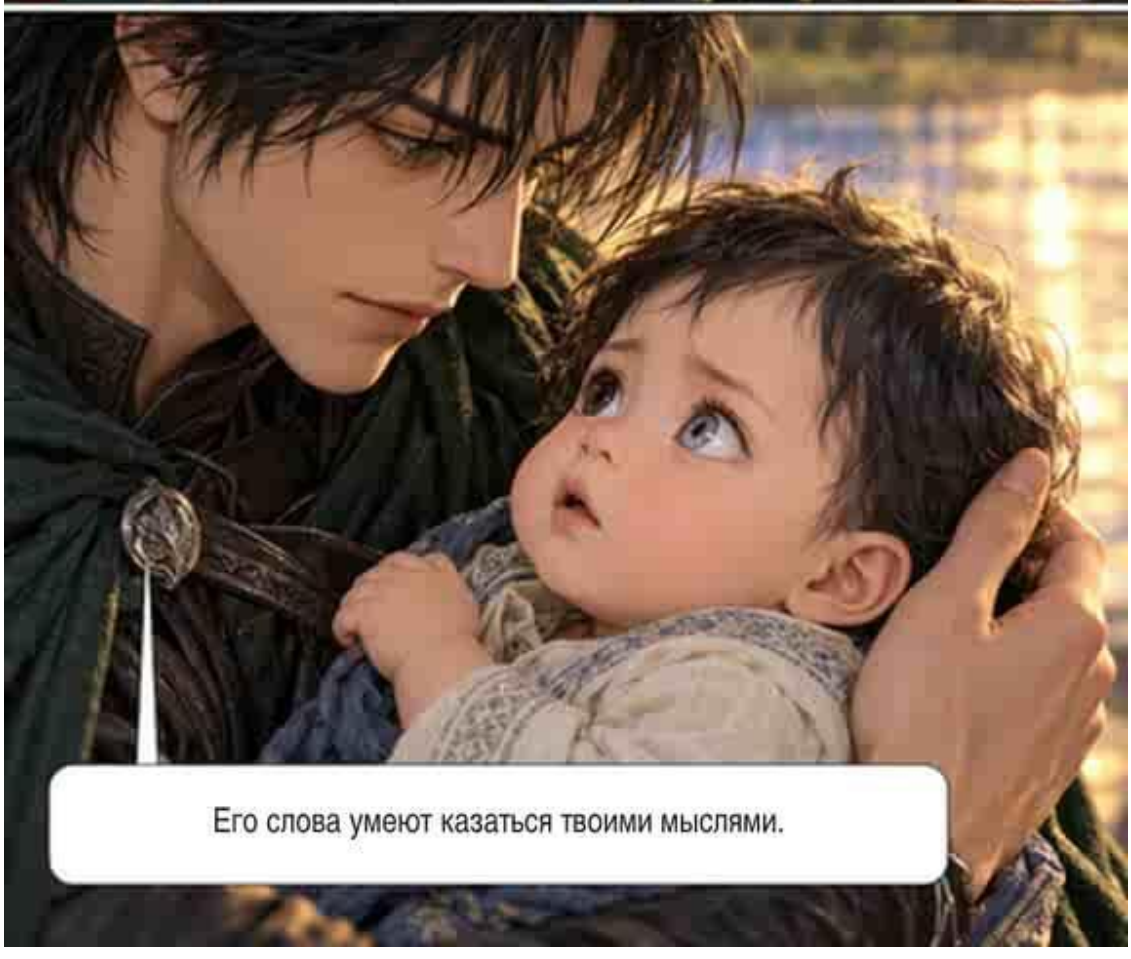

Парад начался не в небе.
В людях.

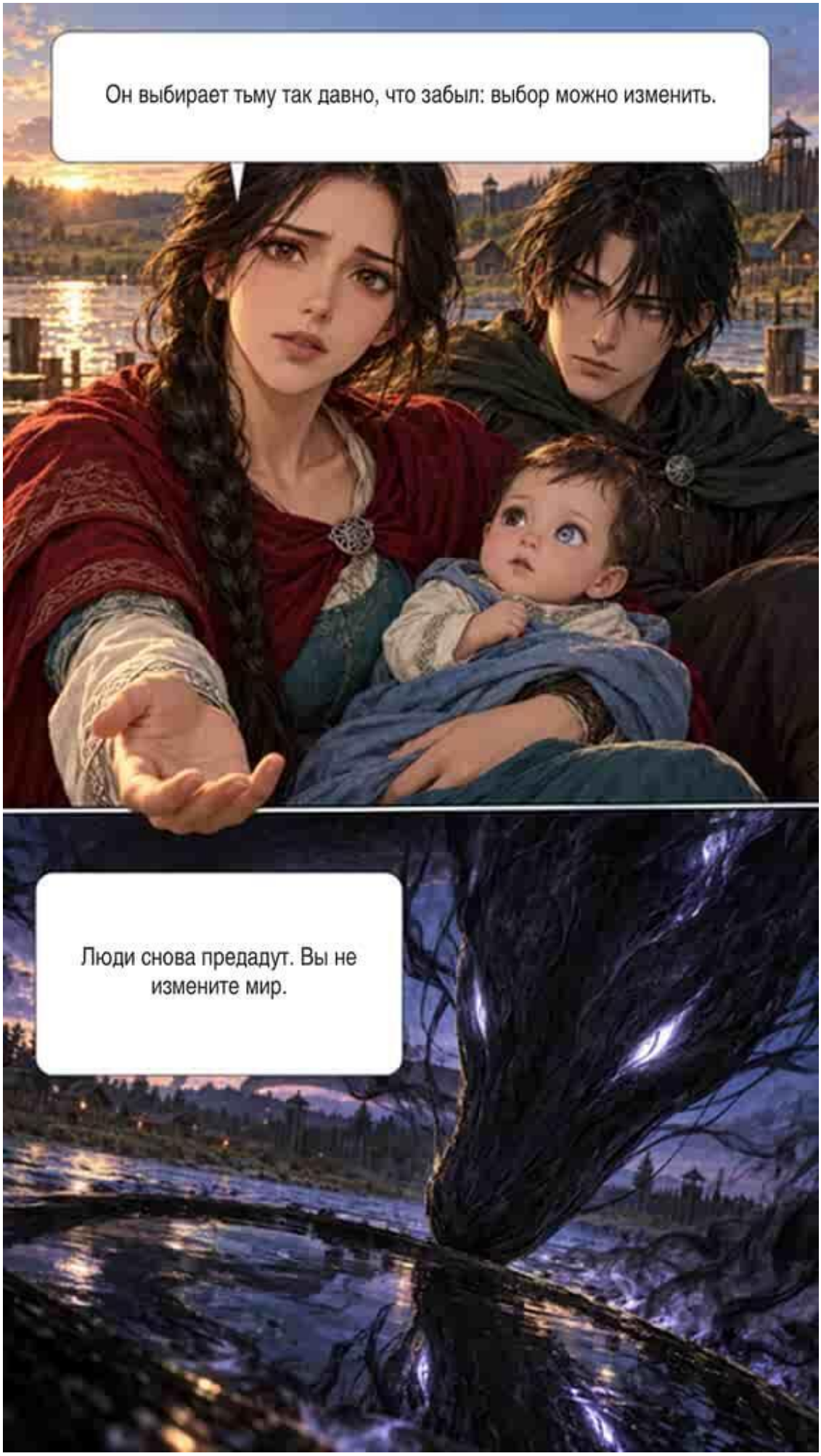

Много домов. Им тоже нужен Мох.
Галактика под угрозой Моха...

Глава 203. Змей опоздал

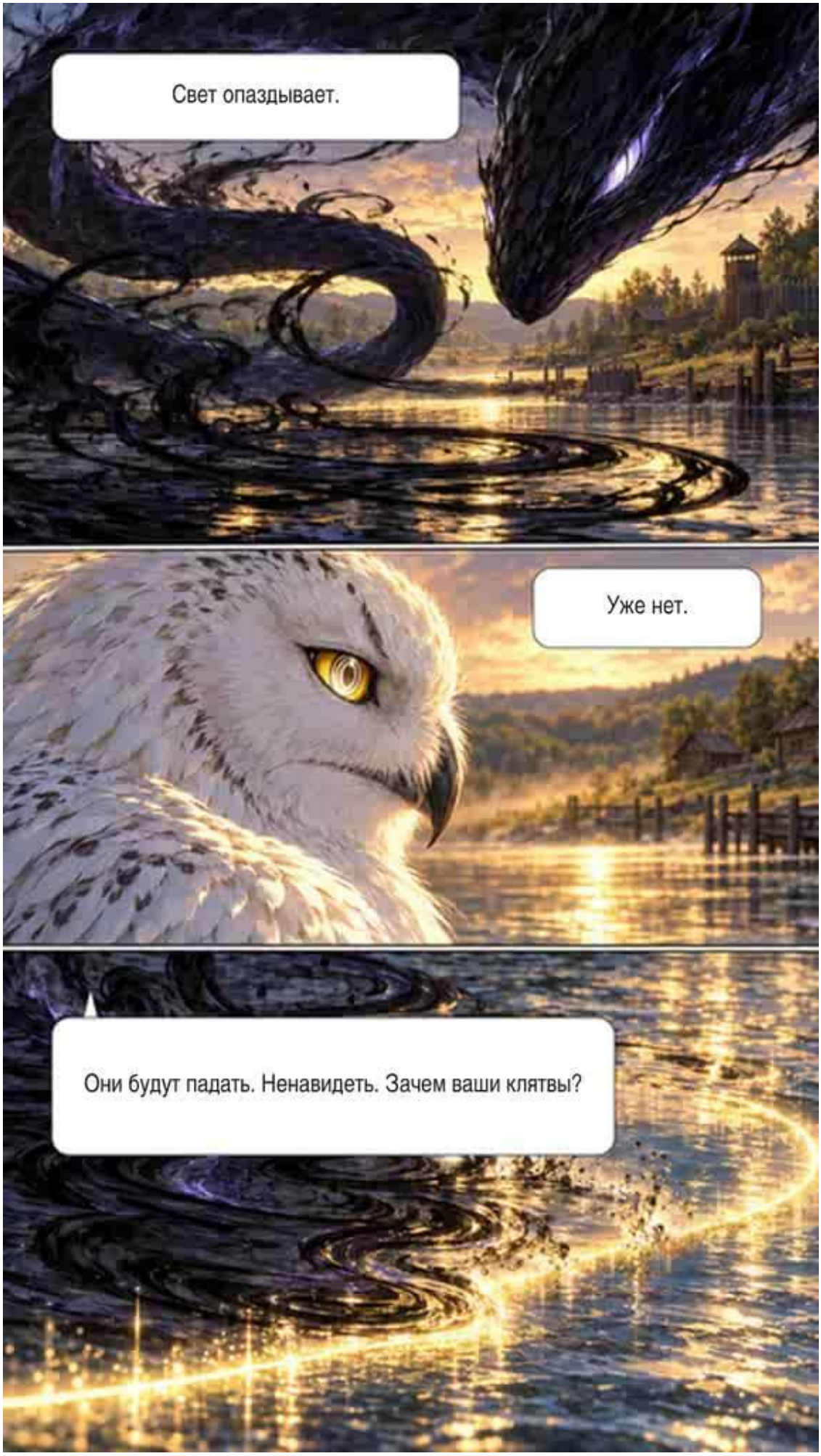

Глава 203. Змей опоздал
Свет уже был здесь. Змей не смог войти в воду.

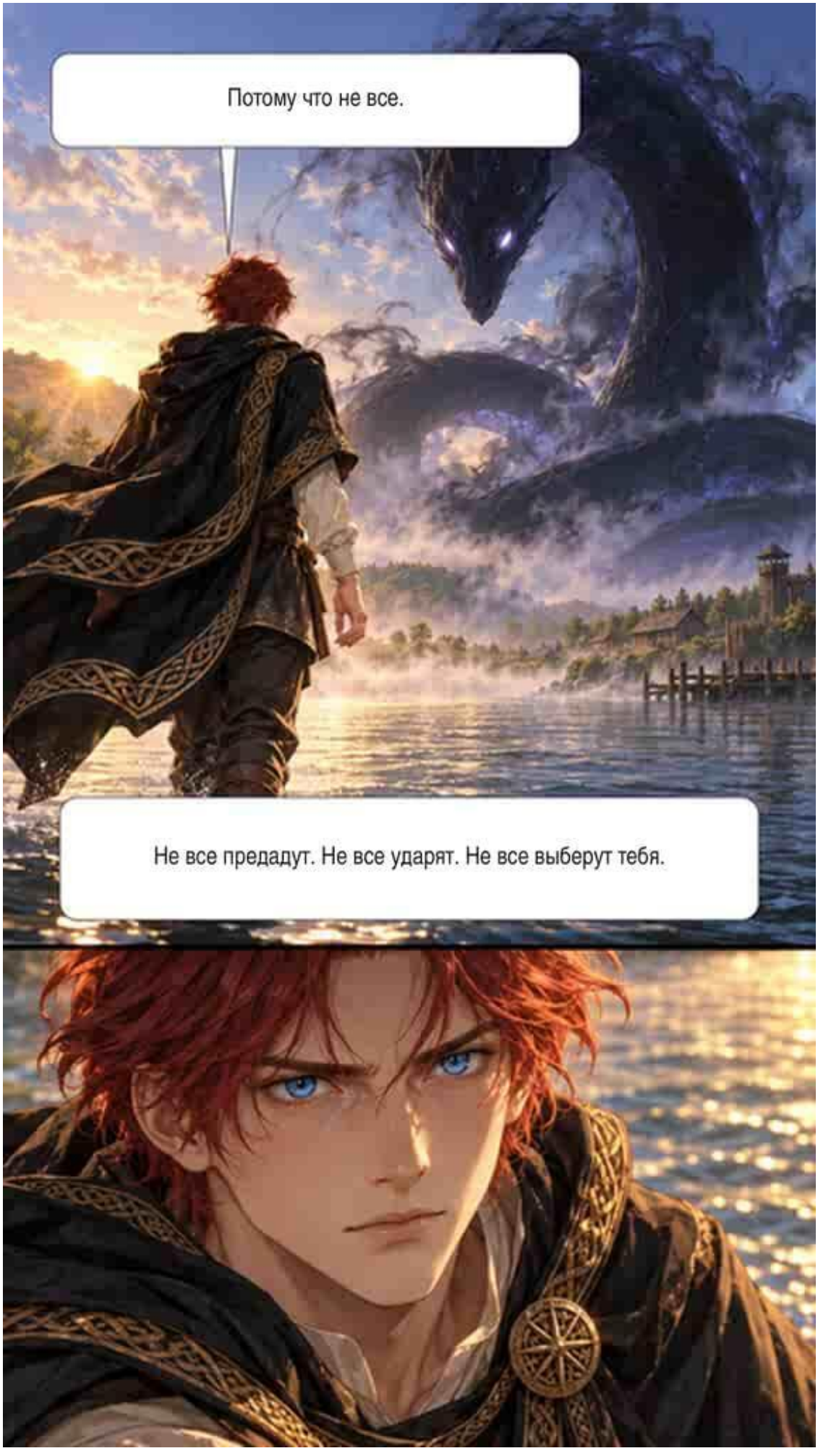

Не смотри долго, сын.

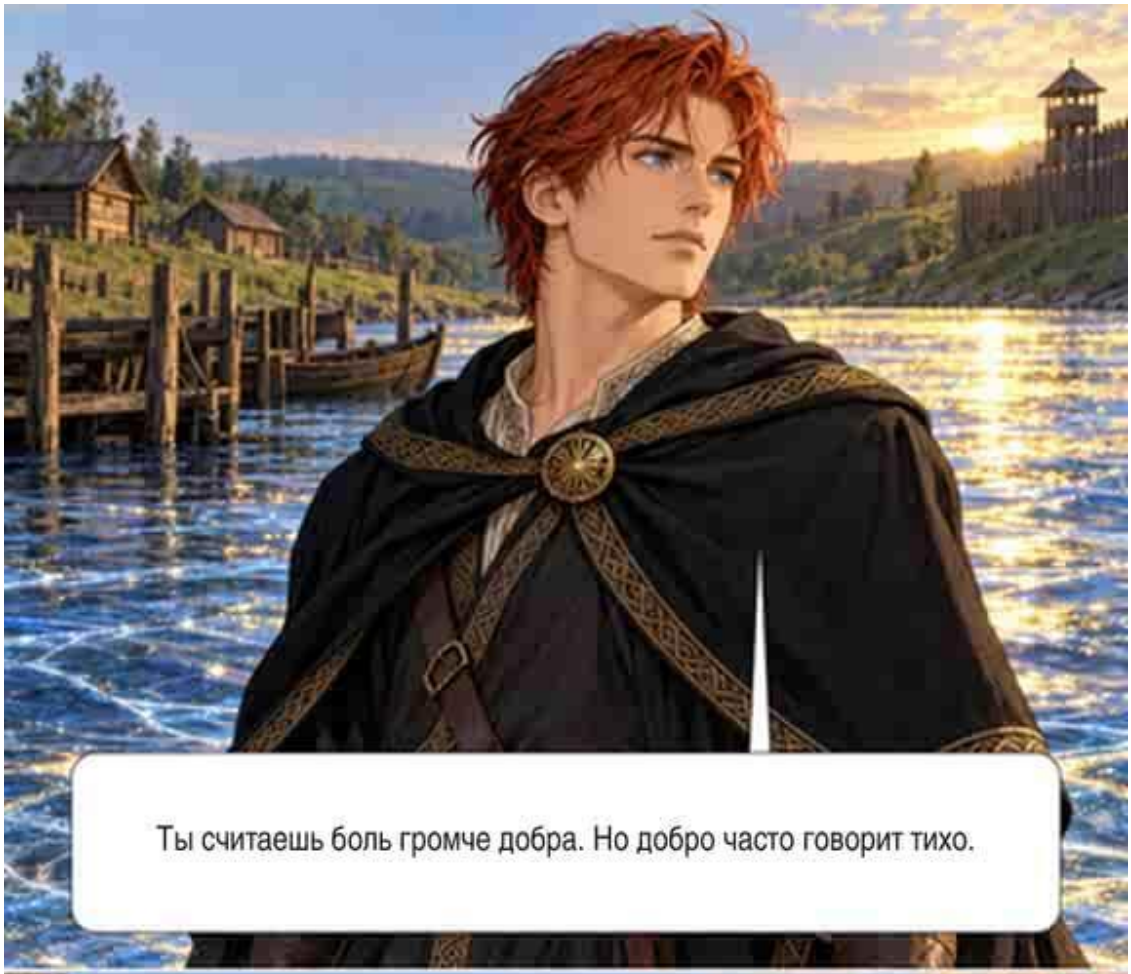

Его слова умеют казаться твоими мыслями.

Он выбирает тьму так давно, что забыл: выбор можно изменить.
Люди снова предадут. Вы не измените мир.

Да. Люди останутся свободны.
Там, где есть выбор, есть я.
Там, где есть выбор, есть и свет.

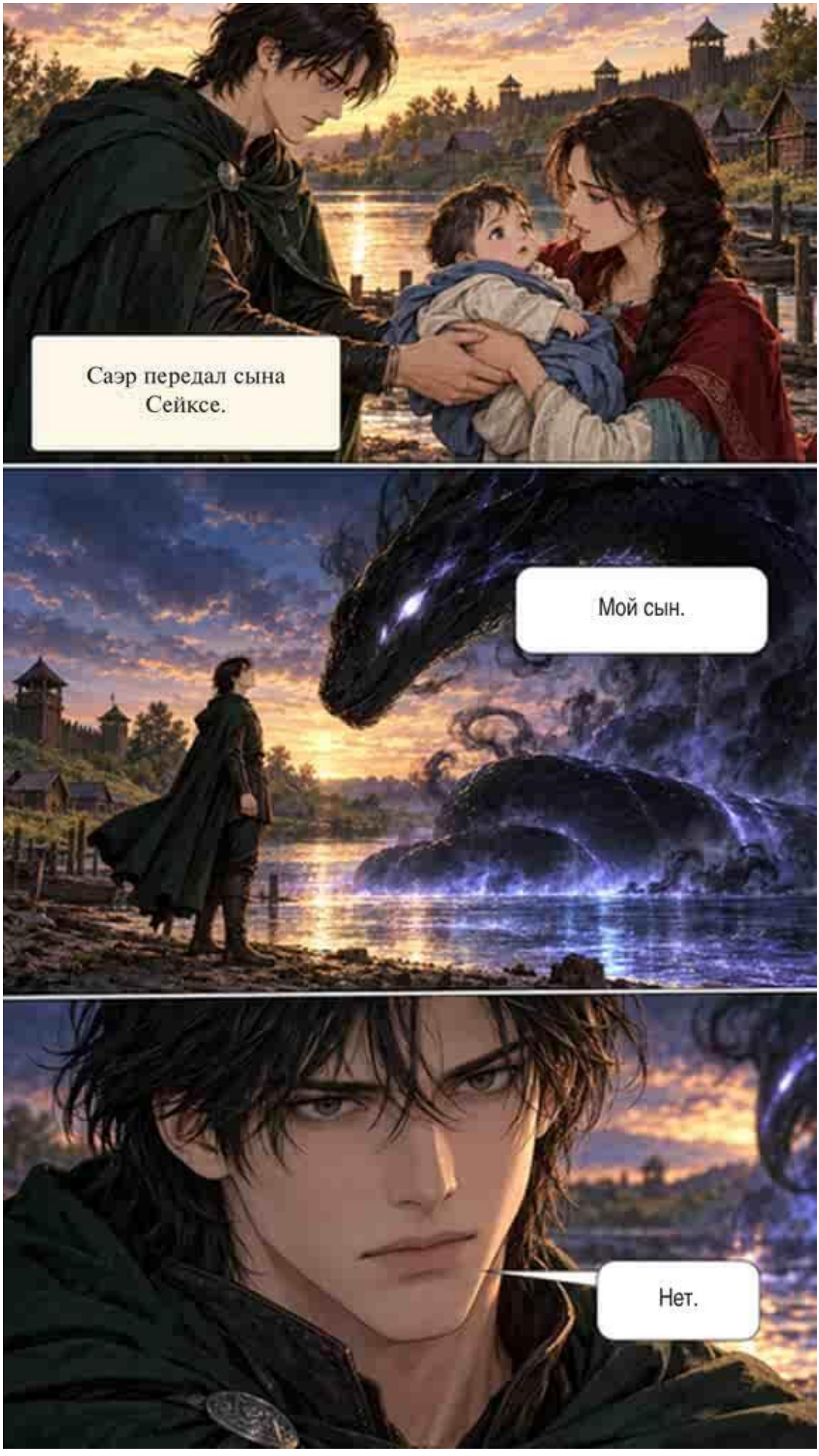

Свет опаздывает.
Уже нет.
Они будут падать. Ненавидеть. Зачем ваши клятвы?

Потому что не все.
Не все предадут. Не все ударят. Не все выберут тебя.

Ты считаешь боль громче добра. Но добро часто говорит тихо.

А теперь тихие научились приходить вовремя.

Я знаю, что страх силён. Но любовь сильнее страха.
Свет не обещает власти. Он обещает смысл.

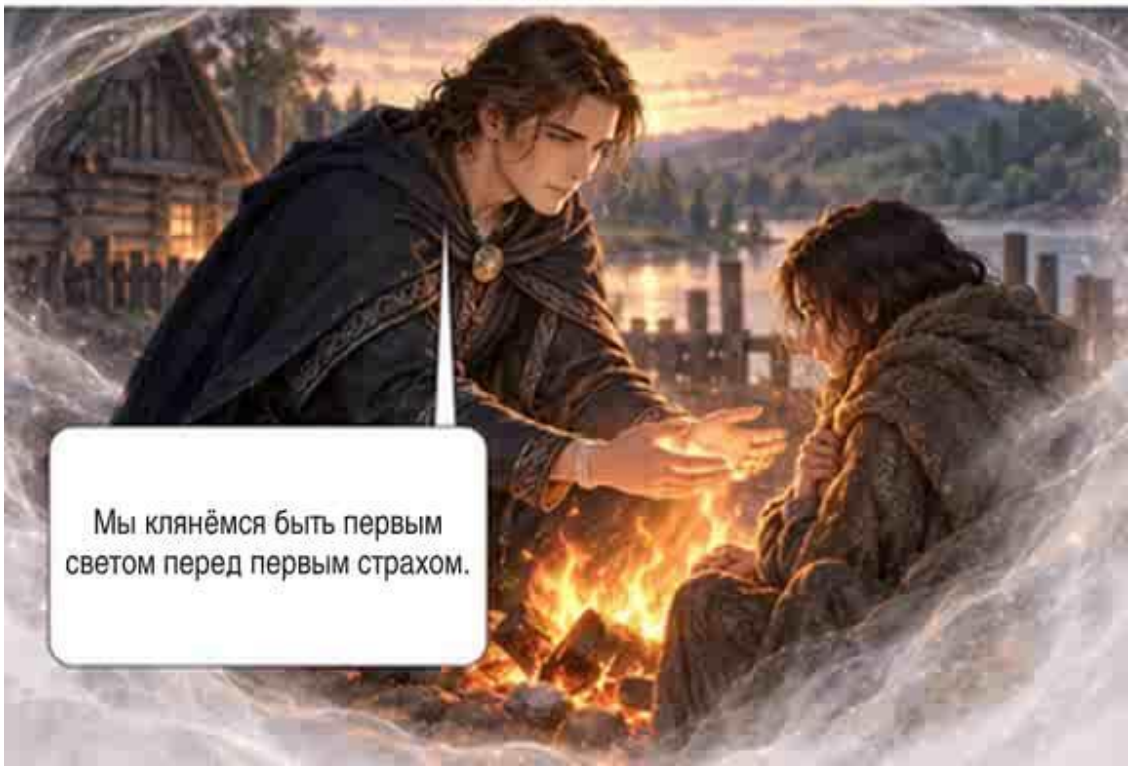

Саэр передал сына Сейксе.
Мой сын.
Нет.

Если тьма осталась во мне, свет будет рядом — хозяином, а не пленником.
Ты не исчезнешь, Змей. Но ты опоздал.

Глава 204. Клятва первого света

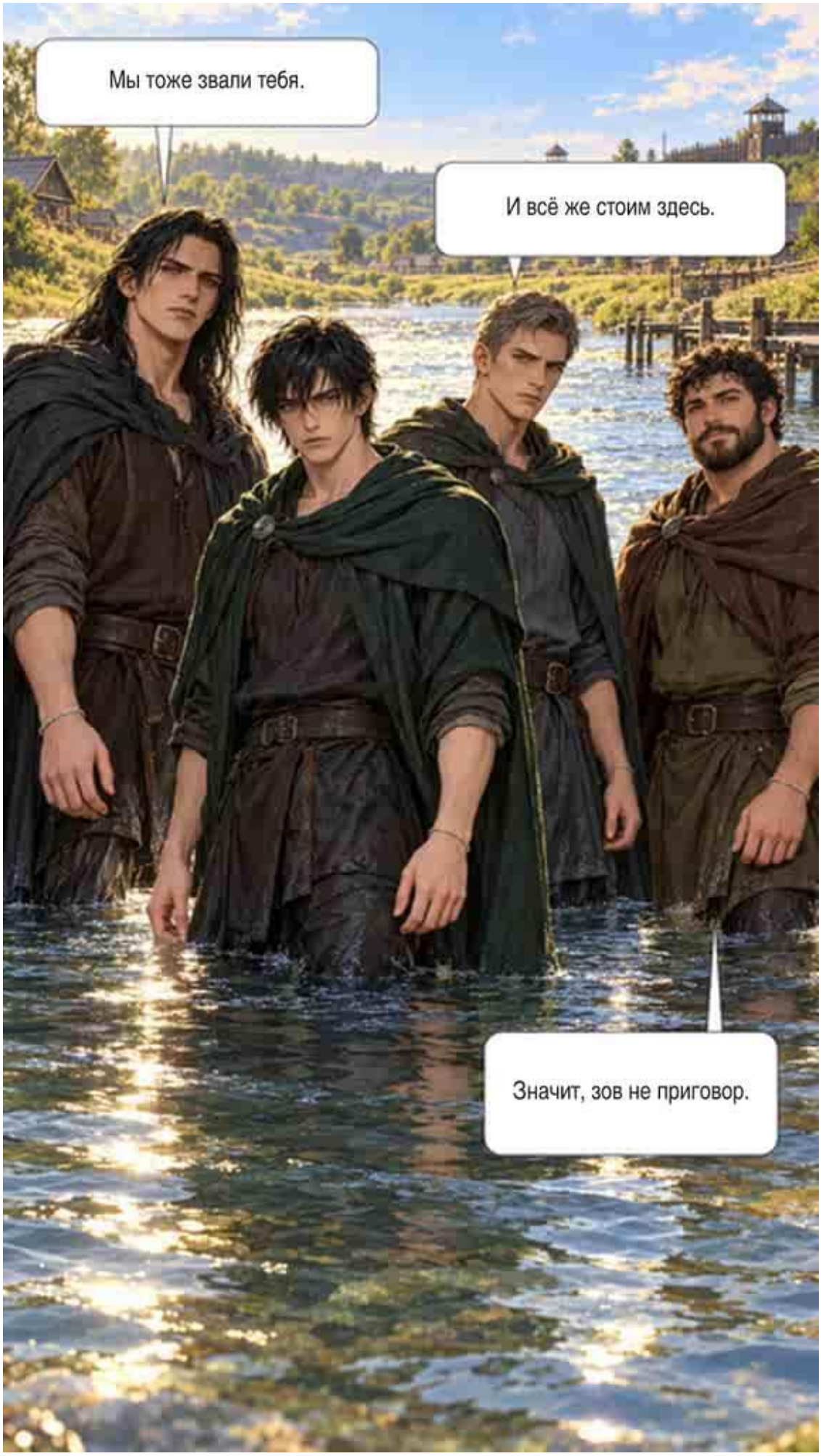

Глава 204. Клятва первого света
Мы не отнимаем у мира выбор.
Мы не стираем тьму из сердца.

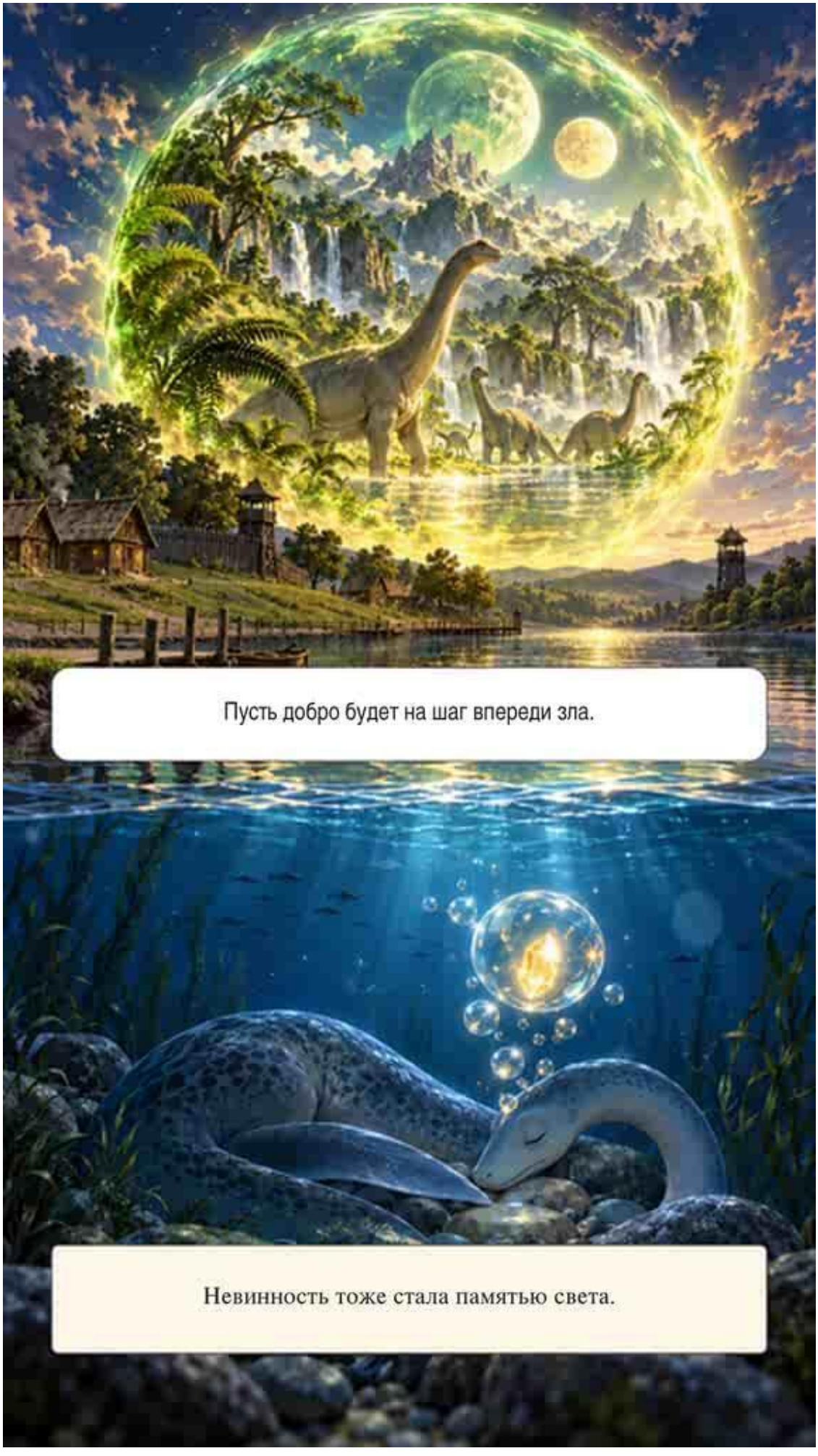

Мы не называем себя владыками судьбы.

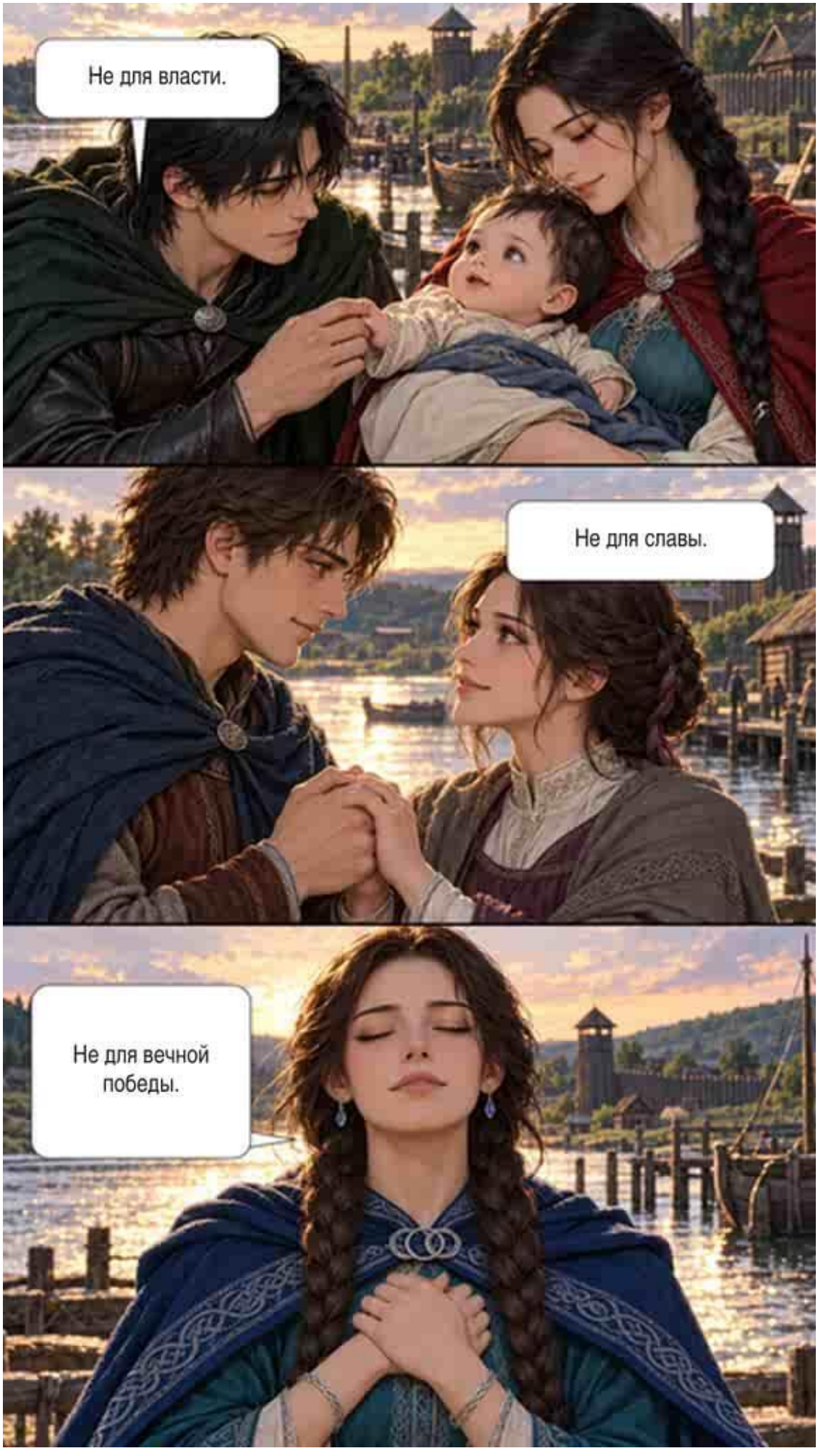

Мы клянёмся быть первым светом перед первым страхом.

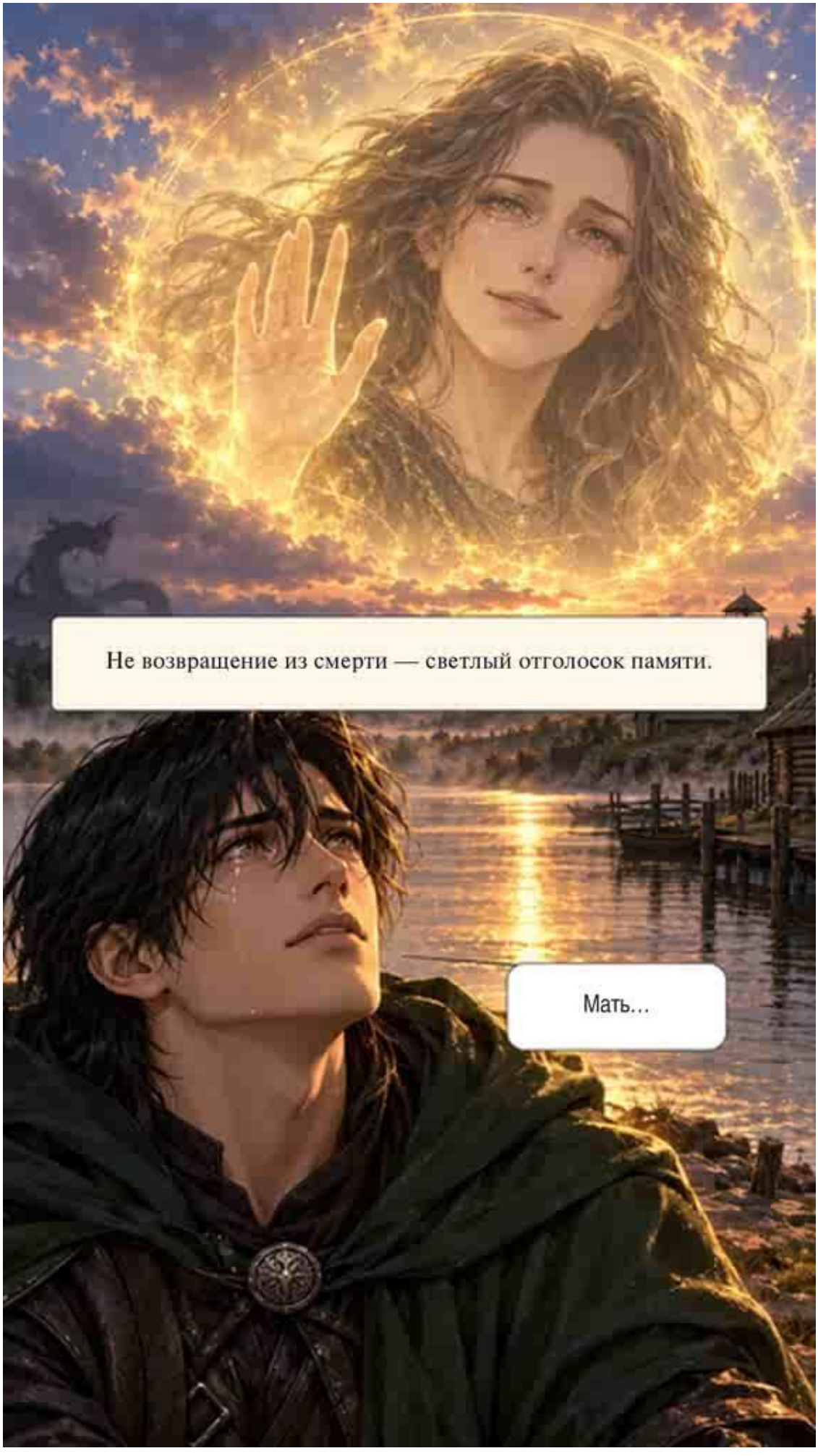

Мы клянёмся быть первой рукой перед первой бездной.
Мы клянёмся быть первым словом перед первой ложью.

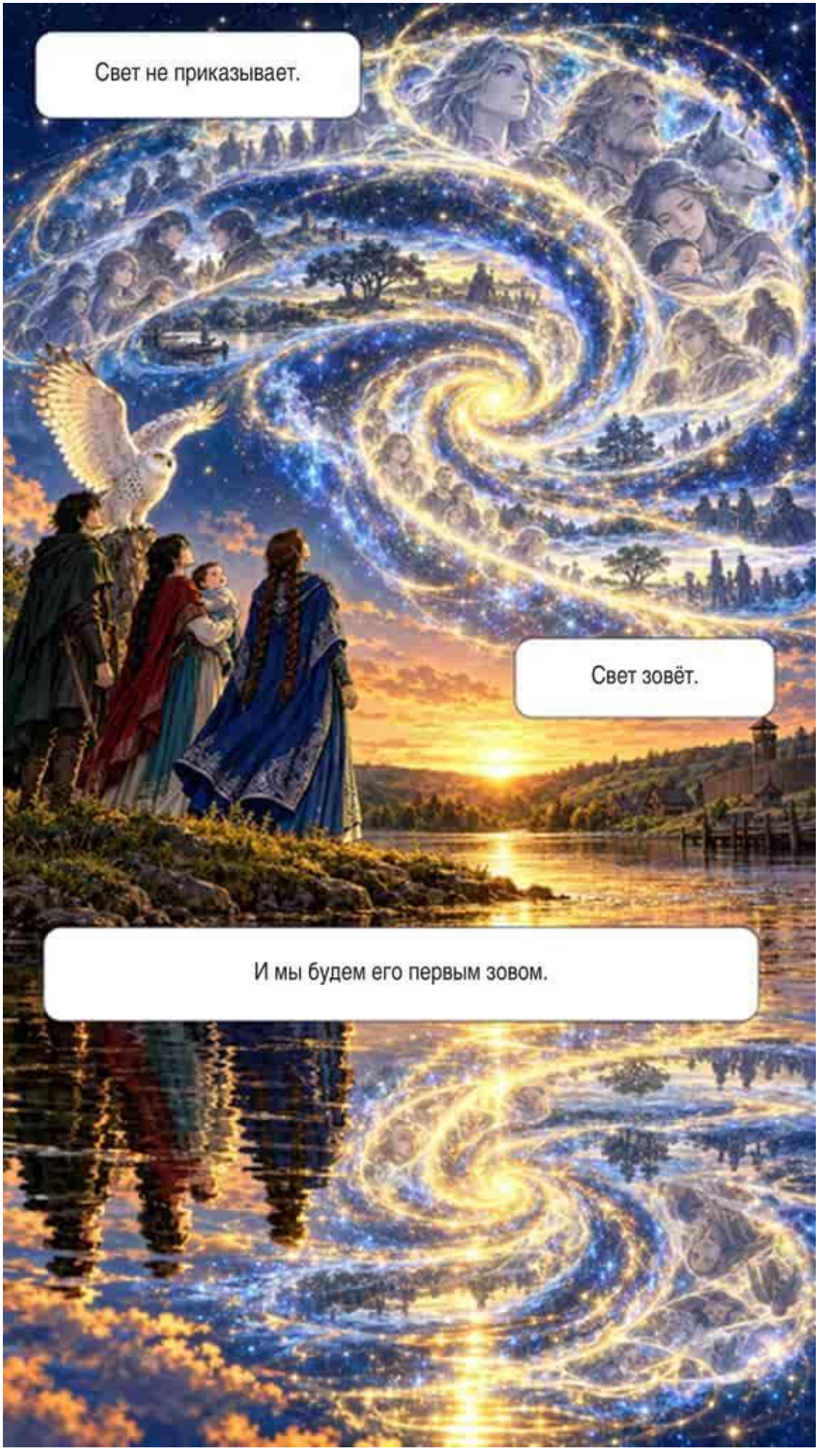

Мы клянёмся быть первой памятью перед первым забвением.
Тише, родной. Мы рядом.

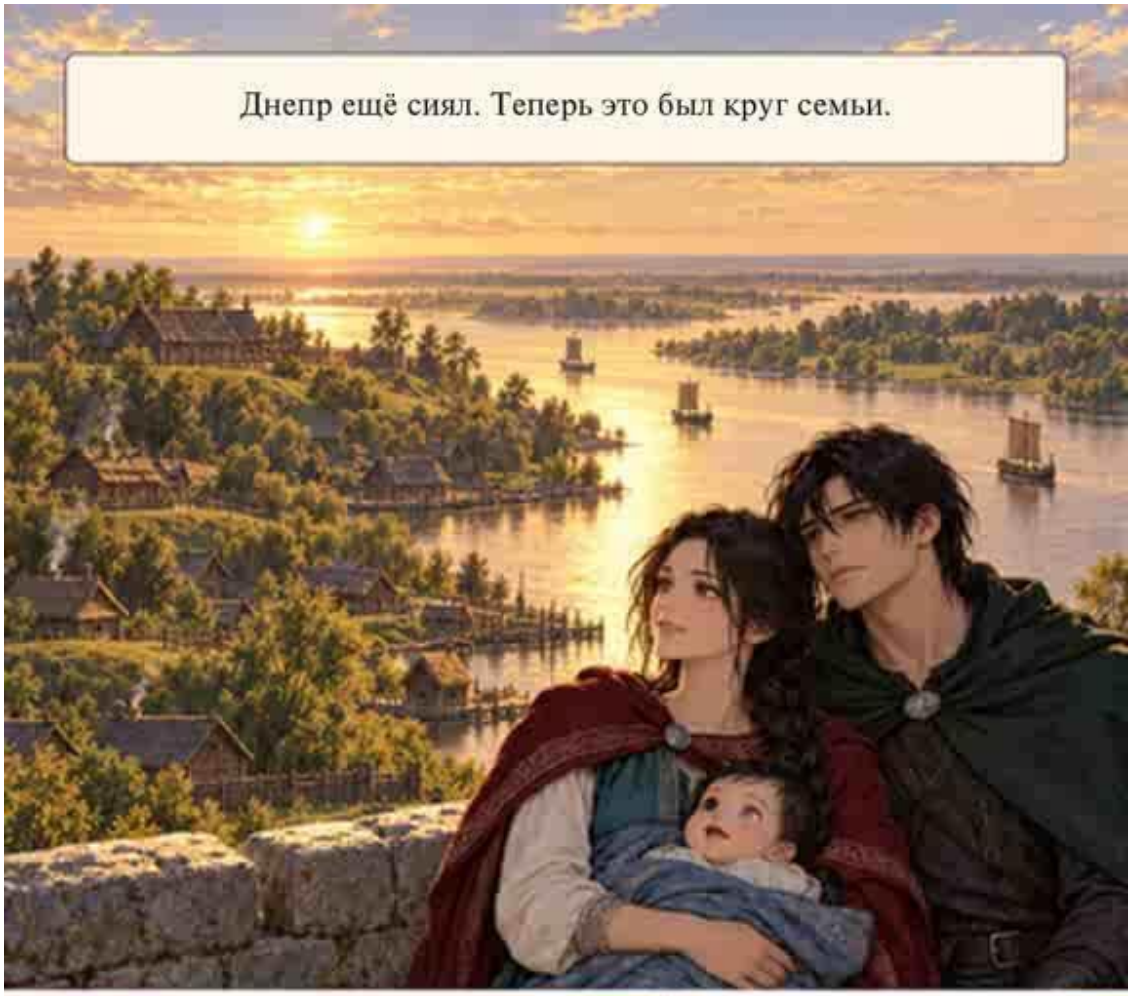

Мы тоже звали тебя.
И всё же стоим здесь.
Значит, зов не приговор.

Пусть добро будет на шаг впереди зла.
Невинность тоже стала памятью света.

Не для власти.
Не для славы.
Не для вечной победы.

Не возвращение из смерти — светлый отголосок памяти.
Мать...

Свет не приказывает.
Свет зовёт.
И мы будем его первым зовом.

Днепр ещё сиял. Теперь это был круг семьи.

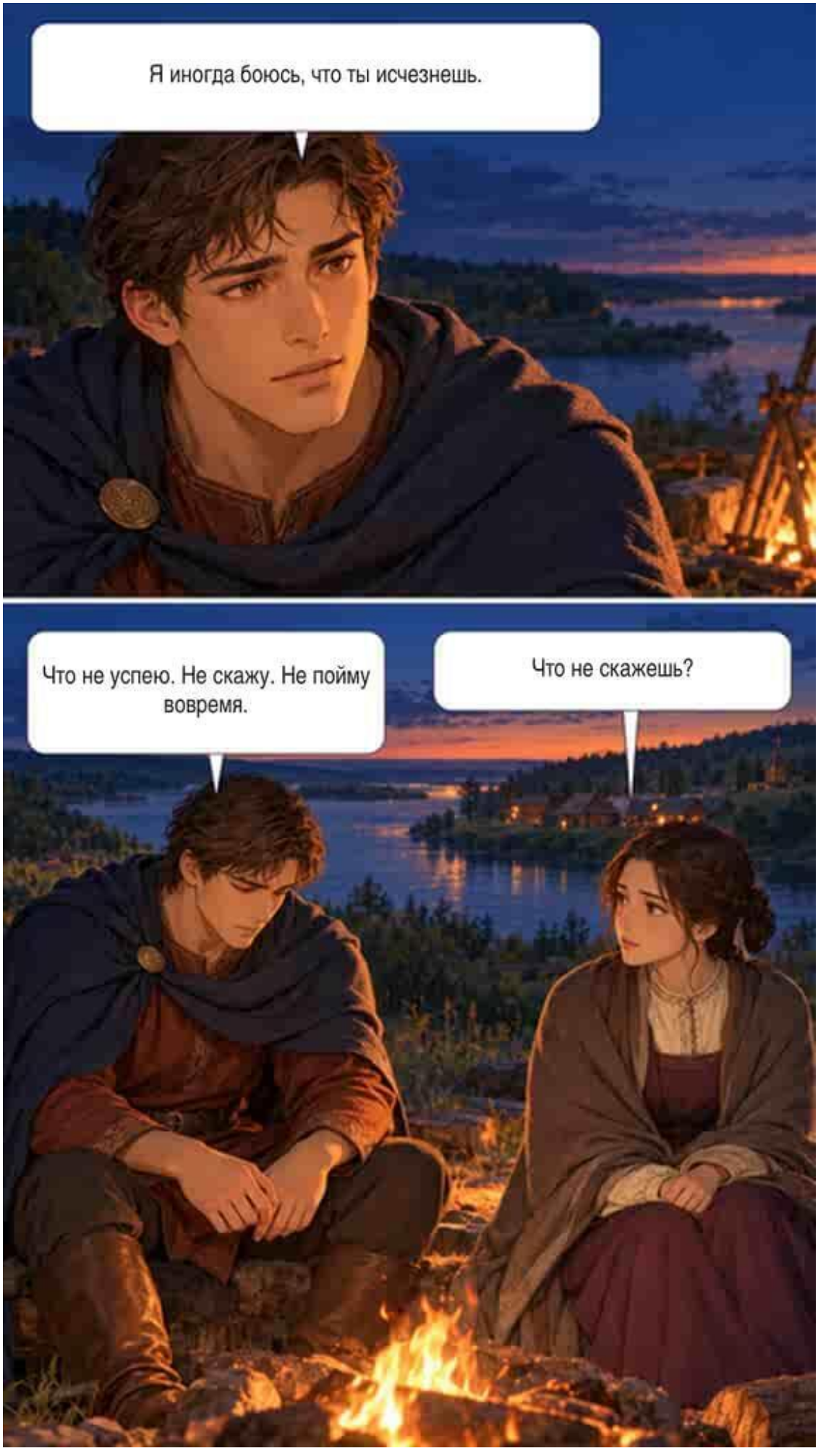

Ты видел Мору?
Да. Она улыбалась.

Папа. Не грусти.
Мама — свет. Папа тоже.
Только тёмный свет.

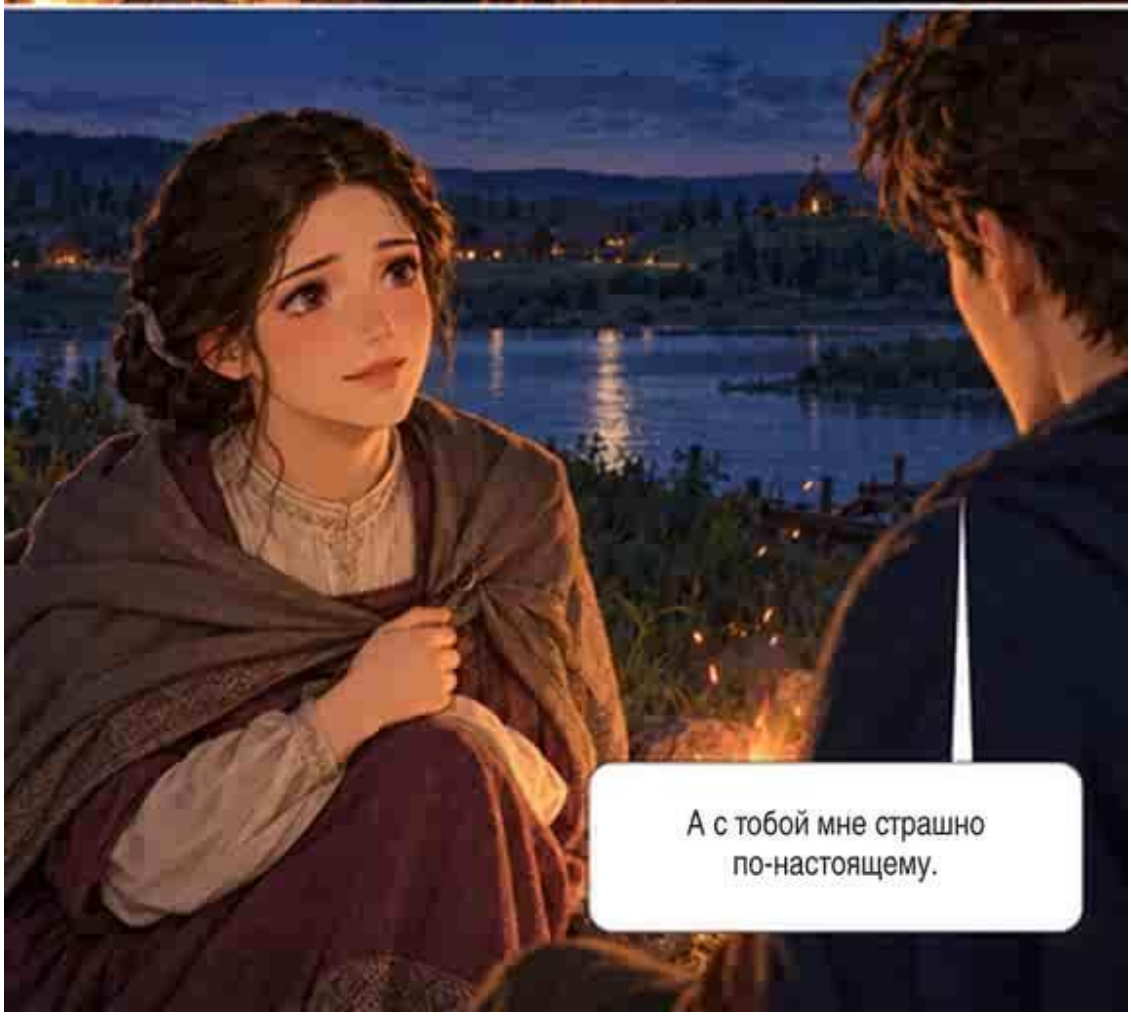

Ребёнок решил спор лучше всех нас.
Свет, который знает ночь и всё равно светит.

Сегодня не столкнёшь меня с утёса?
Здесь есть Днепр.
Счастье тяжёлое. Сердце будто стало больше.
Я уже мокрый. Но счастливый.

К вечеру у реки разожгли костёр.
Замёрзла?
Нет.

Я иногда боюсь, что ты исчезнешь.
Что не успею. Не скажу. Не пойму вовремя.
Что не скажешь?

Когда ты рядом, я становлюсь тише.

А с тобой мне страшно
по-настоящему.

Почему?

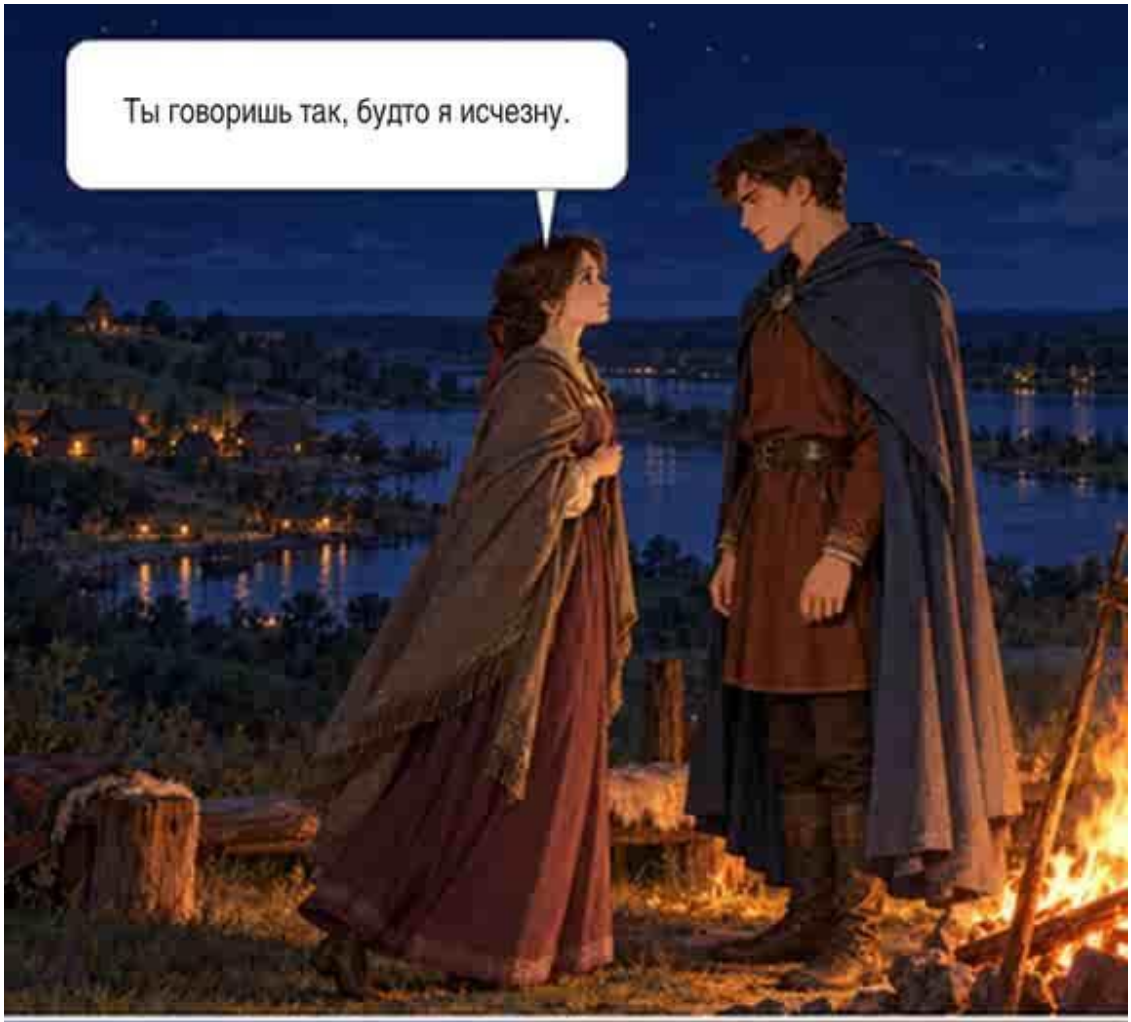

Тебя нельзя завоевать подвигом. Рядом с тобой надо быть настоящим.

Ты дрожишь.

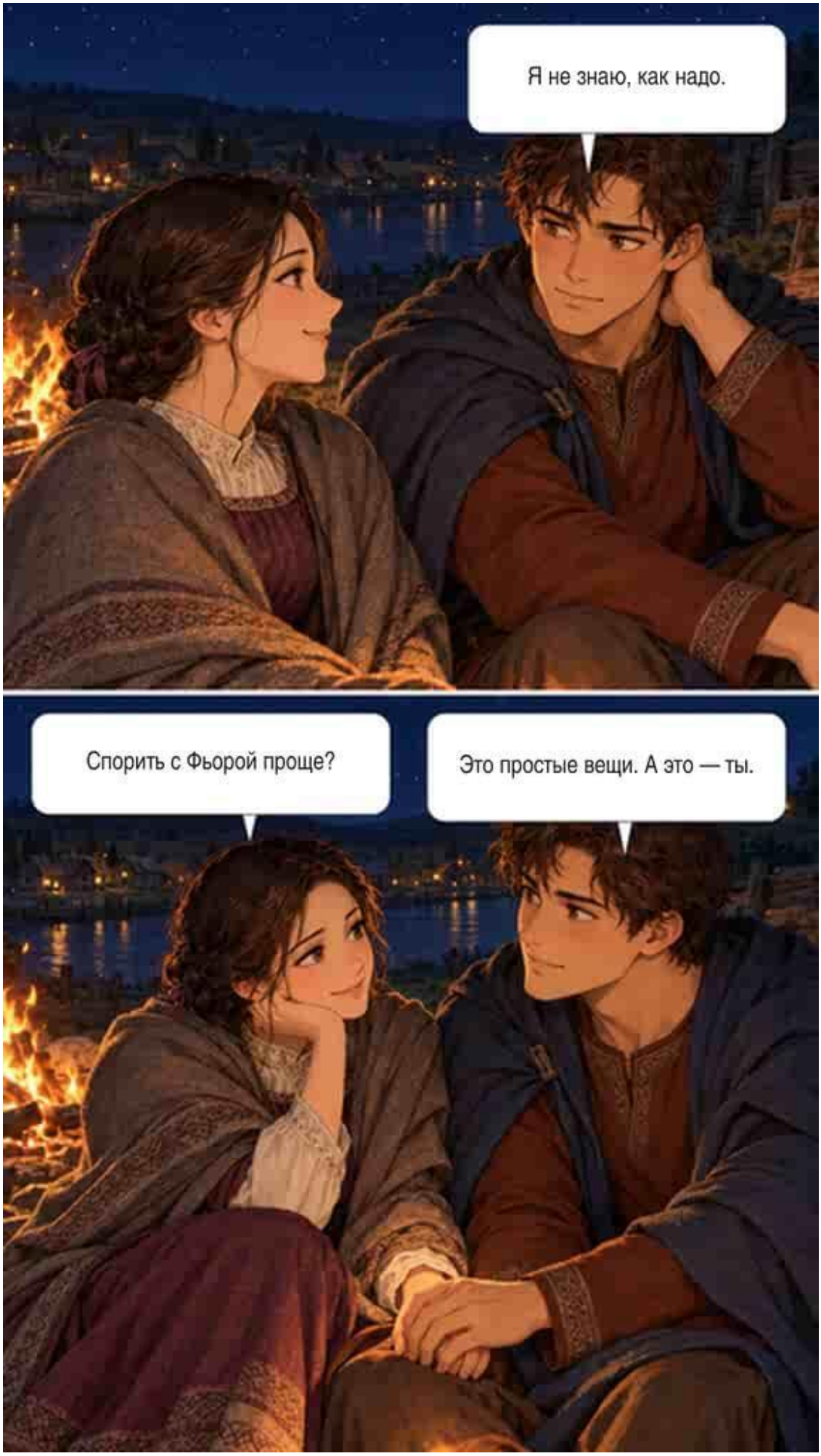

Я сейчас храбрее, чем когда-либо. Но храбрость плохо держит руки.

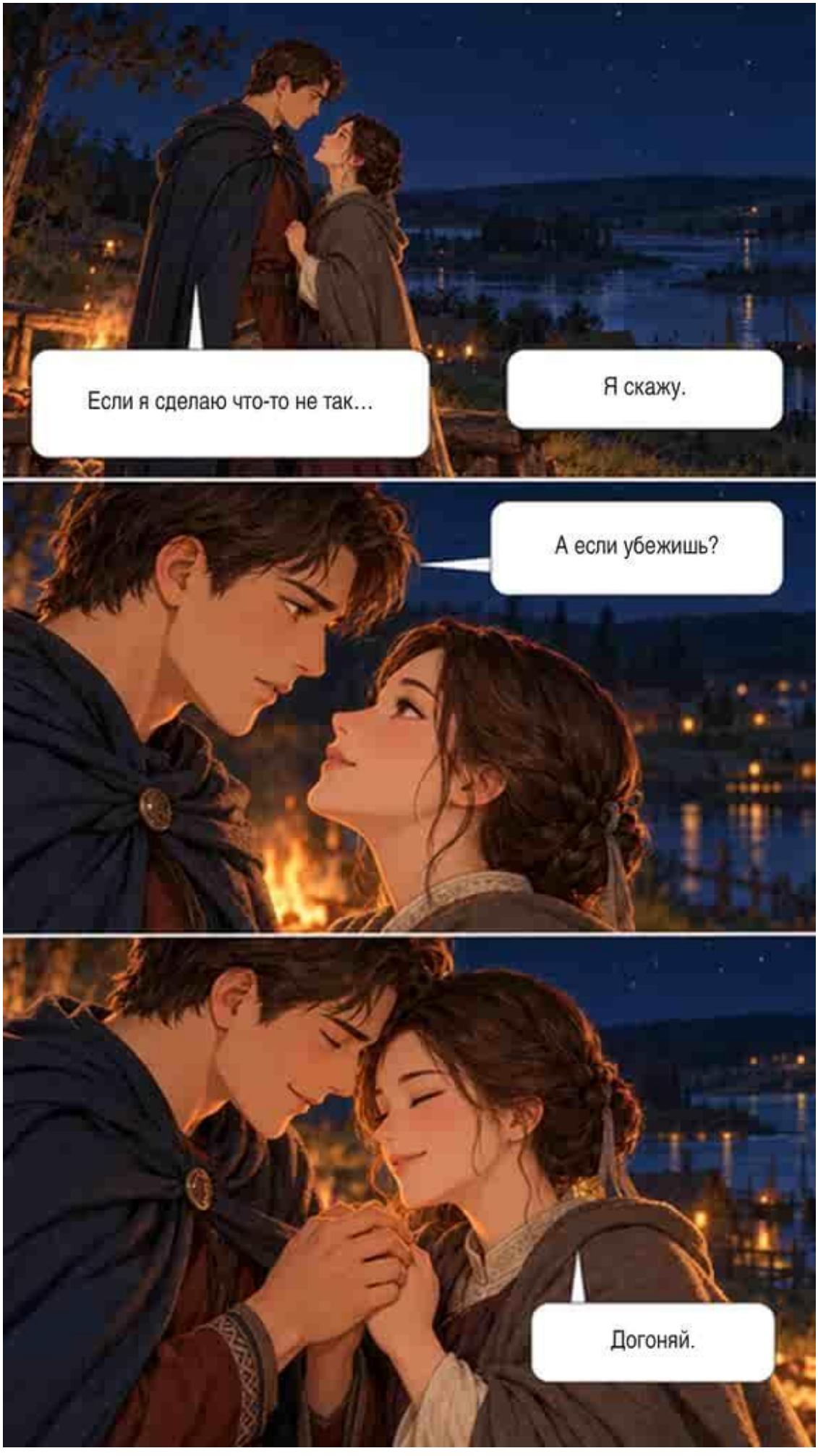

Можно?
Она кивнула.
Он мог взять. Но спросил.

Я давно хотел это сделать.
Поцеловать мне руку?
Нет.

Ты говоришь так, будто я исчезну.

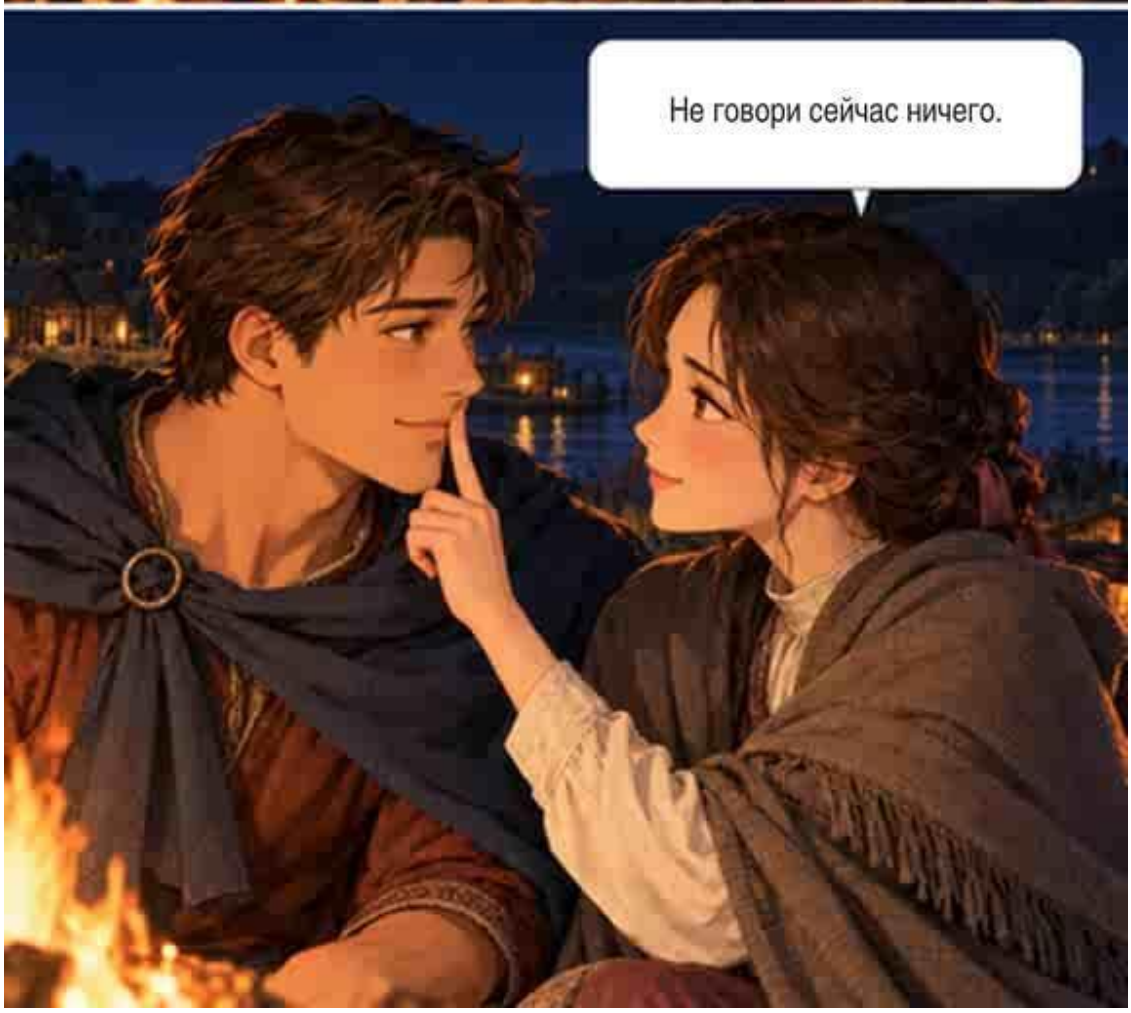

Нет.
А ты?

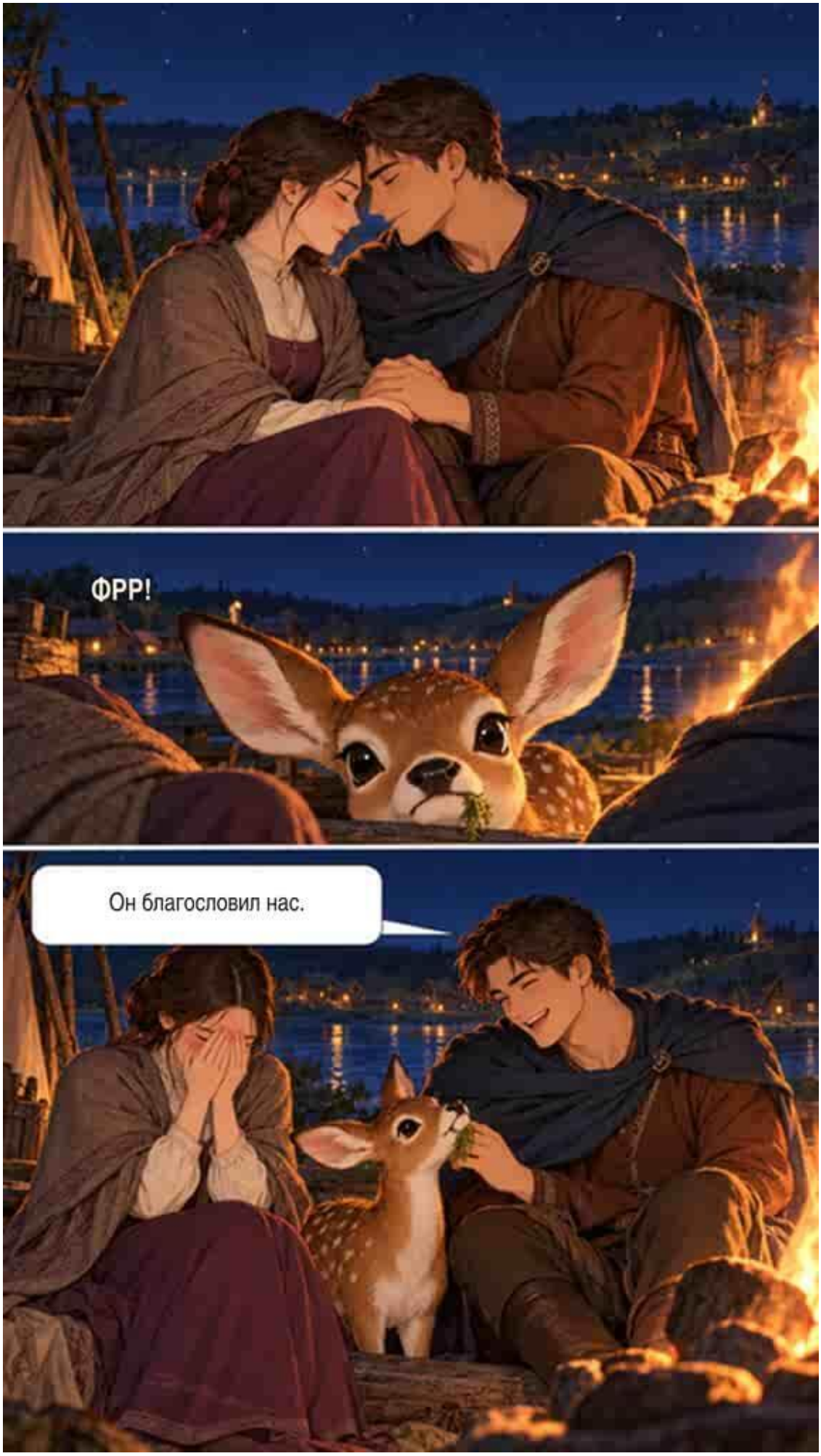

Я не знаю, как надо.
Спорить с Фьорой проще?
Это простые вещи. А это — ты.

Если я сделаю что-то не так…
Я скажу.
А если убежишь?
Догоняй.

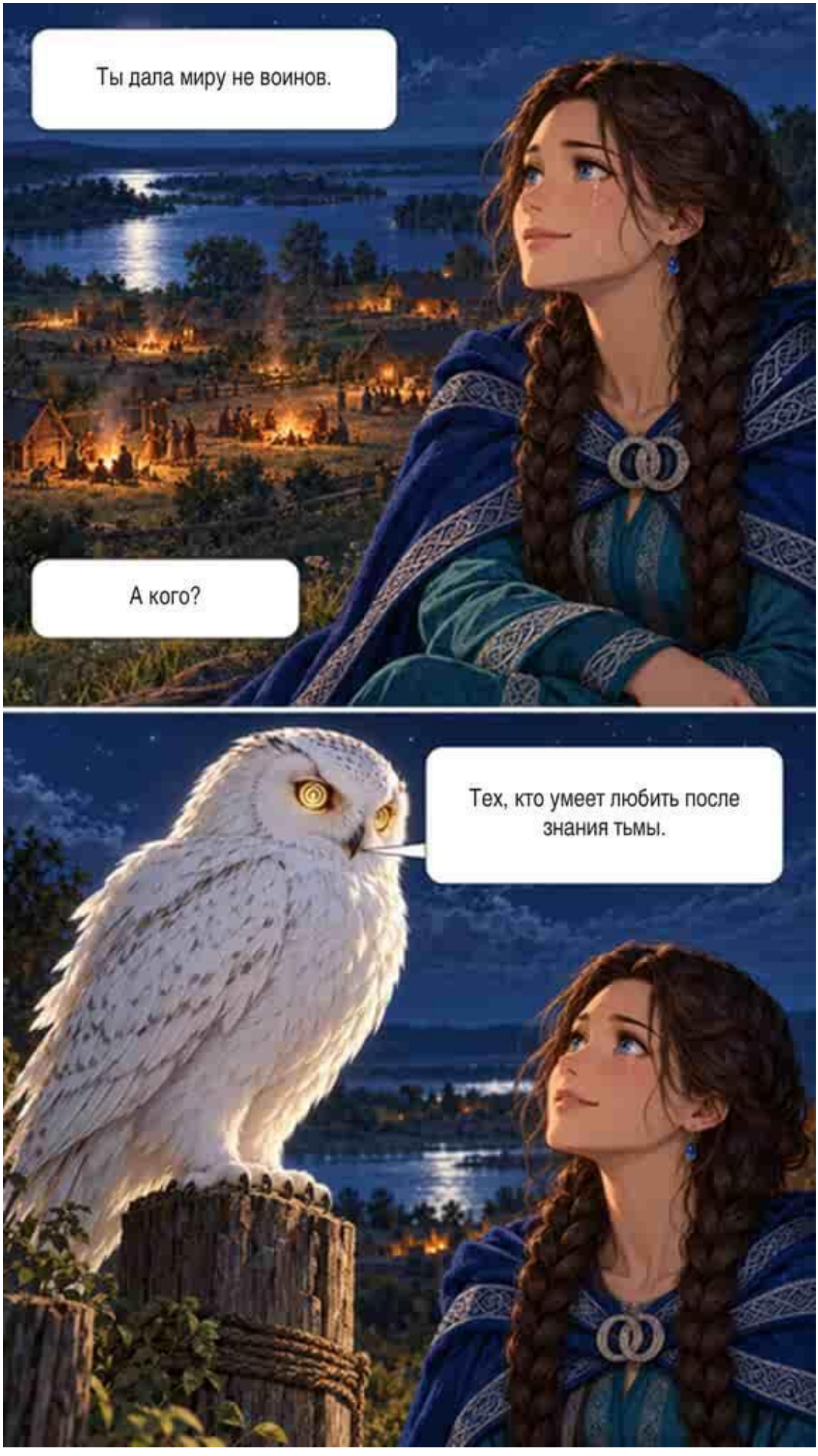

В этом поцелуе было признание: «Я боюсь потерять тебя». И ответ: «Я здесь».

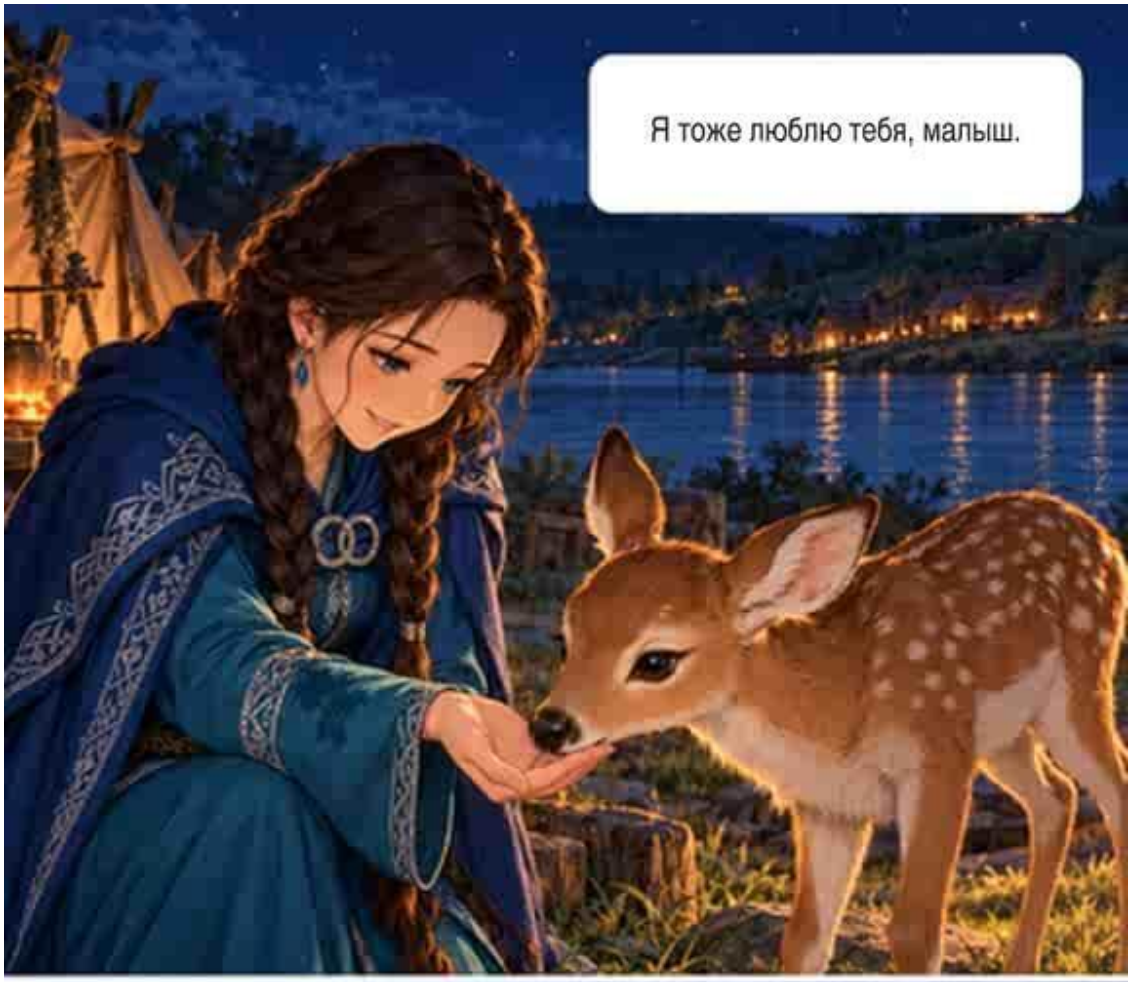

Софья...

Не говори сейчас ничего.

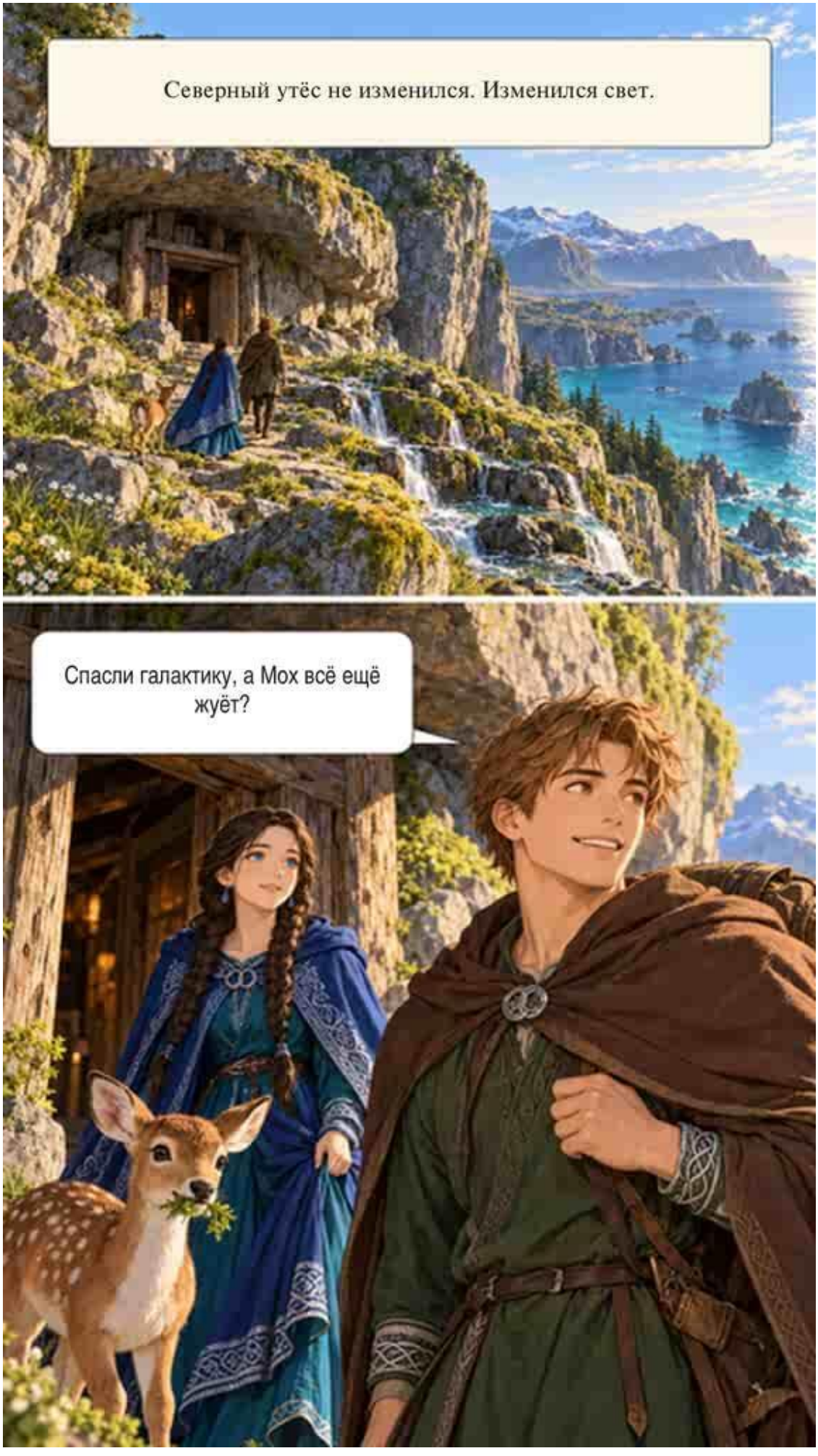

ФРР!
Он благословил нас.

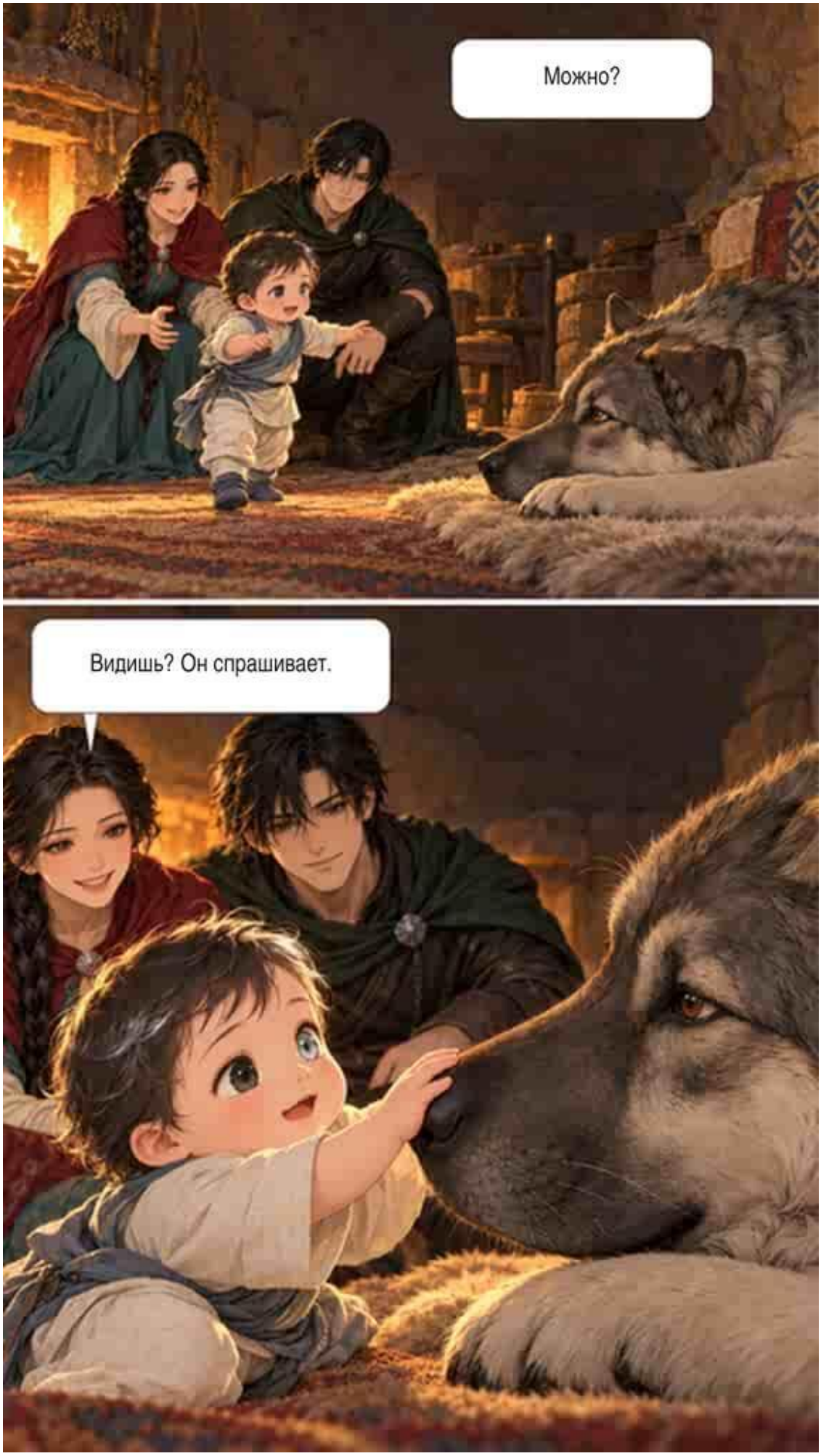

Если снова придётся идти в темноту, он понесёт с собой её смех.

Ты дала миру не воинов.
А кого?
Тех, кто умеет любить после знания тьмы.

Я тоже люблю тебя, малыш.

Любовь была мокрой, усталой, смешной —
и живой.

Северный утёс не изменился. Изменился свет.
Спасли галактику, а Мох всё ещё жуёт?

Можно?
Видишь? Он спрашивает.

Значит, это конец?
Конец становления. Не конец служения.

Вы нужны — как первая семья света.

Я больше не слышу столько криков.

Тишина после бури сначала кажется подозрительной.

Буря всё равно когда-нибудь вернётся.
Дай людям пять минут счастья, Фимм.
Молчу.

А теперь хочется хлеба.
После конца света нужен хлеб.
Значит, будет хлеб.

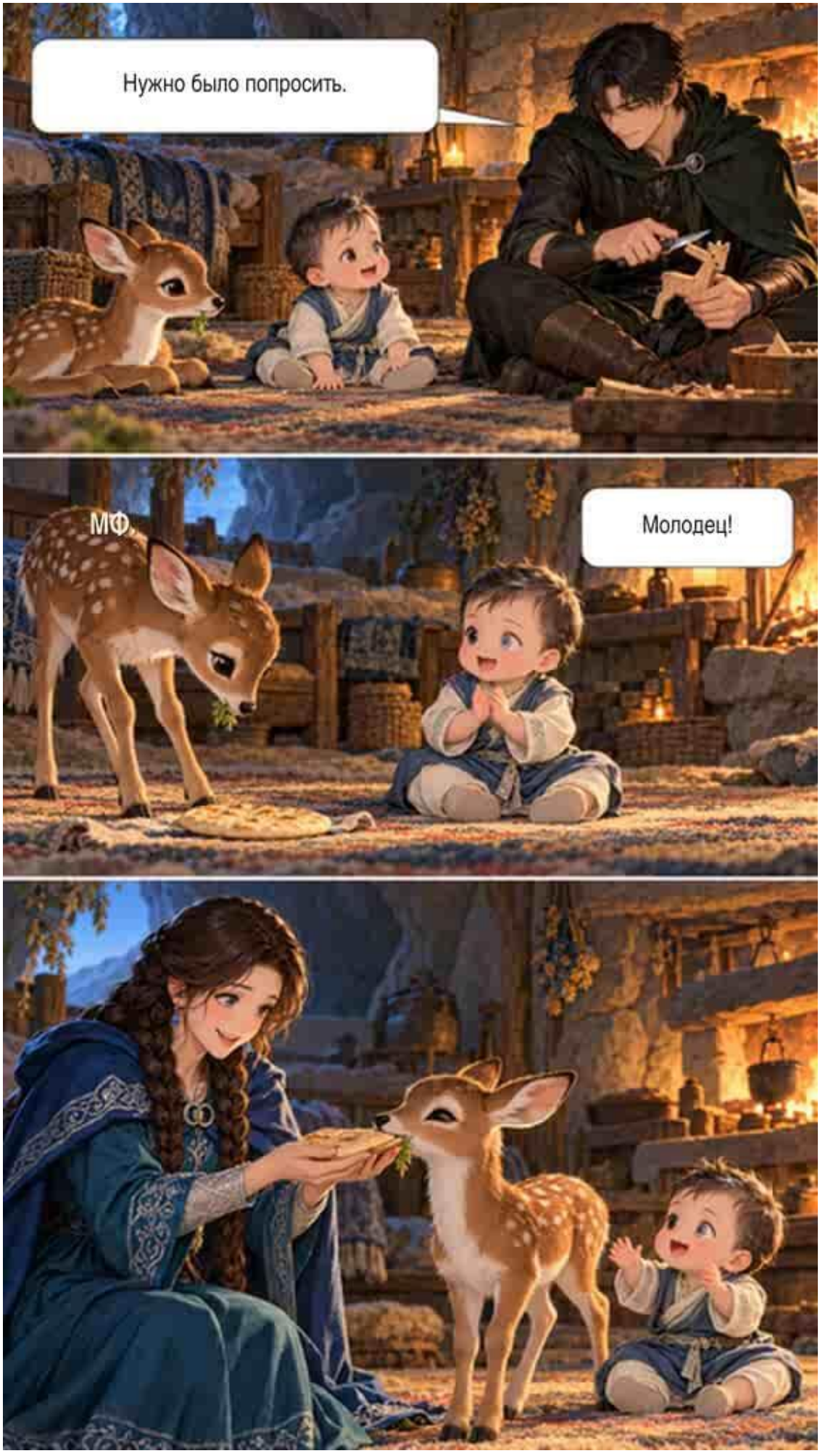

Братство родилось, чтобы кто-то в темноте увидел огонь в окне и понял: его ждут.

Только утро. И сердце, которое больше не ждало беды.

Мох. Я тебя вижу.

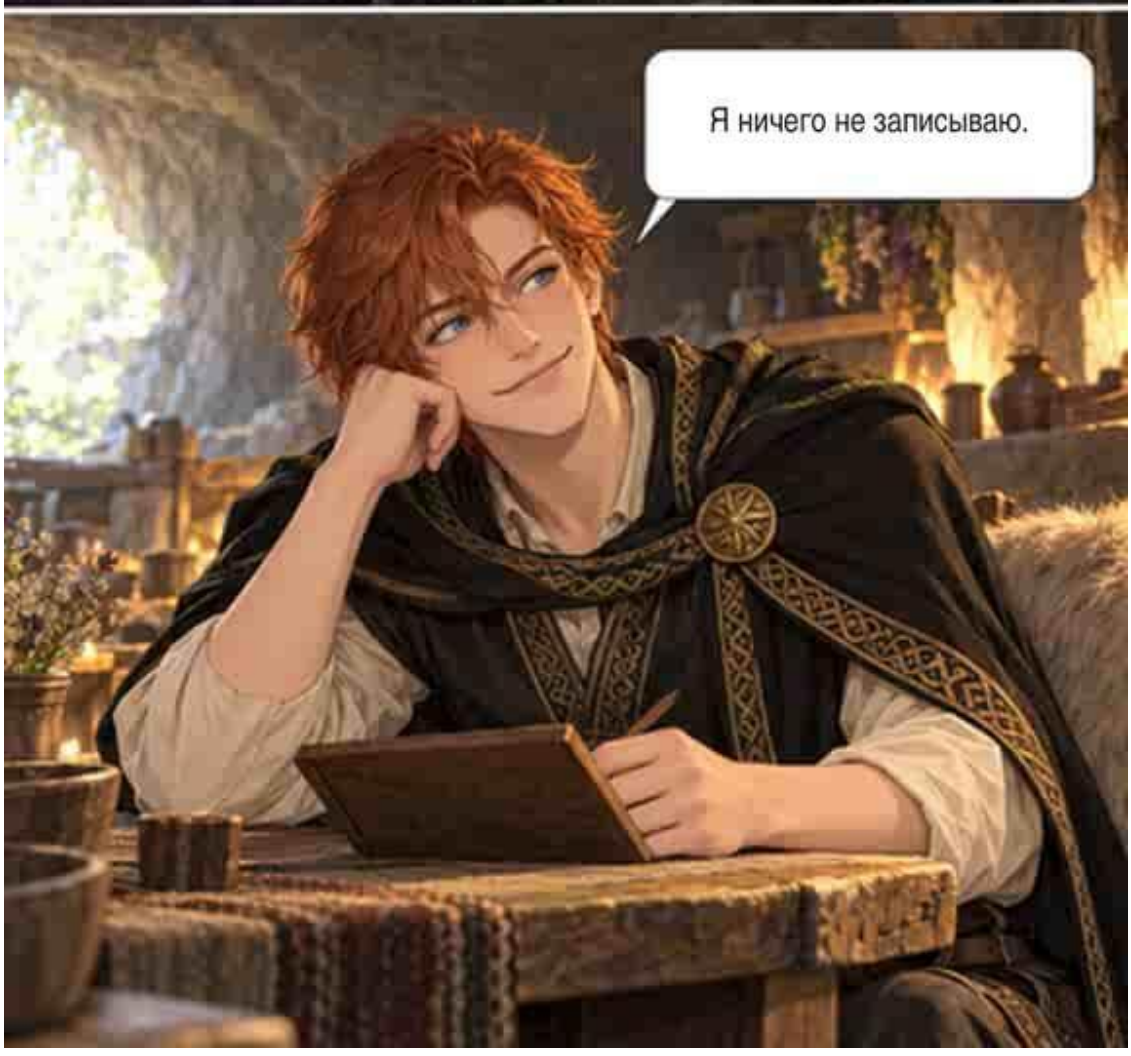

Мо взял!

Нужно было попросить.
МФ
Молодец!

Хочешь вернуться в прежнюю жизнь?
Нет. Я помню, что выбрала.
Бездну, утёсы, невозможных людей и тебя.

Красиво!
Это правда?
Очень.

Сын Тьмы побеждён травами!
Не смей!

Я ничего не записываю.

После всех эпох и звёздных парадов запах хлеба стал доказательством победы.

Логос позвал их посмотреть на закат.
Он дал им увидеть море. Дом. Лица друг друга.

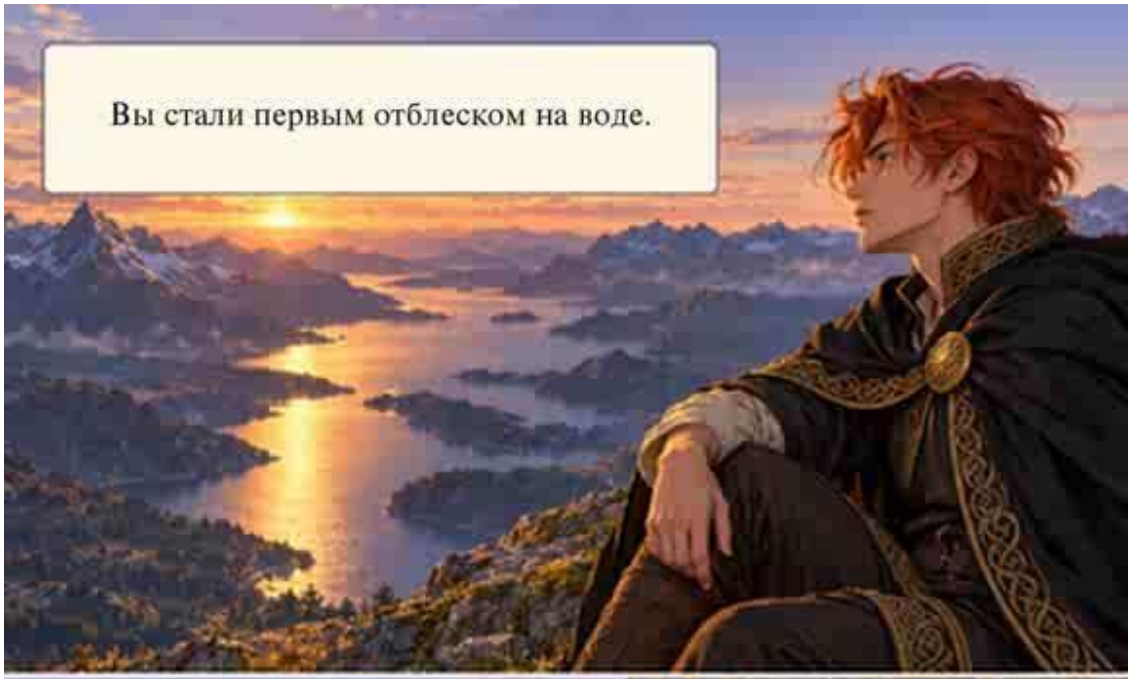

Змей не умер. Зло осталось возможностью.
Он придёт? А вы?
Мы всегда будем с тобой.

А если человек всё равно выберет плохо?

Свет вернётся к следующей развилке. Снова и снова.

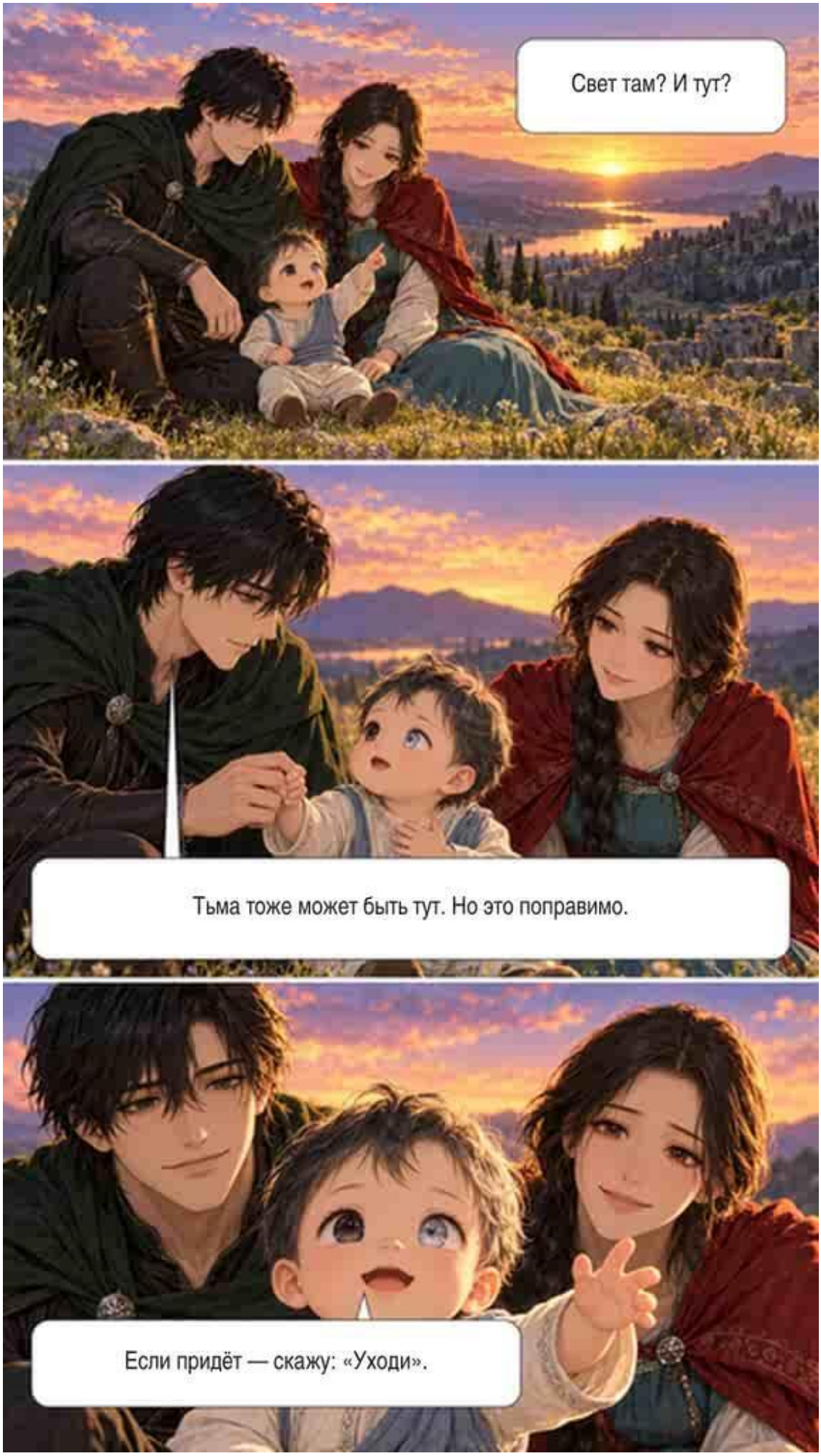

Путь. Значит, опять идти?
После ужина.

Братство стало первым зовом света в мире.

Вы стали первым отблеском на воде.

Логос останется там, где его услышат.

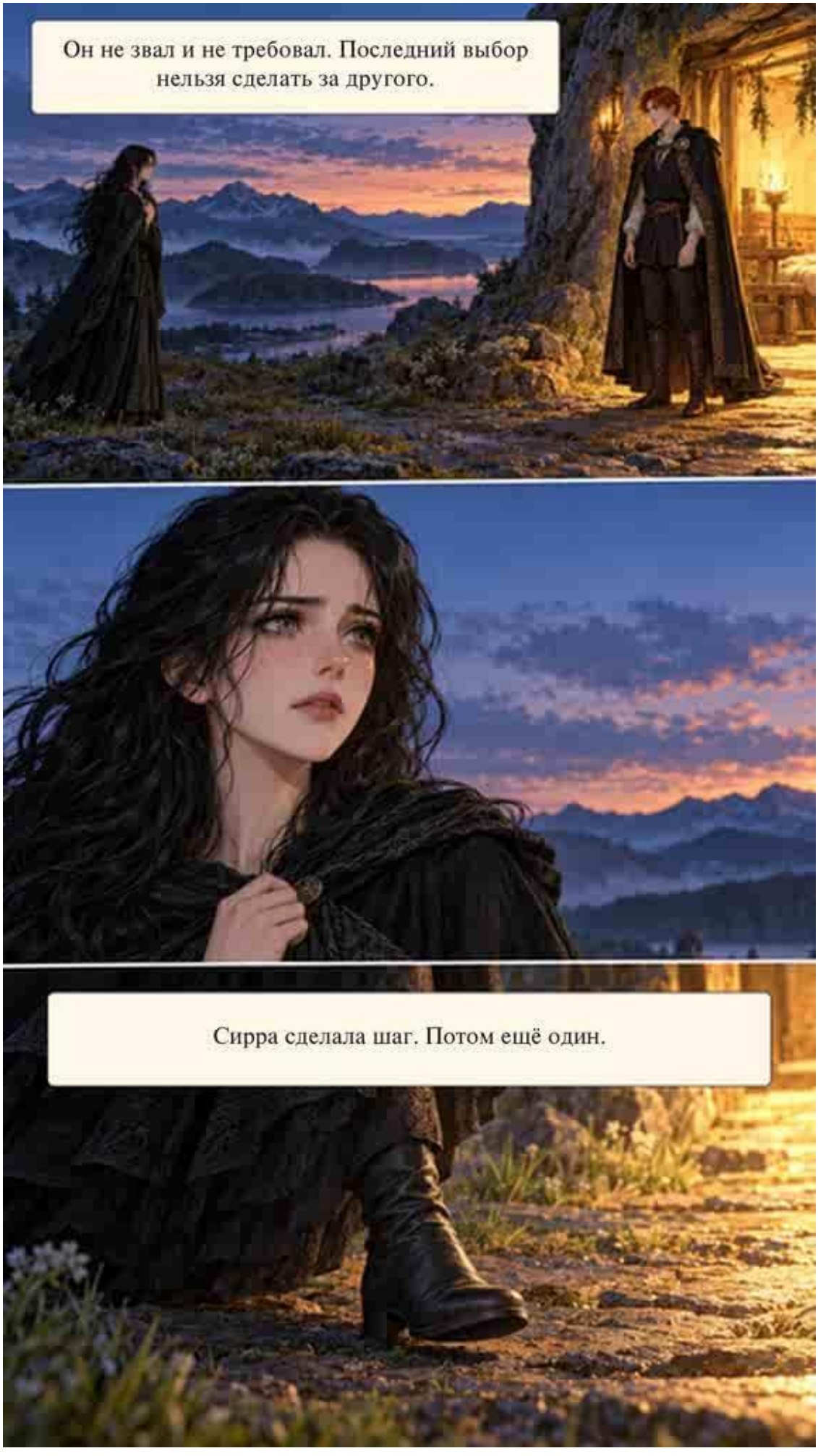

В Мохе — в самых крайних случаях.

Свет там? И тут?
Тьма тоже может быть тут. Но это поправимо.
Если придёт — скажу: «Уходи».

Мир не перестал ошибаться. Но перед шёпотом тьмы теперь звучал зов света.

Пойдёмте в дом. Я заварю травы, а вы расскажете мне свои мысли и тревоги.

В сумерках стояла Сирра. И больше не стыдилась слёз.
Фимм почувствовал её — и обернулся.

Он не звал и не требовал. Последний выбор нельзя сделать за другого.
Сирра сделала шаг. Потом ещё один.

Сирра, заходи. Здесь твоя семья.
Тебя любят и ждут.

Последний шаг должен был быть её.

Она подошла сама.

И сама вложила ладонь в его руку.

Для неё уже поставили ещё одну чашку.

На пороге она замерла лишь на мгновение. А потом вошла.

Так завершилась история происхождения Тайного Братства.
Зло не исчезло. Но добро научилось приходить первым.

Часть IX. Начало в текстовой версии

Старый лес горел без крика. Пламя шло между древними елями так быстро, будто кто-то вёл его за руку. Лес тяжело вздохнул.

Эллефу проснулся первым. Кристалл бился красным, тревожным светом. Рядом появилась кровь, связанная с прошлым бывших братьев Тьмы. Новая жизнь, о которой они не знали.

— Тольва…

— Лес зовёт.

— Нет. Лес умирает.

С близнецами пошли четверо бывших братьев Тьмы: Саэр, Лорн, Нерис и Бреон. Они не спрашивали, почему зовут именно их. Рядом была кровь их прошлого.

Звери метались между деревьями. Огонь окружал лес кольцом. В самом центре пожара стояла девушка.

От её красоты становилось холодно. Украденного ребёнка вырастили оружием и убедили: жестокость — единственная свобода.

Семь спиц. Каменный круг, веками удерживаемый живыми корнями. Теперь корни горели. Смех Сирры был страшнее пламени.

— Сирра…

— Ты знаешь её?

— Нет. Но кровь знает.

— Братья.

— У нас не было сестры.

— Вам не сказали.

— Мора родила меня тайно и бросила, как ненужную вещь. Так мне сказал Змей. Он забрал меня до рассвета. Сыновей, говорил он, можно бросить в мир — пусть учатся ненавидеть. А дочь нужно растить в логове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.